

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

СИБИРЬ

№ 354 / 2 2·2014

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
и Администрации города Иркутска
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Проза

- Иван Козлов. Долгое эхо военного детства. Документальная повесть 3
Марат Шаймарданов. Лесные миниатюры 54
Максим Орлов. Сейф. Рассказ 86
Алексей Щербаков. Вещий сон. Документальная повесть 98
Василий Забелло. Из далёкого детства... Рассказы 133
Валентина Шабалина. Испупление. Рассказы 141
Георгий Котляров. Таёжные дни. Рассказы 158

Поэзия

- Андрей Шацков. Крещенский звон. 46
Михаил Базилевский. Проносится трепет. И тянется дым.... . 81
Людмила Соболевская. Благодарю судьбу. 93
Владимир Максимов. Сжигаю календарные листы. 129
Сергей Берестень. В сочном свечении спелой луны.... . 137
Роман Иванович. Так любят себя, так себя ненавидят.... . 150
«Украина в огне». А. Горбунов, Т. Суровцева, В. Скиф, В. Забелло, Ю. Баранов, А. Шацков,
С. Третьякова, В. Скурихин, А. Змиевский, М. Кривошеин. 170

Литературные этюды

- Гарий Немченко. Автомат. Отрывки 180

Час поэзии

- Андрей Таничев, Елена Кириллова, Роман Игнатов, Юнона Лузгина, Виктор Ершов,
Сергей Погодаев, Василий Балтахинов, Владимир Седых. 185

К 90-летию Виктора Астафьева

- Владимир Скиф. Живая живопись астафьевского слова. 193

К 85-летию Георгия Траубина

- Светлана Асламова. В облаках и на земле. 198

К 80-летию Анатолия Преловского

- Александр Трапезников. Снеговой Родина. 204

К 85-летию Георгия Замаратского

- Александр Лаптев. «...Дышать божественным огнём». 206

К 40-летию фильма «Любовь и голуби»

- Зоя Ковалёва. «Живя в таком городе, нельзя не стать гением!» 209

Радуница

Александр Донских. Я — исторический ученик.	213
Александр Емельянов. Русский кулак стоит английского лба. <i>Рассказ</i>	216
Игорь Михайлов. Последний победоносец.	218
Михаил Шепель. Мы так давно не говорили...	220
Владимир Максимов. «Привал». Чистый звук Любви Сухаревской.	223

Жизнь литературы и жизнь в литературе

Владимир Скиф. Байкальское Переделкино. <i>Главы из книги</i>	228
---	-----

Мастерская художественного очерка «Судьбы Российские»

Василий Забелло. «Раньше думай о Родине, а потом о себе...» Судьба шахтёра.	240
Татьяна Стрельникова-Белявская. Сени.	246

О бы.ю.м., как бы.ю

Василий Гинкулов. Встреча цивилизаций.	249
--	-----

Продолжение разговора

Римма Михеева. «Михаил Строгов» Ж. Верна. Музейная выставка и издательская судьба.	254
--	-----

Литературная урёба

Валентина Семёнова. Обсуждали «Житейную историю».	259
Иван Комлев. «Между тенью и светом».	261
Иван Козлов. «Я света хочу!» О книге стихов Юлии Ольховской «Между тенью и светом»	264

Беседы Сибири

Православная миссия «Литературного Иркутска». Беседа критика В. Семёновой с составителем-редактором «Литературного Иркутска» писательницей В. Сидоренко	269
---	-----

Литературная хроника

Дар бесценный. <i>Выставка книг из личной библиотеки Валентина Распутина</i>	278
Душевный подарок.	281
«Иркутские истории» Валентины Рекуновой	282
Зима — столица Евгения Евтушенко	284
Сибириада. <i>Коротко об изданных в 2013 году книгах</i>	288
Читатель года — 2013.	290
«Я отражаюсь в зеркалах...» <i>Встреча Анатолия Змиевского с читателями</i>	291
Светлана Корелова. Окна в другие миры.	293
Эдуард Анашкин. Рецензия на книгу Михаила Трофимова «Медвежья родина»	297
Андрей МИРОШНИКОВ. Иркутск. Сибирь. Россия.	299
С.Л. Волкова стала лауреатом IX Международной литературной премии имени П.П. Ершова	302
О нас пишут	303
Сагаалган на земле Прибайкалья	304

Главный редактор АЛЕКСАНДР ЛАПТЕВ

Заведующий отделом поэзии ВЛАДИМИР СКИФ

Заведующий отделом прозы АЛЬБЕРТ ГУРУЛЁВ

Заведующий отделом критики и публицистики АЛЕКСАНДР ДОНСКИХ

Ответственный секретарь редакции СВЕТЛАНА ЗУБАКОВА

СОВЕТ ЖУРНАЛА

А.Г. Байбородин, Ю.И. Баранов, В.В. Барышников, В.К. Забелло, В.П. Комлев, И.И. Козлов,
Р.Г. Михеева, Н.А. Озерникова, В.Г. Распутин, Т.Н. Суровцева, В.Н. Хайрюзов, М.И. Яковенко

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки С. Бурчевская. Комп. верстка А. Гордиевских. Корректор Л. Заступова

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.

Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600.

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Тел.: 20-37-86. Рукописи принимаются в распечатанном виде.

E-mail: sve-t-lana@mail.ru. Справки по тел.: 34-20-77 (ответств. секретарь).

(Рукописи по e-mail не принимаются, за исключением особо оговоренных случаев).

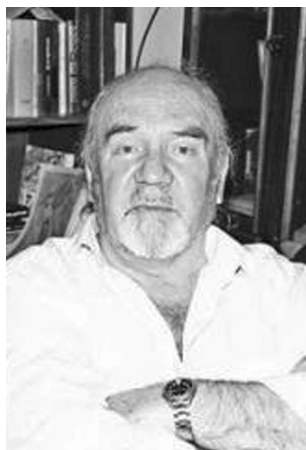
Подписано в печать 30.06.2014.

Формат 70х108/16. Усл.-печ. л. 22. Тираж 1400. Цена свободная.

Изготовлено в ООО «Репроцентр А1». 664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2, тел. 540-940.

ИВАН КОЗЛОВ

Долгое эхо военного детства

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

*Все лучшее, что узнаём мы в детстве,
остается с нами навсегда.*

Из педагогических лекций

Ветераны Великой Отечественной на парады уже не ходят — даже самые молодые из них шагнули в девятый десяток. Но для тех, кто желает быть на парадах, подают грузовики с деревянными скамейками в кузове, усаживают их, и они едут на Красную площадь в открытых машинах, как когда-то ехали на передовую, к окопам и блиндажам, к фронтовой полосе. Уже ушёл век, в котором они, молодые и сильные, проползли, прошли, промчались через границы двенадцать государств и в прах опрокинули озверевшую Европу. Но время неумолимо, и вчерашние воины-победители всё реже бывают на торжествах и встречах, всё глуше и короче их рассказы о войне, но это не означает, что вместе с ними уходит великая эпоха страданий, борьбы и побед. Нет, она остаётся с нами и живёт в памяти народа, в книгах и фильмах, в легендах и песнях и

КОЗЛОВ Иван Иванович. Родился в 1936 г. Историк. Окончил художественное училище, затем заочно исторический факультет ИГУ. Автор многочисленных работ по истории Иркутска, художественной культуре края. Изданные книги: *Колокола не умолкают* (Иркутск, 1979), *Путеводитель по Иркутску* (Иркутск, 1982), *Самая долгая зима* (Иркутск, 1985) и др. Член Союза писателей России.

ещё долго будет жить в глазах тех, кто в годы войны не мог держать оружие, но укрывался от бомбёжек вместе со всеми, кто не мог стоять у станков, но кому, как и всем, довелось мёрзнуть и голодать, и смотреть в лицо костлявого лихолетья. Это дети войны — самые маленькие очевидцы, свидетели и участники самой кровавой войны на земле. Это их спасали и оберегали в первую очередь, это их кормили чем могли, это их согревали как умели, это за них сражалась и погибала огромная армия их отцов и дедов, это они, убеждённое поколение, через пять-десять лет после победы благодарно заполнило школы, фабрично-заводские училища, институты, это они в тайге поднимали молодые светлые города, возводили огромные гидроэлектростанции, это они получили особое имя — шестидесятники, это их поколение вышло в космос. Сегодня всех, кто родился в 1928–1945 годы, именуют детьми войны, и они несут память войны дальше, живой нитью связывая два века. Скажу более определенно: россияне рождения 1936–1938 годов — это уже последнее поколение, которое может помнить всю войну от первого до последнего дня, и к этому поколению отношусь и я. Мы помним даже какие-то картинки из довоенной жизни.

В 1935 году в Иркутске, сразу целиком, возвели самый первый в истории города микрорайон с необычным тогда названием ИТР-городок. ИТР — это инженерно-технические работники, и в ИТР-городке, действительно, жили инженеры, врачи, преподаватели, офицеры — элита социума ещё молодой страны. С 1938 года отец, мать, я и младшая сестрёнка Тамара жили в самом крайнем одноэтажном, белого цвета доме на четыре квартиры, с окнами на травянистые поляны, на огородные поля, на гравийную дорогу, идущую в сосновую рощу и на речку Каю. Тогда это была окраина города, и почти рядом с нашим домом, на выходе к пустеющим полям, темнело несколько деревянных домиков, и в одном проживало семейство Гайдаев, где рос будущий знаменитый режиссёр Леонид Гайдай. И наш дом, и домик Гайдаев по сей день стоят на своих местах, при заасфальтированной дороге, рядом с двенадцатиэтажными городскими айсбергами, которые всплыли из-под земли недавно — год-два, а тогда тут тянулась к роще протоптанная тропка. Бежала, пересекала грунтовый поворот улицы Маяковского, тянулась в сосновую рощу и заканчивалась на крутом высоком яре огромной светлой долины речки Каи, что блистала внизу в зарослях ивы, вербы и красно-зелёного лозняка. А дальше за ней тянулись, сколько хватало глаз, Казачьи луга, частью распаханные ещё первыми пришлыми сюда казаками, и неохватно зеленела и блистала солнечными искрами зеркальных осколков пойма Иркут. А совсем далеко угадывались крыши домиков деревни Максимовщина. По выходным дням на Каю и Иркут из города добиралось много народа — здесь купались, загорали, играли в волейбол, рвали цветы, что разноцветными покрывалами устилали поляны, а вечером, утомлённые и умиротворённые, компаниями и поодиночке, тянулись горожане домой по нашим улочкам-переулочкам мимо только что отстроенных двухэтажных и одноэтажных домов ИТР-городка, где мы и жили.

Мой отец, бывший крестьянин Курской губернии, но тогда уже молодой офицер, закончивший спецшколу НКГБ в Куйбышеве, при всей серьёзности его работы не утратил унаследованную от предков привязанность к земле и свободе. Он и меня начал рано приучать к дальним прогулкам в лес, на речку, в поля, и мы ходили с ним через Кайскую долину под самую Синюшину гору на Черту-озеро ловить карасей и окуней. Тогда во всей обозреваемой пойме Каи недалеко от берега стоял единственный приземистый деревянный домишко, где прачки физиотерапевтического санатория, нынче курорт «Ангара», стирали халаты, простыни и столовые скатерти. Сегодня, когда вся долина застроена, когда по ней широкими порезами прошли шоссейные и железные дороги, при въезде в микрорайон Синюшина Гора, справа видны остатки Черты-озера, всё ещё полностью не засыпанные, но сильно прижатые к подножию

гравийной насыпью. Возможно, в озере ещё живёт мелкий золотистый голян, но летом там в прибрежных зарослях утки выводят утят. А тогда озеро уходило далеко от Иркута, очерчивая подножие горы, почему и звалось Чертой-озером, и доходило до места, где сегодня стоит торгово-развлекательный «Дже-молл» и теснятся оптовые базы. Спустившись с Кайской горы, мы переходили шаткий кайский мостик и двигались к старой мельничной запруде, остатки которой так же видны по сей день на спуске асфальтовой ленты в долину Каи. Но чаще мы уходили к Синюшиной горе, и я помню низкий, кочковатый берег, наш костерок, удочки, заброшенные в воду, и отец ходит от одной к другой и проверяет их, и время от времени над водой отчаянно сверкают серебром выдернутые из воды ельцы и окуни, которые каждый раз остаются в озере после разливов Иркута. Но чаще на крючке, почти не шевелясь, безразлично висит золотистый ленивый карась. И почему-то его жалко, и вместо того чтобы посадить его в сетку, я тихонько выпускаю его в воду, и он так же лениво, почти не отходя от берега, зарывается в придонный ил.

Вокруг нас заливные углубления и озерца, где качаются бело-коричневые ковры водяных лилий. Кая тоже была рыбной речкой; на её берегах теснилось приречное разнотравье, песчаное дно отсвечивало сквозь чистую воду, а в тени ивняка дремали стайки рыбной молодежи да изредка пескари поднимали жёлтые фонтанчики, зарываясь в песок. Рыбачить на Кае лучше было по вечерам, когда народу не оставалось и над речкой теплилась закатная тишина.

С 1939 года я ходил в детский сад № 12, там же в ИТР-городке. Двухэтажное здание детсада отделяла от нашего дома травяная поляна. Прошёлся утром по мягкому прохладному ковру — и ты уже на работе: моё хождение в сад родители называли моей работой, и я её старательно исполнял. Никто меня в сад не провожал — посторонних в городке не случалось, и вообще жизнь казалась безмятежной и тихой. Игрушек в детсаду было много, и были они самые разные — наборные многоцветные пирамидки, горящие медью дудки, настоящие барабаны, вырезанные из дерева и окрашенные в разные цвета танки, броневики, самолёты, с которыми мы бегали по коридорам или катали их по полу, выстраивая целыми колоннами и двигаясь походом в соседние группы малышей. Часто, усадив нас в кружок на стульчики, воспитательницы читали нам журнал «Мурзилка» или тонкие цветные книжки про экспедицию Ивана Папанина в Ледовитом океане, про наших героических лётчиков или про белых медведей и про то, как Чкалов перелетел через океан над Северным полюсом. А ещё мы часто слышали слова «пограничник», «Дальний Восток», «озеро Хасан», «японцы» и знали, что где-то далеко есть тёплая страна Испания. Дома, над моей кроватью, висел вышитый мамой коврик, где мальчишки-лётчики в шлемах и с флажками в руках летели парадом над Кремлём, а внизу горели слова «Первое Мая». В моём домашнем альбоме по сей день хранится фотография, где мы с мамой: маме двадцать один год, на ней белый берет, ещё довоенная мода, а на мне тёмная пилотка-испанка с кисточкой — это солидарность с детьми воюющей Испании, которых привезли к нам в страну в 1937 году. А ещё фотография детсадовской группы с одной из воспитательниц, с Клавдией Васильевной Федькович: все девочки в косынках — красные крестики по белому полю, с красными крестиками на светлых сумочках через плечо. Это девочки-санитарочки, а бойцы-мальчишки все в будёновках со звёздами и держат в руках деревянные винтовки. Фотографии хорошо сохранились, и я всматриваюсь в детские лица, пытаюсь узнать их. Что-то всплывает в памяти общей картиной, но я о них ничего не знаю, хотя, кажется, узнаю некоторых из них. Юные иркутяне предвоенных лет, обычные дети — штаны с бретельками и на лямках — нас всех давно развезли по городам и весям, и мы забыли друг друга. Но одну высокую девочку Лену я помню — она умела завязывать бантиком шнурки ботинок и подвязки зимних шапок, и я безуспешно пытался у неё этому научиться. Наверное, как мужчина, я был не очень прилежен в мелочах

жизни, но главное, и скорее всего, не старался освоить это искусство, потому что мне нравилось, когда Леночка сама завязывает мне шапку, касаясь пальчиками моего лица. А когда она завязывала мне шнурки на туфлях, я чувствовал себя повелителем, но и заступником, потому что в жизни, не в пример мне, существовал очень подвижный и шумный мальчик Женя, вредный, забияка и задира, который отбирал у всех игрушки, утаскивал в свой угол и играл один. Я был спокоен и медлителен, Женьки не боялся, и он ко мне не лез. Но как-то раз подошли девочки и сказали, что Женька у них всё отобрал и не отдаёт. А моей любимой забавой в группе являлся барабан, гулкий и увесистый, и я старался выбивать из него дробь, и получалось шумно, хотя не очень-то в лад, однако боевой дух поднимало. И вот когда девочки пожаловались, я взял барабан, подошёл к обидчику с боку и, не предъявляя никакого ультиматума, с размаху грохнул его по носу. Пошла кровь, и больше от неожиданности и обиды, чем от боли, Женька захлебнулся в истерике. Нянечки утащили его к медсестре, у меня отобрали барабан и посадили в угол на стульчик, запретили вставать до обеда.

Мы хорошо знали имена вождей страны, особенно Сталина и Ворошилова, и пели о них песни:

*Приезжай, товарищ Сталин,
Приезжай к нам поскорей —
Мы пошлём тебе навстречу
Самых лучших лошадей...
.....
Показать бы, похвалиться
Нашей хваткой боевой.
Приезжай, товарищ Сталин,
Приезжай, отец родной!..*

А поскольку время было предвоенное, то и песни звучали боевые, вдохновляющие на битву.

Разучивали мы и такие песни:

<i>На просторах родины чудесной, Закаляясь в битвах и труде, Мы сложили радостную песню О великом друге и вожде.</i>	<i>Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полёт. С песнями, борясь и побеждая, Наш народ за Сталиным идёт.</i>
--	---

Эти песни пели и взрослые, они звучали по радио — у нас дома висел на стене большой чёрный бумажный радиодиффузор. Признаться честно, это были красивые песни, и слова были искренними. Я помню эти песни, тем более что вскоре у нас, кроме радио, появилась ещё одна музыкальная вещь — патефон, и к нему пластинки с этими песнями. Я любил заводить этот шуршащий иглою поющий агрегат, и мне нравились многие песни, и я тоже пел, подражал певцам.

Дверь нашей группы выходила на застеклённую веранду, с которой виднелась улица Маяковского и зеленеющие за ней сосны. Редко, может быть, раз или два в день, по улице пылила машина, и совсем редко, раз в неделю, над лесом стрекотал двукрылый самолёт, и это становилось событием. Мы все высыпали на веранду. Воспитатели старались нас успокоить и вернуть в группу, однако мы наперебой пели неизвестно откуда занесённую песню:

*Эроплан, эроплан,
Посади меня в карман!
А в кармане пусто,
Выросла капуста,
А в капусте червячок —
Вышел...*

А дальше выкрикивали имя, кто какое хотел, и заканчивалось, к примеру, так: вышел Федька или Петька дурачок.

Нечасто, но нас водили через улицу Маяковского в рощу, и она казалась нам, малышам, огромной, таинственной; тропинки уходили в тёмные кущи, и там кто-то жил, и можно было заблудиться. Случалось, всей группой вместе с воспитательницами мы доходили до обрыва к Иркуту и смотрели сверху, как тянется вниз огромная серебристая лента, играя солнечными бликами. На всю жизнь запомнилась мне эта влекущая вдаль красота. В роще среди деревьев и тропинок стояли двухэтажные деревянные корпуса лечебного института и малые домики, где жили врачи. Кругом, в тени сосен, поднималось светлое мелколесье, с обилием высокого травостоя и множества цветов...

Мне помнится солнечное воскресное утро 21 июня 1941 года. Я ждал отца с ночного дежурства и с вечера поглядывал на прислонённые в коридорном углу удочки, трогал поплавки, проверял банку с наживкой. Однако утром отец не появился. Не появился отец и к обеду, а когда солнце перевалило за полдень, мама негромко, больше, наверное, для себя, сказала: «Что-то случилось». Такая у отца была работа, и всё могло случиться. Но вскоре из бумажного диффузора чёрной радиотарелки металлический голос начал говорить какое-то сообщение, и под окном нашей квартиры собрались соседи. Чёрная тарелка сообщила о войне — и всё сразу изменилось. Лица людей стали тревожными, все разом зашпешили, а от пойменной прохлады Иркута всё ещё тянулся загорелый, безмятежный народ с детьми и букетами, но страшная весть разнеслась быстро, и тревога заполонила город.

Много лет спустя, собирая материалы о первых днях войны, я встречался и беседовал с Валентиной Константиновной Волостняковой, которая работала в лечебных корпусах ФТИ с 1933 по 1963 год, и записал её воспоминания:

Ах, какой у нас был лесопарк! Трава высокая, багульник в рост человека, а цветов — всё в цветах. Я очень любила ФТИ, и работу свою любила, и всё-всё было хорошо, и я была счастлива в работе, но вот — война. Жили мы там же, во ФТИ, на даче, я, муж-врач и сынишка. Было воскресенье, я гуляла с сыном по парку. «Смотри, — говорю, — сынок, какие цветы...», и часа в четыре дня вдруг слышу по радио — у нас на клубе висел большой репродуктор и говорил громко — выступает Молотов и объявляет, что началась война. Я как услышала, влетела в дом и мужу кричу: «Война! Война!..» Сразу стали выписываться и уезжать больные — какой тут отдых; как-то всё притихло, и только одна тревога — что будет, как будем жить? Страх, тишина, отдыхающих не осталось; ни улыбок, ни радости, и почти сна лишились...

С началом войны для нас, детей, тоже всё стало меняться. По-прежнему каждое утро, перебежав травяную поляну, я поднимался на второй этаж в свою группу, где шла привычная детсадовская жизнь, но теперь каждый день взрослые говорили о войне. На чердак детсада поднялись плотники и начали сколачивать там ящики из досок, а полуторка с низкими бортами навозила в наш двор целую гору песка, и мы тут же обжили эти сыпучие горы. Пока песок оставался влажным, мы устраивали на склонах дороги, прорывали тоннели и строили мосты, расставляли на них танки и броневики. Но наши инженерно-строительные хлопоты быстро закончились — нянечки и воспитательницы, взяв вёдра, начали таскать песок на чердак и заполнять ящики, сколоченные плотниками. Нам объяснили, что это на случай войны, чтобы тушить пожары.

Теперь в домах по вечерам стали отключать свет, и мы сидели в сумерках. А когда свет давали, то окна надо было завешивать плотными одеялами — соблюдалась светомаскировка. Если где-то просвечивала щель, то в окно стучали дежурные и требовали: «У вас свет — закройте».

В рощу нас водили по-прежнему, но теперь мы часто видели, как по пыльному гравию улицы Маяковского вниз к вокзалу шли колонны солдат, и командиры, на-

правляя общий шаг, кричали: «Раз-два, в ногу!» Солдаты шли в тяжёлом ритме, командиры, утирая пот со лба и придерживая на боку планшетки, громко командовали: «Подтянись, не отставай, в ногу, р-раз, р-раз!..» Мы, мальчишки, пристраивались сбоку и тоже маршировали, выкрикивая: «Р-раз, р-раз...» — и смеялись. А вот солдаты не смеялись, только гудел в земле тяжёлый шаг, выбивающий пыль, и стояли вдоль улицы наши воспитательницы и женщины ближних домов. Они смотрели молча. И молча шли солдаты. С тех дней, когда над рощей стрекотал знакомый двукрылый самолёт, мы нашу песенку пели по-другому:

*Эроплан, эроплан,
Посади меня в карман —
Я поеду на войну
Защищать свою страну.*

Где-то в июле наш детсад № 12 закрыли, чтобы переоборудовать его под госпиталь. Конечно, для раненых выбирали самое лучшее, а у нас тут и малолюдность окраины, и воздух, настоящий на смолистой тишине, а за рощей — Иркут. Нас отселили в старый, но крепкий обширный одноэтажный дом с полуподвалом, и ходить в детсад мне стало дальше — вниз, до 2-й Железнодорожной улицы. Из-за того, что родители теперь всё время находились на работе, прежний детсад закрыли, а новый открыли не сразу, то девать меня было некуда, и я нередко отсиживался у соседей или у знакомых в ИТР-городке; несколько раз меня уводила к себе воспитательница. Она жила недалеко, на ближнем углу улицы, жила одна, в просторном доме с палисадником и обширным крыльцом; в доме у неё в большой комнате стоял рояль. Она налиwała себе и мне чаю, устраивала меня у небольшого столика, а сама садилась к роялю. Я никогда ни до, ни после не слышал такой чарующей музыки и пения, я не могу вспомнить, что она пела, но мне запомнилось несколько слов: «В нашем саду листопад...» Мне кажется, что она была одиноким осколком какой-то дворянской или интеллигентной семьи, а больше ничего не могу сказать. Но скверик и дом помню...

Мама приходила поздно вечером, а отца я не видел сутками. Мы сидели дома одни, без света, слушали хриплое радио, а играть или смотреть книжки было невозможно — темно: энергию забирали предприятия, да к тому же действовал режим светомаскировки. Хорошо, что летние вечера ещё оставались долгими. Спать укладывались рано, засветло — ни керосинки, ни свечек у нас не водилось. Летние сумерки становились прохладнее, и мама порою затоплиwała печь-голландку — высокую, круглую, всю закрытую чёрными листами жести. Растопив, мы открывали печную дверцу, и тёплый уютный отсвет наполнял комнату. С улицы он был незаметен, и в окна никто не стучал. Но и эта домашняя идиллия скоро закончилась. Мама определила младших — сестру Тамару и брата Сашу — в круглосуточные детские ясли, работала на местном пункте снабжения поездов, по вечерам училась на медицинских курсах, и что-то ещё я слышал про курсы Ворошиловских стрелков ОСОВИАХИМа.

На территории вокзала находился пропускной отдел и таможня, и до войны, и в войну дальше Иркутска проехать без специального пропуска было невозможно; в этом режимном отделе работал отец. Уже позже, наверное, больше из любопытства, я пытался разобраться в структуре госбезопасности нашей страны, начиная с ВЧК, и открыл для себя, что она всегда была сложной; разобраться во всех её отделах и многофункциональной деятельности до конца невозможно даже сегодня. Во-первых, часть функций засекречена, во-вторых, существуют разные степени подчинённости и соподчинённости, и так далее. В неё изначально входила разведка и контрразведка, охрана секретных предприятий и границ, а 20 июля 1941 года все службы госбезопасности объединили в единый Народный комиссариат внутренних дел — НКВД, но он существовал только до конца войны. В 1944 году НКВД снова разделили на

МГБ и МВД. В ведении МГБ остались разведка и контрразведка, пограничная служба и таможня, охрана особо секретных предприятий и прочее. У отца в трудовой книжке, которая хранится в домашнем архиве, так и записано: «20 декабря. 1934 года. Принят на работу в органы МГБ»; и есть уточняющая запись: «Управление охраны МГБ Восточно-Сибирской железной дороги». Это делает понятным, почему всё моё детство и в школьные годы семья вместе с отцом кочевала вдоль линии Транссиба: Иркутск — Иркутск-Сортировочный — станция Зима. Для меня это принципиально важно.

Отдел таможни располагался в зданиях Иркутского железнодорожного вокзала, и какое-то отношение к ней, наверное, имели временные пункты снабжения поездов, которые отправлялись на запад и где временно работала мама. Я думаю, днём она имела возможность видаться с отцом, и, наверное, они говорили о детях и о самом главном затворнике, который теперь целыми днями сидел под замком в полном одиночестве. Ждать и ждать, долго не слышать ничьих голосов, сидеть в темноте, ночевать в одиночестве — это была моя война. Много томительных и грустных дней и вечеров провёл я с рассвета дотемна, подолгу смотря за окно, включая и выключая радио, листая и закрывая книги и засыпая прямо на полу. Меня замыкали, оставляли хлеб, чай и красную рыбу. Я пилил её тупым ножом, и должен сказать, что красная рыба, креветки и красная икра не являлись тогда деликатесом: в войну и после войны всё это можно было купить без продуктовых карточек. Наверное, потому, что за границу мы ничего не продавали. И вот, читая воспоминания Клавдии Христофоровны Касьяновой, эвакуированной в детстве из Москвы в Иркутск, где она впоследствии много лет проработала на авиационном заводе, я нахожу такие строки: «...Магазины были забиты банками с консервированными креветками, и на карточки вместо масла и мяса давали эти самые креветки». А ещё её строки напомнили мне моё великое сидение под замком: «Приехав из Москвы в Иркутск, отец и мать сразу стали работать на заводе. Мы, ребятишки, весь день сидели в комнате барака, запертые на ключ». Так что не один я был в поле воин!

Меня научили включать и выключать радио и говорили, что, как начнёт темнеть, лучше укладываться спать. Но я до самой темноты, до ряби в глазах смотрел на дорожку от соседнего дома — не покажется ли мама. Но она не шла. Днём, пока говорило радио, ещё ничего, хотя на какое-то время, часов до трёх, радио умолкало и наступала непробиваемая тишина. И даже с улицы не доносилось ни звука, как будто в мире никого уже и не оставалось, кроме меня. Тогда я принимался рисовать, изводя разноразмерные листы бумаги цветными карандашами, их у меня была целая коробка. Иногда от усердия и нажима карандаши ломались, и заточить их тупым столовым ножом не было возможности. И я поступал просто: отламывал кусок карандаша, раскалывал его, освобождал стержень, и прямо им рисовал, сколько угодно фантазируя и закрашивая пальцы. А рисовал я только войну. Радио каждый день сообщало, где какие идут сражения, о сданных немцам городах, о захваченных трофеях. Я рисовал, как носятся наши ястребки и поливают из пулемётов немецкие самолёты. Те вовсю горят, а лётчики спускаются на парашютах. Надоедало рисовать — я принимался строить из табуреток и стульев тяжёлый бомбардировщик, надевал мотоциклетные очки, натягивал отцовские перчатки и летел бомбить Берлин. Я сбрасывал за борт весь запас толстых книг, которыми загружался перед полётом, — это были мои бомбы. Мне нравилось, как громко шлёпались они на пол — это были большие взрывы. Книги у нас занимали маленькую этажерку — тяжёлые зелёные тома Альфреда Брема «Жизнь животных», огромный, в тысячу страниц, юбилейный однотомник Пушкина 1935 года, а ещё «Сибирь в известиях западноевропейских писателей, путешественников и ученых» иркутского академика М.П. Алексеева, изданная в Иркутске в 1941 году, и, конечно, «Диалектика природы» Энгельса, в которой я ничего не понимал, но что-то пытался читать. Я так подробно помню эти книги, потому что они по сей день

хранятся у меня дома. «Отбомбившись», я укладывался на полу и отдыхал, как после тяжёлой работы. И нередко так и засыпал на полу. Проснувшись, если ещё было светло, листал книги, где на белоснежном поле страниц размещались чёрно-белые, тонко отгравированные иллюстрации; особенно меня завораживали книги Брема — там было столько всякого зверья...

Отец и мать — из крестьян, оба приехали строить первый мост через Ангару — первая большая довоенная стройка в Иркутске. Отец приехал в 1932 году по путёвке комсомола и работал на охране моста и ЦЭС. Мама приехала в 1934-м, но годом раньше на стройке обосновался её отец, мой дед Василий Семёнович Пляскин, крестьянин из забайкальского села Цасучей, что на реке Ононе. Здесь работы ему хватало выше крыши. Поначалу он управлял конной тягловой силой — любил и знал лошадей, а потом перешёл на плотницкую работу, поскольку в плотницком деле был виртуозом. Ангарский мост, как известно, строился уникальным способом. Его не собирали блоками, как собирают теперь, не наращивали, постепенно удлиняя. Его отливали сразу целиком, как цельное изделие, заполняя огромную полую деревянную модель, протянутую от берега до берега. Эта пустотелая форма моста, на которую ушло шестьдесят тысяч кубов леса, являлась уникальным, не менее, а даже более сложным сооружением, чем сам мост. Её изготавливали и собирали более двух лет. Внутри формы сварили каркас из арматуры, полость для качества обшили изнутри фанерой, а потом по особому графику заливали в неё бетон сразу с обоих берегов. И вот такой красавец, первый Ангарский мост, сплошное, монолитное сооружение стоит, соединяя берега и город в единое целое, пропуская под собой две тысячи кубометров воды в секунду. И в её зеркальном отражении я вижу силуэт деда с таким же зеркальным топором.

Следом за дедом приехала в Иркутск его дочь, моя будущая мама, и работала на укладке мостового бетонного полотна. В тело моста, к слову, залили сорок пять тысяч тонн бетона.

Вскоре совершенно неожиданно я обрёл свободу. Врач, соседка по дому, заметила, что я стал бледным, и подсказала маме, что я мало бываю на воздухе. Мне стали оставлять ключ, с наказом далеко не уходить, а, уходя, запирайте хорошенько дверь. Я сделал радостное открытие: оказалось, что в нашем городке, в соседних переулках и домах, есть и другие мальчишки, родители которых тоже всё время на работе, и юный, вольноопределяющийся народ проводит жизнь в полном самоуправлении. Один из сараев ИТР-городка мальчишки приспособили под штаб, куда приносили кто что мог. И туда приходили самые новые и интересные новости с войны. Я узнал, что у Красной Армии есть магнитные пулемёты, которые устанавливают на окраинах всех городов, и когда немцы идут в атаку, эти пулемёты косят их без остановки. Однако немцев так много, что они идут и идут, а пулемёты косят и косят без остановки, и — перегреваются. Им дают остыть. Вот в это время немцы и занимают наши города.

А девочки — они тоже были при штабе — устраивали спектакли. В штабе была театральная занавеска, за которой происходили таинственные приготовления. Когда занавес раскрывался, девочки представляли перед нами в картонных коронах, в цветных бумажных цепочках и читали стихи или исполняли песни, и это звучало лучше, чем по радио. Потом устраивались совместные трапезы, я бегал домой, собирал всё, что мне оставляли на день. Меня тоже ставили на довольствие, и кусок хлеба, один за весь день, казался мне вкуснее любой каши, да ещё с рыбой. Потом совершались походы в ближайшие переулки, и я бегал повсюду за нашей стремительной и бесстрашной компанией. Я был самым младшим в местной вольнице — старшим мальчишкам не меньше восьми, но я делал всё, что делали другие. Мы дружно от кого-нибудь прятались, убегали, пролезали сквозь заборы, сидели в кустах и молчали — это была военная подготовка. Мальчишки собирались убежать на войну, и мы хранили эту тайну.

Меня чаще всего с оставляли с девочками дежурить в штабе, и мы ждали, подметали земляной пол, охраняли штаб.

Подготовка побега на войну меня волновала, и раза два я спрашивал у мамы, где находится война. По-видимому догадываясь по синякам и ссадинам о моих похождениях, мама стала брать меня с собой на работу, а потом брал и отец — ареал моего обретания сильно раздвинулся.

Мамин павильон стоял прямо на перроне под укрытием из полотна от дождя и солнца, и когда очередной поезд уходил на фронт, всё вокруг заполняли люди — военные и гражданские, старики и дети, дяденьки и тётеньки, — много было людей. Отряды, одетые в форму, и в гражданской одежде, прибывали и прибывали на вокзал, заполняли привокзальную площадь, перрон, каждый угол, проход, подъезд. Всё это в жуткой тесноте умудрялось ещё и двигаться. Здесь мог затеряться и взрослый. Мне было строго наказано держаться около павильона, сидеть в тени тента и никуда не ходить. К перрону подавали состав из пассажирских и товарных вагонов и вагончиков, из старых и новых, из теплушек с печками. «Эшелон» — говорили все. Теплушки — это кухни и запаски, туда грузили ящики и мешки, дрова для кухонь и что-то ещё. На прилавках под тентом считали и сортировали свёртки и упаковки, их уносили охапками в вагоны, а рядом на столах, покрытых скатертями, стояли коробки с печеньем, конфетами, сахаром и пачками чая — это можно было купить за деньги, и все спешили купить. Мама не успевала отсчитывать пакеты и пачки, вместе с женщинами она бросала деньги прямо в фанерный ящик. Мужчины подбегали, наполняли руки, кидали деньги на стол и кричали: «Сестрёнка, сдачи не надо — умирать едем!» Состав быстро переполнялся — из окон и дверей махали руками, кричали, а ошалевшие от жары и сумятицы командиры срывали голоса: «По ва-го-нам!.. По ва-го-нам!..»

Паровоз даёт первый надрывный гудок, оркестр, отодвинутый в тень вокзала, взрывается маршем «Прощание славянки», поезд трогается, крики, плач, шум поезда и гудок — всё сливается в сплошной вой, толпа движется потоком за составом, и сквозь это столпотворение прорываются сорванные голоса: «Не... от... ставать!.. Не... от... ставать!..» Люди вскакивают на подножки, поезд набирает ход, машущие руки, кепки, платки: «Прощайте, прощайте! Не поминайте лихом!..» Но оркестр и поезд заглушают всё. Происходит что-то жуткое: сверкает медь, пот заливает глаза музыкантов, плачут взрослые, плачем мы, дети, и уходит протяжно орущий поезд. Женщины и мужчины смотрят вслед, пока последний вагон не скрывается за ангарским мостом. Мама тоже плачет и тоже идёт за поездом, хотя никого не провожает, а на столах и под тентом стоят сладости и ящик с деньгами; никто к ним не подходит. И вдруг становится тихо, как будто оглох.

В те дни появилась песня, которую потом пели всю войну:

*Двадцать второго июня
В шуме воскресного дня
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война.*

*Стукнут колёса вагона,
Поезд помчится стрелой —
Я уж в вагоне,
Ты на перроне
Всё ещё машешь рукой...*

И казалось, будто сбываются песни, которые пели недавно:

*С нами Сталин родной,
Тимошенко-герой,
С нами друг боевой Ворошилов.
На земле, в небесах и на море*

*Наш напев и могуч и суров.
Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов...*

Так было у мамы. У отца — по-другому. Окно небольшого кабинета выходило на солнечную сторону. На столе лампа с зелёным абажуром, письменный прибор серого

мрамора, два-три стула, на стенах портреты Сталина и Дзержинского. Отслужив в армии, отец приехал на строительство моста по путёвке комсомола в 1934 году и работал на охране стройки. 1 декабря 1934 года был убит Киров, по всей стране прошли траурные шествия и митинги, прозвучал комсомольский призыв в органы охраны правопорядка, и много позже, работая в соответствующих архивах, я нашёл заявление отца: «В настоящем прошу Вас принять меня в ряды РКМ, так как я желаю работать на построение бесклассового общества... Член ВЛКСМ с 1932 года, демобилизован из РККА в 1933 году, имею военное образование среднего начсостава. 16 декабря 1934 г.»

В 1936 году, когда строительство моста через Ангару завершилось, отца направили в Куйбышев в двухгодичную спецшколу МГБ, и два года, с 1936-го по 1938-й, он был курсантом. По возвращении в Иркутск его направили в транспортный отдел, к ведению которого относилась охрана дороги и её сооружений — мостов, туннелей и вокзалов, сопровождение поездов особого назначения, расследование чрезвычайных происшествий на дороге, проведение спецопераций, осуществление функций таможни и контрольно-пропускного режима. До 1950-х годов для проезда на восток дальше Иркутска выдавались спецпропуска — вот этим делом и занимался отец. Я много раз бывал у него на работе. Менялись звания, кабинеты, должности, но для меня отец оставался родным и дорогим человеком, рядом с которым я чувствовал себя и защищённым, и сильным. В кабинете он всегда усаживал меня за маленький столик в углу, давал бумагу, карандаш, и я, как обычно, рисовал, не мешая ему. Заходили люди, в основном в штатском, просили подписать разрешение на провоз разных вещей и багажа. Не знаю, как там и что решалось, но раза два я был с отцом, как полагаю, на складе задержанного имущества и видел там ряды кожаных пальто, меховых шуб, костюмов, стоящие на полках сапоги, полуботинки, ряды туфель. А на полу, под полками, целые коробки электрических лампочек, огромные упаковки спичек, широкие, как сундуки, кожаные чемоданы, перехваченные ремнями. Ничего такого ни у себя дома, ни у соседей и вообще нигде я не видел. Как я понимаю, это была задержанная на таможне контрабанда. Однажды, когда у нас в коридоре не горел свет и было темно, я сказал маме, что видел у папы на работе целые коробки электрических лампочек, которые там лежат в коробках и никто ими не пользуется: «Скажи папе, чтобы он принёс лампочки домой, а то в коридоре темно». Отец подозвал меня к себе. «Послушайте, юный контрабандист, если вы не хотите поссориться со мной, то прошу вас никогда так не говорить». Отец и мать всегда переходили на «вы», выражая скрытое недовольство. Вот и я попал на «вы». Потом отец говорил конкретно: «Кто бы тебя ни спрашивал обо мне или о маме, о нашей работе и семье, отвечай тремя «не»: не видел, не слышал, не знаю. Ты понял?» Я кивнул головой, спросил: «Папа, а когда меня спросят, сколько мне лет, то я тоже — «не»?..» Чувство юмора никогда не изменяло отцу: «Молодец, сын. Когда тебя спросят, сколько тебе лет, отвечай, что тебе пять лет, или одна четвертая жениха». Однажды, услышав от меня такой ответ, сослуживцы отца стали меня часто спрашивать про мой возраст...

Книг в доме было немного, но все они — красивые, старинные. И тому была причина. Странно, но в СССР до войны не было праздников культуры: все старые праздники отменили, а новых не нажили. Историю России тоже не преподавали — только истпарт. Новогодние ёлки, как атрибут христианского Рождества, тоже запретили, но вскоре стало ясно, что необходим возврат культуры. И в самое репрессивное, в самое недемократичное время в СССР был совершён крайне оригинальный, своеобразный и необычный, но очень успешный поворот к культуре прошлого, и связано это оказалось с именами Пушкина и Лермонтова, поскольку именно литература более всего способствовала росту духовности... В 1937 году истекло столетие со дня гибели Александра Сергеевича Пушкина, и вышло Постановление правительства «О создании Пушкинского комитета в связи со столетием со дня смерти А.С. Пушкина». Это

был своеобразный и оригинальный поворотный момент в истории нашей культуры. Особенность его состояла в том, что в основу возвращения к великой национальной культуре легла не юбилейная, не праздничная, не светлая дата, а дата печальная и скорбная — дата гибели великого поэта. Но здесь, по-видимому, сыграли положительную роль скрытые традиции христианского православия, а именно — канонизации несправедливо гонимых. И хотя никакой выдающейся даты рядом не просматривалось, государственный ум сумел разглядеть за совсем не праздничной датой возможность обратить чувство скорби в чувство величественного признания и поклонения, в чувство примирения и скрытого раскаяния за пренебрежение культурными традициями. И Пушкинские праздники проходили как национальные торжества. Полное академическое издание произведений А.С. Пушкина, включение его произведений в школьные программы, исследование творчества поэта, подробное изучение его родословной и связей с русской культурой, зарождение такого литературного явления, как пушкиноведение — всё это и явилось возвращением к русской культуре и литературе. Этот поворот мог совершить только государственный ум, хорошо чувствующий национальный дух. После двух десятилетий умолчания народ восторженно заговорил о Пушкине и Лермонтове, и имена выдающихся русских поэтов стали всенародными, вошли в повседневную жизнь советских людей. В 1941 году в связи со столетием гибели Лермонтова также намечались общенародные торжества русской культуры, но лермонтовскую годовщину отметить не успели — за три недели до неё началась война. Однако изданий и публикаций вышло много.

У нас стояли книги и Пушкина, и Лермонтова, и я не погрешу, если скажу, что отец отдавал предпочтение Лермонтову. Мама также не оставалась в стороне от культурных событий — решила учить меня запоминать и декламировать стихи. Заучив всего несколько строк, я поспешил порадовать отца своими успехами:

*Матросская шапка, верёвка в руке —
Тяну я кораблик по быстрой реке...*

«Стоп!» — отец остановил меня сразу. Спросил у мамы: «Зоя, а почему именно это стихотворение?» — «Ну, как же! Ребёнку надо развивать речь и память, учиться чувствовать... А здесь — романтика моря...» — «Какая романтика?! Верёвка в руке, скачут лягушки...» — и отец открыл томик Лермонтова. И зазвучало нечто иное.

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой,
Что кинул он в краю родном?
Играют волны, ветер свищет...*

— читал он вдохновенно, поднимая над головой руку. Я никогда не видел отца таким. «Вот романтика!» — сказал он. А я слушал, и меня завораживали слова «мятежный» и «лазури». И через день-два мы с отцом в два голоса чуть ли не пели лермонтовский «Парус» — первые в моей жизни до конца заученные стихи.

*Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой...*

Много лет спустя, вспоминая те отцовские уроки, я написал своё стихотворение:

*Был миг и светлым, и высоким,
Когда стихи вошли в наш дом:
«Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...»*

*Читал отец, воссев на стуле,
Непостижимо молодой:
«А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой...»*

Отец, воспитывая меня, часто выдавал афористичные сентенции, и они хорошо запоминались. Относительно выбора лучшего из хорошего, и не только стихов, а чего бы то ни было, он сказал: «Ешь лучшее — что есть, пей лучшее — что есть, люби лучшего — кто есть». Это были не худшие наставления.

Однажды отец преподавал мне урок со стихами Лермонтова. Его урок я разгадал через десятилетия. Дома над кроватью висел фотоколлаж в раме: внизу и по углам виньеты, а по верху почти вензелями написано: «Куйбышевская школа РКМ. 1936–1938 годы». В верхнем ряду — большие фотографии командиров, а ниже в овалах поменьше портреты курсантов. В верхнем ряду один портрет сорван, и я спросил: «А кто здесь был? Почему его сорвали?» В ответ отец открыл томик стихов Михаила Юрьевича: «Если запомнишь — то когда-нибудь поймёшь». И стал читать: «Прощай, немытая Россия...» «Почему немытая?» — был у меня вопрос, но ответа не последовало, хотя стихи мне понравились своей загадочностью.

Когда через много лет заговорили о культе Сталина, то слова «...укроюсь от твоих пащей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей...» для меня зазвучали трагически...

В детском саду всё лето ломали стены и перегородки — приспособляли под госпиталь. Я ходил смотрел, слышал грохот падающих досок, перестук молотков и чужие голоса. Но случилось неожиданное: когда уже всё было готово, кто-то умный понял, что детсад под госпиталь никак не пригоден: площадь мала, коридоры тесные. И кто-то ещё более умный приказал разместить госпиталь в корпусах ФТИ. Там всё соответствовало приёму большого количества людей, в кабинетах уже находилось больничное оборудование, действовал рентген-кабинет, и не хватало, как вспоминала Валентина Константиновна, только хорошей операционной. А наш детский сад, отремонтированный, с водоснабжением, с застеклёнными верандами, нам отдали. К зиме мы вернулись в него.

Во временном детсаду мы прожили, хотя и с перерывами, но почти целое лето, и там лапка в лапку я познакомился со странными существами, которых видел в книгах Альфреда Брема.

Наш временный детсад стоял на перекрёстке улиц Маяковского и 2-й Железнодорожной, где сегодня, как айсберги, сверкают стеклянными стенами здания управления ВСЖД. До нас в том детсаду размещалась какая-то лаборатория. В деревянном сарае мы нашли большие стеклянные банки и аквариумы с неживыми лягушками, рыбами и змеями. Все стали тайно бегать и смотреть мёртвых животных, и порой с криками выбегали из сарая. Я тоже зашёл туда, но не убежал, а даже обрадовался, потому что узнал некоторых своих, так сказать, знакомых, которых видел на картинках бремевских книг. Они были хотя и неживыми, но настоящими, ненарисованными. Умученные тварьки плавали в каких-то растворах или лежали на сухом песке. Я снял с полки банку с жёлтым калачиком змейки и вынес её на свет. И мальчишки, и особенно девочки, разбежались по углам, но, видя, что я жив-здоров и рассматриваю чешуйки и глаза печальной пленницы, приблизились ко мне, обступили, стали тыкать пальцами в стекло. Я решил выпустить змейку: вдруг она согреется на солнышке и оживёт. Поднял банку и бросил её на булыжник. Банка разлетелась, а змейка осталась лежать на камне среди стеклянных блесков. Публика снова было качнулась бежать, однако устояла. Мои проделки увидела в окно воспитательница, выскочила и потащила меня в дом. Усадила в угол на стульчик и кричала-причитала: «Ах, этот Козлов, этот Козлов, вечно он, вечно он!.. Вы посмотрите, что он ещё удумал: змеев в детсад натаскал!..»

Однажды в детский сад пришли двое рабочих. Они осмотрели наш зал, что-то замеры на стенах и потолке и ушли. А через несколько дней они принесли фанерный ящик с игрушками и стали подвешивать их под потолком на нитях. На цветных парашютах повисли попугаи и обезьянки, понеслись серебристые дирижабли, поплыли

воздушные шары с корзинами, а выше всех, под самым потолком, сверкая серебристой фольгой, летели самолёты. У нас в группе в особом уголке стоял маленький бюст Сталина с дочерью Светланой — их посадили в корзину воздушного шара, и у нас над головами долго кружился воздушный праздник, украшая наше счастливое детство, о котором мы пели звонкие песни:

*На просторах родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостные песни
О великом друге и вожде.*

*Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полёт.
С песнями борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идёт.*

...В нашем прежнем, но обновлённом детском саду жизнь потекла отлаженно. Воспитатели, усадив нас в кружок, читали нам книги про Гулливера, капитана Немо и полярника Ивана Папанина. Когда стояла не очень морозная погода, нас водили гулять в рощу. Гуляли мы парами, и каждый мальчик должен был вести за руку девочку. Мне шёл уже шестой год, и после летней вольницы и военного штаба, я не хотел ходить с девчонкой за ручку. Но прогулки в роще мне нравились всегда. Её заснеженные аллеи, высокая тишина, белые зимние деревья почему-то пахли яблоками. По времени угадывалось приближение нового, 1942-го, года. Об этом говорили оживлённо, радостно, Новый год ждали. Особую радость этим ожиданиям придавало то, что до войны ёлки в СССР были запрещены, и даже взрослые позабыли эти яркие домашние праздники, а мы, дети, о них и не знали. Праздник новогодней ёлки вернули перед войной, и, пожалуй, главную роль в этом сыграл Павел Петрович Постышев, бывший иркутский электромонтёр, член Политбюро и ВЦИКа, репрессированный перед войной. Его именем, к слову, назван один из бульваров нашего города.

Мы готовили для Красной Армии новогодние подарки и по просьбе воспитательниц приносили из дома вареники, носки, кисеты, мыло, папиросы — что могли дать родители. А ещё мы рисовали и писали письма. Настроение у всех было приподнятое, но самый большой, ошеломляющий подарок в конце 1941 года стране преподнесла Красная Армия: в декабре 1941-го в битве под Москвой немецкие армии были растерзаны и отброшены на сотни километров от столицы. Особый восторг этому ликованию придавало то, что совершили этот разгром сибирские армии. Всюду бесконечно повторялось слово «сибиряки». Взрослые не скрывали восторга: «Ну, теперь попрём! Теперь не остановят! Ну, теперь дадим!..» После этих победных успехов пришли и новогодние праздники, и радость, и надежды переполняли души людей. Дома у нас ёлки не было — отец был коммунист. И хотя ёлки разрешили, но по-видимому государственные люди соблюдали партийную этику.

Для встречи Нового, 1942-го, года, в самой большой комнате детсада поставили пушистую ёлку под потолок, а вокруг неё устроили ватные сугробы. Подарки нам не вручали, а прятали в этих сугробах. Запускали нас в комнату по два-три человека, и мы искали подарки. Вата, в отличие от снега, была мягкой, мешала находить холщовые мешочки, а хотелось отыскать быстрее, да ещё самый большой мешочек. Одна девочка, помнится, нашла два мешка, и не хотела отдавать второй...

Сосновая роща ФТИ стала для нас не только местом прогулок — мы ходили в гости к раненым. В роще лежали снега, и ходячие раненые прокапывали дорожки, а когда наши воспитательницы спрашивали, не тяжело ли им, они отвечали, что, напротив, в радость. Приближалась февральская годовщина Красной Армии, и мы готовили концерт-выступление «Красноармейская полянка». Готовились серьёзно, мальчиков одели в маленькие гимнастёрки и пилотки, а некоторым счастливчикам достались даже сапожки. У меня гимнастёрка и пилотка были, а вот сапог не было; вместо них — гражданские зелёные туфли с пуговицами... Читая сейчас про гимнастёрки и сапожки у мальчиков, про косынки и сумки с красными крестами у девочек, серебристые

самолёты и дирижабли под потолком, про подарки в ватных сугробах, кто-то может подумать, что наш детсад был привилегированным, тем более, что ходили в него дети итээровцев. Ничуть не бывало! Это был обычный детсад, и только благодаря нашим воспитателям — Клавдии Васильевне Федькович, Надежде Константиновне Пантюшевой, Лидия Антоновне Лебедевой и другим педагогам и нянечкам, наши детсадовские будни превращались в праздники...

Зимой, после медицинских курсов, мама работала в круглосуточных детяслях, и там с нею находились моя сестра Тамара и брат Саша. Когда мама дежурила в ночь, я оставался с отцом. Зимой быстро темнело, и отец приходил поздно. Я ждал его у соседей или у знакомых, и ожидание всегда было делом томительным. Наверное, ещё и потому, что свет часто отключали, энергии не хватало заводам, и по вечерам мы жили в полумраке. Но приходил отец — и мы шли домой по тихим улицам, и сугробы мерцали при свете звёзд. Наша комната за день выстывала, и мы сразу начинали топить печь. Я оставался в пальто, а отец, сняв шинель, колот щеку, поджигал её бумагой, и огонь охватывал поленья. Я сидел против открытой печной дверцы, а отец подбрасывал полешки. На потолке и стенах играли светлые блики, и тепло растекалось по комнате. Отец наполнял флягу водой и пристраивал её к поленьям. Мы заваривали чай в кружках, согревались, и я, под настроение, просил у отца дать поддержать пистолет. Отец нередко говорил, что мужчина должен любить оружие, а потому, как правило, не возражал. Он доставал из кобуры плоский тяжёлый тэтэшник, вынимал из рукояти обойму с патронами, передёргивал ствол и, направив пистолет в пол, жал на курок — проверял, нет ли патрона в патроннике. После этого я получал увесистый, не по моей руке, настоящий пистолет и чувствовал себя сильным.

В детсаду нам читали про белых медведей, про Папанина и папанинцев, которые долго жили на льдине, и отец говорил, что если долго плыть по Иркуту и Ангаре, то можно доплыть до океана, где всё всегда покрыто льдом. «И летом?» — «И летом». — «А Папанин воюет?» — «Все воюют».

В кинотеатре «Заря», в бывшей церкви, которая и сегодня высится у железнодорожного вокзала, после новогодних праздников начали показ фильма «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». Народ стоял в длинных очередях на сеансы — всем хотелось видеть, как это было. Я посмотрел этот фильм много раз. Отцу и другим сотрудникам приходилось дежурить у кинотеатра, а я неотлучно находился при отце. Он заводил меня в зал, усаживал и уходил на улицу. Мне не надоедало снова и снова смотреть на экран, и я хорошо помню это первое победное кино и вряд ли его забуду. Москва, аэропорты воздушного заграждения, войска на бескрайних заснеженных подмосковных полях, разведчики на лыжах в белых маск-халатах, живые штабные карты, где чёрные и белые стрелы оттесняют друг друга, изгибая линии фронта, а в снежных вихрях мчатся наши танки и лавиной идёт пехота. А поверх всего, гордость и ликование народа — с грозным надрывным воем устремляются на врага огненные стрелы легендарной «Катюши» — всё горит и погружается в хаос огня и дыма. В некоторых кадрах с трубкой или карандашом в руках на экране появляется Сталин, и зал встаёт и взрывается криками и аплодисментами: «Да здравствует товарищ Сталин! Слава Красной Армии!..» А на экране уже тянутся и тянутся бесконечные завалы засыпанных снегом искорёженных фашистских танков, орудий и автомашин, и среди истерзанного огнём металла неподвижно чернеют призапорошенные трупы немецких солдат.

В феврале 1942 года день Красной Армии отмечали особенно торжественно — все воины были героями, и их чествовали и прославляли. Для раненых 934-го госпиталя, что располагался в роще, через улицу от нас, мы, детсадовцы, готовили разные подарки: тёплые носки, носовые платки, бумагу для писем, ну и, конечно, песни и всякие сценки. Отец помогал мне заучивать лермонтовское «Бородино».

По глубоким и снежным тропинкам мы шли к двухэтажным деревянным корпусам, и нас встречали уже на крыльце. Раненые, в халатах, с забинтованными руками и

лицами, на костылях, опираясь на трости, пожимали наши озябшие руки и помогали раздеться. Мы ходили по палатам, стеснительно вручали подарки, желали всем выздоровления. Ободрённые вниманием, мы вскоре начали концерт в коридоре. Образовался круг — «Красноармейская полянка», и все пели и танцевали. Когда очередь дошла до меня, я забрался на стул и начал читать:

*И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой...*

Мне и не думалось тогда, что это те самые люди, которые в декабре–январе пережили ад подмосковных сражений, который нам показывали в кино! Что ещё совсем недавно их вытаскивали полуживыми из сожжённых танков и самолётов, поднимали после атак из сугробов и вывозили с почерневших, перепаханых огнём полей Подмосковья в наш далёкий тыл. И мужчины в бинтах, полулежа в кроватях и сидя в колясках, смеялись и аплодировали, не скрывая слёз, и плакали сквозь улыбки. Всех нас за наше искусство угощали конфетами и яблоками и, не ведая греха гордыни, я принимал слёзы и аплодисменты наших зрителей на счёт своего артистического таланта. И, показывая, как меня учили, рукой на портрет Сталина, читал с ещё большим выражением:

*И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?..»*

И опять — и аплодисменты, и объятия, и слёзы... Мы гостили в госпитале до темноты, и наш концерт превратился в шумный и радостный праздник. Разве может забыться такое, разве может не вспомниться и не породить желания сказать об этом ещё и ещё раз!..

Война шла повсюду. Соседский юноша Георгий, самоуверенный и независимый, повесил у себя на кухне прямо на печке карту и отмечал линию фронта. С лета 42-го всё чаще звучало слово «Сталинград», и Георгий утверждал, что как только покончим с немцами в Сталинграде, война сразу кончится. Он даже спорил с моим отцом, и это поднимало его в моих глазах. Я водил его к мальчишкам в штаб, где проводил дни летом прошлого года, и он заключил, что штаб больше походит на цирковой балаган, а не на командный пункт. Посоветовал найти и повесить в штабе карту. Заходил Георгий и в нашу квартиру. В коридоре, где днём стоял полумрак, он наткнулся на скопище бутылок и загремел ими, но не возмущился, не повысил голоса, а по-хозяйски осмотрел комнаты, и нашу, и ту, за стеной, где жила семья лейтенанта Воскресенского, и не постеснялся сказать, что не так уж богато живут офицеры. Сообщил, что принесёт ещё бутылок и оставит их в нашем коридоре. Он принёс и оставил, а когда я спросил, зачем, он коротко бросил: «Для фронта, салака». На завтра я хотел спросить у отца, что такое «салака» и почему бутылки нужны для фронта, но как-то забыл. А когда вспомнил, то бутылок уже не было, и никто о них не вспоминал.

Про то, куда и как поехали воевать бутылки, мне рассказала полвека спустя старейшая работница, ветеран Иркутского вино-водочного завода «Кедр» Евгения Николаевна Жмурова. Случилось это так. Заместитель директора «Кедра» Татьяна Александровна Цикунова пригласила меня разработать эскиз и макет музея «Кедра» и устроила мне встречу с ветеранами, участниками войны. И вот что рассказала Евгения Николаевна: «С первых дней наш иркутский завод вино уже не разливал — сырья для вин не поступало. Мужчины ушли на фронт, на заводе остались почти одни

женщины. Но спирт производили, и мы разливали его в канистры и во фляги — фронт требовал много спирта. Он шёл для госпиталей, на самолётные приборы, на оптические заводы, на Север — все требовали спирт. Я сама его с девочками и разливала в небольшие специальные бочонки, деревянные и металлические, по двадцать литров каждый. Всё отправляли на север и на фронт. А вскоре случилось и невиданное: нам выделили малый цех, сделали его секретным, и стали мы разливать по бутылкам смесь спирта, керосина и бензина в особой пропорции; закрывали бутылки специальными пробками. Бутылки увозили на фронт: поджигать танки. Пушек не хватало, гранат не хватало, а пока заводы наладились с гранатами и пушками, против танков воевали с бутылками, вот мы их и готовили. Бутылки разбивались об металл, смесь разливалась по танку и горела очень жарко. Нам показывали кино про Одессу и Севастополь: там моряки отбивались бутылками, и танки исправно так, ярко горели. До войны на заводе циркулировали тысячи бутылок — увезут, опростают, привезут. Мы их в ваннах мыли, чистили и — опять в дело. А в войну бутылки не делали, не поступали они — нет, и всё тут. А горючку выпускать надо — война же, требуют. И поехали мы по улицам, по деревням-городам, и всё, где что можно, собирали. Я диву давалась, сколько бутылок пылилось во дворах и в сараях, на всяких свалках и кухнях — вот так всю тару мы собрали, а потом и перебили. В войну вся ушла.

Нам и самим опасно было разливать — могло и вспыхнуть, и взорваться. Но обошлось — ни разу не загорелось. А потом, когда с гранатами наладились, мы уже другим занимались. Приехал к нам мастер, как помню, Евгений Григорьевич Гришин, и начали мы для фронта и для госпиталей и для больниц делать экстракты. Сухой шиповник дробили, хвою лиственницы, сосны и кедра выпаривали и выжимали, а из экстракта таблетки прессовали. Но это уже как лекарство шло...»

В детсаду мы рассказывали друг другу, какие совершим подвиги, если попадём на войну, и я хвастался, что знаю мальчишек из итээровского сарайного штаба, которые собираются бежать на войну, и, может быть, возьмут меня.

...На высоком берегу Иркута, откуда открывалась широкая долина и уходила, насколько хватало глаз, за зелёные холмы, далеко к небу и облакам, мне виделось, что там, за долиной и холмами, не так уж и далеко, стоит Москва, и там идёт война. И если сесть в лодку и плыть по Иркуту, как говорил отец, сначала под деревянным мостом, а потом и под железным, а потом по Ангаре, то она донесёт до холмов и до Москвы. Там лётчики и корабли, и пистолеты, а я уже умею их держать, да и заряжать могу. И в разведку пошлюсь: я в самом маленьком углу могу спрятаться, как говорили штабисты... К воде нас, конечно, не пускали. Там внизу вдоль берега стояли дома и малые дворики, а у берега на привязи покачивалось несколько лодок, и в один из дней, когда малый детсадовский народ разбрёлся по поляне и ближним кустам, а воспитательница показывала девочкам, как плести венки из цветов и травы, я неприметно скрылся в зарослях и, цепляясь за зелёную гриву склона, заскользил по крутизне вниз, слегка задерживаясь на пологих вытопанных ступенях. Быстро оказался у самой реки. Вода стояла высокая, под кромку дороги, широкие, тяжёлые лодки тёрлись друг о друга и хотели уплыть. Я подошёл к одной из них, лёг животом на борт, перевалился на скамейку, дотянулся до крюка и сбросил верёвку. Лодку качнуло и стало разворачивать, выводя на стремнину, где вскоре она ровным ходом пошла вперёд. Я притаился на дне лодки и видел, как с горы, не сбегаая, а скользя по траве, цепляясь за кусты и чуть не опрокидываясь, катилась с горы наша воспитательница, а другая удерживала шумевших наверху детей. Вдоль берега уже бежал мужик и что-то кричал, а вода так расплескалась в борта, что брызги попадали мне на руки и на лицо. Я помнил, что надо доплыть до деревянного моста, потом до железного, а там будет Ангара, а дальше понесёт само. Однако лодка уперлась в брёвна и заскользила вдоль них. Наискось реки от берега до берега тянулись боны, плавающие мостки, — они задерживали брёвна,

когда вёлся сплав, и направляли их в малый затон; откуда по тихой протоке их сплавляли на лесозавод, что тянулся сразу за железной дорогой. Теперь я должен был, как очередное бревно, скользнуть к берегу в затон, а там никуда не уйдёшь от мужиков с баграми. Я как-то не учёл этой ловушки, и теперь меня тащило к берегу. А там народ толпой, и бежать некуда. Чем кончилось дело, пускай доскажут мои стихи:

*Другая лодка шла наперерез,
Мне путь перекрывая к океану.
И вот меня берут на abordаж,
И к берегу победно возвращают.
На берегу сплошной ажиотаж:
Ругаются и плачут, и вздыхают...*

Я не сомневался, что дома грянет гроза, но отец сам учил меня быть решительным. Он только и сказал: «Молодец, сын! Не делай ничего наполовину».

Остановка «Райсовет». Здесь, на повороте в Спортивный переулок, сегодня открытый вход в Парк имени Парижской коммуны, вокруг размещаются две аптеки, отделение Сбербанка, почта, а от прежних строений остался только старый двухэтажный особняк. Семьдесят лет назад всё было по-другому. Поворот в переулок был, но вход в парк перекрывали огромные декоративные ворота с двумя калитками: пешеходы через парк не ходили, парк работал по вечерам и в праздники, а вход в него был платным. Весь парк был обнесён деревянным забором. На центральной аллее чистота, тишина; дальние углы парка безлюдные и глухие, и я не знаю, что там было. В конце главной аллеи высился сухой фонтан — вода туда не подавалась; в чашу и в бассейн фонтана высаживали цветы. Недалеко от фонтана высилась идейно-патриотическая художественная композиция: красноармеец в будёновке, с винтовкой в руках охраняет границу, за ним заводы и стройки, а выше, всего-то в круглой окантовке, — портрет Сталина. И слова, написанные красным: «Ни одного вершка своей земли не отдадим никому». Это слова песни из фильма «Трактористы» 1939 года, где снимались самые популярные тогда актеры — Марина Ладынина, Борис Андреев, Николай Крючков, Пётр Олейников, которых мы очень любили и в войну, и после. Песня звучала так:

*Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде,
Мы начеку, мы за врагом следим.
Чужой земли мы не хотим ни пяди,
но и своей вершка не отдадим.*

В парк нас водили гулять, и здесь на берегу небольшого пруда, через который пробросили длинный деревянный мостик, нам читали книжки про капитана Немо и про детей капитана Гранта. Воспитательницы говорили, что в пруду живёт осьминог и подходить к берегу опасно. Мы, если кто-то подходил к воде, кричали: «Осьминог, осьминог!» — и все дружно удирали. В парке по сей день сохранилась ничем не занятая поляна, где в войну вечерами прямо под открытым небом показывали кино. На столбах натягивали экран, позади зрительских скамеек ставили киноаппарат. Фильм показывали частями, с перерывами на перезарядку. Порою киноленты состояли из десяти или двенадцати частей и продолжались долго. Посещение одного из таких сеансов едва не закончилось трагически для младшего брата Саши. Мы всей семьёй смотрели кино, стояла прекрасная погода июля 1943 года. Саше три года, ему не очень интересно, что там показывают, и он крутится около меня. Я пригнулся около отца и заснул, а когда проснулся, мать с отцом и ещё несколько человек уже искали брата. Отец обошёл с фонариком все ближние кусты и аллеи, но Саши нигде не было. Нас с мамой отправили домой, а на завтра в доме были сотрудники, и брата искали целый

день. Не нашли. Парк, особенно в глубине, был запущенным, полудиким, его не раз обходили, однако в высокой траве и множестве закоулков мог скрыться и взрослый. Нашли Сашу случайно, в том же парке, на третий день. Один из сотрудников, осматривая кусты по 2-й Железнодорожной, услышал слабые всхлипы и плач. Он перелез через забор и увидел Сашу. Тот лежал в траве, измученный, грязный, и всхлипывал из последних сил. Он не простыл, не заболел, не упал ни в какую яму, а поскольку был очень крепким от природы, то уже через неделю всё забыл. И когда пошёл дождь, он, как всегда, выскочил в одних трусишках на улицу и задрал счастливую мордашу. У него была удивительная мания выскакивать под дождь, и даже под снег, и умываться небесной влагой. Уже в юношеские годы он имел юниорские разряды по футболу и хоккею и ещё по четырём видам спорта. По приглашению радиокомитета он исполнял на гитаре пьесы Чайковского для радиослушателей, играл на пианино и, приобретя набор инструментов, настраивал знакомым рояли и фортепиано. Он закончил факультет журналистики Иркутского университета, и тема его дипломной была оригинальной — «Юмор и сатира в советской печати». Саша унаследовал от отца чуткий камертон юмора и бескомпромиссную порядочность. В перестроечном 1991 году опубликовал повесть «Агент КГБ, или Среда обитания», где, смягчая суть юмором, рассказал о тотальной слежке в СССР за гражданами...

13 октября 1963 года на стадионе «Труд» состоялся памятный дружеский футбольный матч между журналистами газеты «Советская молодёжь» и студентами факультета журналистики Иркутского госуниверситета. Тогда за «Молодёжку» играла команда «Матрица», куда входили чуть ли не все будущие литературные знаменитости: начинающий драматург Саша Вампилов, начинающие писатели Гена Машкин и Володя Жемчужников, начинающий сценарист и поэт Юра Скоп, будущий лауреат Государственной премии поэт Толя Преловский, радиожурналист и мой одноклассник Виталя Комин, театровед Жора Гаврилов, фотожурналист Виталя Белоколов. Команда студентов состояла из второкурсников журфака университета, но я могу назвать Володю Ходия, брата Сашу Козлова, Гену Хороших и Сашу Зонova. Иркутские литературоведы и историки оценивают тот период как время формирования иркутской плеяды шестидесятников, а команду «Матрицы» как прототип знаменитой писательской стенки, которую предугадал, а потом и объединил Саша Вампилов. Отчет о матче Саша Вампилов написал сам, но поставил коллективную подпись — «Команда Матрица». Его авторство доказал Володя Ходий, обнаружив в отчёте «лёгкость пера и самоиронию Саши». Вот строки из отчёта: «Против нас выступила срочно сколоченная команда студентов-журналистов. Ребят набрали прямо с футбольных полей... Студенты носились по полю как молодые олени — ни одного из них невозможно было догнать... Мы сменили несколько вратарей, но Яшина среди нас не оказалось... Студенты неистовствовали. Создавалось впечатление, что университет битком набит футболистами...» Автор отчёта признал: разгром был полный, поскольку счёт запредельный — «7 : 0» в пользу студентов-журналистов. Что касается ребят, которых набирали «с футбольных полей», то здесь играет юмор Саши Вампилова, как следствие впечатления, «что университет битком набит футболистами». Но за любыми впечатлениями стоит простая истина. Защитниками у ворот студентов стояли Володя Ходий и Саша Зонов, и никаких футбольных титулов они не имели. И хотя ребятам «Матрицы» один раз удалось прорваться к воротам студентов, прорыв остался безуспешным. В нападении у студентов, в основном, играли двое — Саша Козлов и Гена Хороших. Не знаю, имел ли какой-нибудь разряд Гена, но Саша ещё в школе имел первый юниорский разряд по футболу и хоккею. Это он и Геннадий Хороших замкнули «Матрицу» на её вратарской площадке и, как пишет Саша Вампилов, неистовствовали там без зазрения совести. Есть снимок, не раз опубликованный, где Юра Скоп и Саша Вампилов стоят на поле друг против друга и весело смеются. Это тот самый момент, когда в ворота

«Матрицы» влетел последний, седьмой гол, и литераторам ничего другого не оставалось, как искренне посмеяться над своими спортивными успехами. Брат время от времени вспоминал тот забавный матч и говорил о своих футбольных оппонентах с искренним уважением.

Вот такого брата мог я потерять в 1943 году, за двадцать лет до того весёлого матча!..

В годы войны 2-я Железнодорожная улица тянулась к деревянному мосту через Иркут. Улица — это пыльная грунтовая дорога; с одной стороны, деревянный забор парка, а с другой — сосновая роща с густым берёзовым подлеском, и никаких домов. А вот ближе к реке, на месте железнодорожной больницы, чернели врытые в землю бараки мостостроителей, и в них, после окончания строительства моста, проживали цыгане. В сосновом бору во всю его ширь располагался военный госпиталь № 934. На остановке «Райсовет» тоже чернели бараки-временки, и я успел сделать фото, когда в 1964 году их сносили. Напротив оставались тогда два старых двухэтажных особняка, из которых до наших дней сохранился только один. Сегодня в том особняке — городской шахматный клуб и что-то ещё, а в войну там, на втором этаже, размещалась столовка, где школьники получали обеды. Прямо со школы с книжными сумками и с банками ученики приходили сюда и в очередь получали по талонам суп, капустную котлету или кашу и съедали тут же за столиками или уносили домой. Некоторые специально приходили к концу раздачи, потому что если обеды полностью не разбирались, тётечки-поварихи могли налить и добавку, и даже подкормить тех, у кого талоны кончились или потерялись. Некоторые мальчишки брали с собой кого-нибудь, говорили, что талоны потеряли, и тётечки, понимая все эти проделки, всё равно наливали дополнительную порцию. Как-то раз такой деловой мальчишка позвал с собою и меня: «Скажешь, что потерял талон, и на тебя тоже нальют, и поедем вместе». Мы пошли и увидели, что на лестничной площадке между этажами сидит мальчишка с разбитым носом. Он не плакал, не кричал, а просто сидел и отдыхал, а когда мы стали подниматься, он соскочил и ринулся вверх. На него закричали и снова столкнули вниз: «Не лезь — ты тут не стоял!» Мальчишка разбился ещё сильнее. «Никого не пропускайте! — кричала сверху повариха. — Сегодня может и не хватить, а то вы тут перебыёте друг дружку...» Мой протеже повернулся ко мне: «Не надо, не получится — иди». Я вышел на улицу и долго вспоминал мальчишку, который сидел молча у стены, ни на кого не жаловался, но никого и не боялся.

Отсюда, от райсовета, раза два я бегал со штабистами на санрампу. Санрампа тянулась между Ангарой и железной дорогой. Сюда подходили санитарные поезда и выгружали раненых. С моста всё хорошо было видно, и народ собирался и смотрел. Раненых выгружали женщины, солдаты и врачи, кто в халатах, кто в телогрейках. К санрампе под мостом тянулась грунтовая дорога от бокового съезда с моста, и по дороге вдоль берега шли люди, тарахтели колёсами конные подводы, мягко покачиваясь, катили старые грузовики. Все двигались к санитарному поезду. Из вагонов на платформу выводили раненых, помогали тем, кто шёл сам, а других выносили на носилках и укладывали в кузова машин или на телеги, а мы сверху сморели. Я помню, как мы с мамой провожали поезда на фронт, и вот теперь они возвращались обратно, но из вагонов выходили люди, совсем не похожие на тех, кто тогда уезжал. Мальчишки-штабисты толкались здесь не впервой, и как только увели и увезли последнего раненого, они сбежали вниз по спуску и столпились у вагонов, где дымили кухни, а в дверях мелькали солдаты-повара. «Дяденька, дайте хлеба, дайте каши!..» — и солдаты, тоже в белых, но несколько замызганных фартуках наделяли мальчишек хлебом и остатками каш, а случалось, и консервами. На раненых каждый день отпускались продукты, однако раненые в дороге почти не ели, и потому много оставалось. Мальчишки шили холщовые сумки, и солдаты-повара вытряхивали из ведер тяжёлые сгустки пшёнки и овсянки, разрезали булки хлеба, вдоль и поперёк на четыре части, чтобы досталось

всем, и бросали мальчишкам. Те толпились и ловко ловили четвертинки, порой у вагонов затевалась возня и драчка, и тогда старшой из поваров кричал: «Не драться — прогоню всех! Кто получил — отходи...»

В 80-е годы ещё здоровствовали медсёстры и врачи госпиталя № 934. По договору с главврачом курорта Олегом Евгеньевичем Ульяновым я собирал и оформлял музей курорта и встречаться с ветеранами госпиталя мне велела сама судьба. Глафира Фёдоровна Никитина, медсестра, работала во ФТИ ещё до войны. Она вспоминала: *«Раненых привозили на машинах, подъезжали по три-четыре сразу. Мы людей снимали, мыли, укладывали, где могли. Порою вскроешь бинты, а там черви в гное. Это ж какая мука — люди не могли спать неделями, а везли их по месяцу, по два. В дороге ни помыться, ни поесть толком. Раненых прибывало много — везде, где можно, даже в клубе, мы прямо на полу стелили солому, накрывали её одеялами, простынями, и, несмотря на эти неудобства, после бани и перевязок раненые спали беспробудно по два-три дня — так изматывались в дороге. Госпитальную столовую, до войны — библиотека, а теперь — кинозал, тоже заполнили ранеными. В нынешнем кабинете главврача разместили перевязочную, а в музее, который вы делаете, располагалась операционная...»*

Валентина Константиновна Волостнякова, врач-рентгенолог, до войны работала и жила с семьёй во ФТИ, на территории курорта, она передала для музея много интересных экспонатов. Помнила войну и она: *«Раненых всё возят и возят, а мы разгружаем. Кто сам прыгает, а кого под руки ведём или несём на носилках и снимаем с машин, и водим, и укладываем, а их всё везут и везут. И сил нет, и места уже не хватает. И в клубе натопим, чтобы тепло было, и прямо на солому кладём. Тут же истории болезней пишем, сортируем — кого на операцию, кого куда, а ночью добредёшь домой — ни рук, ни ног своих не слышишь. Упадёшь, как провалишься. А утром то же самое. И всё молодёжь, молодёжь; но держались все молодцами, и во время, и после операций. Обезболивающих не хватало — терпели. Потом смотришь: через день-два уже прыгает на костылях и твердит: скорее бы поправиться и — на фронт. Да куда же, говорю, тебе на фронт? Ходить ещё нельзя, а они все своё: скорее бы на фронт. Я четыре года всю войну и день и ночь — всё время в госпитале, даже не помню толком и дом свой. Сын вырос рядом — не заметила. У меня всё снимки и снимки на рентгене. Иван Андреевич Павлов, наш главный хирург, говорит мне: «Давай, Валентина, смотри, металл давай, металл — есть совсем маленькие осколки...» А у меня по-разному получалось: то плёнка по качеству не та, то в поле зрения осколки не попали — глаза устают и не видят. Попробуй там найди точку с булавочную головку. И в этой проекции снимешь, и в той, а раненые часто под рентгеном прямо на носилках лежат — ещё и ходить не могут. Всё досконально просматриваю, снимаю и Павлову отдаю, а уж он достает этот металл и всё твердит: «Металл, Валя, давай, металл...» А у самого уже целый мешочек и пух всяких, и осколков — он их коллекционировал, но не любопытства ради: изучал законы проникновения, какие больше травму наносят, какие раны и как заживают. Иван Андреевич Павлов был отменный хирург. А многие раненые свои осколки на память увозили... Как мы любили наших больных — и ягодку из дома приносили, и капустку. Приезжали они в гипсах, худые, бородатые, под гипсом всё плавает, а как распилишь гипс, промоешь равны, спят сутками. И нам любили помогать, что могли делали...»*

Как хорошо, что тридцать лет назад я успел поговорить с этими добрыми, милыми, спокойными женщинами, которые всё пережили, всё помнили! Сегодня их уже никого нет — осталась только память. Дарья Никифоровна Кривоносова, подруга Глафиры Федоровны, — они всегда были вместе и доживали свои годы в одной квартире, жили скромно, чисто, две немолодые женщины, ордена показывали, но не одевали их даже в День Победы, дела свои подвигом не называли. Дарья Никифоровна вспоминала: *«Я в войну заведовала теплицей, и раненые очень любили с нами работать:*

многие же из сёл, от земли — и усадьбы свои имели, и огороды. И у нас тут они будто дома отдыхали. И нам с ними веселее и легче. Натаскаешься с носилками, а раненые выгружают, да ещё отдежурить ночь в палате, так в теплице такой рай — тишина, тепло, зелень разная и воздух лёгкий, чистый. А в палатах, где тяжёлые больные, стоны, кровь, растворить окно лишний раз нельзя — лежали с повышенной температурой, с открытыми ранами. Всё больше молодёжь — лётчики, танкисты, некоторые из-под Москвы, тяжёлые, сильно обгорели и лечились по году и два, и больше. Раны огнестрельные, ожоговые, сквозные — заживали подолгу, и нам отдыха никакого. Зато в праздники в коридорах цветы, или у кого день рождения — тоже цветы. Кто их поздравит, если не мы — все родные далеко, все в работе. И детки к нам приходили, пели песни раненым, представления ставили — ну, как им цветочков не дать или по морковке. Тоже ведь свою долю изживали — где не доедят, где с мамой-папой лишний раз не погуляют. А детство оно одно... Огурцы, редис, лук раненые у нас рано получали, уже в марте-апреле. Только снег сошёл, землю подсушили печками, и раненые, кто на ногах, уже идут сами, на работу просят: «Дайте, сестрички, что-нибудь поделать — руки-то скучают без дела». Они нам и землю взрыхлят, и рассаду принесут, а уж полоть грядки могли и те, у кого только одна рука здоровая. Чистить теплицы было потруднее — этим занимались уже те, кому вскоре на комиссию, кто на выписку готовился...

Спасибо, Дарья Никифоровна, помню я эти цветы-морковки, и запах яблок, помоему, оттуда...

Летом 42-го зазвучало слово «Сталинград». В штаб к мальчишкам я теперь не ходил — у меня рядом был такой авторитет, как Георгий. Он стоял перед картой и пророчил: «Всё, они уже выдохлись. Видишь, не могут прорваться за Волгу, всё — им хана. Их на Волге покрошили будь здоров. В Сталинграде и наши, и немцы сидят в развалинах. Немцы ползут в атаку на коленях, а наши отбиваются на четвереньках — ни у кого уже сил нет. Железнодорожник один рассказывал — он до самой Волги поезд довёл: там одни камни, все разрушено, горы трупов. Сейчас наши танки подойдут к Волге — и всё, дальше мы до самого Берлина...» Я пытался представить, как немцы идут и идут, а наши их бьют и бьют. Может, и вправду скоро конец?

В том году ждали новшество — армии возвращали погоны. Соседи про это спрашивали у отца, и он отвечал: «Вы же читали в газетах». А в газете не только писали о погонах, но и давали рисунки: погоны гладкие и с полосками, и в ёлочку, и в шашечку, со звёздами и значками — танками, перекрещёнными пушками... Я ждал с нетерпением, когда отец придёт в погонах, и однажды он пришёл в них. В новом кителе серо-зелёного полевого цвета, на ногах уже были не краги — такие ботинки со шнуровкой и картонно-кожанными раструбами, а настоящие хромовые офицерские сапоги. Мы все — я и соседи — подошли и стали рассматривать. Я поднялся на скамейку и видел лучше всех. Золотистый погон с одной полоской и три звёздочки — старший лейтенант. А вечером мама спорила с папиных воротничков петлицы с красными эмалевыми «кубарами» и отдала их мне. Я нацепил кубики себе на рубашку и сказал, что это ордена, и показывал награды в своей детсадовской группе. Мне сразу предложили обмен на все игрушки, и мы все играли кубиками, а потом они затерялись.

В 1943 году маму перевели заведовать железнодорожными детскими яслями № 135 в Иркутске-Сортировочном, на Привокзальной улице Образцова. Ездил она на работу на передаче — пригородном поезде, который таскал паровоз с огромными красными колёсами. Однажды мама опаздывала и вскочила на подножку вагона, когда поезд тронулся. Она ухватилась одной рукой за поручень, а в другой держала трёхлетнего брата Сашку. Опоздать на работу было чревато — за пятнадцать минут задержки можно было пойти под суд. Это заставило молодую женщину сильно рисковать; и неизвестно, чем бы всё кончилось, но её подхватил какой-то военный и втащил на площадку. В тот момент у неё из рук выскользнула балетка с ключами, печатями, документами и

деньгами. Балетка ударилась о платформу — и всё рассыпалось. Военный соскочил с подножки и стал подбирать, а начальник поезда, который всё видел, но не имел права останавливать поезд, показал машинисту самый-самый тихий ход. Целых полминуты поезд двигался едва-едва, пока военный снова не вскочил на подножку. Дальше пошли быстро. Мать никогда не называла имена людей, спасших её, она их попросту не знала, но всю жизнь вспоминала тот случай. Её в трудную минуту поддерживал тот урок человечности и достоинства, не утраченных людьми даже в суровое военное время... Мама часто оставалась на работе с ночевой — детясли были круглосуточные, и мы с отцом какое-то время жили сугубо мужским дружным коллективом. Но вскоре и отца перевели в Иркутск-Сортировочный в политотдел линейного отделения милиции, и теперь мы всей семьёй переехали туда же. Переезжали мы с отцом — остальные были уже там.

Перекочёвывали зимой, в самые морозы. К дому в ИТР-городке подъехали широкие сани-розвальни, на них уложили перевёрнутый стол с тумбочкой, к столу прислонили сложенную металлическую кровать, всё это верёвкой увязали между собой и с санями, а впереди втиснули узлы с вещами. Между узлами, закутав в необъятный тулуп, пристроили и меня. Тепло, мягко и хорошо видно. Да ещё из-за тёмного края земли поднималась огромная луна. В серебристой, с искрами мгле всё становилось туманно-сказочным. Отец сказал, что сюда мы больше не вернёмся, и я попрощался с домом, первым домом в моей жизни, который я помню. Поехали по 2-й Железнодорожной, вдоль деревянного забора парка, мимо бараков, врытых в землю, и стали спускаться к Иркуту. Справа на спуске к мосту чернели двухэтажные деревянные дома с тёмными подъездами, а слева тянулся сосновый бор госпиталя. Полозья заскрипели по деревянному мосту, по которому почти полвека назад, в 1898 году, пришёл в Иркутск первый поезд. В 1908 году построили для поездов стальной мост, а с деревянного сняли рельсы, укрепили настил, и по нему пошли пешеходы, сани и телеги, а вскоре и первые автомобили. Сегодня про тот мост напоминают только остатки опор, которые в чётком ритме пересекают Иркут от берега до берега. Летом через мост ходили жители Селиванихи — нашего заречья, и многие иркутяне уходили на левый берег купаться и загорать. Вода в Иркуте была прозрачной и чистой; никаких сбросов в реку не делали, и она оставалась чистой и живой. На песчаных отмелях в осоке паслась рыбная мелочь, а под крутыми берегами и в ямах стояла крупная рыба — сорога и налим. Осенью, когда лёд ещё оставался достаточно тонким и прозрачным, ночью выходили на лёд с факелами. Увидав, где стоит рыба, били по льду тяжёлыми дубинками, глушили её...

Миновав мост, мы поднялись на земляную дамбу, ограждающую железную дорогу, и на съезде с дамбы сани чуть не перевернулись. Во всяком случае я уже вывалился из них, но отец с возчиком удержали сани от опрокидывания. Меня снова усадили, и мы двинулись вдоль железнодорожного полотна по накатанному зимнику, теперь уже до самого Иркутска-Сортировочного. Ехали часа два, а миновав Монастырское озеро, покрытое льдом, въехали на широкую улицу Образцова. С обеих сторон одноэтажные и двухэтажные дома, палисаднички, заснеженный штакетник в сугробах — что за прелесть старые зимние удицы! В ИТР-городке ни сквериков, ни огородов не водилось, только клумбы и затоптанные травяные лоскуты. Возле одного из домов остановились, меня освободили из тулупа, сказали подниматься на второй этаж. А там в нашей новой квартире уже носился Сашка и мама накрывала на стол. Сестры Томочки уже не было — она умерла от кори летом 1942 года. Нас с отцом приняли как долгожданных гостей и героев — мы из другого города дошли своим ходом в ночи и в холоде и доставили нашу движимость — железную кровать и фанерный стол.

Улица Образцова в Иркутске-Сортировочном — это бывшая Скитская, недалеко от Иннокентьевской рощи и Монастырского озера и Спасо-Иннокентьевского храма, который действует поныне. Квартира была однокомнатная: из коридора вход в кух-

ню, справа печь, слева, в углу, — кровать, на ней будем спать мы с Сашкой. Далее дверь в соседнюю комнату, там будут жить мама с папой. В комнате на тумбочке у окна стоит патефон, а подальше большой, как шкафчик, радиоприёмник. Отец любил технику, и приёмник иметь ему разрешалось. Во время войны радиоприёмники были изъяты из частного пользования и разрешали их далеко не всем. Зато почти во всех квартирах висели на стенах или стояли на окнах и шкафах бумажные радиотарелки.

На новом месте началась новая жизнь. Теперь до маминой работы было две минуты ходу — ясли и наш дом разделял переулок, а ясли занимали почти квартал. Одноэтажный и двухэтажный дом, два амбара с сеновалами, углублённое в землю овощехранилище, ледник. Двухэтажный высокий дом занимали младшие группы — груднички и детвора до двух лет. Ясли работали круглые сутки. В одноэтажном доме размещалась старшая группа, а также кухня, продуктовые кладовки, медицинский кабинет и кабинет мамы. В одном амбаре хранили хозинвентарь — телегу, хомуты, лопаты, грабли, мётлы, а в другом жил конь Гнедко. Всю усадьбу окружали парники и грядки. С одной стороны ясельная усадьба выходила на улицу Образцова, с другой — к железной дороге, а с третьей — к леднику. Четвёртая сторона граничила с нашим домом. От железной дороги усадьбу отделял старый, несколько запущенный сквер с остатками фонтана и беседки. Из окна нашей квартиры был виден двор детяслей — детей выводили на прогулку, в теплицах и на огороде работали.

Отделение политотдела, где работал отец, находилось у вокзала, в одноэтажных служебных помещениях, построенных одновременно с железной дорогой. Если идти к отцу, справа оставался ледник — сплошная деревянная крепость, раза в два выше окружающих двухэтажек. Всегда наглухо закрытые ворота, куда уходили рельсы. Ледник занимал территорию, на которой сегодня стоит железнодорожный вокзал Иркутска-Сортировочного с прилегающими службами. Летом от холодильника тянуло холодом и сыростью, из-под стен вытекали огромные лужи, а вокруг них нередко теснилось два-три десятка огромных крыс, которые выходили из-под стен попить свежей водички. Зимой огромные отсеки холодильника заполняли опилками и глыбами льда — это была база хранения продуктов, которые перегружали в такие же со льдом и опилками вагоны и увозили. Летом эти вагоны также протекали, и от них также тянуло холодом.

В трёх минутах ходьбы от вокзала, на улице Образцова, находился железнодорожный клуб, а рядом с ним — 38-я железнодорожная двухэтажная школа, куда мне предстояло пойти в первый класс. На одной лестничной площадке с нами жили Леоновы — отец, мать, их сын Олег, мой ровесник, и их дочь Ольга. Отец лежал парализованный, измождённый, он страшно тяготился тем, что ничем не мог помочь семье. Как его звали, я не помню. Тётя Лена, маленькая, худенькая, работала на молочной кухне. Не знаю, какие она там получала копейки, какими силами держалась, но никогда я не видел её расстроенной или раздражённой, никогда она ничего не просила и оставалась тихой и молчаливой в работе. Я подружился с Олегом, который стал моим первым по жизни другом. Родители Олега не гнались в своё время за именами экзотическими, вроде Рево и Люция, или Владилена — Владимир Ильич Ленин, а называли детей именами первых русских князей — Олега и Ольги. Оба, брат и сестра, были бледными, худенькими, особенно Олег. Поначалу он стеснялся брать у меня хлеб, когда я выходил с куском на улицу, но со временем отношения наши стали проще и доверительнее.

На территории детских яслей располагался технический сарай железнодорожников, и мы с Олегом как-то раз забрались в него. В сарае хранились учебные плакаты, руководства по работе на дороге, инструкции по сигнализации, фонари и тормозные башмаки. Однажды мы обнаружили в сарае пулемёт. На колёсах, со щитком, со всеми деталями и в натуральную величину, но сделан он был из дерева — обточен, от-

шлифован, пригнан и собран. «Максим» не «Максим», какие мы знали по фильмам о Чапаеве, а современный, крупнокалиберный, скорее всего, учебный макет. И если мы крутили его ручку, он громко трещал. Мы утащили пулемёт из сарая и играли с ним в войну. В войну мы играли за сараями — выкопали там окопы, соорудили крытые блиндажи, сидели в них и вели секретные разговоры. Мы часто уходили на Монастырское озеро, в Михайло-Архангельский скит, купались, прощупывая ногами илистое дно. Жители говорили, что в гражданскую войну белые, отступая, утопили в озере винтовки и пулемёты, и мы мечтали их добыть. А нередко мы просто уходили на пути, залезали на тормозные площадки и катили до Военного городка или за Иркутный мост, а оттуда — на Иркут. Искупавшись, возвращались пешком вдоль ручьев Сарафановки домой. Шли долго, останавливаясь, бросая камни — кто дальше, а я вспоминал, как той же дорогой мы ехали зимой в санях. Летом всюду мерцала болотная вода и ручьи... Сегодня там образовались большие озёра, где водится рыба и живут утки. В непогоду мы с Олегом сидели у нас, ели суп и хлеб, заводили патефон. Олег привык ко мне и уже не очень стеснялся, сам намазывал масло на хлеб и резал кровяную колбасу. Отец, как все офицеры, получал в войну дополнительный паёк, но, право, паёк этот частенько был условным. Вместо масла выдавали иногда кедровые орехи, вместо сахара — сахарин, вместо пшёнки и гречки — перловку, а вместо мяса могли выдать селёдку или креветки, или же крабов, которых никто не знал, как готовить.

Зимой и весной 1943 года я ещё ходил в детский сад № 19 — через стадион, рошу и речку Сарафановку. Где-то в мае нас сфотографировали на память, вручили подарки и выпустили в белый свет. Летом мне купили путёвку в лагерь отдыха авиазавода «Пилот». Это далеко, в шестидесяти километрах от Иркутска, где станция Суховская. От станции ещё километров десять через леса и луга, в пойме реки Китоя, близко от того места, где сегодня расположен квартал «А» города Ангарска, а ещё точнее — где спуск от ДК «Современник» уходит в пойму Китоя. Тогда, конечно, ни Ангарска, ни ДК не существовало и в проектах, и насколько хватало глаз простирались леса, поля и низинные луговины Китоя. До станции Суховской более двух часов мы ехали на передаче — паровозике с тремя-четырьмя скрипучими вагончиками. Вышли на станции, нас построили в сосновой рощице, проверили по спискам, мы уложили на телеги наши сумки и чемоданчики — они пошли впереди, а мы за ними. Дорога бесконечно петляла среди болотцев, берёзовых опушек, лугов, тёмных хвойных зарослей, густой широколистой травы, где в изобилии летал, ползал, мельтешил, жужжал и стрекотал лесной и полевой народец с разными лапками, крыльями, глазами и рожками и необычных раскрасок. Это были жуки, стрекозы, бабочки, мураши... В небе пели жаворонки, вокруг колыхались ковры колокольчиков, лилий-граммофончиков, жарков, ромашек... Шли долго, вскоре стали уставать, особенно мы, младшие, но отдохнуть нам не давали, даже, наоборот, просили идти быстрее — надо поспеть до темноты. «Давайте, давайте, ребятки, ещё немного — уже скоро!» И мы верили и старались, но конца дороги, казалось, не будет никогда. Думаю, даже сегодня не каждый взрослый решится прогуляться пешком от кинотеатра «Современник» до станции Суховская лесными дорожками и тропками, без остановок и к тому же ускоренным темпом. Может, взрослому и не покажется далеко, но уж точно, что сегодня он не увидит того безумного торжества жизни, ещё не знающей кислотной росы, радиационных ручьёв, покрытых аммиачной плёнкой болотцев!

Когда мы подходили к лагерю, на небе уже блистали звёзды, но нас ждали. Уставили в полукруг, попросили дружно крикнуть «Костёр зажгись!», и мы что-то такое выдохнули. Из пирамиды веток и хвороста выскочил огонёк, побежал по веткам и вдруг разгорелся огромными языками, освещая всё вокруг, — сезон отдыха в лагере был открыт. Но нам было не до того, и, обессиленных марш-броском, нас развели по баракам...

По утрам мы вставали рано, выходили на зарядку, умывались из больших железных умывальников, наполненных речной водой. Потом — завтрак: каша, чай, хлеб с кусочком сахара, а затем игры, походы в лес, купание. Ребята постарше доставали со дна озера перламутровые ракушки, мастерили из кувшинок и трав костюмы и устраивали праздники цветов. Завтракать и обедать ходили в застеклённый павильон-столовую. Там стояли длинные столы из высокобленных досок и такие же лавки. Столы накрывал дежурный отряд — ставили миски, раскладывали ложки и хлеб, заходили звеньями, садились, и дежурные поварёшками из больших кастрюль разливали первое. Обычно на первое готовили суп или щи, на второе — кашу с полевым луком, который мы собирали сами, а в середине каши — жёлтый глаз растительного масла. На третье — кисель или чай, по-разному. Мы быстро справлялись с обедом и шли по палаткам — наступал сончас. Всякое движение по лагерю запрещалось, но мы всё равно выбирались через окна прямо в лес и уходили к реке или на озеро. Но за это наказывали. Наказание — подметать дорожки, носить дрова на кухню, а вечером на линейке объявляли провинившийся отряд.

По вечерам на спортивной площадке лазали по канатам, играли в городки, в лапту, качались на качелях. В дождь сидели в палатках — в невысоких бревенчатых бараках с окнами в одну раму. Электричества не было, и вечерами на столах горели керосиновые лампы, нам выдавали шашки и домино, а особо умным — шахматы. У шахматистов всегда было много болельщиков, которые спорили между собой больше, чем сами шахматисты. Часто выпускали стенгазету — это делал каждый отряд в своём бараке. В газетах помещали сообщения с фронта, рассказы о подвигах бойцов, стихи о родине и Сталине и лучшие рисунки ребят. Перед отбоем проводилась общая линейка и переключка. В дождь в бараках бывало прохладно, и, чтобы быстрее согреться и заснуть, приходилось укрываться с головой... В июле за лагерем на болотистой равнине созрела голубица, и мы ели её прямо с куста — ягоды было много, но хватало и едоков, поэтому ближние кусты быстро объедали. В лес ходили разведчики и сообщали, где ещё голубичные поляны. Однажды рано утром я вышел за околицу и увидел, что с горы спускается велосипедист. Я издали узнал отца. Побежал навстречу. Он приехал из Иркутска на велосипеде в такую даль, и я гордился этим — у меня был праздник. Отец поговорил с начальником лагеря, и мы провели с отцом прекрасный денёк...

Кончился сезон трагически. В один из дней нас повезли на другой берег Китая. Перевозили на двух лодках, и в какую-то езду, уже возвращаясь, одна девочка решила помыть обувь. Туфля выскользнула у неё из рук. Она потянулась за ней, лодка, нагруженная по самую кромку, зачерпнула воды. Дети вскочили и перевернули лодку. Попавшие в воду стали цепляться за борта идущей следом лодки. И её тоже перевернули. Из двадцати ребят, сидевших в лодках, двенадцать утонуло, а восьмерых спас местный юноша шестнадцати лет. Он видел всё с берега и бросился на помощь. Вырос паренёк на этой реке, знал её и отлично плавал. Нырлял и за рубаху, за платье, за волосы вытаскивал кого-нибудь из воды и снова нырял. Уже к вечеру лагерь заполнили родители, врачи, милиция. Часть детей сразу увезли домой, а те, кто остался, отбыли немного позже. В день отъезда провели прощальную линейку, зачитали благодарности, некоторых ребят наградили шахматами, шашками, тетрадами...

Мама заведовала железнодорожными яслями, и у неё медсестрой работала тётя Соня, чернокудрая, улыбчивая женщина. Хозяйством и снабжением занималась тётя Уля Глухова, главным бухгалтером была Мария Ивановна Попова, старший повар — тётя Таня, добрая, обаятельная, с тихой мягкой улыбкой и серыми ласковыми глазами женщина. Я их так и звал: тётя Уля, тётя Таня, тётя Соня; исключением была Мария Ивановна — я звал её по имени-отчеству. Рыжая, веснушчатая немка — уже это являлось поводом подшучивать над ней. В основном её «хломатила» тётя Уля:

«Ну, что, Марта Иогановна, видела, как наши вашим под Сталинградом дали проспаться?» И Мария Ивановна, интеллигентная женщина, хваталась за рыже-красную голову и убегала в слезах. Перехватив меня во дворе, она убеждала: «Ванечка, не слушай, что говорят эти женщины — они плохо воспитаны. Приходи к нам — поиграете с Игорьком». Игорёк — это её сын, мой ровесник, умный, серьёзный, даже в мелочах выдающийся мальчик. Он объяснял мне, почему патефон поёт голосами и почему летает самолёт. Аккуратный, рациональный, он всё умел, как истинный немец, и я всегда делал, как он говорил, но дружить с ним меня не тянуло. А ещё у него был прекрасный подростковый велосипед — его ему собрал из разных деталей отец, дядя Коля, мастер по сборке самолётов. Если я просился прокатиться на велосипеде, Игорь, не сомневаясь, говорил: «Ты не умеешь, этому надо учиться. Научишься, я дам тебе покататься». Даже свое великодушие он проявлял рационально.

Несмотря на подшучивания, мама, тётя Соня, тётя Уля и Мария Ивановна слаженно работали и дружили семьями, вместе отмечали дни рождений, собирались в праздники. Тётя Уля Глухова мне нравилась природной женственностью, обаятельностью и скрытой силой. Она даже в половодье переплывала Иркут туда и обратно, и я однажды заявил ей, что когда вырасту, то женюсь на ней. С тех пор мама стала называть тётю Улю невесткой: «Ну что, невестка, пойдём запрягать лошадей».

Единственным транспортом при яслях числился конь Гнедко. Он жил в амбаре, а ухаживал за ним приходящий конюх. Он работал где-то поблизости и не каждый день появлялся во дворе. Случалось, надо запрягать Гнедко, а конюха нет, и никто больше запрягать лошадь не умел. Кроме моей мамы!.. Она родилась в Забайкалье, на реке Онон, в деревне Цасучей, и почти с детства гоняла верхом по степи, умела выдержать коня, дать ему остыть и после этого напоить чистой водой. Обучил маму верховой езде её отец, мой дед Василий Семёнович — пахарь, плотник и знаток лошадей. Ему не везло — дети у него умирали в детстве, и выжили только две дочери, старшая Зоя и младшая Мария, и когда пришла пора кого-то сажать на коня, Василий Семёнович посадил маму и стал её обучать как мальчика. Уже в пятнадцать лет она умела зауздать коня, запрячь его в телегу или сани и ездить верхом... И вот на ясельном дворе волнуется тётя Уля и объясняет маме: «Зоя, надо получать продукты, а никого нет...» Никого — это конюха. И тогда мама, красивая молодая женщина, в локонах и на каблуках, идёт к амбару и набрасывает на Гнедко узду, выводит его, ставит в оглобли, надевает хомут, крепит дугу, направляет в губы коня удила. Тётя Уля во всём ей помогает. Правит тётя Уля умела, и мама передавала ей вожжи: «На, невестка, правь!» Тётя Уля, постелив на телегу белый мешок, приглашает маму: «Ну, поехали, свекруха...»

В 44-м я оказался на свободе: в детсад не ходил с мая месяца, а до школы оставалось целое лето. Это походило на лето 1941 года, когда наш детсад переделывали под госпиталь, но теперь я был на три года старше. Я ходил в магазин за хлебом, чистил картошку, срезая её почти наполовину, мыл тарелки и ложки... За положенными нашей семье тремя килограммами хлеба я ходил на вокзал, в магазинчик-лавку «Комсомольский», и со мной часто ходил Олег. Вдвоём веселее. Покупался хлеб таким образом. Продавец ножницами очень ловко вырезала из хлебных карточек квадратики, где обозначались текущий день и количество граммов. Хлеб, не купленный вчера, можно было выкупить сегодня, а если сегодняшний хлеб выкупили уже вчера, то сегодня можно было выкупить завтрашний, то есть на день вперёд. Просроченные на два дня талоны пропадали, выкупать хлеб более чем на два дня вперёд тоже не разрешалось. Карточки прикреплялись к определённому магазину, и в других магазинах их не принимали. Выдавались карточки на один месяц. Именных карточек не существовало, а потому их можно было продать и купить. Если карточки терялись, восстановить их было невозможно. Никаких пружинных и электронных весов ещё не существовало, и на прилавках стояли грубые, с равновесным коромыслом и чугунными гири весы,

но взвешивали хлеб с точностью до грамма. За обвесом следили все — хлеб нормировали строго. На день я получал 400 граммов, отец и мама — по 700, итого на четверых детей, а нас в 1944 году уже было четверо, и на двух взрослых мы ежедневно получали 3 кг хлеба. Хлеб, как и карточки, можно было купить на рынке — булка хлеба стоила от 200 до 250 рублей. Куль картошки — 2500 рублей, булочка с маком, пирожок с яйцом и луком — от 15 до 30 рублей, в зависимости от начинки и веса. Точности взвешивания достигали, отрезая от булки какую-то часть или, напротив, добавляя обрезанные кусочки, их называли довесками. По негласному правилу, довески можно было съедать, не донося их до дома, и нам с Олегом часто перепало по корочке хлеба на обратном пути. Хлеб всегда был очень вкусным — за сырой, непропечённый, тяжёлый хлеб пекари могли пойти под суд по статье о диверсии. Фактическим едоком в доме я был один — только к вечеру приходили отец, мать и Сашка, а младшие большей частью оставались в круглосуточных ясельных группах. Мама всегда видела их днём и нередко сама дежурила ночью. Днём Олег часто ел у нас — больше ему нигде не перепал дополнительный кусочек, как перепал мне от женщин, которым я обещал жениться. Тётя Уля ведала в яслях снабжением, и её служебная комната-кладовая делилась секциями на открытые лари, где хранились крупы, сахар, макароны, пряники, конфеты, сухофрукты, в её владениях всегда вкусно пахло, но посторонних туда не пускали. Я был там, может быть, раза два и, конечно, испытывал искушение. Но обычно тётя Уля заводила меня в свой кабинетный уголок и угощала. «Маме не говори, а то нам обоим, как немцам, будет капут», — предупреждала она. Я вступал с ней в сговор и подтверждал его тем, что молчал как партизан. Повар тётя Таня, очень мягкая и улыбчивая, нравилась мне не меньше, чем тётя Уля, но была ещё женственнее и смелее. Я тоже хотел на ней жениться, но знал, что жена должна быть одна, и не обнадеживал напрасно женщину. Тётя Таня подзывала меня тихой улыбкой и рукою, запускала в приоткрытую дверь, садила в уголок за маленький столик и ставила передо мной тарелочку супа или блюдечко с котлеткой. Тётя Таня прикрывала дверь и говорила: «Не спеши — ешь спокойно». Я съедал угощение и, сказав обязательное «спасибо», удалялся восвояси. Тётя Таня нравилась мне и без всякого угощения — около неё было как-то спокойно и светло...

Мои родители были смелыми людьми — у них в 1943 году родился сын Владимир, а в 1944-м — сестрица Лидия, и надо было видеть, сколько радости принесла она в дом. С тех пор как в 42-м умерла от кори маленькая Томочка, отцом владело одно желание — в семье должна быть дочь. И вот она родилась, в предпоследний год войны, когда детей рождалось очень мало. В нашей небольшой квартире собрались гости, и главенствовал за столом дядя Гриша, муж тётки Ули, Григорий Данилович Глухов. Он работал в конструкторском отделе авиационного завода, потом инженером по ТБ, и они с отцом дружили. Крепко, искренне, уважительно. Дядя Гриша — мой первый наставник по рисованию; он одним росчерком, не отрывая карандаша от бумаги, мог нарисовать Сталина в профиль, что приводило меня в восхищение. Ещё он великолепно играл на мандолине и часто исполнял марш «Старые друзья». Первые музыкальные ноты я извлёк медиатором из той же мандолины — дядя Гриша пытался учить играть и меня. Дети Глуховых, Боря и Неля, мой брат Саша и я, конечно, дружили. Мы бывали в их просторном доме на улице Пржевальского, 31, и они угощали нас сибирскими яблоками из собственного сада... Бори и Саши уже нет, а с Нелей Даниловной Шихалевой, педагогом и преподавателем хорового пения Шелеховской музыкальной школы, мы дружим и порою видимся по сей день. Ценителям живописного искусства знакомо имя её мужа, заслуженного художника России Геннадия Шихалева. Сегодня мы все — дети войны.

Дядя Гриша стал крёстным отцом Лиды, а крёстной матерью — тётя Соня. Лидя оказалась не последним ребенком в семье — потом родился ещё мальчик Николай, но

жил недолго. Отец всегда говорил маме: «Пускай, мать, растут. Вот кончится война, дети вырастут, будем ездить в гости, то к одним, то к другим...» Но война лишила отца жизненных сил намного раньше, чем мы выросли, он умер вскоре после Победы, в 1948 году, в возрасте 39 лет. К тому времени из шестерых детей осталось четверо, и мне, самому старшему, исполнилось только двенадцать. Послевоенные годы были не легче военных, и маме предлагали отдать двоих из нас на патронат, в детдом, но она всех оставила при себе и дожила вместе с нами до своих внуков. Человек удивительной доброты, душевной и внешней красоты, она отдавала много сил не только нам, своим детям, но и другим людям... Однажды, ещё в годы войны, мама пришла домой бледная, слабая, прилегла на койку и сказала, что немного отдохнёт. Дети всегда тревожатся, если с матерью что-то не так, и я, конечно, подошёл к ней: «Мама, что с тобой? Тебе плохо?» — «Все хорошо, сынок, уже лучше. Я полежу немного и встану... Мы сегодня кровь сдавали для раненых...» — «Это больно?» — «Нет, это совсем не больно, но надо отдохнуть...» Вскоре мама поднялась.

Коллектив детяслей № 135 был дружный — все женщины убирали двор, работали на грядках, а те, у которых не было детей, дежурили ночами в госпиталях и сдавали кровь для раненых. В 1944 году учредили две почётные, хотя и не боевые, награды. Первая — это знак и звание «Почётный донор СССР», его статус определяло Положение: «Нагрудным знаком “Почетный донор СССР” награждаются лица, многократно сдававшие свою кровь для спасения жизни раненых бойцов и офицеров Красной Армии...» И вторая — это «Медаль материнства», которую вручали женщинам, родившим и воспитавшим более пятерых детей. Как самую дорогую память о матери, я храню «Медаль материнства», знак «Почётный донор СССР» и другие знаки, которыми была награждена мама.

В 1944 году, осенью, я собирался идти в школу, но до начала занятий, после возвращения из летнего лагеря, ещё оставалось время. День моего рождения совпадал с первым днём занятий, 1 сентября, и мама, пока тянулось лето, вручила мне подарок — пошитую на меня солдатскую форму — гимнастёрку и пилотку, и обуви вроде сапог. Я чувствовал себя готовым для настоящих походов — мог ползать по земле, сидеть наблюдателем в окопе, переходить болота и ручьи. Теперь я играл в войну при полной экипировке. Не было только настоящего оружия, но и тут нашёлся выход... Мама не боялась брать в руки оружие — она прошла курсы стрелков. Стреляла с вытянутой руки и в своей дамской сумке рядом с документами, печатями и деньгами носила никелированный, миниатюрный, но самый настоящий браунинг. И я решил им вооружиться и тем завершить образ храброго солдата. Как учил отец, я разрядил обойму, проверил, нет ли патрона в патроннике, и только после этого пошёл играть в войну — в настоящей форме и с настоящим оружием. Но долго играть не пришлось — мальчишки постарше тут же увели моё блистательное оружие, передавая его один другому и делая вид, что уже не знают, кто у кого взял и кому передал посмотреть. Мои просьбы вернуть браунинг не имели успеха. Пришлось вечером всё рассказывать отцу и выслушивать его чрезвычайно выразительное молчание. Так и не произнеся ни слова, он встал и ушёл, и вернулся минут через тридцать и молча отдал маме браунинг. И три дня меня ни для кого не существовало — со мной не разговаривали, на мои вопросы не отвечали. И тяжелее этого наказания я не знаю.

Не часто, но коллектив яслей приглашал фотографов, чтобы снять мероприятия или детей по просьбе родителей, и самим сфотографироваться на память. И как-то раз, наигравшись в нашу вечную войну, в той самой форме и пилотке я забежал к маме, а она и все её женщины готовились фотографироваться. Их уже усадили и расставили, и фотограф уже залез под покрывало и говорил что-то об улыбках и тишине. И тут в замаскированной земле гимнастёрке прямо с поля сражения появился я.

Женщины замахали руками: «Сюда, Ванюша, сюда, а то у нас ни одного мужчины! Вставай здесь!» И я встал, и навсегда остался воином в том военном времени в по-видавшей виды гимнастёрке и в пилотке...

Тем летом к отцу на работу я ходил почти каждый день — по шпалам вдоль холодильника всего три минуты. С другой стороны холодильника такая же ветка уходила в сторону дороги. На той, второй ветке всегда малоллюдно, ночью она не освещалась, а летом зарастала лебедой и крапивой. К этим зарослям примыкал малый скверик яслей, где угадывались остатки фонтана и давнишней беседки и где мы с Олегом устроили свой штаб и ели там хлеб, принесённый из дома. Здесь он был вкуснее! В сквере мамин коллектив репетировал пьески для детских утренников, и мама даже выступала в роли режиссёра, но, по-моему, у неё это не получалось; гораздо лучше с этим справлялась тётя Уля.

Лично я имел в скверике тайник, под камнями фонтанчика, и прятал там подсушок для патронов, пустой корпус гранаты и деньги, которые накапливались от сдачи в магазине и которые мне давали на кино и мороженое. Они вдруг появились у меня огромной суммой. А дело было так. То ли увидели мы и сообщили отцу, то ли отец увидел нас и подошёл к нам, а я уже со временем что-то нафантазировал, но в итоге суть оказалась такой: в зарослях лебеды, у безлюдной стороны ледника, раскинув руки, спит офицер. Его объёмистая полевая сумка откинута в сторону, фуражка откатилась, шинель распахнута. Склонившись, отец прикладывает пальцы к его лбу, проверяет пульс, потом устраивает под голову фуражку и говорит, что он просто спит. Затем вынимает из его кобуры пистолет, отстёгивает полевую сумку, забирает из нагрудных карманов документы и говорит: «Идите домой, я скоро приду. А вы ничего...» «... Не видели, не слышали, не знаем!» — отпартовал я. Мы пошли домой, я к себе, Олег к себе. Вскоре пришёл и отец. Мамы дома нет, но мы давно всё умеем сами — достаём, греем, нарезаем, разливаем, и отец не забывает сказать: «Позови своего друга». И я исполняю это с радостью. Олег стесняется, он всегда стесняется моих родителей. Победив, отец ушёл, а мы с Олегом остались, поставили пластинку Утёсова и хохотали до упада: певец в одном месте картавил, съедал звук, и получилось глупое, почти скабрезное слово. Мы все время переставляли иглу, заставляя Утёсова снова повторять это слово, и хохотали. Когда пришла мама, я проводил Олега и пошёл к отцу. Дежурные меня знали и пропускали. У отца сидел на стуле тот самый офицер, который спал в траве. Он держался за голову и раскачивался: «Капитан, прошу тебя, найди, найди... Вышка мне... Найди, капитан... Документы и оружие — главное... Деньги я наскребу, продам дом, отработаю, отсижу, наконец... Но оружие, документы...» «Да, время военное», — подтверждает отец и как-то безучастно смотрит в окно. Я понял: он просто забыл, что это мы забрали у него деньги и пистолет, пока он спал. И у меня на языке так и крутится, но взгляд отца заставляет меня вспомнить заповеди: «не... не... не...» И я молчу. «Ты иди, посиди там в дежурке, — говорит отец офицеру, — а дежурного отправь ко мне». Офицер тяжело поднимается и уходит. «Молодец! — похвала отца для меня превыше всего. — Иногда промолчать всё равно, что хорошо сказать». Это, конечно, я тоже должен запомнить...

Вошёл дежурный, и отец ему: «Скажи Елистраткину, пусть возьмёт этого страдальца и прогуляется с ним до станционного буфета. Там подозрительная компания сидит: пусть посмотрит». Дежурный ушёл. «Этот твой офицер, за которого ты так хотел заступиться, обычный разгильдяй, а если точнее, то больше дурак, чем преступник». Как это отец догадывается, кто и за кого хочет заступиться?! А отец продолжал: «Приехал закупать продукты на целую воинскую часть — тысяча бойцов, не меньше. У него документы, сотни тысяч рублей, а он, видите ли, давно не выпивал, коньячку захотелось. Я и сам бы не прочь коньячку выпить, но ты видел, чтоб я когда-нибудь выпивал или был пьяным?» — «Нет, не видел». Отец помолчал. «Но его не за что

судить — ослаб он. Тыловики тоже с жиру не бесятся, всё идёт на фронт...» — «И коньяк?» — «И коньяк». — «Тогда пусть едет на войну и там спит в траве». Отец хочет рассмеяться, но только ерошит мне волосы. «Ослаб он, сынок: видишь, какой худой...» — «Ничего не худой, как все, как ты...» — «Как я...» — повторил отец. Я не знаю, знал ли он, но я не знал и не думал, что ему оставалось жить всего несколько лет. Чувствовал ли он это? Он был награждён орденами и медалями, и я считаю, что он погиб на той же войне, но не мгновенной смертью, не от пули, а постепенно теряя жизненные силы...

Вскоре вернулся отправленный им на вокзал дядя Елистраткин, по-моему, его звали дядя Миша. Он доложил: «Товарищ капитан, в буфете на вокзале никого не было». «Знаю, — ответил отец, — надо было проветрить интенданта, а то совсем заkis. Зови его сюда». Вошёл офицер, все такой же удручённый, серый, замученный неведеньем. «Капитан, никого в буфете не было, ошиблись твои. Капитан, если никого не найдёшь, крышка мне... Тогда дай мне пистолет...» — «Да, крышка, без венка и без салюта. Но ты не кисни, не положено — ты офицер». — «Хреново мне...» — «Совсем хреново?» — «Совсем». — «Ну, тогда на возьми и застрелись», — и отец достаёт из стола пистолет и кладёт перед офицером. Тот качнулся к столу. «Сидеть!» — тихо, но повелительно сказал отец. Он достаёт из тумбочки стола полевую сумку и кладёт рядом с пистолетом. Потом выкладывает и документы: «Твоё?» И тут офицер схватился за голову и застонал. Мне страшновато было видеть, как, не сдерживаясь, рыдал и выл взрослый человек, мужчина, офицер. «Капитан... капитан...» — только и выговаривал он. «А я ведь чуть-чуть... под поезд...» Потом кинулся к сумке, выхватил пачки денег: «Вот, капитан, это тебе, по праву, по гроб жизни... Не откажи, капитан... до конца дней моих...» — «Вот и хорошо, и помни. А деньги убери: они не твои. Тебе народ кормить надо, а ты тут... нюни распустил. Подписывай протокол и свободен. В часть сообщать не буду, но протокол будет у меня. В другой раз не пожалею — казню...» — «Капитан... капитан...» — бормотал офицер, собирая своё имущество. «Вот ему скажи спасибо — ребятишки тебя увидали». Если и мы, то не помню, кто первым, я или Олег, или оба сразу? Но в заповедях отец оказался последователен: он не сказал неправду, он не взял чужого и не обидел того, кто от него зависел, кто был слабее его. «Никогда не говори неправду, не бери чужого, не обижай тех, кто слабее тебя». Эту заповедь я тоже узнал от него... Но, увы, на этом дело с интендантом не закончилось.

Я шёл по улице, и из машины выскочил тот самый офицер и быстро подошёл ко мне: «Ты помнишь меня, Ваня?» Я его помнил. Он положил мне в руки газетный свёрток: «Отцу не говори — он нас обоих... Понял я его... Если что — матери признайся... Спасибо, сынок, мы ещё увидимся...» — и уехал. Чего они все так боятся отца? Он же добрый! Впрочем, я тоже не очень-то перед ним храбрился, была в нём какая-то молчаливая скрытая сила. Я стоял посередине улицы со свёртком и до меня доходило, что там — нечто. Надо спешить в скверик к нашему фонтанчику. Там, за фонтанчиком, я развёрнул газету и по траве рассыпались зелёные полусотки, красные тридцатки с портретами Ленина, синие пятирублёвки с лётчиками, чёрно-серые червонцы — тоже с Лениным. Куча денег, и заповеди я никакой как будто не нарушаю. Чужого я не брал, интендант слабее меня не выглядел, вот только молчать надо, а молчать — это врать или нет?

Тайник в камнях фонтанчика обратился в сейф, набитый деньгами. Дня два я молчал, ждал, что будет, но не случилось ничего, и я привёл за фонтанчик Олега и сказал ему, что всё это наше с ним. Олег забоялся, сказал, что надо отдать кому-нибудь, а кому — мы оба не знали. Решили подождать ещё немного, а потом решим, что же нам делать. А потом у нас началась загульная жизнь. Сначала мы думали что-нибудь купить его больному отцу, но Олег сразу отказался: отец ничего не возьмёт, пока не

узнает, откуда деньги. Отдать матери — она скажет отцу, а отец не будет со мной разговаривать, пока я не скажу правду. И решили помалкивать, ничего никому не говорить, потому что когда молчишь, то, похоже, не врёшь, но всё равно не говоришь правду. Начать наш загул мы решили со станционного буфета, там за стёклами витрины в свете электрических лампочек много необычайно вкусных разностей, а торговля коммерческая — всё продаётся без карточек, только за деньги, хотя и дорого, но нам это не помеха.

В ярких витринах буфета на фарфоровых тарелочках лежали ломтики хлеба с колёсиками колбасы, зелёным луком и солёным огурцом — семьдесят рублей; хлеб, намазанный маслом, два кусочка селёдки и солёный огурец — пятьдесят рублей; а ещё на стойке перед буфетчицей стояла алюминиевая мерка — ею отмеряют в стакан водку, но нас это не прельщало. А вот кусок жареной свинины с картофельным пюре и опять же солёный ломтик огурца и перо лука — очень притягивали глаза. Я никогда не ел такой румяной жареной свинины за триста рублей! Денег хватит, но столько всего мы не съедим. Есть поменьше — ломтик белого хлеба, намазанный маслом, и с половинкой разрезанного варёного яйца и тоже с огурцом, — это, как и селёдка, тоже пятьдесят рублей. Но почему у них всё с огурцом?.. В витринах свет — аж глаза заходятся. Столько всякой вкусной и красивой еды, да ещё на фарфоровых тарелочках!

В зальчике буфета работает официантка: «Садитесь, мальчики, вам всё подадут — и булочку с маком, и чай сладкий. У вас деньги есть?» — «У нас деньги есть. А булочка с маком нам не нужна». Мы сели за стол, и девушка в кружевном кокошничке и в фартучке подошла к нам. «Ну и чего вам, мальчишки?» Олег втянул голову в плечи и притих. А я стал перечислять: «Одну свинину разрежьте пополам — она большая. Два белых хлеба с яйцом и огурцом, два хлеба с маслом и селёдкой и солёным огурцом, и сосиски с лапшой...» Девушка-официантка остановила меня: «Это очень дорого, мальчик, у вас денег таких нет, и не съедите вы столько». «У нас есть такие деньги — вот!» — и я машинально вытаскиваю красные и зелёные бумажки. «Подруга, ты посмотри, что творится! Откуда столько денег? Я за полгода столько не зарабатываю. Вы где взяли?» Олег показал на меня: «Это его деньги». «Ты где взял?» — «Это наши деньги — мы спасли человека...» — «И он вам столько дал?» Тут встрял Олег и твёрдо сказал: «Да». — «Надо же, как людям везёт. Мне бы кого-нибудь спсти...» Я поясняю: «А то бы его расстреляли». А тут кто-то из присутствующих подал голос: «Это сын капитана Козлова. Наверное, деньги дома взял — они не бедные...»

О том, что мы не бедные, я слышал не раз, и всё пытался понять, какое такое у нас богатство? Две простые железные кровати, деревянная качалка для малышки Лиды, два деревянных стола — один в комнате, на нём мама гладит рубашки и простыни, а второй, обеденный, на кухне. Кухня с печкой — она же прихожая, она же наша с братом спальня. А ещё патефон и приёмник. Да, вот приёмников я в войну ни у кого не видел, вот это, наверное, и есть наше богатство.

«Слушай, не трогай ты их: они же водку и «Казбек» у тебя не просят, — говорит буфетчица. — Дай им что хотят, и пусть ребятишки кушают. Может, они и вправду кого спасли». «Да, спасли!» — теперь и Олег осмелел. Оказалось, что и за деньги не так-то просто купить, что хочешь: всем надо знать, где и чего ты взял. Но в итоге мы получили всё. Мы ели и болтали, а я думал, что теперь отец всё узнает. Ну и пусть: мы ничего не украли!.. Кушанья были очень вкусные, мы никогда такого не ели. Но всего осилить не смогли. Официантка взяла с нас плату и ещё раз подседа к нам: «Ребятки, вот вам чек: я написала, сколько и за что с вас взяла. Покажите дома, если что». А потом спросила сама у себя: «Откуда у людей такие деньги?»

Мы вышли из буфета пьяные от еды, но решили, что на вокзал больше не пойдём: здесь нас узнали. Теперь точно до отца дойдёт, и он всё узнает. Опять запрут в доме и разговаривать не будут!

Несколько дней мы ждали, но было тихо, и мы решили теперь идти подальше, на рынок. Это за линией, где-то у авиазавода; там нас никто не знает. Перешли железнодорожный виадук, прошли ближайшие улицы, утопающие в болоте, обогнули двухэтажное кирпичное белое здание банка и вот — рынок.

На рынке крытые деревянные прилавки, тут все ходят, смотрят, разговаривают, что-то продают и покупают. За прилавками тёточки в фартуках, перед ними молоко в четвертях и литровых бутылках и маленькие миски с творогом, картошка варёная в глиняных чашках, горячая. Хлеб круглый, домашний, а государственный, стандартной выпечки, продавать нельзя. Лук зелёный, огурцы, котелки с сырой картошкой — всего понемногу. В войну даже служащим, если они жили в частных домах, разрешали в городе держать коров, коз, кур и садить в огородах. Потому продукты имелись, и надо сказать, голода не было. Да, недоедали все, а голода не было. Кроме молока и картошки, продавались домашние пирожки с грибами, яйцом, луком, и выглядело это даже лучше, чем в буфете, но цены тоже немалые: пирожок от сорока рублей, леденец красный из жжённого сахара — десять рублей, но всех цен я не помню. Рыба в бочках, с сильным запахом рассола. На мясе, даже на небольших кусках, синие печати от ветеринаров и инспекторов — проверено на вредность и налог уплачен...

Мужичок-инвалид, несмотря что лето, сидит в коляске, в запахнутой овчине, продаёт болты, гайки, пружины, дверные крючки и петли, старые висячие замки, самодельные бензиновые зажигалки, подковки для обуви, подмётки и голенища для сапог, подшитые валенки и шапки — много чего. Продаёт деревянные игрушки и вешалки с затеями. Повесишь на лапки совы пальто, а она взмахнёт крыльями. Или сидят медведь и мужик с молотками, нижнюю планку туда-сюда дёргаешь — и они по очереди стучат в наковальню. А ещё бабушки, благообразные, молчаливые, продают стопки очень красивых книг — в твёрдых переплётках с тиснением, с золотыми боковыми обрезами, цветными картинками, совсем недорого. Этих бабушек почему-то называют генеральшами. Книги смотрят, с бабушками беседуют, но покупают мало. А в целом базар полупустой.

Нам с Олегом интересна тётка, которая торгует пирожками из-под крышки и платка. Пирожки с зелёным луком и яйцом, и всего сорок рублей. Одна красненькая тридцатка и две синие пятёрки — это нам подходит! Пирожки тётка кладёт на какую-то серую рыхлую бумагу, мы с Олегом отходим, едим, смотрим, чего ещё можно купить, поесть, хотя вроде и не голодные, но главное, сами себе хозяева, при деньгах, и независимые.

А поодаль на пустых ящиках сидят солдаты в выцветших, почти белых гимнастёрках, без погон, но в шинелях, хотя и жарко. На груди ордена и медали, у каждого по две-три. Один с костылями, без ноги, другой без руки, а третий и вовсе на деревянном ящике с колёсиками, в руках палки круглые с гвоздями на конце — отталкивается ими и едет. И едет быстро — может догнать. И страшно, и грустно, и как-то уже и пирожков не хочется. Олег меня подталкивает: «Пошли». Мы, даже не доев, оставляем пирожки, отходим, а тётка от своих пирожков уже идёт к нашим и причитает: «Это ж сколько еды бросили, а!..» Солдат на колёсиках кричит: «Не трожь, мать, это нас ребяташки напугались, это нам оставили!..» — и, толкаясь палками, едет к пирожкам. Денег у нас в карманах немного, но я сую их Олегу: «Иди, отдай им». Олег медлит, но идёт к солдату, который пытается достать пирожки с прилавка. Солдат остановился: «Извини, парень, мы думали, вы уже ушли». И хочет уехать. Олег стоит рядом с безногим, он выше его на своих ногах и что-то ему говорит и протягивает деньги. «Да что ты, парень, ты и сам-то не маков цвет. Ты их не из дома спёр? Не помрём мы...» Но к безногому уже спешит однорукий, сгребает с прилавка бумагу с пирожками — бери, говорит, пока дают, и возвращается к другому безногому.

Мы потом не раз видели таких солдат на вокзале, на улицах, в скверах, на том же базаре. Некоторые из них играли на гармошках, пели песни про коварную женскую любовь, другие чистили обувь, нередко они спали пьяные на траве в палисадниках.

Были случаи, что бросались с железнодорожного виадука под поезда. Солдат-калек было много, но однажды они все исчезли. Всех беспризорных и бездомных солдат собрали и увезли на север в Соловецкий монастырь, где они жили на государственном обеспечении и под присмотром.

Порою солдаты собирались в скверах, на скамейках, на траве, вспоминали и громко рассказывали друг другу, кто, как и где воевал. Подходи и слушай, а если есть, дай рубль на водку. Вокруг обязательно собирались мальчишки. Рублей у них не водилось. Но зато они самые внимательные и благодарные слушатели, им всё интересно, и здесь рассказывается то, чего не услышишь ни по какому радио. Это был короткий, в два-три года, послевоенный период, когда воспоминания были свежими и яркими, когда классические книги о приукрашенной войне ещё не написали, когда дворовым ораторам ещё не надоело говорить, а юной, не успевшей повоевать публике слушать. Именно тогда мы слышали ту правду о войне, которую можно было услышать только от самих солдат, только в то время, и только в приватном исполнении. Мне думается, что имеет смысл собрать то, что слышали мы, дети войны, о войне, слышали от участников тысяч эпизодов и случаев, слышали ту правду, за которую отвечать уже некому, но без которой жестокий облик войны не будет полностью достоверным. Я помню много эпизодов из рассказов солдат, но не буду говорить здесь — это другая тема. Огромный пласт правдивой информации всё ещё хранит последнее живое поколение войны — это факт несомненный и интересный.

Уже тогда война в кино была немного другой: мужественные и благородные лейтенанты, красивые и трогательные медсёстры, мудрые военачальники, примитивные и карикатурные немцы, которые непонятно каким образом сумели поработить всю Европу, навязали нам кровавую и опасную войну и захватили треть европейской части СССР. Я записывал все фильмы, какие видел. И самым киношным для меня оказался тот же 1944 год. Остатки денег от военного интенданта мы с Олегом просаживали в клубе железнодорожников на кино и мороженое и старались не пропускать ни одного фильма. Кино показывали в пять, семь и девять часов вечера, но на девять нас не пускали. Летом перед сеансом в фойе или на улице всегда продавалось мороженое: алюминиевый бочонок в ящике со льдом, накрытый белой тряпкой. Тёточка в нарукавниках закладывает в кубическую формочку квадратик вафли, набивает её сливочным мороженым, прикрывает сверху другим квадратиком и, как шприцем, выжимает кубик холодной сливочной вкусноты. Десять рублей всё удовольствие! Билеты в кино стоили по-разному, в зависимости от времени сеанса и места в рядах. Где-то за полгода я посмотрел шестьдесят четыре фильма — мне помнится эта цифра и аккуратно записанные строки: в одной строчке одно название. Самым страшным оказался фильм «Потомок Чингисхана». Там были свирепые маски и такое оглушительное подобие ревушей музыки, что мы с Олегом позорно убежали с сеанса. Самым ярким и шикарным нам казался английский фильм «Багдадский вор», подаренный Черчиллем лично Сталину и показанный всему народу. К самым весёлым американским фильмам я отнёс «Джорж из Дзынки-Джаза», а самым смешным нашим были «Весёлые ребята». Когда мы смотрели этот фильм, то от смеха сползали на пол, а потом вспоминали эпизоды: а этот тому — бац! а тот тому — хрясть! а ему в ответ — раз! а этого потащили мордой по роялю!.. И — хохотали, хохотали. Мы уже знали актёров, они запоминались, и, конечно, Любовь Орлова умела всё: и петь, и танцевать. Однако наш личный приз зрительской симпатии ей не доставался. Симпатии вызывал экзотический негритёнок из «Цирка», особенно когда весь цирк пел ему колыбельную. Сегодня, просматривая те ленты, понимаешь, что юмор того времени был рассчитан на невзыскательного зрителя, какими мы и являлись, но зато какой изумительной красоты звучали в кино песни! Некоторые я пою и по сей день, например, «Как много девушек хороших...» Вскоре мне открылась глубина этих слов...

Однажды лето кончилось, и наступил день, первое сентября, когда нас отправили в школу. Именно отправили. Никто нас не провожал, не было ни цветов, ни родителей, не случилось даже простой школьной линейки. В школу пришли только те, кто поступал в первый класс. Явилось нас человек одиннадцать, все сами по себе. Родители работали, и такой традиции, как первый звонок, не существовало. Собрались на аллее перед школой, и к нам вышла наша учительница, Екатерина Степановна, кудрявая, темноглазая, построила всех в шеренгу, зачитала по списку, спросила, кому сколько лет, сообщила, что сейчас все пойдём в класс, и, взяв меня за руку, как первого в шеренге, повела в школу. Я руку освободил — не маленький! Но она шла не оборачиваясь, а мы спешили за ней. Вот и все торжества поступления в первый класс 38-й железнодорожной школы первого сентября 1944 года на железнодорожной станции Иркутск-Сортировочный.

Занимались мы на первом этаже, дверь сразу налево, окна на солнечную сторону, за окнами буро-зелёные, до конца не убранные огороды, где по утрам уже ложилась изморозь. Школу отапливали печками, дверцы печей выходили в коридор, и мы слышали, как сторож-истопник приносила уголь, рассыпала его на железный лист у печи, гремела ведрами, чугунными затворками, скребла совком и забрасывала уголь в печку. Класс оставался полупустым, последние парты — свободными, и мы там раздевались, складывая пальто и куртки на парты. После начала занятий в класс пришло ещё несколько человек, и нас стало больше, но всё равно парты пустовали. В школе не всегда было тепло, и наша учительница носила белый свитер и белые бурки с тёмно-коричневым кожаным низом; закрывала плечи мягкой шалью. Нам иногда приходилось заниматься не снимая пальто — не всегда в сарае имелся уголь. Перед началом занятий нам давали по кусочку хлеба, грамм по сто, и по кусочку колотого сахара. Кололся сахар неровно, и случались кусочки побольше и поменьше, и учительница раздавала их по усмотрению: кто поменьше и послабее — тому кусочек побольше. Продовольственные карточки на это дополнительное питание не сдавали. Учились мы во вторую смену, и перед школой я всегда успевал поесть дома и, как некоторые другие ребята, хлеб не брал, только иногда сахар, а чаще всего отдавал всё Олегу, а он уносил хлеб и сахар домой, сестрице Оле. Школе не хватало угля, и директор обратился к моему отцу, и в тот год под угольный навес угля навозили под крышу, потому что углём топили не только школу, но и учителя, которые жили в школьном флигеле, брали уголь для отопления. Флигель — это барак на несколько квартир, и там жила наша учительница с дочерью и сыном, а отец их был на фронте. В школе занятия пошли своим чередом. Учительница объясняла классу буквы, и все учились читать. Хотя я уже свободно читал, скучать мне не приходилось: учительница давала мне решать задачки и учила чистописание. Сын учительницы часто приходил в наш класс, сидел на задней парте, грелся, делал свои уроки и не спешил домой. Он дожидался мать, и они уходили вместе.

Осень случилась знаменательной. В 44-м году мы с тёткой Марией и сослуживцами мамы и отца несколько раз весной и летом ездили садить, полоть, а осенью копать картошку, где-то в районе станции Половина, очень далеко, зато земли — сколько хочешь. И в тот год природа за долготерпение людей расщедрилась на хороший урожай — на всех делянках стояли десятки наполненных кулей. В город картошку доставили в товарных вагонных, в тот самый рельсовый тупичок у стен холодильника. Мы накопили тогда, как помнится, сорок три куля, что, конечно, целое богатство для семьи. Но богатство это я только там, у холодильника, и видел. Здесь, в тупичке, картошку перегружали на тележки или подводы, кто как мог, и развозили. Дядя Гриша Глухов, папин друг с авиазавода, и дядя Коля, мастер-сборщик того же завода, подъехали к вагонам на полуторке и двадцать с чем-то кулей нашей картошки увезли на фабрику-кухню авиазавода. Казалось бы, какой подарок, но в газетах писали, что один колхозник на свои деньги построил самолёт и подарил его фронту.

А ещё я помню, и мать и отец, и все наши знакомые без исключения подписывались на облигации разных государственных займов, и у нас был целый чемодан облигаций. Думаю, то же самое скажут многие мои сверстники, дети войны, все они видели стопки и пачки облигаций. Эти заёмные деньги, отчислены от зарплат, то есть взяты, главным образом, от семей, от нас, детей войны. Миллиарды и миллиарды рублей пошли в фонд обороны, но со временем государство обязывалось их вернуть, и частично займы погашены. Но в большей своей части облигации те утеряны, они навсегда исчезли в недрах тумбочек, ящиков и домашних кладовок, а владельцы их, в основном, вымерли. Наследники от тех залежавшихся, непонятных для них номинаций избавились как от ненужных бумаг. Долг полностью не возвращён, и непонятно, закрыта ли юридическая сторона вопроса о погашении тех военных займов? Ведь срока давности возвращения долга нет.

...В школе занятия шли своим чередом. Задачки стали казаться мне скучноватыми, и я начал их рисовать. Вот идёт папа, он в форме с погонами, он идёт один, и я пишу под ним единицу. Вот папу догоняет мальчик, наверное, его сынок; он тоже в военной пилотке, но в его руках холщовая, пошитая мамой сумка с книгами; под ним я тоже ставлю единицу. Потом между единицами я ставлю плюс и две единицы равняются у меня двум, и я рисую, как папа и сын идут вместе. Учительница рассматривала рисунки, говорила, что, наверное, я буду художником, и ставила мне пятёрку.

Мы с Олегом по-прежнему бегали в кино, хотя и реже, чем летом. Уже выпал снег, рано темнело, и в кинозале было уютнее, чем на улице. У меня появились пластинки с любимыми песнями, но песни не только про войну и не только про Сталина, «Песенка Паганеля» из фильма «Дети капитана Гранта» меня очаровала. А песня из кинофильма «Весёлые ребята» «Как много девушек хороших» трогала меня совсем по-другому. Я заводил патефон и пытался подпевать Утёсову:

*Как много девушек хороших,
Как много ласковых имён,
Но лишь одно тебя тревожит,
Унося покой и сон,
Когда влюблён...*

Покой и сон я не потерял, но песня стала предвестницей неведомых мне переживаний: я впервые в жизни испытал неодолимую силу любви чистого мальчишеского сердца — я полюбил взрослую женщину, когда смотрел музыкально-поэтический фильм с необычным тогда названием «В шесть часов вечера после войны». Ещё в войну шла война — это декабрь 1944 года, а фильм уже рассказывал о Победе, о первых её днях: как это случится, что люди будут чувствовать и говорить друг другу. И удивительно: всё потом так и оказалось! Герои фильма — артиллерист лейтенант Кудряшов и девушка Варя — заведующая детсадом, ставшая потом командиром взвода зенитчиц, назначили встречу в шесть часов вечера после войны и слаженно и славно пели об этом дуэтом:

*До встречи, до встречи,
До нашей Победы.
До вечера после войны...*

Сколько шёл этот фильм, столько раз я его смотрел, но он оставался для меня волнующим. И нравился он мне не за стихи и песни — я ходил смотреть на актрису Марину Ладынину. Это она пробудила во мне любовь, которую в десять-двенадцать лет испытывают почти все мальчики к взрослым женщинам. Лучистый и женственный взгляд актрисы, её чарующий мягкий голос, проникающий в сердце, её легкое смещение в переживаниях и детское восхищение окружающим миром — такой была

моя героиня. А ещё меня поражало, как распахнутый восторг её глаз сосредоточенно собирался в перекрестье зенитного прицела и устремлялся на ревущее бронированное чудовище «Хейнкеля» или «Мессершмитта». Я ненавидел штурмовики, которые обрушивали огонь на поезд, идущий к линии фронта, и на девушек-зенитчиц, прикрывающих поезд огнём. Варя, героиня фильма, отвечала им огнём пулемётов и падала раненая на открытую платформу. Ветер развеивал её рассыпанные светлые волосы.

Много лет спустя я встретил актрису в жизни, неожиданно, лицом к лицу. Я уже отслужил на флоте, обошёл половину земного шара и приехал в командировку на Таймыр, а она оставалась всё такой же стройной и хрупкой женщиной, с лёгкой, стремительной походкой. Это случилось в 1962 году. Я спускался, а она поднималась по парадной, покрытой коврами лестнице заполярной гостиницы «Норильская», и проходила в полуметре от меня. Я смотрел на неё неотрывно и видел нашу школу на улице Образцова, кинотеатр и как я убегаю на вечерний сеанс кино. Она, оказавшись напротив меня, прижалась руками и спиной к стене и тоже не сводила с меня глаз, а, поравнявшись со мной, негромко спросила: «Что это вы так на меня смотрите?» И тут же вбежала на площадку и скрылась за дверью. Неужели на неё никто так не смотрел, неужели она не привыкла к вниманию сотен поклонников её таланта? Думаю, привыкла, но я-то смотрел на неё не как на актрису, а как на первую любимую женщину. Она прожила, надеюсь, долгую и счастливую жизнь; всего пять лет не дотянула до своего столетия. В последний раз я видел её и Самойлова, который играл в кино её возлюбленного офицера-артиллериста, на их выступлении в Ангарске, когда её выводили на авансцену под руки, и она уже плохо стояла на высоких каблуках, но дух творчества и актерский шарм оставались при ней...

В конце 1944 года наша армия уже полным ходом шла по Европе, и новый, 1945 год мы встречали как год Победы. Настоящие ёлочные игрушки оставались большой редкостью, и вместе с нашей учительницей мы из цветных клочков агитационных плакатов, из фольги и осколков цветного целлулоида делали к Новому году множество всяких блестящих висюлек, цепочек и флажков, чтобы украсить ими класс и ёлку. Уже давно не соблюдались никакие затемнения, и в Новый год окна школы светились, а вокруг школы над сугробами и кустами мерцало несколько электрических лампочек — очень хотелось, чтобы в наступающем году воссиял всюду свет мирной жизни.

Но этот Новый год оказался последним для нашей улыбчивой и красивой учительницы: очень скоро, где-то ближе к марту, она трагически погибла. Это тот самый уголь, который запасли с осени. В зимние холода он превратился в мёрзлую гору, которую все, набирая, подкапывали. К весне, когда стало теплее и уже выкопали целую пещеру, гора рухнула в то время, когда Екатерина Степановна набирала уголь... Её гроб стоял в коридоре их дома, где было холодно, куда мы заходили и выходили. Потом гроб установили на сани, и они подъехали к школьному крыльцу. Нам говорили: «Прощайтесь, ребятки, больше ваша учительница не придёт к вам». И мы стояли и смотрели на лицо мёртвой учительницы, и её смерть была первой, которая случилось так близко. Рядом с саями стояли её сын и дочь, и тяжело опирался на палку её муж. Он только-только вернулся с фронта, а вернее, прибыл, не долечившись, из госпиталя. Когда сани двинулись от крыльца на улицу, за ними пошли мы, её первоклашки, почти не понимая, что происходит, и даже не умея её оплакать. Нам разрешили дойти до первого поворота и отпустили по домам. Стоял солнечный, немного морозный день. Доучивал нас муж нашей учительницы, который до войны тоже работал учителем, но каждый день он приходил не мог. Он был слаб, ходил опираясь на трость, а вместо него часто приходила хрупкая, с огромной копной светлых волос учительница из другой школы — Анна Анемподистовна. Муж Екатерины Степановны до войны преподавал русскую литературу и, наверное, потому любил и знал поэзию. Он сразу стал

спрашивать: «Ну, кто, ребятки, из вас знает стихи наизусть?» И мне, уже давно знающему отрывки из «Бородино» Лермонтова, было лестно поднять руку. Учитель спросил:

— А чьи ты знаешь стихи?

— Михаила Юрьевича Лермонтова.

— О, это очень серьёзно! И ты можешь их почитать нам?

И я без предисловий начал:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ...*

Учитель замахал руками:

— Всё, всё, хватит! Садись, молодец!

И, помолчав, спросил:

— Ребятки, а вы знаете поэму «Василий Тёркин»?

Поэму мы не знали, и он стал нам читать её наизусть. Просил, чтобы мы запомнили, и повторял места, которые нам нравились, например, о драке Тёркина с немцем. Это мы запомнили быстро. Он читал:

*Отоспись на мне, будь ласка,
Да свали меня вперёд.
Ах, ты вон как! Дратесь каской?
Ну не подлый ли народ?
Хорошо же! — и тогда-то,
Злость и боль забрав в кулак,
Незряженной гранатой
Теркин немца — с левой — шмяк!..*

А мы дружно подхватывали:

Немец охнул и обмяк...

Но читал он нам «Василия Тёркина» недолго — вскоре уехал, говорили, опять лечиться в госпиталь; а детей его забрала родственница.

Анна Анемподистовна тоже приходила не каждый день, и мы остались почти беспризорными. Чтобы мы не пропускали уроки, к нам отправляли — даже трудно сказать кого!.. Раз а три приходил моряк и рассказывал нам, как на море ставят мины величиною с бочку и на них подрываются огромные корабли. Потом был человек с большой бородой и шапкой волос, должно быть, художник. Он зяб и не снимал длиннополное пальто и учил нас очень забавно. Он говорил, что надо карандашом на бумаге ставить две точки и соединять их прямой линией, и делать это, пока не научишься тянуть линию быстро и ровно. А после этого надо ставить уже три точки и проводить через них окружность. И оказалось, что через три любые точки всегда можно провести круг и, кажется, только один. Это стало для меня открытием, и у меня появилась мания ставить на снегу или на песке две точки или три точки и тянуть то линию, то окружность. Художник называл это «ставить руку»...

Как мы ни ждали, как ни готовились к Победе, но она нагрянула неожиданно. Каждый день о продвижении армии говорили по радио, сообщали газеты, что вот наши войска уже вошли в Германию, вот уже окружили Берлин и штурмуют его, вот уже штурмуют Рейхстаг. И все ждали: ну когда же, когда, почему так долго, ведь уже всё, почему нет Победы? Но никто не мог назвать день и час, когда она случится.

Сообщение о Победе грянуло ясным днём при сияющем солнце. В восьмом часу утра к нам в дверь что есть силы забарабанила соседка: «Зоя, Зоя, вставайте, все вставайте! Победа! Только что сообщили — Победа! Победа! Вставайте!..» В комнате вов-

сю играет солнце, мы с Саней ещё спим, но нас тормозят со всех сторон: «Победа! Победа! Мальчики, Победа! Вставайте, Победа!» На нашей площадке женщины со всех четырёх квартир прямо в ночных рубашках плачут и обнимаются: «Победа!» Весь дом ходит ходуном. Мы с братиком проснулись, таращим глаза, а по радио, на улице и в доме — отовсюду только одно слово — «Победа!» В коридоре невообразимый шум, и мама возвращается к нам: «Мальчики, Победа! Одевайтесь скорей, Ваня, Саша, Победа!» Мама убежала, прихватив с собой Сашку. Я так и не понял, зачем я одевался. Но коли так, то вышел на улицу. Свежее утро, все бегут, обнимаются, целуются, плачут и поздравляют друг друга: «С Победой! С Победой! С Победой! Дети, какие вы счастливые! Победа! Мальчик, с Победой!» — и меня целуют совсем незнакомые люди. Да что это с людьми происходит, ведь уже давно ясно: вот она, Победа! Пошёл в школу — школа закрыта. Пошёл к отцу — там только дежурный.

На площади у вокзала люди пляшут и поют, а какой-то мужчина в шляпе бежит среди всех с полным графином водки и наливает всем. И плещет, и отхлёбывает сам. Железнодорожник в форме укрепляет на крыше вокзала тяжёлое бархатное знамя — «Победа!» У палисадника женщина в длинном одеянии, простоволосая, не скрываясь, обнимается и целуется с мужчиной...

К обеду вернулся домой — дома никого, у Леоновых закрыто. Пошарился дома поесть — ничего не нашёл, и с большой надеждой двинулся в детясли. Но там в группах только малыши и нянечки, а на кухонном крыльце торжественно восседали столы и конюхи, чокались стаканами и только что не целовались.

И только к вечеру объявились родители, а с ними нагрянули гости, и первый день Победы праздновали всю ночь. Вечером, наконец, я съел, первый послевоенный бутерброд. Я помню сдержанную улыбку отца и восторженные глаза матери, неумолкающего дядю Гришу, провозглашающего тосты, и тётю Улю, которая что-то говорит маме на ухо, и обе смеются, и тётю Марусю, рыжую немку. Она забыла все обиды и искренне радуется вместе со всеми. И дядю Колю, мечтательно склонившего голову. И всю растворившуюся в тихой обаятельной улыбке тётю Таню. И тётю Соню с двумя солнышками сияющих глаз. И дядю Елистраткина, в руке которого бокал с вином казался напёрстком — всё это самые близкие и дорогие люди, свидетели и защитники моего детства, тот самый обычный народ, который держал на плечах всю тяжесть военного лихолетья, поднимал новое поколение, наполнял теплом и смыслом наше детство.

Навсегда запомнилось простое мужицкое резюме дяди Елистраткина: «Ну, теперь годик-два — и заживём!...»

...Летом над городом, сотрясая дома и землю, шли армады самолётов. Шли высоко, медленно, словно тучи, заполняя всё небо, так что даже становилось темно, и гул их нарастал задолго до того, как они появлялись. А по железной дороге шли на восток бесконечные эшелоны. Когда они стояли на станции, на перроне было безлюдно — выходить, тем паче подходить к эшелону, запрещалось. Ходили только осматривщики вагонов, не останавливаясь и ни с кем не заговаривая. Иногда вдоль эшелонов стояли автоматчики, а платформы с танками и автомашинами были укрыты брезентом. Многие эшелоны шли, украшенные ветками цветущих яблонь и слив, с портретами Сталина, с лозунгами и цветными полотнищами, ничего не пряча под брезентом, словно возвращались домой. Но на самом деле это перебрасывали на восток самую многочисленную, самую обученную и опытную армию в мире. В составе эшелонов катили и штабные вагоны, и из них выходили погулять, поразмяться полковники и генералы, в орденах, с лампасами. Нас, мальчишек, не трогали и не гоняли, мы сидели на ближайших рельсах, смотрели и махали солдатам руками. В действующей армии, при штабах и прямо на фронте находилось немало жён офицеров и генералов, они служили вместе с мужьями, исполняя должности радисток, санитарок, военврачей,

шифровальщиц, имели воинские звания, участвовали в боях, и поэтому в эшелонах ехали и женщины. И — немало. Они тоже выходили погулять, но не в армейской форме, а в нарядных платьях из панбархата, шёлка, крепдешина и в разных других нарядах из тканей невиданных расцветок и покроев. На них было много украшений, и носили они их по праву — это были трофеи. По приказу Сталина, каждый рядовой солдат имел право вывезти из Германии десять килограммов трофейного имущества, не запрещенного к вывозу, и независимо от их истинной стоимости — десять килограммов — и всё! Офицеры могли вывезти больше, военачальники, кажется, не ограничивались ничем, кроме здравого смысла и партийной ответственности. Женщины, одетые в трофейные наряды, выглядели как существа неведомого нам мира, что, впрочем, так и было, но, тем не менее, они ехали воевать. Уже скоро, в августе 1945 года, все эти люди — и солдаты с автоматами, и полноватые генералы, и женщины-красавицы с царской осанкой — всего за три недели развеют в прах всё японское воинство и в три недели освободят Маньчжурию и Китай. Такова была наступательная инерция и энергия армии. Некоторые эшелоны даже не успели приступить к военным действиям.

Валентина Константиновна Волостнякова, врач полевого военгоспиталя № 934, куда мы всем детским садом ходили к раненым, на мой вопрос, где архив госпиталя, рассказала мне неожиданную историю. В 1945 году госпиталь № 934 преобразовали в полевой госпиталь № 1946, он встал на колёса, и большая часть врачей, медсестёр и техников в составе санитарного поездов была направлена в Маньчжурию, где ещё стояла Квантунская армия. Но госпиталь и некоторые другие эшелоны так и не доехали до Восточного фронта — всё быстро закончилось, в три недели — Япония капитулировала. Чтоб не создавать излишней толкотни и неразберихи, людей пересаживали в попутные поезда и отправляли домой — в эшелонах оставался минимум людей. Остался в эшелоне и архив эвакуогоспиталя за № 934–1946. «Было как-то не до бумаг — закончилась война, и все спешили домой, — рассказывала Валентина Константиновна. — Так архив и затерялся на дорогах войны, а скорее всего, его сожгли той же осенью — топили в вагонах печки». В общий архив Министерства обороны документы эвакуогоспиталя № 934, который был развёрнут в Иркутске на базе ФТИ, не поступали. Историю госпиталя восстанавливали уже мы, когда создавали музей курорта «Ангара» в 1980-е годы и когда ещё были живы многие участники войны, они-то многое и рассказали.

С писателем Алексеем Васильевичем Зверевым мы друг друга выделили и отметили после того, как однажды газета «Советская молодёжь» дала на одной полосе мой материал о создании литературного музея и юбилейную статью об Алексее Васильевиче. В 1983–1984 годах уже громко говорили о приближающемся 40-летию Победы. Подготовка к юбилею шла с размахом, и я поделился мыслями с Алексеем Васильевичем о том, что, создавая музей курорта и госпиталя, попутно собрал материал и о своём военном детстве, о том, что ищу врачей госпиталя и воспитателей из своего детского сада и школьных учителей того военного времени и первого друга и, соответственно, хочу об этом написать. Он весь засветился и поддержал меня: «Отыщи их всех, Ванюша, и врачей, и учителей, и друга своего! Все они достойны самой лучшей памяти...»

В те годы детсад № 12 функционировал и оставался на своём месте, и когда я пришёл в кабинет заведующей, она созвала всех воспитателей и нянечек, и все вместе они вспомнили, что ещё жива Клавдия Васильевна Федькович, которая работала в детсаду до войны.

Клавдия Васильевна занимала половину дома на улице Румянцева и оставалась в полном здравии. Открыла мне калитку, не спрашивая, кто и зачем пришёл. Улыбнулась и сказала: «А я вас всю жизнь жду, я знала, что кто-то из вас да придёт». Клавдия

Васильевна разливала по чашечкам чай, и я чувствовал себя маленьким мальчиком; мне было уютно. *«Группы мы всегда оформляли сами, — говорила она. — И тематика была самая разная. Тот парад самолётов и дирижаблей придумали мы сами. До войны жизнь быстро налаживалась, а в войну стало хуже — у многих дома стало голодно, но в садике детей кормили хорошо, и продуктовые карточки у родителей не брали: детские учреждения получали продукты без карточек. В Новый год мы ребятишкам богатые подарки делали, и тоже ничего с родителей не брали, и подарки, и ёлочные игрушки делали сами, своими руками...»* И Клавдия Васильевна даже даёт мне поддержать игрушки и конфетти, которые сохранила с той поры. *«Я и Дедом Морозом часто была, детей развлекала. Бывало, так устанешь — ноги отнимаются, а они всё «попляши да попляши»! А какие костюмы мы ребятишкам шили! Они у нас и санитары, это девочки, и пограничники... Война показала, какие патриоты у нас выросли. Все гитлеровские генералы жаловались на фанатичный патриотизм русских...»*

Я не раз приходил к Клавдии Васильевне, приносил яблоки, торт, мы пили чай, а она рассказывала, рассказывала, словно боялась, что не успеет рассказать всё. Она сохранила фотографии, на которых она и сотрудники детсада, группы детей в будёновках и косынках с красными крестами. Но самое главное, она сохранила фотографии наших групп и того воздушного парада под потолком, где на воздушном шаре вместе с дочерью Светланой летел и сам Сталин. Она сообщила мне, что жива Лидия Антоновна Лебедева, тоже наша воспитательница, и объяснила, где её найти. И я нашёл. Все фотографии Клавдия Васильевна отдала мне: *«Для того я их и хранила: я знала, что кто-то из вас придёт».*

Не следует думать, что я помнил имена врачей госпиталя и воспитателей детского сада. Нет, конечно. Просто я вовремя нашёл тех, кто ещё был жив, и они охотно делились тем, что помнили. Сегодня это было бы уже невозможно: их попросту уже нет. Но ещё оставались ненайденными мои первые учителя, но путь к ним я знал. Я поехал на улицу Образцова в Иркутске-Сортировочном, в дом, где мы жили во время войны и где жил мой школьный друг Олег Леонов. Он жил там же, был жив-здоров. Но сразу я его не застал, однако мне дали номер телефона, и вскоре мы встретились. Из Иркутска он никуда не уезжал, закончил десятилетку в той же 38-й школе, а класс их вела Анна Анемподистовна, которая доучивала нас в первом классе, после гибели нашей учительницы. «Ты помнишь, у нас погибла учительница, ещё в первом классе? А помнишь, нас доучивал её муж? Он вернулся с фронта, и другие учителя приходили. Помнишь?» — «Это Анна Анемподистовна и есть, она нас вела до десятого класса, а ты уехал. Она, слава Богу, жива».

И вот мы входим в небольшую квартирку в доме довоенной постройки, в том же Иркутске-Сортировочном. Чистенько, уютно, скромно, и нас встречает маленькая, сухонькая женщина, всё с той же памятной, но теперь уже седой копной волос, Анна Анемподистовна. Она всматривается пристально и говорит: «Неужто Ванюшка Козлов? По-моему он. Голос узнаю и статность...» «Анна Анемподистовна, как же так: неужели вы всех нас помните? Это у нас вас мало, а нас у вас — сотни...» — «Помню, Ванюша, помню, я всех вас помню. Я, Ванюша, не только тебя, я и отца твоего помню: высокий, красивый мужчина, выдержанный очень. Он нам много помогал — уголь выписать на школу, и коня давал, чтобы картошку с поля вывезти...» А я сидел и думал: да это же тот самый ясельный Гнедко и тот самый уголь того военного года!..

Пьём чай, беседуем, вспоминаем, и наконец я задаю главный вопрос: «Вы нас учили, я помню, но у нас вначале была учительница, которая ввела меня за руку в школу, а потом она трагически погибла. Муж у неё с фронта пришёл — он тоже нас доучивал, отрывки из поэмы о Василии Тёркине нам читал... Вы помните нашу первую учительницу?» — «Ну, конечно, помню, Ванюша, я хорошо её помню. Она весё-

лая такая была, тёмнокудрая, звали её Екатерина Степановна Зверева. Сын и дочь у неё остались, и муж. Он так плакал, так жалел её. Война уже шла к концу, а тут такое несчастье... Мы очень сочувствовали семье. Тогда ведь очень трудно было, и остаться мужчине с двумя детьми — тяжело. Хоронили её зимой — ни машины, ни музыки, мы вас, ребят, всё как-то пытались построить, но вы сбились в кучу к саням, да так и пошли гурьбой впереди всех. Она стихи любила Пушкина, Некрасова, поэзию знала». — «Да, да, мы с ней «Мороз, Красный Нос» разучивали — могу хоть сейчас читать. Это к Новому году готовились. А муж её — он ведь тоже нам о поэзии говорил...» — «Помню, Ванюша, помню. Я потом ваш класс вела до окончания школы, и Олежка вот у меня учился. Ты уехал, а он учился. А муж Екатерины Степановны, который вас доучивал, он ещё до войны учителем был, литературу преподавал, сам стихи писал. Ранение он получил, лежал в госпитале, его тогда отпустили жену похоронить и детей пристроить. Он пытался вас доучить, но уехал долечиваться. Вылечили его, жив он и здоров, но о нём я, пожалуй, у тебя спрошу, Ванюша. Ты человек пишущий. По телевизору я тебя видела. Смотрела и думала: тот это Ванюшка Козлов или не тот? По телевизору не узнаешь, а вот увидела поближе, голос живой услышала и вижу — тот. А поскольку ты среди писателей бываешь, то и Алексея Васильевича Зверева знаешь». — «Ну, конечно, знаю, он меня теперь всегда спрашивает, кого я нашёл, что я ещё узнал». — «Вот Зверев Алексей Васильевич и есть тот самый ваш учитель — это он вас доучивал, и про Тёркина вам читал, а Екатерина Степановна Зверева — это его жена». — «Анна Анемподистовна, ну, вы меня прямо ошарашили — у меня мысли все перепутались... Алексей Васильевич — наш писатель... «Гарусный платок», «Выздоровление», «Лыков и лыковские гости» — это он, а Екатерина Степановна его жена?! Так это он у сней стоял с сыном и дочкой, это его сынок у нас в классе грелся, маму ждал?...» — «Да, она его жена — и в армию его проводила, и ждала...»

Отойдя через несколько дней от этой новости, я пригласил Алексея Васильевича к себе в музей, где работал, а перед этим прочёл некоторые его фронтовые стихи. Нет, разбирать я их не буду. Просто скажу, что и на фронте он оставался учителем, фило-софом, отцом, обещающим победу:

*Чужда мне злобная война.
Но если враг посеял беды,
Мой сын и дочь, моя жена —
Они не примут без победы.*

1942 г.

...Февраль или март 1985 года, последние дни зимы, канун 40-летия Победы, и мы с иркутским писателем Алексеем Васильевичем Зверевым сидим в военном зальчике музея Иркутского пассажирского депо. Этот музей я строил, здесь работаю. Депо, хотя и насквозь железнодорожное, колёсно-рельсовое и пассажироперевозочное, входит в первую пятёрку литературно-мемориальных мест города. В депо работал контролёром книгоиздатель М.Е. Стож, выпускал популярные «Спутники М.Е. Стож» — 1910-е годы. Работал моряк и писатель Константин Золотовский, автор книги о водолазах «Подводные мастера», работал известный поэт Михаил Скуратов — приезжал из Москвы, и я лично его встречал. Поэт Иван Молчанов не только слесарил, но и был вожаком Свердловского комсомола; его имя носит областная библиотека. Слесарем и кочегаром начинал трудовую биографию Павел Нилин, а потом работал в транспортной ЧК и был направлен в ЧК Тулуна. Он лауреат Государственной премии 1941 года, автор романов, по которым снято шесть фильмов: «Большая жизнь», «Испытательный срок», «Жестокость» и другие. В мастерских Иркутского депо работал отец Ивана Новокшенова, автора романа «Потомок Чингисхана», одноимённый фильм, сделанный по роману, обошёл весь мир. Подростком будущий писатель на-

вещал отца, приносил ему обед. Именем Новокшенова названы улицы в Иркутске и в Зиме, где в 1920 году он вместе с Александром Нестеровым возглавлял Ухтуйский фронт, а месяцем позже Нестеров, двадцатитрёхлетний штабс-капитан, арестуется на территории станции Иркутска адмирала А.В. Колчака и шестьдесят сопровождающих его лиц, в том числе Анну Тимиреву, гражданскую жену адмирала. Александр Григорьевич Нестеров в 1978 году, отсидев, как положено, в ГУЛАГе, реабилитированный и награждённый советскими орденами, посетил музей. Он лично рассказывал об аресте адмирала, написал об этом воспоминания, а позже, незадолго до его смерти в январе 1980 года, я навещал его дома. В депо работал печником отец Геннадия Машкина, и мы с Геннадием не раз говорили об этом.

При музее депо Иркутска-Пассажирского работал клуб поэзии «Крылатые колёса». Это было время, когда очередь за книжными новинками и подписками занимали с вечера и стояли ночами у костров, как за хлебом в послевоенные годы. Это было феноменальное явление в нашей культуре, ещё не изученное и не оценённое до конца. В те годы в депо бывали и выступали поэты и богатые опытом книговеды: Геннадий Гайда, Василий Козлов, Ростислав Филиппов, Лиля Ладик, Татьяна Суровцева, Пётр Реутский, Михаил Трофимов, Анатолий Кобенков, Иннокентий Новокрещённых, Сергей Иоффе, Верочка Захарова, Глеб Пакулов, Владимир Скиф и гости Иркутска — Светлана Кузнецова, Михаил Скуратов, Станислав Куняев. И вот сидим мы с Алексеем Васильевичем в музее, где за стёклами поблёскивают ордена и медали, а в глубине зала на постаменте стоит батальонный миномёт 76-го калибра. Он собран по старым чертежам и стоит здесь, потому что во время войны в депо протачивали стволы миномётов и штамповали детали к ним. В начале экспозиции два факела-стакана из нержавеющей стали — в них в 1975 году привезли Вечный огонь с могилы Неизвестного солдата. Мы сидим за чашкой чая, и всё хорошо, и я будто случайно, на случайной странице, раскрываю томик Твардовского, там, где поэма «Василий Тёркин». Алексей Васильевич берёт книгу, листает:

— Как хорошо стали издавать книги, глаз радуется! «Василий Тёркин», считаю, что это военный эпос, пожалуй, лучшая книга о войне.

— Мне тоже кажется, что когда в последний год войны впервые зазвучало имя Тёркина, поэму читали все.

И тут в Алексее Васильевиче проснулся педагог и преподаватель литературы:

— Нет, Ванюша, впервые имя Тёркина прозвучало до войны, ещё в финскую кампанию, в 1940 году, но звучало оно больше как сатира и лёгкий юмор, может быть, даже как развлечение гениального поэта Александра Твардовского. А вот когда Германия напала на СССР, Твардовский сказал, что серьёзной войне нужен и серьёзный герой, но первичный настрой — фронтовой и народный юмор, находчивость героя в любой обстановке — он сохранил и попал в десятку, потому как прибавилось сюда и презрение к врагу, бесстрашие, готовность драться до конца. Первые главы печатались в многотиражках, потом в центральных газетах, потом уж в журналах. Я вырезал отовсюду и составлял свою книгу.

— Почитайте что-нибудь наизусть, вы же много помнили из Тёркина.

— Разве? Не помню, Ванюша, чтоб я читал...

— Читали тогда эту поэму и в школах, и в госпиталях, и даже сценические постановки делали.

— И ты это, Ванюша, помнишь?

— Помню! Учителя хорошие были, потому и помню.

— Ты молодец, Ванюша, помнишь, ищешь, и не останавливайся, отыщи всех, кто воевал, все памяти достойны, все это лихо избывали. А у тебя и отработано это — вон сколько для музеев наискал: и детсад, и госпиталь, и дорога железная — глядишь, и литературный музей соберёшь, нас утетишь. Новенькое, поди, что-нибудь есть...

— Есть, и даже интересное очень: нашёл своих первых учителей военного времени, имена знаю, кое-что про жизнь их узнал, рад, аж горло перехватывает.

— Да куда же лучше-то — первые учителя! Тоже не медовую вожжу тянули, все того стоят, чтобы помнить. А если ещё они живы-здоровы, так и радости больше.

— Учительницы нет, а учитель здоровствует.

Тут я сделал паузу, собрался с духом.

— Алексей Васильевич, а помните, в феврале 1945 года погибла ваша жена, Екатерина Степановна, а вы только что с фронта, из госпиталя, в чём душа держится?..

— Как же, Ванюша, забудешь такое — страшно мне тогда было... А ты-то откуда это знаешь?

Но я уже не слышал вопросов, я шёл к завершению ещё одного поиска.

— А помните, провожали её первоклашки, гурьбой шли... Так среди этих первоклашек и я спешил за санями... Потом вы нас доучивали, Тёркина нам читали...

Алексей Васильевич посидел молча, достал платок, отёр глаза, встал и обнял меня, и я почувствовал тепло отцовских рук и глубокое волнение — наверное, все отцы одинаковы в своих скрытых чувствах. Я усадил его в кресло, налил чаю.

— А где дети, Алексей Васильевич, сынок, дочка?

— Живы, здоровы... — всё ещё держа у глаз платок, говорил он. — Живут в Байкальске. Валерка — художник...

Художника Валерия Зверева в Иркутске знали, он дружил с Владимиром Тетенькиным.

Я специально съездил к Валерию в Байкальск, был у него в мастерской, мы говорили о его матери, моей первой учительнице. О нашей 38-й школе. Потом он показывал картины и подарил мне свою фотографию с подписью: «Коллеге по искусству, Козлову И.И. от Зверева В.А. в память о детских военных годах. 11.01.1986 г.» Нет лучше и дороже таких подарков.

Алексей Васильевич тоже засвидетельствовал давнее соприкосновение наших судеб на титуле книги «Лыковцы и лыковские гости», куда вошли его военные повести: «Ив. Ив. Козлову, в память о нашей 38-й школе и на добрую память. 19.11.86 г.»

Сколько ещё был жив Алексей Васильевич, столько мы и дружили. Умер он в марте 1992 года, провожали его из Дома литераторов. Похоронили на Ново-Ленинском кладбище рядом с Екатериной Степановной.

Валерий Зверев пережил два сильных стресса — смерть отца, а затем другой удар — у него сгорела мастерская в Байкальске со всеми его работами. Вскоре Валерий заболел и умер. В 2011 году мы с поэтом Василием Козловым ездили в Байкальск к вдове Валерия Зверева, чтобы разобрать и привезти в Иркутск архив Алексея Васильевича, отца художника. Рукописи и тетради Алексея Васильевича Зверева, прекрасного сибирского писателя, находятся в Иркутском областном архиве, и надеюсь, когда-нибудь они займут достойное место в литературном музее города Иркутске — города ярких и глубоких литературных судеб.

ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

Крещенский звон

Тропарь Вениаминову

Св. Иннокентию, митрополиту Московскому, апостолу Аляски

Глас I

Во все страны полунощныя
изыде вещание твое...
Неведущая Христе светом
Евангелия просветил еси...
Российская похвала святителю
Отче наш Иннокентие...

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился 1 декабря 1952 г. в Москве. Автор одиннадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и многих литературных премий. Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рузе.

Глас II

Холода зубами волка лязгают.
Солнце выдирается из тьмы.
Но встают над мёрзлою Аляскою
Русских изб кудрявые думы.

В бесконечность трактов вёрсты брошены
Под разливом неба синевы.
Но звучит едино СЛОВО БОЖИЕ
От суровой Лены до Невы.

Ни огнём, ни мукой не устроится
Эта Богом избранная ширь,
Где едины, как Святая Троица,
Вологда. Аляска и Сибирь.

В каждом крае, тонущем в неверии,
Несть числа пророкам и святым.
И простёрла над шальной Империей
Дева-Богородица персты.

И когда приходит время тальника,
Птицы грают и поёт капель
Имя Алеутского печальника,
Патриарха северных земель.

Краток век, как жары в пору летнюю,
Но приуготовил Бог, веля
Скромному монаху Иннокентию
Путь окончить в ризнице Кремля.

И когда заря с зарёю сходится,
Затеплив лампаду в Красный кут,
В Троицком соборе Богородице
На якутском молится якут.

И стоит святой на стёртой паперти,
И трёхперстье тянется к плечу.
И прекрасен древней Богоматери
Узких глаз таинственный прищур...

Абакан*

Ничего не поделаешь, флаттер...
В лихорадке трясёт самолёт.
Я надеюсь, что Божия Матерь,
Как и прежде, сегодня спасёт.

Чёрт бы эти побрал Абаканы...
Пересадка, посадка и взлёт.
Над Свердловском — сплошные туманы,
За Челябиной — то жарит, то льёт.

Поднебесье машину кантует.
Мне сегодня намяло бока,
Чтобы истину понял простую —
Далеко от Москвы Абакан!

И лежит себе, как порубежье
Двух Сибирей, хакасская степь.
Где здесь кровь, покажите, медвежья?
Я ещё, между прочим, не слеп...

Но лежит себе степь, осияна
Первозданной, нерусской красой,
Упирается круто в Саяны
Горизонта сплошной полосой.

И места эти были б не плохи,
Только сердце рубцуют не зря
Окаянные метки эпохи —
Лагеря, лагеря, лагеря...

Мелкий дождик по мрамору сеет,
Но распадки предгорий светлы.
И над плавным пока Енисеем
Распластались в полнеба орлы.

Будет помниться реже и реже,
Приходить в полнолунии снов
Пара слов: Абакан — «кровь медвежья»...
Абакан — человечества кровь.

*Абакан — медвежья кровь (в пер. с хакасского).

Август-2005

Жгут сухую ботву.
Над полянами август кружится.
Молодая картошка
остыть не успела в золе.
Нам с потерей лет
и с потерей лета ужиться
невозможно никак,
потому что светло на земле.

Всё мечталось: прожить
ну хотя бы полсотни — и баста!
А потом, как позволят врачи,
как свершатся дела.
Но опять ворожит
за окошком рябиновый август.
И высокие полдни
прозрачней слюды и стекла.

И звучит всё нежней
твой по-прежнему девичий голос.
И в копне твоих рыжих волос
не видна седина.

И по-царски цветёт
золотой, как они, гладиолус.
А быть может, что это
прощально горит купина.

И над лентой реки,
что несёт на закат свои струи
меж кустов ивняка,
по песчаному ложу скользя,
я тебя на бегу,
словно юность свою, поцелую,
позабыть про которую
в августа пору нельзя.

Тяжелеют плоды,
осыпая сады и дороги,
уводящие в сутемь предзимья
и холод зимы.
Жгут костры.
Поздний август подводит итоги...
Ставший вечностью август,
в котором останемся мы...

Боброк

Веют ветры предсмертной стужею.
Осыпаются зеленыя...
Князь осеннюю землю слушает.
Плачет-стонет сыра земля.

Ни бывальщины, ни старинщины.
Торжествует Мамаев стан...
Далеко до лесов Волинщины.
За Непрядвой — туман, туман...

Воет волком утроба вражия.
Надрывается воронье...
Только ведает сердце княжие,
Только вышло ему знатьё,

Что не зря из Волыни дедовой
Он за славой пришёл сюда...
Свет над Русью горит неведомый,
А над врагом — темнота.

Поле полнится конским цокотом.
Серебрится кольчуги вязь.
Белым кречетом, вольным соколом
Стремя пробует светлый князь.

И от взгляда княжого строгого
Пробирает холодный пот...
И уходит войско Боброково,
И засадным полком встаёт —

Боевыми порядками лисьими,
Перенятыми у степняка,
Средь дубравы с резными листьями —
Схорониться наверняка...

Вот на браного поля скатерти
Рати бьются упор в упор.
И плывёт в небесах Богоматери
Чудодейственный омофор.

Но редет дружина Дмитрия,
Изнемогая от утра.
И отбросив расчёты хитрые,
Мудрый князь говорит: «Пора!

Все мы суетны, все мы грешники,
Но сегодня хоробр всяк.
Пробил час, изготovyтесь, вершники,
Да возвейте Московский стяг!»

Князю — князево, Богу — богово,
А плечу — богатырский мах!
Ах, как мчались полки Боброковы,
Обгоняя ордынский страх.

Ах, как дымом орда исшаяла,
Из Руси выбегая прочь.
Бросив всё, что как тать нашарила,
Чтобы в тороках уволочь!

«Аз воздам!» И за всё — отмщение
Нёс засадного войска вал.
И никто не просил прощения,
И никто его не давал.

И свершилось познание вешее.
И поганный упал во прах!
А Боброкова слава вечная
В летописных живёт листах.

* * *

Бродит волчицею серою
Оттепель — в ночь за окном...
В чём твоя вера? — Не верую
В мать, уснувшую сном

Вечным, средь мая цветения,
После недели страстной.
Ждать ли твоё воскресение?
Будешь ли снова со мной?

Звёзд слюдяное сияние
Тает на снежной меже...
Как обрести покаяние,
Если смятение в душе?

Кажется сонной химерою
В небе затерянный рай...

Верую! Верую!! Верую!!!
Мама, не умирай!

За ледяною излучиной
В сполохах млечной пурги
Ночью бессонной измученный
Слышу родные шаги.

Там, где часы беззаботные
Мы проводили любя,
Мамины пальцы бесплотные
Крестят, прощаясь, дитя

Взрослое, с жёсткою проседью,
Горя познавшее край.
Губ шелестящее просинью:
«Мама, не умирай!...»

В сумерках года

Сумерки декабрьские года.
Толща снега и короста льда.
За окном — такая непогода
И метель такая, что беда.

Зачерпнули пади студень мрака.
Зацепили сосны клочок небес.
Спит без задних ног моя собака,
И скулит во сне про зимний лес.

Где пришлось с утра в сугробах лазать,
Живность разгоняя по кустам.
Спи, мой друг, верна, голубоглаза.
Спи, моя святая простота.

Со своими синими глазами,
Гордо поступь лаячью храня,
Ты моей понравилась бы маме,
Только нету мамы у меня.

Ты лежишь в её пустынном кресле,
Где она, являясь по утрам,
На меня глядит и молча крестит,
И зовёт свечу поставить в храм.

Ну а ты толкнёшь холодным носом
Седину хозяйского виска:
«Кто здесь был?» — и следом за вопросом
Лютым татем явится тоска.

Спи, мой друг, не веря новым годом.
Жизнь прошла, остался маскарад.
По погостам расточившись плотью,
Близкие уходят в райский сад.

Только снег поскрипывает глухо...
На исходе пасмурного дня
Спит мой друг, настороживши ухо,
Будто вправду слушает меня.

Возвращение к себе

Приспеет октябрь — и клюква пойдёт по лесам.
Вернее, она побежит по прокисшим болотам.
И может быть я —

если только успею, — я сам
Об этой поре напишу перед зябким уходом.

Как строились ели вдоль узкой тропы в караул,
Где мы пробирались под вечер в деревню с грибами,
И пёс на дворе бесконечную песню тянул,
Чтоб было не скучно в своём одиночестве маме.

Пустые колоды лежат, как поваленный гроб.
И мама, предчувствуя скорую сердцем разлуку,
Сказала: «Ступай, на дорогах сейчас чернотроп...»
И тихо к стеклу приложила прозрачную руку...

Не каждый ушедший до светлой мечты доскакал.
Не каждый домой из далёка вернулся понуро...
У волчьего времени — волчий, звериный оскал
И с лисьим окрасом дублёная зимняя шкура.

Но в сполохе гроз и в мерцанье трясинных огней,
Вдоль шалой воды, уносящей буруны к закату,
Я шёл до конца, оставляя друзей и коней,
Внимая вселенского боя глухому раскату.

И там, где заплотом судьбинный предстал перевал,
Его одолев, между кручами и облаками,
Я мёртвые губы бессмертной страны целовал...
И вспомнился дом... и заплакалось горько по маме.

Яблочный Спас

С пазухой от Яблочного Спаса —
Полной ранней осени щедрот,
Я иду к заветному баркасу
Яблоневым садом — до ворот.

Там за ними — к шаткому причалу —
На цепи, прикрепленной гвоздём,
Мой дощаник с самого начала
Верным псом оберегает дом.

Старый сад зарос травой сорной
От корниц деревьев до плетня.
И взирает Спас Нерукотворный
В день Преображенья на меня.

И запламенеют астры скоро,
И покроют росы стёжку-след...

И с вершины дальнего Фавора
На меня падёт библейский свет.

И не покидает чувство чуда,
Прилепившись яблони листом.
И отходит утлая «посуда»,
По реке гонимая шестом.

И плывёт над Рузой бесконечной
Блавест, глася Успенский пост.
И на крону яблони заречной
К Сирию спустился Алконост.

И лежат распахнутые сины —
Синь реки и синий свод небес —
В окоёме синь-лесов России,
Колыбели сказок и чудес...

Майская баллада

За ветром зывают мечи...

А. Блок

По травам, пока не белёсым
От утренней зябкой росы,
Бреду по положим откосам,
А вслед заливаются псы.

Бросятся, дело не дело,
По следу печали спеша...
Но шаг не прибавило тело,
Пока каменела душа.

И наполнилась знанием вещим,
Пришедшим из тёмных веков.
И воронов стаи зловеще
Терзали небесный покров.

И граяли, точно с досады
Упорного в Вере кляня,
Но только у самой ограды
Оставили силы меня.

Я знаю, что майские смуты
Страшнее январской пурги,
И вплоть до последней минуты
Не ведомы будут враги —

Семь смертных грехов на потребу
Кому-то сокрыли мечи...
Они, вопиющие к небу,
Пребудут твои палачи.

Последняя гаснет зарница.
В полях расточается мгла.

И только открыта страница
В углу, где лампада светла.

И скоропись полуустава
Вещает дрожаньем руки,
Что сбита набегом застава...
А дальше — обрыв у строки.

Конец заполошного мая
Слезами дожди окропят.
Арбы и повозки Мамая
По пыльным дорогам скрипят.

И встать на путях его — лучше,
Чем мышью таиться в углу...
Стрелец, неприкаянный лучник,
Я к бою готовлю стрелу.

И что мне за дело, что кто-то
Поднимет отчаянный плач
И выбежит вслед за ворота
На тракт, где охрипший трубач

Сыграл. И дорожные клёны,
Прощаясь, не прячут печаль.
Но реют по ветру знамёна,
И плещет в оконницы сталь.

И маяться мороком мая
Нам всем суждено по делам,
Тщету и печаль принимая
С надеждою напополам.

Сказ о Сергии

Светлый отроче Варфоломее,
Старец Сергий — предстатель Руси.
Что ж душа всё скорбит и болеет,
Словно просится ввысь — в небеси?

Но нельзя в суете и раздрае
Оставлять православный народ.
Русь, пока, не преддверие рая,
А до точности — наоборот!

Здесь ярмо беспощадного ига
Христиан пригибает к земле...
Но раскрыта Писания книга
В тесной келье на шатком столе.

И святитель, в потёмках вставая,
Чтоб молитву творить на заре,
Твёрдо верит — посланники рая
В монастырь на реке Кондуре

Шестикрылым слетят Серафимом,
Херувимом — с небесным огнём.
А потом над раздольем родимым
Поплывут в облаках журавлём.

И на Маковце колокол грянет,
Супостату остудой грозя.

И воспрянут душою крестьяне,
И в кулак соберутся князья.

И монахов усердные требы
Будет править молитвенный хор.
И с рассветом на Радонеж с неба
Приснодевы падёт омофор.

Сказ об осенних ивах

Всходит месяц — задирист, хоть мал,
И в куге освещает болото.
Как шумит на ветру чернотал,
Словно плачет погнувшийся кто-то!

Всходит огненный солнца кристалл,
Обжигает багровые ветви.
Ими машет речной краснотал
Уходящим плотам на рассвете.

Чернотал,
 краснотал,
 белотал —
Однокровники матери-ивы.
Листья падают в чистый хрусталь
Водных струй
 и плывут молчаливо.

Это осень пришла с Сиверов.
И в затерянной в волости Рузе
Посреди деревенских дворов
Грустно бродят домашние гуси.

Им бы в стае пролётной нестись,
Но не видно, откормленных, в стае.
Ведь в такую далёкую высь
Только ивы листва долетает.

Листодёр,
 листобой,
 листопад
Гонят вспять нерешительных споро.
Им, как мне, ни вперёд, ни назад
Не взлететь над затёсом забора.

И становится жизнь не мила,
Хоть ты в омут беги головою...
А всего-то шальная ветла
Манит шали осенней листвою.

Сюжет декабря

Декабрьское солнышко волчье —
Вся жизнь прокатила под ним.
На самой закраине молча
Считаю остатние дни.

И веет шальная позёмка,
Твои заметая следы.
И узится, узится кромка
Ещё не застывшей воды.

На пальцы, не сжатые в стуже
В единый, как прежде, кулак,
Дышу,
а дыханье всё глуше,
И с сердцем не сладить никак.

Но всё же,
но всё же,
но всё же
Былое нельзя обновить,
Сменить, как змеиную кожу,
Отринуть, как отчую выть.

В нём были шальные рассветы,
Черёмуха мая цвела,
И счастье касалось поэта
Размахом жар-птицы крыла.

Но птицы не стало...
Туманный
Пал вечер угрюмым сычом.
И только Андрей Первозванный
Тебе подставляет плечо.

А снега ложатся всё толще
На волосы и на жнивье...
Декабрьское солнышко волчье —
Любовь и отрадо моё!

МАРАТ ШАЙМАРДАНОВ

Лесные миниатюры

1. Летние картинки

Трубы

От строительства на окраине рощи осталась куча труб среднего диаметра, то ли позабытых, то ли неходовых. Новенькие когда-то трубы потускнели, поржавели, вросли в землю. Зимой они прятались под снежным сугробом. Летом густая трава скрывала их в своей зелени. Пернатое и хвостатое племя, населяющее рощу, незамедлительно воспользовалось неожиданным «подарком» строителей. Воробьи первыми оценили достоинство труб. В дождливую погоду внутри было сухо и тепло. Серые забияки набивались в пустоту труб, громко ссорясь и толкаясь за лучшие места. Как-то ястреб погнался за шустрым воробышкой-задирой. Шалуну, казалось, пришёл конец — хищник настигал беднягу. Стервятник приготовился уже закогтить жертву, но... острые кривые крючья его лап смогли только чиркнуть по металлу. Воробышка в самую последнюю секунду успел таки юркнуть в спасительное жерло трубы. А ястреб,

ШАЙМАРДАНОВ Марат Хамидуллович родился в 1951 году в г. Бодайбо Иркутской области. Окончил 10 классов Мамаканской вечерней школы. Служил в авиационном полку Московского округа ПВО механиком самолетного РЛО. Окончил Бодайбинский горный техникум и энергетический факультет Иркутского политехнического института. Работал на Мамаканской ГЭС и предприятиях объединения «Лензолото». Одновременно сотрудничал в качестве внештатного корреспондента в районной газете «Ленский шахтер» г. Бодайбо. Являлся заместителем директора пресс-центра ОАО «Лензолото». Последнее время работал в редакции газеты «Экспресс» г. Поронайска Сахалинской области. В настоящее время проживает в г. Иркутске.

упутивший жертву, уселся неподалёку на вершину ели и замер в ожидании добычи. Где там! Тревожный «чвирк» преследуемого воробья уже оповестил всю округу о том, что здесь появилась смертельная опасность.

Трубы не раз спасали полосатых бурундучков от голодных и злых на расправу дворяжек. Тихо свистнув, маленький проказник вихрем залетал в горловину конструкции, вихрем вылетал из неё и заскакивал в следующую трубу. Прошмыгнув, как челнок, всю батарею, бурундук оставлял одураченного преследователя далеко позади себя. Сбитый с толку пёс долго соображал и, коротко от огорчения взлаяв, трусил прочь. Иногда «младший сородич тигра» — бурундук баловался. Он резко свистел у входа в трубы, и звук, усиленный раструбами, многократно возрастал. Внезапный, искажённый резонансом свист пугал, бывало, случайного прохожего, и тот судорожно отскакивал от груды труб, громко помяная черта.

«Летающие изоляторы»

...Середина июля, жарко. Мамаканское водохранилище стеклянно замерло в безветрии солнечного дня. Мощный мотор «Вихрь» уверенно гонит старенькую «Казанку» домой к пристани. Налетающий ветер тёпл и упруг, ударяясь в лицо и грудь, обволакивает тело и пузырит рубашку. По пути иногда встречаются ветки, палки, сучья. Поднятая моторкой волна раскидывает их, нарушая спокойную дрему воды, и мусор потом долго колышется на оставленной ряби. Странное бревно попадает в поле моего обзора. Как будто бы телеграфный столб плавает в воде вместе со всеми своими изоляторами, которые белеют на вершине опоры. Удивлённый, переключив румпель влево и держу курс к заинтересовавшему меня объекту. Насколько мне известно, в округе на десятки километров нет проводных телеграфных или телефонных линий. Разгадка, между тем, открывается раньше, чем я подплываю к телеграфному столбу. «Изоляторы» вдруг оживают, машут крыльями и поднимаются в воздух. Оказывается, то водные «странники» чайки, уставшие от вечного поиска пищи, присели отдохнуть на бревно...

Паучок-путешественник

Побродив в сосняке и набрав корзину жёлтых молодых маслят, я спустился в ложбинку, где по всем признакам должен быть лесной ключ. Действительно, в ложбинке слабенький ручеёк протекал между опавших веток, исчезал под землёй, снова появлялся и снова исчезал. Присев на замшелый камень, я тешился мягкой прохладой, идущей от ветвистой ольхи, слушал лёгкое звеньканье бегущей струи и поглядывал по сторонам. Вот с куста, что раскинул ветви над ключом, выпустив паутину, стремительно падает паучок. Коснувшись поверхности холодного ручья, он испуганно поджал лапки, но явно незнакомый с законами инерции, целиком оказался в воде. Течение, хоть и слабое, тотчас подхватило его и потащило за собой. И уплыл бы паучок в дальние края — широкие моря, да выручила спасительная паутинка. Натянулась так, что задрожала, но не оборвалась. Тем временем паучок побарахтался немного в воде и начал быстро подтягиваться по нитке-паутинке. Короче, короче делалась она, как будто на барабан наматывалась, и вот уже паучок завис вертикально, покачался

мгновение и, словно на лифте, мигом взлетел туда, откуда так неудачно отправился путешествовать. Должно быть, долго будет теперь незадачливый путешественник опасаться холодных ванн.

Июльский день

Июль — макушка лета. Медовым запахом наносит с поляны на опушке леса, где растут неяркие полевые сибирские цветы: бледно-сиреневые зонтики тысячелистника, жёлтые и белые венчики донника, продолговатые голубенькие розетки ириса, червонные с крапинками колокольца саранок, размытые яично-тусклые пятна пижмы. И даже горькая полынь мягко отдаёт нежным, едва уловимым ароматом солнца, согретой пыли и небесной аэрозоли. В траве, среди тонких стеблей лугового мятлика, прожилкованных листьев подорожника, вездесущих стрелок пырея и уже облетевших трубок одуванчика весь долгий июльский день «куют свое маленькое счастье кузнечики». Шагнёшь в густую, слегка пожелтевшую траву — целый сонм длинноногих насекомых дружно выпрыгивает из-под ног и тотчас пропадает неподалёку. Следующий шаг — и следующий рой кузнечиков стремится избежать опасности. И так до тех пор, пока не покинешь их территорию. В воздухе порхают крупные и мелкие бабочки. Едва их трепетный полёт замедлится, как на крылышках станет заметен орнамент всевозможных цветов и оттенков. Свободными охотниками в поисках жертвы носятся оводы и пауты. Неслышно садятся кровопийцы на мокрую кожу купающихся в реке людей. Резкий короткий вскрик, удар ладонью, но поздно — большая увёртливая кусачая муха исчезает в знойном мареве благодатного июльского дня.

Лесное озеро

Небольшое лесное озеро темно поблёскивает в углу поляны. К воде можно подойти лишь с одной чистой стороны, по пологому травянистому уступу, заканчивающемуся у самого уреза. Остальная часть берега представляет собой сплошной торфяник, густо заросший рогозом, осокой и жёсткой болотной травой. Коротенькая полоска, образованная невесть как сюда попавшим песком, слабо просвечивает со дна в метре от края. Крохотные лягушки, величиной разве что с подсолнечное семечко, резвятся на мелководе — в самом прогревом солнечными лучами слое; по поверхности озера стремительно скользят жучки-«водомеры», наводя игольными ножками едва заметную рябь. Степенно, видимо, хорошо осознавая приличествующую ему солидность, загребает лапками, как веслами, жук-плавунец, уходя в глубину озера вроде подводной лодки, такой же обтекаемый, матово поблёскивающий чернотой. Неистово выплясывают над озером стрекозы, наполняя воздух характерным шуршанием прозрачных целлулоидных крылышек.

Ящерка-браслет

Июльское солнце совсем не ощущалось у горной речушки Брызгуни. Перепрыгивая с камня на камень, я закидывал удочку с «мушкой» в самые отдалённые и ве-

роятные места обитания сизожаберных хариусов и их родичей — ленков, но тщетно. Поклёвки не было. Ни разу рыба не всплеснула в погоне за наживкой, и мне не посчастливилось увидеть серебряного блеска её стремительного тела. Обескураженный и усталый, я бросил удочку и присел на коричневый, в лишаях, камень. Речушка, в верховьях звонко булькающая на перепадах, выглядела кипевшей. С разгона ударяясь о левый бок Витима, поток, ещё усеянный клочьями пены, смешивался с водой могучей реки и, подхваченный большой струей, втягивался в стремнину, где совершенно терялся в её ненасытном беге вперёд. Погруженный в мысли, я глядел в прозрачную глубину Брызгуни и не сразу почувствовал холодок от лёгкого прикосновения к руке, которой опёрся на камень. Обернувшись, увидел крохотную ящерицу. Извиваясь всем телом, она проворно приближалась к воде. Иногда при этом она замирала на месте, наверное, грелась. Воспользовавшись одной из её остановок, я нагнулся и пристально разглядел неожиданную гостью. Маленькая изящная змеевидная головка с полуоткрытым ртом, из которого непрерывно вылетал тонкий раздвоенный язычок, напоминавший нитку. Филигранная насечка на спине как бы позолочена. Только у хвоста цвет серый, переходящий в тускло-серебристый. Неярко блестя в солнечных лучах, ящерка казалась браслетом редкой красоты и изыска. Невольно хотелось схватить её за хвост, умеющий легко отторгаться при прикосновении. Минутная шальная мысль, возникшая из детских воспоминаний, исчезла, уступив место растущему восхищению перед природой, создавшей всё живое на земле. Дав мне вволю налюбоваться на себя, хладнокровное существо зашевелило кружевными лапками и юркнуло в расщелину, коих множество среди прибрежных камней.

Видит око, да цель далеко

Распустилась крапива, у неё появились нежные мягкие листочки. Мягкие и нежные, но всё равно уже стрекочущие. Кажется, что благодаря своим свойствам обжигать, крапиве ничто не угрожает. Оказывается это далеко не так. Однажды на заборе, около зарослей крапивы, я увидел пару синиц. Они оживлённо щебетали и пытались проникнуть в заросли крапивы. Я тоже посмотрел на крапиву и увидел на растениях крупных мохнатых гусениц. Они ползали по листьям и поедали сочную зелень. Многие листья выглядели как сито, где остались одни прожилки. Синицы, обрадованные таким богатым кормом, пытались склонуть с листьев гусениц. Они подлетали к кустам в надежде усесться, но тонкие стебли не выдерживали тяжести птичек и гнулись. Синицы соскальзывали вниз и еле успевали взлетать. Зависать же над гусеницами, как зависают над цветами колибри, синицы не умели. Кроме того, каждое их неосторожное движение в зарослях растений приводило к тому, что они просто-напросто обжигались о крапиву. Перья не помогали им защищаться от ядовитых волосков растений. Получилось как в известной басне И.А. Крылова «Лиса и виноград»: «видит око, да зуб неймет». Так и здесь: синицы безрезультатно покружились, покружились у богатой добычи и вынуждены были в конце концов улететь в другое, более доступное место, где есть корм.

Шмелик

В огороде растет тыква. Длинный ползучий стебель её, причудливо извиваясь, зацепился усами за штaketник забора и поднялся вверх. Толстая плеть растения густо

усеяна большими жёлтыми цветками. На ночь лепестки цветков сворачиваются и образуют наполненный душистым ароматом домик. В одно летнее утро долго не появлялось солнце, так как после прошедшей ночью грозы на небе оставались тучи. Наконец тучи рассеялись, и светило выглянуло, щедро посылая на землю благодатное тепло. Реагируя на свет и теплоту, цветки тыквы раскрылись. Из одного из них медленно выполз солидный мохнатый шмель, который ночевал внутри, устроив там шикарную спальню. Весь перемазанный жёлтой пылью, он несколько минут грелся на солнце. Затем начал чиститься, отряхивая налипшую пыльцу с ножек и крылышек. Ещё сырая пыльца плохо отставала, и шмель сердился, возбуждённо переползал с лепестка на лепесток. Несколько раз проделанные гимнастические упражнения не принесли желаемого результата. Тогда так до конца и не отряхнувшийся от пыли шмель сильно загудел, поднялся в воздух и с натугой полетел куда-то, лишь одному ему известное место. Наверное, его ждали летние неотложные дела...

Чёрные рыбаки

Осенью, перед ледоставом, река Витим обмелела. Упавшая вода обнажила крупные камни, отмели, песчаные косы. На одной из таких кос, выдающейся узкой полоской почти до середины реки, кружилась небольшая стая чёрных воронов. Вороны то садились на косу и ковыляли вдоль неё, оставляя на влажном песке крестообразные отпечатки лап, то облетали улово, образованное косой. При облёте вороны иногда замирали на месте, усиленно работая крыльями, а затем внезапно пикировали вниз, к воде, и на лету выхватывали с поверхности зазевавшегося малька. С ходу проглотив добычу, вороны вновь опускались на полоску земли, чтобы отдохнуть и как следует подготовиться к очередной атаке. Мудрые птицы освоили на реке не присущий им лов рыбы. То ли нужда заставила, то ли у чаек научились, но приспособились к рыбалке совсем неплохо. Со стороны странно наблюдать, как чёрные вороны, которые боятся воды, не умеют вовсе плавать, выполняют не свойственные им функции чаек — водоплавающих птиц. Зато чайки бродят по берегам в надежде найти выброшенную волной рыбку или поймать неосторожно близко подплывшего к отмели гольяна. Весной чайки встречаются и на вспаханных полях, где выискивают корм. Их далеко заметно, бело-сизое оперенье птиц резко выделяется на фоне тёмной земли. Кажется, вороны и чайки поменялись ролями.

Нахлебники

Бригада дорожников работала на трассе Бодайбо — Кропоткин. Стоял октябрь. Прохлада, особенно по утрам, уже давала о себе знать, хотя снег ещё не выпал. Балок, где жили рабочие, как раз стоял посередине, между п. Кропоткиным и п. Артёмовским. Рабочие держали продукты (мясо, печень, масло) отдельно, в мешке, который привязывали к толстой ветке на сосне. Такая предусмотрительность была не лишней. Лесные мыши, коих во множестве водилось в окрестностях, не раз портили съестные припасы бригады. Частенько наведывались к ним «в гости» и чёрные вороны, никогда не упускавшие случая поживиться дармовой пищей. Птицы садились около балка, копошились среди помоев и остатков еды, выбирая всё мало-мальски годное к употреблению. Мешок с мясом и маслом также не ушёл из их поля зрения. Пернатые воры

садились на ветки дерева рядом с мешком, потом тихонько перепрыгивали на него, но соскальзывали, не имея возможности зацепиться. Всё же при этом они успевали ударить раза два по мешку клювом. Однажды несколько ударов мощных клювов принесли успех. В ткани мешка образовалась дыра, через которую на землю выпало несколько кусков печени. Рабочие, услышав торжествующее карканье воронов, принялись отгонять чёрных нахлебников и спасать продукты. Птицы несколько не испугавшись людей, неторопливо, с достоинством, отлетели в сторону и расселись на ветви рядом растущих деревьев. Повар бригады, чтобы сохранить мясо от окончательного разворывания его мелкими грызунами и пернатыми разбойниками, сложил оставшиеся запасы в 38-литровую флягу из-под молока. Во время этой возни всё же один из воронов умудрился нагло украсть только-только открытую консервную банку с тушёной говядиной, которую повар в спешке оставил на чурбаке около балка.

Пернатые против пернатых

Лесное озеро с приходом весны ожило. Лед растаял. На окружающих озеро деревьях, где распустились молодые сочные листочки, запели птицы. По отмели забегали кулики, на воде заплескались утки. Кулики на высоких тонких ножках беспрестанно находятся в движении, выискивая длинными и острыми, как шило, клювиками в прибрежном песке личинок и червячков. Утки разных пород, от кряковых и серых до морских чернетей и чирков-свистунков, нежатся на спокойной глади озера. Отдохнув, начинают кормиться. Чернети ныряют в воду и долго пропадают внизу. С берега хорошо просматривается, как утка с довольно высокой скоростью плывёт под водой, расправив крылья. Пронырнуть озеро в нескольких направлениях за несколько минут ей ничего не стоит. Кряковые и серые, а вместе с ними шилохвости, чирки, широконоски погружаются в воду только головой и грудью. При этом хвосты уток смешно топорщатся над водой. В озере водятся гольяны, невесть как и когда появившиеся здесь. Старожилы, помнящие озеро безрыбным, уверяют, что гольяны завелись после того, как те же утки перенесли сюда прилипшую на лапках икру из других водоёмов, где кормились во время перелёта. Возможно, что икра или сами рыбки попали из ручья, который берёт начало из речки и течёт в озеро. Как бы там ни было, но гольяны стали объектом ранней рыбалки у пацанов. Уже в мае, едва под лучами солнца таял снег, они с удочками приходили к озеру и день-деньской пропадали на берегу, не сводя глаз с поплавок. Наградой им служит пол-литровая банка мелкой рыбёшки размером с их мизинец. Вот и сейчас присутствие рыбёшек около мшистого участка берега выдает мелкая рябь на поверхности озера. Там гольяны хватают водомерок и других беспечных насекомых. Внезапно над озером нависла тень, и стая уток дружно сорвалась с поверхности воды. Это коршун, бесшумно появившийся в поисках добычи, напугал их. Коршуну-тихоходу ни за что не догнать в воздухе стремительных уток. Встревоженный табун птиц, совершив контрольный облёт над озером и не обнаружив опасности, возвращается назад, чтобы продолжить прерванную кормёжку. Опять лесная тишина, не считая периодической разноголосой переклички птиц, заполнила окрестности озера. Вскоре она в очередной раз нарушается. Отчаянный, тревожный крик кулика разнёсся над водой. Увлёкшись поисками пищи на отмели, кулик пропустил момент, когда на него сбоку налетел коршун, который после неудачной охоты за утками затаился на ветке дерева, росшего у кромки воды. Кулик метнулся в сторону и кинулся бежать по песку. Тем временем промахнувшийся пернатый хищник пошёл на второй заход. Казалось, кулику конец. Ему не пришлось бы нынче вить гнездо и выво-

дить птенцов, если бы не попалась кочка на пути. Кочка густо заросла прошлогодней травой, которая свисала со всех сторон и образовала надёжное естественное укрытие для птиц. Бурая трава, практически, сливалась с опереньем мелких пташек, и никакой зоркий глаз пернатых хищников не в состоянии был разглядеть потенциальную добычу. Кулик успел юркнуть туда. Коршун смог только чиркнуть когтями по кочке, с досады выхватить клочок сухой травы и улететь в другое, более добычливое место.

Охотничьи байки, рассказанные охотником со стажем

Чёрный соболь проснулся поздним вечером, когда в стилом зимнем лесу разлилась туманная дымка приближающейся ночи и деревья потеряли чёткие контуры. Он вышел из убежища, которое устроил под одной из куч веток, что одинаковыми грудами лежали по краям просеки, вырубленной монтажниками под высоковольтную линию. Заставил его проснуться голод. Соболь потянулся, как все его кошачьи сородичи, разминая гибкое сильное тело (наступившая зима была второй в его жизни), и неторопливо двинулся по цепочке своих старых следов, огибая границы «принадлежащего ему участка». При ходьбе соболь придирчиво обнюхивал каждую вмятинку на снегу. Около замёрзшего ключа он наткнулся на две глубокие колеи, которые шли параллельно друг к другу и пересекали его старые следы. Ширина одной колеи была такова, что соболь свободно мог уместиться в ней от кончика носа до пушистого хвоста. Подозрительного запаха они не источали. Он пробежал по ним сначала в одну, затем в другую сторону. Бежать по колеям было легко, так как снег под ними лежал плотный. Однако соболь вскоре остановился, потому что их направление не совпадало с его обычным путём. Он вернулся к своим следам и продолжил обычный лёгкий бег. Тем временем голод усиливался, а утолить его пока было нечем. День совсем клонился к вечеру, сумрак охватил лесное пространство, когда соболь обнаружил тушку белки, лежавшую в полуметре от основания толстого елового пня. Около пня на снегу пролегалли те же две широкие колеи, которые вызвали недоумение у соболя полчаса назад. Но зверёк не стал проявлять к ним интереса, так как уже достаточно обследовал их. Отлаженный природой механизм из мышц и нервов, в сочетании с врожденным инстинктом, был занят другим извечным стремлением выжить в борьбе за существование. Поэтому его больше привлекла тушка белки, вид которой затмил также врождённую осторожность. Соболь сделал едва заметный шаг к еде. И сразу, взметнув снег, из-под него выскочил какой-то маленький, ранее нигде и никогда не виданный зверёк и вцепился в правую переднюю лапу соболя мёртвой хваткой. Соболя мгновенно объяло острой болью. Инстинкт самозащиты сработал тотчас: уже в следующий миг недавний пушистый охотник, сам превратившийся в добычу, с яростью вцепился в непонятого врага, но почему-то не ощутил обычного, такого мягкого и податливого тела с запахом крови и мяса. Зубы соболя с лязгом наткнулись на что-то твёрдое и крепкое, гораздо крепче и твёрже кости. И если кость можно было разгрызть, то теперь, наоборот, у соболя крошились зубы. Неизвестный маленький зверёк, который укусил его за лапу так больно, ничуть не подавался натиску и продолжал сжимать стальные челюсти с той же силой, как прежде. Соболь метнулся в сторону, пытаясь стряхнуть небольшого, но такого сильного противника, но — напрасно. Тот словно играючи молниеносно отшвырнул его назад к злополучному пню. С кровавой пеной в израненной пасти соболь бешено вертелся в кругу, очерченном проволочным радиусом. Снег внутри круга соболь в пылу борьбы буквально перевернул. Присту-

пы страстного желания вырваться из объятий смерти, чтобы снова обрести свободу движений и ощутить играющие, послушные ему мышцы, чередовались с тяжёлыми, полубессознательными минутами отдыха. И по мере того, как время увеличивалось в своем неизменном беге вперёд, вспышки жажды жизни у соболя становились короче и короче. Теперь он чаще лежал, тоскливо и обречённо глядя на своего «победителя». Даже лизнуть холодного снега воспалённым языком не хватало сил. На смену сумраку полноправно начала приходить темнота. На небе появилась луна. В её неясном расплывчатом свете, с ещё не угасшим до конца днём, соболя заметил, как с ветки на ветку дерева перелетела лесная птица кукушка. При виде свободной птицы соболя обуяла злость, которая придала ему дополнительные силы. Хищник продолжил борьбу. Во время очередного броска пружина капкана упёрлась в ствол берёзки, и стальные зубья слегка разжались. Этого, впрочем, вполне хватило, чтобы выпустить лапу соболя. Не встретив обычного сопротивления, зверёк отлетел в сторону, с размаху зарывшись в снег. Утомлённый борьбой, соболя вначале долго лежал без движения, затем, шатаясь, встал. Прихрамывая, заковылял прочь от гиблого места.

«Ястреб-великан»

Петька третье утро сидел в скрадке на озере, и всё без толку. Утки не прилетали. Даже задёрганный чирок, обычно падающий в любую лужу, пренебрегал этими прекрасными предрассветными часами и не появлялся вдруг перед истомлённым ожиданием взором и не заставлял тревожно забиться охотничье сердце. Чтобы как-то отвлечься от утомительного разглядывания смутных очертаний коряг и кочек, разбросанных во всех уголках озера, и где, как казалось Петьке, таятся утки, хотя их на самом деле не было, он в который раз закурил и принялся исследовать стенки скрадка. В верхнем дальнем углу ткал новую сеть паука. В старой, немного порванной, виднелись две засохшие мелкие мушки, у основания левой стенки как обычно оживлённо суетились муравьи, ежесекундно появляясь и исчезая в земляных ходах. Из щели, образованной опорным столбиком и досками, торчал кусок бумаги. Петька выдернул и развернул его. Это оказался листок, вырванный из научно-популярного журнала «Наука и жизнь». Обрадовавшись неожиданной находке, Петька уткнулся в чтение какой-то сугубо технической статьи, которая никогда не привлекла бы его внимания, будь он дома. Здесь же Петька с удовольствием читал специфические термины и разбирал замысловатые формулы. Как-никак три года учёбы в техникуме не прошли зря. Спустя некоторое время слабый шум раздался снаружи. Подумав, что на воду опустились наконец-то утки, Петька выглянул в «бойницу» — длинную узкую щель в передней стенке скрадка. Однако озеро расстиралось как обычно, никакими внешними признаками невозмутимое. Зато около воды, на старой лиственнице, точнее, на одной из её разлапистых ветвей, сидела большая серая птица. «Ястреб, — мелькнуло в голове у Петьки. — Вот почему на озеро не прилетала ни одна утка, ястреб, гад, отпугивает. Ну, я тебе сейчас покажу!» С этими словами Петька тщательно прицелился и выстрелил в ястреба. Хищная птица упала в кусты. Подойдя к трофею, он удивился его внушительным размерам. До сих пор ему никогда не доводилось встречать столь крупного ястреба. Вроде всё на месте: острый клюв, кривые когти, а вот размер необычный. «Прямо великан да и только, — подумал Петька и, подняв её рукой, прикинул на вес. — Около трёх килограммов, нечего делать», — решил он.

Оставив трофей у скрадка, охотник вошёл внутрь, сел на скамейку у «бойницы», выкурил очередную сигарету и опять принялся ждать. Воображение начало рисовать

ему, как на озеро, теперь безопасное, опускаются табуны жирных крякв, свиязей, чернетей, шилохвостей и, конечно, чирков. Размечтавшись, он не заметил, как к скрадку кто-то подошёл и окликнул его. Этим «кто-то» оказался одногодок Лёха, добрый и старый знакомый, более Петьки любитель побродить по лесу с ружьишком. После обычных приветствий Лёха рассказал, что провёл утреннюю зорьку на соседнем озере, но уток не было. Возвращался уже домой, да услышал выстрел и решил завернуть, узнать результат. Петька, в свою очередь, пожаловался, что и у него сплошь одно невезение, зато он выяснил причину такого невезения и устранил её. «Это ястреб не давал возможности уткам садиться на озеро», — сказал он и затем показал трофей Лёхе, не преминув при этом расхвалить по охотничьей привычке свой удачный выстрел. Лёха с интересом рассматривал убитого ястреба, тоже удивлялся его необычным размерам, слушал и сочувственно кивал головой. В конце разговора Петька предложил Лёхе взять ястреба и изготовить из него чучело, так как знал, что тот занимается немного таксидермией. Лёха без уговоров взял добычу и обещал изготовить чучело в ближайшее время.

Вечером того же дня к Лёхе по какому-то делу заглянул Ефимыч, старый, опытный охотник, про которого говорили, что он ружьё в руки взял ещё до того, как говорить начал. «Ефимыч, — обратился к нему Лёха, — там, в сених лежит ястреб, которого добыл Петька и дал мне, чтобы я сделал чучело. Взгляни на него, интересная птица. Главное, какая крупная! Таких больших пернатых хищников в наших краях я отродясь не встречал». Внимая просьбе Лёхи, Ефимыч вместе с ним вышел в сени. Когда Ефимыч увидел ястреба, то был чрезвычайно удивлён: перед ним лежала копалуха, то есть глухарка. Обернувшись, он хотел было сообщить об этом Лёхе, который восторженно упивался зрелищем хищника-великана, но передумал. Улыбнувшись в усы, Ефимыч сказал: «Действительно, редкий экземпляр...»

Храбрый зайчишка

Внезапное весеннее наводнение на одном из притоков реки Лены застало зайчишку врасплох. Ещё днём он мирно грыз молодые побеги ивняка на берегу маленькой речушки, впадающей в Лену, а затем, когда наступил вечер, спрятался под стволом старой раскидистой вербы и уснул, чутко поводя длинными ушами при малейшем шорохе. Ночью уровень в реке неслышно поднялся, вода замочила лапы зайчишке, и он, спасаясь от потопа, кинулся в темноте вверх по обрывистому склону берега, где нашёл какую-то впадину и забился в неё. Утро застало испуганного зайчишку на крохотном пятачке — посредине крутого песчаного откоса. Внизу путь преграждала река, сверху — обрыв, а с боков — песчаные борта. Попавший в западню косою мелко дрожал от страха, ежесекундно, по заячьей натуре, ожидая нападения. И, действительно, оно скоро произошло. По верху берега, как раз над обрывом, пробежала голодная рыжая лиса. Она учуяла заячий дух и резко остановилась, суетливо заметалась вдоль обрыва, но источника вкусного запаха не увидела. Кумушка попыталась было заглянуть под обрыв, но не удержалась и полетела в реку. Бултыхнувшись в воду и вынырнув, она заметила, наконец, зайчишку, но сильное течение сразу снесло её вниз. Выбравшись на берег, хищница снова устремилась к месту, где сидел дрожащий зайчишка. И вторая попытка лисы достать косою не принесла желаемого результата. Ещё не обсохшая, едва сунувшись вниз, она заскользила на мокрых лапах и снова кубарем полетела в реку, попала в водоворот, который подхватил лису и выбросил далеко за излучину. Потерпев неудачу, рыжая плутовка решила изменить приём. Она

забежала вверх по течению реки и кинулась в воду, чтобы, подплыв к зайчишке, вскарабкаться на берег и завладеть добычей. Зайчишка, и без того дрожащий от страха, замер и лишь завороченно смотрел на приближающуюся по воде лису. Добравшись до крутого глинистого берега, кумушка стала подниматься по нему. Подъём давался ей с большим трудом. Хищница отчаянно цеплялась за осклизлый берег, миллиметр за миллиметром преодолевая препятствие. Наконец, плутовка почти достигла пятачка, где, сжавшись в комок, сидел серый зайчишка. Морда лисы с мелкими острыми зубами показалась над уступом. Глаза кумушки горели в предвкушении сытого обеда. Вдруг косой, дотоле окаменело сидевший, то ли от отчаяния, то ли от неминуемой гибели, мгновенно преобразился. Он кинулся вперёд и начал колотить передними лапами по морде лисы. Кумушка, порядком ослабевшая и потому едва держащаяся на крутом склоне, получив неожиданный отпор со стороны «добычи», сорвалась и с шумом полетела вниз, на быстрину. Других попыток достать зайчишку лиса не предпринимала. Вода на следующий день спала, и косой выбрался из плена.

Береговые картины

Однажды в июле мы со Славкой сплавлялись по Витиму на лодке с мотором. Старенький, но надёжный «Вихрь-20» всегда работал без перебоев и не доставлял нам проблем. Мы поднялись сколько можно вверх, а оттуда, заглушив мотор, самосплавом вниз. По пути делали частые привалы, как правило, в устьях горных речушек и ключей, впадающих в Витим. Поднимались по речушкам и ключам вверх, ловили на «мушку» ленков и хариусов. Вернувшись к биваку, готовили на костре уху, пили таёжный чай с дымком. Переночевав и наскоро позавтракав, отправлялись дальше. Хорошо плыть по реке, особенно по утрам, когда лёгкая свежесть начинающего дня бодрит и обостряет чувства. Тишина ничем не нарушается, разве что плеском волны на прижимах, где течение становится быстрым и где образуются небольшие завихрения, которые стремительно выносятся вместе с потоком на середину. На берегу реки часто можно заметить лесных обитателей, которые выбегают на чистое пространство, где по руслу постоянно тянет ветерок и помогает спастись им от назойливого гнуса. Некоторые звери при этом заодно утоляют жажду. В такие моменты при помощи бинокля хорошо рассматривать осторожных зверей. В большинстве случаев они не пугаются людей на дальнем расстоянии. Вот мелькнуло в глубине леса среди деревьев и кустов что-то тёмное. Через пару минут, выбравшись из густых зарослей пихты, на берегу появляется таёжный красавец — изюбр. Он легко подбежал по песчаной полоске к воде и нагнул голову с ветвистыми рогами, чтобы напиться, но, увидев незнакомый предмет (лодку), замер. Несколько секунд подождал, напряжённо всматриваясь и поводя ушами, а затем, круто развернувшись и сделав один гигантский прыжок, исчез в зарослях пихты, из которых появился минутой ранее. Бесшумно серо-белой тенью скользят над мелкой рябью реки чайки. Периодически, усмотрев в воде рыбок, они отвесно падают вниз, хватают добычу и взмывают вверх, где снова часами кружат в ожидании удачи. На вершинах и ветвях сухих деревьев, а обычно это лиственницы, сидят черные вороны. Иногда они слетают на пологий берег и бродят по мокрому от недавнего паводка галечнику, смешанному с песком. В галечнике птицы находят одним им известные съестные вещества, которые во время поднявшегося уровня принесло течение и которые застряли среди мелких камней. Порой их обеды портят другие пернатые хищники, появляющиеся в зоне обитания воронов. Тогда небольшой стаей, из двух-трёх птиц, они прогоняют наглых пришельцев: крючконосого ястреба

или большеголового филина. Нет-нет, по песчано-гравийной отмели промчится тёмный ком. Это трусливый заяц, в летней форме одежды серого цвета, спешит миновать опасное открытое пространство и спрятаться под кучей веток и стволов деревьев, нанесённых во время паводка.

Привлёк нас как-то днём один забавный эпизод. Река ещё не спала до своего обычного уровня, и по ней продолжало нести всякий хлам и мусор. Пронесло несколько веточек, сцепленных вместе и образовавших подобие плотика. На него сел летящий низко над водой кулик. Очевидно, он устал и решил присесть на плотик передохнуть. Да не пришлось бедной птичке таким образом толком перевести дух — волна от проходящего катера раскачала ветки и разметала плотик, тем самым лишив кулика твёрдой опоры и заставив его, ещё усталого, снова подняться в воздух.

Медведь? Это стоит посмотреть!

В другой раз, в августе, я и Славка забрались в верховья Витима и сплавлялись. В этот вояж рыбалка не совсем удалась. Наловили лишь одно ведро на двоих. Да ещё Славка допустил промах. Плохо просолил улов, и у некоторых рыбин появился душок. Стараясь спасти остатки улова, мы дальнейший путь проделали почти без остановок и порой заводили мотор, чтобы сократить расстояние. Любимым нашим развлечением при сплаве по-прежнему оставался детальный осмотр берегов в бинокль. Славка к тому же не выпускал из рук фотоаппарат и снимал наиболее приглянувшиеся пейзажи. По утрам уже начали появляться редкие туманы. Проплывая мимо косы, которая выдавалась далеко в реку, заметили в бинокль размытое шевелящееся пятно. Лёгкий туман мешал достаточно чётко рассмотреть предмет на берегу. Подплыли поближе и различили большого бурого медведя, как нам показалось, копошащегося в песке. Приблизившись, а глубина около косы позволяла, разглядели, что косолапый доедал рыбину, которую то ли поймал, то ли нашёл на берегу. Славка, чьё желание снять парочку столь редких кадров открывшейся картины пересилило страх, упрямости и меня рискнуть подплыть как можно ближе к «хозяину тайги». Я уступил настойчивой просьбе друга. Мы подгребли к медведю, увлечённому едой, держа наготове вёсла и мотор на взводе, чтобы тотчас отгрести от берега и рвануть при возникновении опасности со стороны зверя. Топтыгин между тем доел рыбину и поднял большую лохматую голову. Увидев нас в лодке, он недовольно заворчал. Мы, безопасности ради, отплыли ниже по течению. Косолапый несколько секунд стоял, принюхиваясь, а затем неожиданно быстро пошёл по берегу в сторону лодки. Мы, соответственно, приняли меры: начали усиленно грести вёслами, чтобы сохранить имеющееся расстояние. Медведь тем временем не отставал, а наоборот, прибавил в скорости. Сначала мы не поняли причину его преследования, а потом Славка сообразил, что косолапый идёт за нами не зря. У нас в ведре было несколько штук рыбин с душком, и медведь учуял запах, который его привлёк. Славка размахнулся и бросил пару хариусов на берег. Едва они упали, как медведь жадно проглотил их, но не отстал. Кажется, эти два хариуса с душком подействовали на него как наркотик. Косолапый вдруг бросился в воду, с шумом и брызгами пробежал по мелкому месту и, достигнув глубины, поплыл к лодке. Увидев такой поворот событий, мы начали лихорадочно заводить мотор, но, как всегда, в нужную минуту он не заводился. А косолапый тем временем подплывал к лодке, несмотря на то, что один из нас отчаянно загребал в реку. Чтобы не дать медведю возможности достать лодку, мы сняли весла и стали отталкивать ими зверя, упираясь в его голову. Пока непрощенный гость яростно хватал зубами одно из алюминиевых вёсел, другим мы успевали отталкивать «хозяина тайги», который

находился не в своей лесной, а чужой, водной стихии. Наверное, это нас и спасло от более тяжких последствий. На земле-то он с нами расправился бы в два счёта. Наконец, Славка догадался выкинуть за борт ведро с рыбой. Хищник сразу утратил интерес к лодке и устремился за пахучей едой. Мы облегчённо вздохнули и кинулись снова заводить мотор. На это раз он завёлся с первого рывка. Уплывая, мы оглянулись. Медведь перенёс ведро, застрявшее на мелководе, на сушу, достал рыбу и принялся за трапезу. Мы не привезли домой рыбы, зато привезли редкие кадры «хозяина тайги» и впечатления от встречи с ним. Ими мы «угощали» родных и знакомых, правда, выпустив некоторые подробности.

Первый друг следопыта, или Невидимые обитатели

С первым снегом в лесу сразу становится ясно, что он населён невидимыми, но реальными обитателями, которые всюду оставляют следы своего пребывания. Вот пробежала белка, спустившись с лиственницы. Характерные отпечатки её лап с острыми коготками ясно просматриваются на снежном покрове. Она спрыгнула с дерева и пересекла небольшую полянку, чтобы добраться до группы раскидистых сосен, вершины которых обильно усеяны шишками. По пути белка разгребла снеговой покров и достала спрятанный осенью гриб — маслёнок, но есть по какой-то причине не стала и бросила. Маслёнок от холода почернел и походил больше на сгусток застывшей слизи, чем на гриб. Белка прыгнула на сосну и поднялась к вершине дерева. Сорвала шишку, устроилась столбиком на ветке, прикрылась длинным пушистым хвостом и принялась лущить шишку. Прикончив её, бросила вниз и сорвала другую.

А здесь, в ложбинке, где снег поглубже, ночевал рябчик. В ямке от его туловища остался помёт, а от места ночёвки потянулся узор крестообразных лапок. Под уступом бугра, где просматривалась обнажённая земля, рябчик остановился, что-то поклевал и отправился пешим ходом дальше. Следы редко идут по открытому пространству, они в основном петляют по бурелому и густому мелколесью. Рябчик — лесная курица, бегаёт среди кустов и поваленных деревьев лучше, чем летает. Для него такой путь не представляет труда, а вот для его врагов или охотников — это сущее мучение. Рябчик не приспособлен совершать длинные перелёты. Он всего лишь перепархивает с дерева на дерево и прячется отменно. Его оперение как нельзя лучше помогает скрываться от врагов. Прижмётся рябчик к ветке и кажется естественным наростом дерева. Петушок и курочка по расцветке практически одинаковы. У обоих яркие красные брови. Отличительный признак петушка — наличие чёрного пятнышка под горлышком. Заячьи следы на снегу отличаются от других зверей сразу. Он при беге выбрасывает задние лапы более вперёд, чем передние. Такой необычный бег может привести в недоумение начинающего охотника, когда он увидит крупные отпечатки задних лап впереди, а передних лап — позади. Другие четвероногие животные, будь они дикие или домашние, задние ноги или лапы так далеко не выбрасывают. Зайцы днём прячутся в чаще леса, среди бурелома, и чутко спят. Порой случается так, что косой кого-то пугается, тогда он внезапно покидает лёжку и мчит по тропе, мелькая подобно белому мячу среди тёмных кустов, до следующего безопасного места. Ночью зайцы выходят на кормёжку, во время которой пробегают не один десяток километров в поисках пищи.

Между осыпавшимися камнями у небольшой скалы оставил следы маленький проказник горностай. Порывистый и гибкий, сам белее снега, лишь с тремя чёрными точками на мордочке, обозначающими глаза и носик, он охотился около камней за

полевыми мышами. Узкие норки грызунов не являются для него препятствием. Такой же юркий, горноста́й свободно прошмыгивает в них и расправляется с хозяевами по своему усмотрению. Иногда горноста́ю выпадает редкая удача. Этот когда он обнаруживает попавшегося в петлю зайца. Тогда у маленького хищника начинается настоящий пир. Горноста́й днюет и ночует около «законной добычи», отгоняя от неё лесных птиц и прочих претендентов до тех пор, пока она не подойдёт к концу.

Вот любопытная лесная птица — пепельно-рыжая кукушка, прыгала на двух лапках, как воробей, и наследила у подножия дерева. Эту птицу обычно не слышно и не видно. Как тень, вдруг появится невесть откуда и усядется на дерево, выждет немного, убедится в безопасности, спрыгнет и начнёт подбирать с земли семена, осыпавшиеся с его вершины. Снова, как тень, бесшумно взлетит и исчезнет.

А вот следы, рассказавшие о том, что здесь недавно едва не произошла драма. Свежие следы таёжного красавца — соболя ведут в распадок между двумя холмами, к озеру. Голодный зверёк, понятное дело, держится поближе к рекам и озёрам, где ещё можно без особого труда добыть себе пищу. Вот и на этот раз собо́ль напрямик побегал к лесному водоёму. Накануне, так же пробегая вдоль границ своего обитания, он заметил раненную в середине осеннего сезона утку и оставшуюся по этой причине на озере. Полтора месяца назад стая морской чернети совершала длительный перелёт на юг. Когда показалось озеро, утки снизились, высматривая удобное и безопасное место для отдыха и кормёжки. При обычном круте уток над озером перед посадкой, раздался выстрел охотника. Дробина из ружья вскользь прошла по крылу молодой, впервые полетевшей на юг чернети. Косвенного касания хватило, чтобы кость получила закрытую трещину. В результате травмы утка не смогла лететь дальше со стаей, когда та собралась и дружно взмыла в небо, держа курс в тёплые края. Молодая чернеть осталась одна на озере. Корма хватало, да и скучать не приходилось. На озеро постоянно садились утки самых разных пород, которые летели на юг. В компанию к себе они её не пускали. Поплавав в сторонке, чернеть одиноко кормилась и на ночь пряталась за травянистыми кочками. Последними улетали на юг крохали, большие любители рыбной живности. Они задержались на озере, потому что питались гольянами, которые пришлись им по вкусу. Однако пришла пора покидать озеро и крохалям.

Через месяц, когда пришли утренники, чернети значительно полегчало. При взмахах крыло уже не отдавало резкой болью, и она пролетала несколько десятков метров, не отрываясь от поверхности воды. Полностью подняться в воздух пока не удавалось, но травмированное крыло явно заживало. На озеро часто приходили охотники посидеть на утренней зорьке и добыть пару-другую уток, но чернеть, наученная быть осторожной, всячески избегала встреч с ними: зорко следила за передвижениями, пряталась в кочках, ныряла и подолгу находилась под водой, порой забиралась в растущие рядом кусты.

В опустившихся сумерках собо́ль увидел прохаживающуюся по льду чернеть и кинулся к добыче, рассчитывая на лёгкую поживу, но утка успела спрыгнуть в небольшую полынью посредине озера. Пушистый хищник битый час пробегал вокруг полыньи, стараясь достать чернеть, но безуспешно. Достаточно приличный размер ещё открытого водного пространства позволял утке легко уходить от соболя. Едва тот из всех сил мчался к одному краю, где сидела птица, как она отплывала к другому. Поняв бесплодность попыток по поимке утки, до которой оставалось, кажется, протянуть лапу, собо́ль убежал в другие места, полагая вернуться к ней попозже. Он прибежал теперь ежедневно, но чернеть не сдавалась. Корма на дне озера ещё хватало, холода особые не наступили, полынья сохранялась в прежних размерах, беспокойство от раны уменьшалось с каждым днём. И всё же наступило время, когда пришли морозы. Ясной звёздной ночью собо́ль со всех лап припустил к озеру, точно зная, что полынья уже прочно затянулась льдом и её размеры позволят без усилий достать утку. Кажет-

ся, сегодня вкусная утятина попадёт ему в зубы. Прибежав к озеру, соболь обнаружил, что полынья замерзла полностью. Но обнаружил маленький хищник и то, что цель его полуторамесячного посещения исчезла. Напрасно соболь обегал озеро вдоль и поперёк в поисках утки. Чернеть улетела ещё утром, когда тонкая и прозрачная, но по-осеннему крепкая корка льда превратила полынья в лунку размером с дно кастрюли.

Маленькие друзья

У Петьки шли зимние каникулы — заслуженный отдых от учёбы. Тёплая погода, установившаяся на днях, и безделье выгнали его на улицу, где к нему тотчас присоединился редкого светло-рыжего окраса трёхмесячный щенок от известных на всю округу лаек: кобеля Пирата и суки Пальмы, принадлежавших деду Ивану Старцеву, дальнему родственнику школьника. Кучум, так назвал Петька щенка, обещал в скором будущем превратиться в отличную охотничью собаку. Задатки этих качеств, отличающих лаек от дворовых беспородных собак, у него уже проявлялись. Вместе с Кучумом мальчик сначала побродил по посёлку, а затем они спустились к реке. Молоденький пёс резво понёсся по замёрзшему берегу впереди хозяина. У самого берега лёд лежал припорошенный снегом, а дальше, к середине реки, по мере постепенного застывания воды, становился всё более гладким и прозрачным, заканчиваясь тёмной промоиной. Течение реки в промоине, хотя и не такое бурное как летом, по-прежнему показывало природную силу: с шумом билось о кромку льда, подмывало его и отломившиеся кусочки с лёгким звоном несло с собой вниз. Петька с щенком играли на чистом участке льда. То мальчик убежал вперёд и, разогнавшись, скользил по нему, а Кучум припускал за ним, пытаясь схватить за валенки, то они боролись, катаясь по гладкой поверхности льда, то Петька смотрел сквозь прозрачный лёд на дно. Вид камней, обросших мхом и опутанных коричневыми водорослями, развевающимися по течению, напоминал картины из сказок о мёртвом царстве. Мальчик представлял себя там в образе героя, спасающего, по крайней мере, красавицу-царевну от козней Бабы-яги или Кощея Бессмертного.

Он не сразу услышал слабое повизгивание щенка. Озадаченный, Петька оглянулся по сторонам — пусто. Снова полное отчаяния, слабое повизгивание донеслось до его слуха. Оно шло со стороны промоины. Присмотревшись, мальчик заметил голову щенка, торчащую над водой. Не раздумывая, Петька бросился на помощь четвероногому другу. Приблизившись по мере возможности к месту, где тонул Кучум, школьник увидел, что молодая собака силилась выползти на кромку льда, но мокрые лапы не позволяли щенку уцепиться как следует за гладкую поверхность, вдобавок, течение сбивало его и стремилось затянуть под лёд. С каждой следующей секундой Кучум слабел всё больше и больше. Он умоляюще смотрел на Петьку, ожидая что тот выручит его из беды. Удручённый происшедшим, мальчик в первое мгновение растерялся, затем, понимая, как дорога каждая минута для спасения четвероного друга, побежал к берегу, где заметил разросшуюся ольху. С трудом выломал длинный прут и бегом же вернулся назад. Зная, какими бывают последствия от торопливых действий при спасении людей на хрупком льду, он с предосторожностями приблизился к краю промоины. Подсунул принесённый прут к морде Кучума в надежде, что тонущий пёс каким-либо чудом зацепится лапами за ветку. И... о, чудо произошло! Петька не верил глазам своим — щенок схватил зубами кончик прута! Обрадованный спасатель дёрнул прут, да так торопливо и сильно, что тот выскользнул из собачьей пасти. Ругая себя за поспешность, Петька ещё раз подвёл прут к морде Кучума, и пёс вновь схватил спасительную ветку дерева, лязгнув зубами. Теперь мальчик потянул за прут осторож-

но. Мокрый щенок легко заскользил грудью по кромке льда, помогая себе лапами, и наконец полностью выполз из промоины наружу. Обессиленный, он некоторое время лежал на краю промоины и отдыхал, безвольно раскинув лапы. Вскоре замутнённый взгляд щенка прояснился. Он встал и, шатаясь, сделал несколько шагов, затем пробежался. Затем подошёл к хозяину, виляя хвостом, выражая благодарность Петьке за спасение. В собачьих преданных глазах светилась радость. Ласково похлопывая щенка по застывшей от ледяного «купания» шерсти, вместе с ним радовался и Петька.

Всё обошлось, и друзья пустились в обратный путь, домой.

У ёлки и сосёнки одинаковы шубёнки

Накануне Нового года, как обычно, я купил порубочный билет, собрался и пошёл в лес за ёлкой, считая, что ничего лучше настоящей пушистой красавицы не может быть. Никакая пластмассовая игрушка в виде искусственной ёлки, даже сосна, не способны заменить живую настоящую ёлку. Прикосновение к её иголкам, особенный запах — всё это вместе напоминает те неповторимые детские ощущения, которые впервые были получены на новогодних утренниках в детском саду и школе, а затем остались в душе как самые яркие и дорогие. Убежден, что и с другими происходило то же самое. И вроде сосёнка тоже дерево живое, трепетное, а суррогат. Не говорю уж об ёлке из полимеров, пусть обильно источающей аромат леса. Как говорится, то, да не то!

В лесу у меня было заветное местечко, где росли ёлочки. Местность не ахти какая, болотце. Растительность скудная. Вот и ёлки, дотянув в высоту метров до двух, начинают сохнуть на корню. Стволы покривятся, ветки завернутся причудливо, ну, прямо чудовище настоящее из сказки! На этом месте, пока ёлки не пропали совсем, я деревья и срезал ежегодно. Нынче мне не повезло. Свернул по ходу с торной накатанной автомашинами дороги, прошёл по заснеженной лесной тропинке к болотцу, ёлок не обнаружил. Походил окрест — то же самое. То ли лето было жарким, то ли вода в болотце испортилась, но последние ёлки, все как одна, засохли. Пришлось искать лесную красавицу наугад. Но ёлки, как ягоды и как грибы, растут не везде. Места знать надо! Пришлось побродить по лесу, обходя увалы и чащи. По заснеженному лесу ходить трудно, поэтому часто приходится останавливаться, чтобы отдышаться. Во время кратковременных передышек не терял времени даром, поглядывал по сторонам, высматривая следы соболя, зайца, белки, горноста. Зимний лес жил своей жизнью. Белка оставила свежие следы под лиственницей. Попытался её обнаружить среди веток, но напрасно. Видимо, далеко ускакала в поисках пищи. На склоне бугра кедровка наделала воронок в снегу, отыскивая осенние запасы орехов, по краям каждой видны отпечатки её крыльев. С высокой разлапистой сосны непрерывно шёл стук, это дятел — «лесной доктор», искал личинок жуков под шершавой корой дерева. Невольно вспомнилась поговорка: «Не болит голова у дятла». Как выяснили учёные, голова у дятла действительно не болит. При нанесении удара голова и клюв птицы двигаются по абсолютно прямой линии. Этому способствуют мышцы шеи, которые очень точно скоординированы. При таком движении мозг дятла легко переносит бесконечно повторяющиеся сотрясения, амортизируя удары с помощью внутричерепной жидкости. По части перегрузок дятел в сто раз превосходит самых тренированных людей — лётчиков и космонавтов, которые выдерживают лишь десятикратные перегрузки.

Побродив ещё немного и устав от бесцельной ходьбы, решил я спилить сосёнку, хотя такое решение и шло вразрез с моими правилами. Выбрав стройную, нарядную сосёнку, спилил её и, взвалив на плечи, отправился домой. «Состригу иголки ножницами, украшу «дождём» и игрушками — никто не догадается, что сосёнка, за ёлку

примут», — думал на пути, успокаивая задетое самолюбие. С автомобильной дороги, куда я вышел из леса, тяжело взлетел чёрный ворон. В клюве у него болтался кусок полиэтиленовой плёнки. Наверное, не найдя более подходящего корма, пернатый разбойник прихватил в качестве добычи блестящую, но совершенно несъедобную вещь. «Я-то в лучшем положении нахожусь, иду с добычей настоящей, — подумалось мне, глядя на ворона. — Что у ёлки, что у сосёнки — одинаковы шубёнки».

«Волк из сказки»

По зимнику с дальнего участка старателей поздним февральским вечером шла автомашина ГАЗ-66. Жёлтый сноп огня, идущий от фар, высвечивал однообразное белое пространство дороги, обрамлённое снежной насыпью обочины. Унылая картина ничем не оживлялась, и у шофёра под ровный гул мотора начали слипаться глаза — сказывалось напряжение 12-часового рейса. Около середины пути на выпавшей накануне пороше появились одиночные следы, которые, судя по обычным здесь весенним свадьбам, принадлежали четвероногому серому хищнику. Водитель не поленился и остановил машину. К тому же надо было освежить голову студёным воздухом и прогнать наваливающийся сон.

Спустившись с подножки на дорогу, он внимательно осмотрел отпечатки лап, потрогал на ощупь. Водитель хорошо разбирался в следах и повадках диких животных, так как будучи родом из таёжного посёлка с малолетства приучился к добыче зверей. Да и сейчас, работая в экспедиции шофёром, ежегодно старался приурочить отпуск к промысловому сезону. Следы были свежие, очень свежие. Зверь вроде пробежал только что перед машиной, но не попал в световую полосу фар. Водитель решил попытаться догнать волка, быстро забрался в кабину, и через несколько минут машина, как призрак, понеслась по снежной дороге. Сон пропал, и не верилось, что несколько минут назад он буквально засыпал за рулем. Километры, выскакивая навстречу из стремительно надвигающейся темноты, одно мгновение освещались фарами и тотчас отбрасывались за кабину, вновь исчезая в темноте, которая никак не отставала и казалась прицепленной позади за фаркоп. Скоро, на грани луча фар, высветился серый мохнатый зверь. Попад в световой «коридор», хищник лишился шансов на спасение. Правда, подхлёрстнутый настигающей лавиной света и гула, зверь прибавил ходу. Машина тоже. В споре живого существа и механизма на выносливость преимущество всегда остаётся за железной бездушной машиной.

Расстояние между волком и автомобилем катастрофически сокращалось. Несколько раз на ходу зверь оборачивался, и под мощным бугристым лбом с ненавистью вспыхивали жёлтым блеском глаза, белым оскалом отсвечивала ощеренная пасть. Последние секунды гонки. Буфер машины сминает волка, чувствуется мягкий удар по днищу. Всё...

Водитель выскакивает из кабины, на всякий случай прихватив заводную ручку. Но дополнительных мер не потребовалось. Зверь убит. Серый разбойник оказался волком-переляком среднего размера. Что любопытно, без хвоста. Вполне вероятно, что он был тем самым волчищем из русской народной сказки, где лиса-плутовка обманным путём заставила глупого волка опустить хвост в прорубь на реке для ловли рыбы. По наущению лисы к проруби прибежали жители деревни и хотели прибить незадачливого «рыбака», который принёс им много вреда, разоряя овины и загрызая скот. Напуганный волк при виде толпы кинулся бежать, оставив примёрзший хвост. А что, может, действительно, волчище тот самый, из сказки? Событие-то на реке произошло...

Таёжный гость

На берегу реки Витим, что впадает в Лену и делает её по-настоящему полноводной, раскинулся посёлок энергетиков Мамакан. Население этого посёлка городского типа занято в основном работой на двух местных промышленных предприятиях: ТЭС, построенной ещё в 1936 году, и ГЭС, первого объекта такого рода, сооружённого в зоне вечной мерзлоты и сданного в эксплуатацию в 1961 году. Обе станции построены, чтобы обеспечивать электроэнергией золотые прииски района. Посёлок состоит из аккуратных двухквартирных домов, симметрично стоящих вдоль прямых улиц. Проезжие части главных улиц забетонированы, по краям тянутся асфальтовые тротуары. Между тротуарами и проезжими частями улиц растут лиственные деревья.

Ранним сентябрьским утром на крыльцо одной квартиры дома вышел её хозяин, электрослесарь гидростанции Семён Шанин. Потянулся, отряхивая остатки сна и слегка поёживаясь от утренней прохлады, бросил взгляд на небо, пытаясь определить погоду предстоящего дня. На берёзе, растущей в пяти метрах от стены дома и попавшей в поле его зрения, он заметил необычного окраса кошку, которая, распластавшись, неподвижно лежала на толстой ветви дерева. Подумав, что подобной раскраски кошек встречать ему прежде не доводилось, Семён подошёл поближе к берёзе. Однако кошка, не дожидаясь приближения человека, спрыгнула с дерева и стремительно кинулась наутёк. В движениях кошки явно прослеживались не свойственные домашнему животному повадки. «Да это же соболь! — вдруг сообразил Семён. — Вот, чёрт, как он сюда попал?» И, удивлённый столь неожиданным появлением в посёлке таёжного гостя, пару минут простоял неподвижно. Через некоторое время с той стороны, где скрылся убежавший зверёк, раздался лай собак и чей-то возбуждённый голос.

Соболь пробрался в посёлок ночью, любимое время охоты. Голод выгнал его из лесу. Недавние летние пожары уничтожили ягоды, истребили мышей и мелких грызунов, лишив соболя традиционного корма. Ему надо было покидать обжитое место и уходить в другие края, обильные пищей. Кое-как он ещё перебивался голубицей, сохранившейся в виде двух-трёх кустов на островках невыгоревшей зелени. Сладкие ягоды не притупляли чувство голода. Ему, привыкшему к свежему мясу, голубица служила только приправой к основному блюду. Однажды, у лесного озера он обнаружил уцелевший от пожара куст черёмухи, на котором обильно висели крупные созревшие ягоды. В первый раз тогда соболь наелся терпких плодов до отвала после долгих голодных дней. Он жил у черёмухи до тех пор, пока ягоды не кончились. Их запасов могло хватить и подольше, но «помогли» птицы. Дважды налетали откуда-то большие стаи чубатых свиристелей, с шумом усаживались на вершинку черёмухи и с невиданной скоростью опустошали её от ягод. Маленький хищник был бессилен прогнать непрошенных гостей. Подобраться к ним он не мог, так как тонкие ветки дерева-куста угрожающе сгибались под ним, и соболь всякий раз отступал, гневно глядя на свиристелей, которые лихо расправлялись с пищей, которая казалась законно принадлежала только ему. Перед уходом, а путь предстоял дальний, соболь хотел поднабраться сил, чтобы подальше уйти от гиблого места. В поисках съестного, гонимый мучительным голодом, соболь настолько осмелел, что в два прыжка перемахнул внушающую ужас дорогу, которая отделяла лес от населённого пункта, и осторожно продвигался по окраине посёлка в темноте по огородам, где его обволакивали непонятные запахи, где всё окружающее было незнакомым. В одном месте, когда он хотел проشمыгнуть мимо открытого пространства, к нему метнулась чёрная тень дворовой собаки. Почуввав опасность, зверёк кинулся в сторону и, наткнувшись на забор, буквально взлетел на него. Снизу раздалось грозное рычание, и соболь, напуганный преследователем, забыв о голоде, огромными скачками бросился в глубь посёлка. В страхе несясь вперёд, зверёк

попадал на бесконечные дворы, где почти в каждом обитали собаки, будоражил их своим диким духом, и те, заливаясь громким лаем, пускались за ним в погоню. Прошло немало времени, прежде чем соболь оторвался от своры собак и достиг той самой спасительной берёзы, где пасмурным сентябрьским утром его обнаружил хозяин близлежащего дома.

Вернувшись в дом, Семён, не попив чаю как обычно перед работой, торопливо зашагал туда, откуда доносился шум. Сам будучи охотником-любителем, он отлично понимал, какая опасность может угрожать пушистому таёжному гостю. Его опасения целиком подтвердились, когда он ещё издали увидел кольцо из людей и собак, окружавшее толстенный тополь. Таёжный красавец лежал на горизонтальной ветке, свесив голову. Ему, привыкшему к лесной тишине и покою, было невыносимо страшно при виде непонятных существ, стоявших внизу, размахивающих руками, непрерывно двигающихся, с устремлёнными на него взорами, издающих неведомые дотоле звуки, совсем не похожие на привычное рычание таёжных хищников.

Прошло более получаса, и страх перед людьми у соболя слегка уменьшился. Он подполз к концу ветки и сжался в комок, намереваясь совершить один гигантский прыжок, чтобы перемахнуть опасное кольцо из людей и затеряться среди огородов и дворов. Но вовремя спохватился, инстинктивно чувствуя, что для исполнения задуманного едва ли хватит сил: так его вымотала ночная погоня. Тогда, оставив безрассудную затею, соболь более плотно прильнул к спасительной ветви и стал наблюдать за действиями врагов внизу, гневно фыркая всякий раз, если кто-то из людей подходил совсем близко. Вот один из них, а это был наш знакомый Семён, спугнувший соболя утром со спасительной берёзы, решительно приблизился к тополю и начал подниматься по нему, цепляясь за сучья. Маленький хищник с ненавистью смотрел на приближение человека — скалил мелкие острые зубы, пружинил гибкое тело, угрожающе рычал. Несмотря на столь агрессивное поведение лесного хищника, в его сторону потянулась длинная рука в брезентовой «верхонке», от которой шёл терпкий, оскорбляющий тонкое обоняние зверька запах. В тот самый миг, когда маленький вёрткий хищник намеревался вцепиться в неведомого противника, рука, сделав неуволимое движение, схватила его за горло и сжала пальцы, отчего у соболя, и так усталого, взбудораженного необычной обстановкой, сразу помутнело в глазах. Он обмяк. Вскинутые было для защиты задние лапы с острыми когтями лишь слабо царапнули по «верхонке» и безвольно упали. Впрочем, сжимавшие горло пальцы тотчас разжались, и зверёк получил возможность дышать. Сломленный, усталый и голодный, находясь во власти более сильного, соболь жалобно заверещал. Между тем его запихали в какое-то тёмное, тёплое, мягкое место, очень напоминавшее собой дупло, и понесли.

Конечно же, зверёк не мог знать, что местом его временного пребывания послужил старый истоптанный, неоднократно подшитый серый валенок. Это Семён после того как снял соболя и спустился с тополя, попросил живущих поблизости соседей принести валенок, чтобы в нём отнести незваного пришельца в лес.

Выйдя на окраину посёлка, Семён зашёл в подлесок и вытряхнул соболя из валенка на землю. Зверёк, выпав из валенка и получив свободу, пару секунд неподвижно сидел, жадно вбирая родные лесные запахи. Затем как будто привычная среда обитания помогла соболу вернуть потерянные силы, стремительно нырнул под колючую ветку сосны и исчез, словно его никогда здесь и не было.

Семён в это утро на работу опоздал на целый час. Мастер встретил его было с выговором, потому что надо было выполнить срочную работу, но выслушав обстоятельства задержки, напротив, похвалил Семёна. Как же он мог поступить иначе? Мастер и сам охотился не один десяток лет и поступил бы точно так же, как Семён, окажись он на его месте.

Гостинец от «косых»

Стояла глубокая сибирская осень. За первым снегом уже неоднократно сыпало порошей, и толщина снежного покрова от этого постоянно росла. С приходом зимы жизнь в небольшом районном городке, удалённом от областного центра на несколько сот километров, как бы замирала. Подступающий к городку лес становился молчаливым и оттого загадочным. Населяющие его птицы, чей гомон слышался всё лето, начиная с конца августа постепенно улетали на свои южные «курорты». Одинокий и дробный перестук дятла, что глухо раздавался с кривой высохшей лиственницы у заросшего тиной озера, лишь подчёркивал мрачную картину опустевшего леса. Однако жизнь в городе продолжалась по обычной налаженной схеме. Взрослые ходили на работу, а дети посещали школу. После занятий восьмиклассник Виталька через день уходил в лес, высматривал заячьи следы и, обнаружив таковые, ставил проволочные петли на пути беляков. Петли Виталька делал из обрывков металлических тросов, которые обычно валялись по краям наезженной автомобильной лесной дороги, куда их сбрасывали шофера после очередного заноса машины и её нелегкого вытаскивания на проезжую часть. Жёсткий трос Виталька обжигал в печке, а после распутывал ставшие мягкими проволоки и изготавливал из них петли. Каждая проволока теряла жёсткость, становилась податливой, оставаясь при этом прочной на изгиб и кручение. Некоторые пацаны использовали на петли новинку — нихромовую проволоку, но Виталька предпочитал держаться испытанных методов. Старшие братья всегда пользовались петлями из троса, так и его научили на свой манер. В этом году длинноухих заметно прибавилось, о чём красноречиво свидетельствовали их обильные следы в густых мелколесьях и молодых соснячках. Виталька уже дважды удачно настораживал петли: оба раза в них попало по здоровенному зайцу.

В третий выход к везучему месту ободренный недавним «фартом» ученик собрался быстро. Как обычно, после школьных занятий он, наскоро пообедав, зашёл в кладовую, снял несколько заранее приготовленных петель, бросил их в рюкзак, одернул телогрейку и открыл калитку на улицу. Без происшествий дойдя до заветного соснячка и скинув вещмешок, Виталька пробежался по путику, на котором были поставлены петли. Увы, ни одна проволочная петля не сработала. Более того, нигде не было видно свежих заячьих следов. Присыпанные мелкой снежной пудрой бывлые отпечатки лап красноречиво говорили о том, что в последние дни косоглазые сюда явно не наведывались. Жаль стало Витальке добычливого участка. Он сокрушённо потоптался на месте, пытаясь разгадать причину столь внезапного исчезновения зайцев. А участочек-то он нашёл отменный! Главное его преимущество заключалось в том, что находился он недалеко от посёлка — хода всего двадцать минут средним шагом. Потом, никто не подумает, что в такой близости от посёлка могут водиться лесные обитатели да ещё при постоянном сопутствующем шуме. Дело в том, что на расстоянии лишь двухсот — двухсот пятидесяти метров располагался аэродром, где базировались вертолёты Гражданской авиации. Рёв мощных авиационных двигателей при их прогревании, а также систематические взлёты и посадки винтокрылых машин постоянно сотрясали окружающие взлётную полосу молодые деревья, и снег, лежащий на их ветвях, осыпался. Существующее соседство лишний раз доказывало тот факт, что животные способны приспосабливаться к любым техническим новинкам, которые вторгаются в их доселе спокойное существование.

Потерпев неудачу, Виталька поснимал бесполезные теперь петли и, решив обследовать кочковатое болотце, приткнувшееся немного выше соснячка, поплёлся туда. Пролезая под кривой свалившейся берёзкой, школьник обратил внимание на совершенно свежие отпечатки лап, как будто принадлежащие крупной собаке. Следы оги-

бали старый трухлявый пенёк от лиственницы, спиленной ещё во время строительства аэродрома. «Вот кто разогнал зайцев с этого участка — собака, — подумал мальчик, — одичалая, бездомная собака!» Действительно, собачьи следы виднелись всюду, отчётливо обозначилась лёжка самой собаки; снег лежал примятый и подтаявший от её тела. Буквально через день или два, придя к дяде по каким-то делам, Виталька поделился с ним о постигшей его неудаче, особенно жалуясь на бродячую дворняжку, приспособившуюся таскать чужих зайцев. Дядя, нештатный охотник, согласился с его предположениями об одичалой собаке. Затем поговорив ещё, они разошлись.

Прошло недели полторы, когда в один из выходных дней Виталькин дядя двинулся осматривать свои охотничьи угодья, расположенные далеко за пределами посёлка, где у него имелась избушка. Дорога проходила мимо соснячка, о котором упоминал племянник в недавнем разговоре. Вспомнив об этом, дядя решил заскочить по пути в соснячок и посмотреть на следы бродячей собаки. Охотник свернул с торной дороги и завернул в лесок. Уже сразу же заметил собачьи следы, тянувшиеся у молодой поросли ёлок. Более того, отпечатками лап весь снежный покров соснячка был буквально испещрён. Подойдя к наиболее свежим следам, охотник тщательно изучил примятый снег. У него зародилось сомнение, что следы принадлежат крупной собаке. Скорее, это мог быть молодой волчонок или волчица. Серый разбойник, наверное, «застолбил» этот участок. Охотник убедился в данном предположении, обследовав близлежащее пространство, где имелись следы пребывания зверя. А в одном месте след вёл к свалке, где хищник также добывал себе пропитание. Виталькин дядя ещё долго ходил по лесу, давая кругалю то в одну, то в другую сторону, иногда стоял в раздумье. Наконец, он принял решение отказаться от ранее принятого плана действий и вернуться назад в посёлок.

Руководимый возникшей идеей, охотник долго дома не задержался. Он затратил лишь столько времени, сколько понадобилось ему, чтобы взять в сарае волчьи капканы и приманку к ним, и скоро уже снова стоял в знакомом соснячке, откуда столь поспешно недавно удалился. В наиболее истоптанных участках с отметинами лёжек Виталькин дядя с большим искусством насторожил стальные капканы и приготовил наживу. Управившись с расстановкой капканов и ещё раз придирчиво осмотрев результаты своей работы, охотник подобрал рукавицы, стряхнул с них снежную пыльцу и выбрался на дорогу. Пора было возвращаться домой. Ноябрьский день быстро клонился к ночи.

На следующее утро, выдавшееся ясным, с лёгким морозцем, Виталькин дядя уже подходил к злополучному соснячку. Ещё издали через редкое мелколесье он увидел, что в том месте, где накануне был поставлен один из капканов, темнело размытое серое пятно. Охотник осторожно приблизился. Так и есть! Сразу в двух капканах сидел, попавшись передней и задней лапами, волк. При виде человека серый разбойник попытался было вырваться, но стальные челюсти капкана надёжно удерживали хищника. Прицельный выстрел завершил начатую накануне охоту на волка. Снять шкуру и доставить её домой не составило труда. Кстати, это оказалась волчица — подтвердилось первоначальное предположение.

Кроме премии за истреблённую хищницу, охотник выручил некоторую сумму за сданную шкуру. Вечером того же дня он заглянул к Витальке домой, потрепал его по голове, пообещал непременно прихватить на промысел в будущем сезоне. Затем собственноручно прицепил на запястье подростка новенькие часы и выложил на стол грудой увесистых оранжевых апельсинов, с улыбкой сказав при этом: «Это тебе, Виталька, гостинец от «косых».

Браконьер и девочка

Ещё не рассеялись сумерки наступавшего утра, а по лесу двигался человек. Тишина по ходу его движения нарушалась чуть поскрипывающим снегом под лыжами и редким постукиванием лыжных палок о кусты. Лыжи скользили по прихваченному морозцем снегу удивительно легко и свободно. Человек, идущий столь быстро и размашисто, был охотник Фёдор Ляшко, сорока девяти лет от роду. Лыжник выглядел так, как показывают браконьеров на экранах кино и телевизоров. По самые лохматые брови надвинута старая кожаная шапка, короткая, с рыжеватым оттенком щетина, ватник, опоясанный туго набитым патронташем, ружьё, переброшенное через плечо. Кстати, этот основной производственный инструмент браконьера представлял собой отличный образец штучного изделия, бил без промаха и тем самым тешил таёжное самолюбие хозяина. Браконьер шёл на лыжах проверять петли, которые неделю назад обильно наставил на оленьих тропах.

Мерно двигаясь, он думал о том о сём. В мыслях представлялись дом, хозяйство, товарищи. Впрочем, товарищей у него не имелось. Были один-два знакомых мужика, балующихся, как и он, запрещённым промыслом, — и только. В последние годы, правда, засторожился их Фёдор, так как краем уха подцепил слухок о том, что люто завидуют ему те мужики за удачу. Чего греха скрывать, Фёдор и впрямь бывал удачлив. Да только знали бы они, что та удача не сама шла в руки, ради неё приходилось ночей не досыпать, ноги бить по таёжным увалам и гольцам, совершать дальние переходы и переносить такие нагрузки, что сердце, которое и так билось где-то возле горла, заходило от перенапряжения, и казалось, через секунду лопнет.

При прошедших чередой воспоминаниях ему представилась внучка, и тотчас нежность теплотой разлилась по сердцу. Настёна — большеглазое, светловолосое создание трёх с половиной лет, пришла в его жизнь полгода тому назад и сразу стала радостью и счастьем. Сын с невесткой жили и учились в большом городе, ютились на съёмной квартире и поэтому были вынуждены временно оставить дочь на попечении родителей. Девочка росла живой и разговорчивой. В зимние вечера, когда стужа хозяйничала за окном, покрытым инеем, Фёдор играл с девочкой, иногда забавлял рассказами о зверушках: зайцах, белках, бурундуках. Бывало, что повествования как наскоро придуманных, так и доподлинных происшествий, случившихся с ним на природе, не всегда оканчивались благополучно. Настёна остро воспринимала такие трагические концовки. Слезы выступали у неё на глазах от жалости к жертвам охоты. Заприметив у девочки трогательное сочувствие к лесной живности, Фёдор в дальнейших повествованиях начал ловко обходить опасные, на его взгляд, места и старался преподносить девочке истории весёлого характера с оптимистической концовкой.

Если честно сказать, то в его душе давно и безвозвратно затерялось чувство жалости к погубленным зверям. Красота не прельщала его. В диких животных он прежде всего видел горы мяса, шкуры, рога, словом, тот конечный продукт, что имел реальную ценность, превращённый несколько позже в пачку хрустящих червонцев, которые немедленно относились в Сберегательный банк. Вклад рос по мере поступления взносов, и болезненной заботой Фёдора стало его постоянное пополнение. Тайга давала ему возможность заработать.

Десять часов назад от описываемых событий в одну из петель — жестокое оружие злой воли разумного человека — попался дикий северный олень. Животное, пробираясь в чащобе, сунулось в удобный проход между двумя лиственницами. На выходе олень почувствовал, как вокруг шеи что-то затянулось, мешая двигаться вперёд. Он рванулся, стараясь освободиться. На пути не раз случалось, что гибкие

ветви цеплялись за рога, шерсть и мешали идти. На этот раз освободиться не удалось. Хватка вокруг шеи не ослабла, а усилилась. Олень, не понимая причины происшедшего, безумно закружился на месте. Во время беспорядочного метания среди деревьев и кустарников рогач не почувствовал, как сухая острая еловая ветка вошла при очередном рывке в грудь, распорол кожу и нанесла глубокую рану. Найдя выход, из неё обильно хлынула разгоряченная кровь. Обнаружив рогатого красавца, Фёдор немало порадовался тому обстоятельству, что кровь из животного почти вся вышла. Обычно задавленный петлей зверь пропитан кровью, как губка водой, и создаёт из-за этого заметные трудности при разделке туши. Лесной великан лежал на боку, уставив большой беззащитный глаз в небо. Несмотря на удачу, охотнику показалось, что во взгляде погибшего животного затаилась укоризна. В полчаса, сказывался всё-таки опыт, браконьер живо управился с разделкой оленя. Требуху, ноги и голову спрятал, предварительно вырыв в сугробе яму и забросав слегка снегом. Зачем стараться, если всё равно остатки оленя станут дармовой трапезой лисицам, соболям, горностаям, мышам, воронам, кушкам, синичкам-гаичкам. Возможно, и весной, когда солнце начнёт обогревать берлогу, устроенную на южном склоне бугра, отощавший после зимней спячки медведь не побрезгует дочиста обглоданными до него костями. При забрасывании ямы снегом Фёдору на вид опять попался упрекающий глаз бедного оленя, и браконьер снова ощутил состояние некоей то ли неловкости, то ли неудобства. Странно, но ему показалось что-то знакомое в невидящем взоре оленя. Как будто жаром обдало Федора, когда он понял, кого напоминает взгляд, — Настёну! Только у неё такие большие, широко распахнутые на мир глаза, смотрящие вопросительно и требовательно. От них трудно спрятаться, им невозможно лгать. А что он скажет, когда придёт домой? Сочинит очередную сказку, полную необычайных приключений, где героем, совершающим подвиги, будет он, Фёдор! Когда-нибудь Настёна поймёт лживость охотничьих баек и в упор спросит его: деда, как же в самом деле происходило то или иное событие? Что тогда придётся ему ответить? При этих раздумьях твердыня сознания закоренелого браконьера впервые дала слабину.

Неужели этому посодействовала внучка, маленькая пигалица? То, что годами не смогли совершить рыбнадзор, охотинспекция и прочие государственные и общественные организации, пытаясь отучить его от вредной привычки — браконьерства, сделала она, Настёна! Конечно, запретный промысел он не бросит, не с руки, да и привычка много значит. Всё же придётся размах поукоротить. Действительно, зачем так жадничать. Настёна вырастет — в лесу бабочки не найдёт! Так подумывал Фёдор. Впервые за много лет он не спешил домой...

Схватка в перелеске

До Нового года оставалось каких-то две недели, но обычных морозов не было (термометр показывал всего-то минус 20 градусов по Цельсию). Учитывая эти вместе взятые обстоятельства, семиклассник Васька решил сходить в лес, за ёлкой. У него было заветное местечко, где пушистые тёмно-зелёные красавицы росли на диво стройными и высокими. Он живо собрался, взял в кладовой ручную пилу-ножовку и отправился в путь. Перевалив через гору по нахоженной тропе, Васька спустился к замёрзшей реке, откуда в разные стороны разбегались следы, частью лыжные, частью пешие. Выбрав среди них тот, что совпадал с его направлением, мальчик двинулся по нему. Использование чужой набитой тропы сильно облегчало ходьбу. Идти по целинному снегу — занятие не из приятных. Оно порядком выматывает силы.

На этот же раз всё обошлось как нельзя лучше. Благополучно перейдя ровную белую долину реки, окаймлённую тёмными горами, а потом углубившись в перелесок, Васька скоро достиг развилки, от которой до заветного «пятачка» оставалось лишь рукой подать. Ещё издали мальчик почувствовал неладное. Снег, обычно никем не тронутый, теперь был взрыхлён и грубо измят. Нервничая, Васька ускорил шаги, но дойдя до первой отметки, остановился, поражённый увиденным. Следы принадлежали не человеку, как он предполагал вначале, на снегу контурно обозначились отпечатки лап волка и следы от копыт изюбря. Что-что, а характерные черты, оставляемые этими животными, мальчик давно хорошо знал. Изюбр при ходьбе оставляет на снежном покрове четыре глубокие отметины, похожие на те, которые остаются, если проткнуть сугроб толстой палкой. Причём при каждом последующем прыжке, а другого способа передвижения по глубокому рыхлому снегу не остаётся, олень прочерчивает острыми концами копыт по поверхности тонкие полоски. Волчьи же отпечатки лап, сильно схожие с собачьими, для определения в особых знаниях не нуждаются и поэтому их знает всякий. Васька внутренне сжался и огляделся. Беда, если встретишь волчище, не говоря уже о целой стае. От страха у него сразу пропало желание спиливать ёлку.

Надо было что-то срочно предпринимать, чтобы выпутаться из чрезвычайно опасной ситуации. Не раздумывая больше ни секунды, мальчик резко повернулся и торопливо, широкими шагами зачастил обратно по дороге, по которой безмятежно шёл несколько минут назад. На выходе из перелеска, спускавшегося к реке среди редких кривых и неказистых лиственниц и берёз, Васька оглянулся. Оглянулся просто так, без всякого умысла, и увидел, к своей беде, что вдали между чахлыми кустами багульника мелькает серый клубок, повторяющий все повороты и зигзаги тропы. Клубок быстро приближался и увеличивался в размерах. «Волк» — ёкнуло сердце мальчика, а глаза тем временем выискивали другие серые клубки. К счастью, их не было видно, хотя проблема избежать встречи с одним волком этим обстоятельством не решалась. Надо было срочно принимать меры для борьбы с хищником. Васька торопливо ободрал с толстой берёзы отслоившуюся бересту и полез в карман за спичками. Обычно, отправляясь в лес, он брал с собой коробку спичек. К этой привычке его приучил старший брат, который говорил, что в тайге огонь — незаменимая вещь. На сей раз спасительной коробки в кармане не оказалось. Видимо, посчитав поход за ёлкой недолгим, Васька не взял спичек с собой. Добыть огня не удалось. А жаль! Береста вспыхнула бы как порох и отпугнула серого разбойника. А волк между тем бежал, вырастал в размерах и не скрывал явного намерения напасть на Ваську. Клыки, длинные, с желтизной, показались в оскале, когда хищник, не замедляя бега, с ходу кинулся на мальчика. Васька машинально вытянул вперёд руки с единственным имеющимся у него «оружием» — ножовкой, зубцами навстречу зверю. Широко раскрытая пасть с лёту наткнулась на стальное полотно инструмента, и мальчик, движимый скорее глубинным бессознательным чувством, нежели велением разума, вдруг судорожно рванул пилой вправо. При рывке остро отточенные мелкие зубья пилы распорили губы и челюсти волка. От мощного звериного толчка Васька упал на снег, успев перевернуться на живот. На спине меньше незащищённых мест. Лежа на снегу, Васька ждал, когда волк примется за него. Однако, к его удивлению, нападения не последовало. Мальчик осторожно повернул голову и огляделся. То, что он увидел, поразило его. Волк, лишившись своего главного оружия — страшной пасти, бессильно и потерянно крутился от боли на месте. Получив неожиданную передышку, Васька, дрожа от возбуждения и страха, кубарем скатился на берег. Единным духом, плохо соображая, что делает, преодолел ледяное пространство реки, поднялся на поселковый берег и лишь тогда обернулся. Долина реки, лежащая за ним, была пустой. Никто его не преследовал.

После этого обзора мальчик поспокойней, но так же споро зашагал к дому. В посылке он первым делом забежал к местному охотнику Ивану Непомнящих и поведал о случившемся с ним событии. Бывалый таёжник внимательно выслушал мальчика, ни разу не перебил его торопливый рассказ, только в эпизоде с пилой-ножовкой качнул головой. В конце разговора Иван более подробно расспросил о поведении хищника на месте происшествия и про себя определил, что зверь явно там что-то охранял, а Васька его спугнул.

На следующий день, как только достаточно рассвело, Иван наладил лыжи, закинул на плечо любимое ружьё-двустволку двенадцатого калибра и, окликнув двух собак, Дамку и Дружка, отправился к тому месту, о котором накануне взахлёб тараторил Васька. Прошедшая ночь выдалась тихая, порошей не сеяло и поэтому, перейдя долину реки и поднявшись на противоположный берег, Иван без труда начал читать «снежную книгу» следов. Капли крови густо усеяли «пяточок», где шла короткая борьба мальчика с волком. Кровяные капли затем потянулись вглубь, в мелкий непролазный сосняк. Собаки, жадно обнюхав и лизнув красные пятна, в неудержимом порыве бросились дальше по их цепочке. Иван едва поспевал за лайками, потом, запыхавшись, отстал, не в силах выдержать такой гонки. Азарт поначалу взял было своё, да годы тяжким камнем повисли на ногах, разом запалили дыхание, сбили темп. Яростный взрыв собачьего лая, пронизанный злобой, раздался впереди и, судя по громкости, совсем недалеко. Подгоняемый сигналом того, что верные четвероногие помощники обнаружили добычу, Иван, наконец, достиг источника шума. У ствола разлапистого кедра собаки остервенело рвали в клочья серого зверя, в котором легко угадывался волк. Охотник с трудом отозвал от зверя собак и дважды разрядил ружьё в хищника. Волк оказался именно тем, о котором рассказывал Васька. Подтверждением тому служила разорванная пасть серого разбойника. Выявилась и причина его отчаянного нападения на школьника. Чуть в стороне, в ложбинке, лежала наполовину съеденная туша изюбря. Мальчик своим приходом невольно вызвал вспышку гнева у зверя и потому подвергся нападению, как возможный претендент на его законную добычу. Израненный и ослабевший от потери крови, волк залёг у туши изюбра не в силах ни есть, ни покинуть это место, источавшее аромат мяса, пока сам не превратился в охотничий трофей.

Лёшкина удача

Два приятеля, Василий и Николай, собрались как-то летом порыбачить на одном из горных притоков Витима. Вечерами после работы они начали готовиться к рыбалке. Постепенно собирали удочки, палатку, провиант. Запаслись бензином. В один воскресный погожий день они снесли приготовленное снаряжение в лодку «Крым», завели мотор и пустились в долгожданное плавание вниз по Витиму. Лодочный мотор «Вихрь-30» быстро разогнал лодку, и та, несмотря на загруженность, вышла на глиссер и полетела над водой. Приятели, долго ожидавшие блаженных минут отдыха на природе, с удовольствием вдыхали речной свежий чистый воздух, жадно смотрели на раскинувшиеся по сторонам берега, и как будто сами растворялись в дымке надвигающегося бесконечного пространства.

С ними же за компанию ехал Лёшка Котиков, коллега по работе. Он не был страстным рыболовом, как его товарищи, он не был даже обыкновенным любителем природы. Верхом его мечтаний всегда был отдых на диване с книжкой в руках, особенно детективного содержания. Но и захватывающий сюжет детектива с элементами драки, погони, стрельбы не мешал Лёшке после третьей страницы чтения погружаться в сла-

достную дрему. Обычно перед этим мысли у него путались, туман заволакивал глаза, и он засыпал. Во сне он видел вместо сыщика себя, действующего в детективе именно с той страницы, на которой чтение его прерывалось. Причём в некоторых случаях его действия отличались от книжного детектива тем, что были более динамичны, решительны и отчаянны. В этих снах Лёшка явно превосходил книжного детектива и легко раскрывал любое запутанное преступление, за что получал награды и внеочередное повышение званий. В эту рыбалку Лёшка попросился у Василия и Николая, чтобы избежать предстоящей побелки, которая намечалась в доме. Приятели после некоторых раздумий вняли его просьбе и взяли с собой, но с одним уговором, чтобы он не мешался под ногами, а помогал по «хозяйству», то есть разводил костёр, готовил еду, кипятил чай, сторожил лодку с мотором.

Рыбаки вскоре достигли цели речного путешествия. Горная речка с причудливым названием Кипящая впадала с левой скалистой стороны Витима. Добежав до могучих волн Витима, Кипящая утихомиривала свой буйный нрав, но рокот её вод, несущихся по обломкам скал и бурлящих белой пеной над тёмными спинами валунов, легко доносился сверху до устья. Выбравшись на берег и привязав лодку, рыбаки разбили лагерь. Поскольку время близилось к вечеру, то быстренько развели костёр, вскипятили чай и наскоро перекусили бутербродами. Василий и Николай специально решили поторопиться, чтобы успеть использовать остаток светового дня и сбежать вверх по течению Кипящей и побросать «мушку». Долго мечтавшие об этом счастливом мгновении, они торопились наконец его ощутить. Прихватив удочки, Василий и Николай ушли, наказав Лёшке установить палатку и поддерживать костёр.

Вернулись рыбаки уже затемно, усталые и пустые. Лёшка давно спал, забравшись в палатку. Костёр едва тлел, угли были подёрнуты пеплом. Попив с устатку холодного чая, Василий и Николай тоже забрались в палатку, рассказали друг другу по паре анекдотов на рыбацкую тему и уснули.

Наступило утро. Нет ничего лучше сибирского летнего утра, которое встречаешь на берегу. Тихо катит Витим свои воды, а над ними поднимается лёгкий белесый туман, который сразу исчезает под первыми, ещё слабыми лучами встающего на востоке солнца. Где-то с низовьев до слуха доносится слабый всплеск речной струи, иногда завихряющейся на скальных прижимах. Лёгкий ветерок навевает запахом берегового лука и сырого песка. По камешкам, у уреза воды, бегают лазоревая трясогузка, выискивая что-то ей одной ведомое. Неугомонные стрижи, целыми днями с пронзительными криками летающие над поверхностью воды, пока молчат, как бы замороженные наступающим утром, хотя давно проносятся в воздухе короткими чёрными молниями. Ещё не вышли из оцепенения от ночной прохлады надоедливые мухи, оводы и пауты. Благостные первые утренние минуты всеобщего затишья. Василий и Николай проснулись именно в эти минуты, но не обращая внимания на прелести июльского утра, встали, умылись горной холодной водой из речки, прогоняя остатки крепкого сна на свежем воздухе. Не тревожа спящего Лёшку, они приготовили завтрак, собрали рыболовные снасти, еду, двухведёрный берёзовый короб для пойманных ленков и хариусов. От шума, с которым происходили сборы, проснулся Лёшка. Приятели сообщили разоспавшемуся товарищу, что вернутся только к вечеру, когда набьют короб доверху рыбой. Напоследок наказали Лёшке приготовить хороший обед и держать его горячим до их прихода. С тем Василий и Николай двинулись по заросшей тропинке и вскоре исчезли за поворотом.

Через полчаса Лёшка встал, умылся непривычно холодной речной водой, снял с тагана котелок с горячим чаем, налил его в кружку и с удовольствием сделал глоток пахнувшей дымком терпкой коричневой жидкости. Всё было не так, как обычно. Как будто он попал в другой мир. Сознание ещё полностью не перестроилось и не привыкло к перемене места. По утрам в квартире, едва открывались глаза, Лёшкин взор

упирался в привычные стены, где висела изученная до мельчайших подробностей копия картины Шишкина «Утро в сосновом бору». Наверное, поэтому вся сейчас окружающая бивак природа вызывала у него любопытство. Напившись чаю и побродив по узкой песчаной береговой полоске, Лёшка заметил маленькую ящерицу, которая осторожно пробиралась среди камней, кое-где покрытых мхом. Он впервые видел живую ящерицу, и она вызывала у него не только любопытство, но и некоторое чувство боязливости, хотя кое-какие познания о них у него сохранились ещё из учебника зоологии восьмого класса. Вдоволь полюбовавшись ящерицей до тех пор, пока она не юркнула под замшелый валун, Лёшка подошёл к берегу Витима. Место впадения горной речки Кипящей ограничивалось с обеих сторон отвесными скалами, тянувшимися вдоль левого берега сурового и мрачного Витима. На мощное течение большой реки никак не действовал удар в левый бок звонкой струи Кипящей. Светлые чистые воды горной речки в месте соприкосновения тотчас перемешивалось с мутью Витима и быстро терялись в общей массе потока.

После прогулки Лёшка начал неспешно готовить заказанный обед. Он начистил картошки, открыл банку мясных консервов, достал полиэтиленовый мешочек с рисом, собрал немного берегового лука, который рос среди плоских, отшлифованных течением реки камней. Береговой лук для супа ему наказали собрать Василий и Николай. Лёшка, срывая тонкие зелёные ростки, удивлялся, каким это образом на берегу мог расти лук. Вроде никто его специально не сажит, а он регулярно всходит ежегодно после весеннего паводка. Может быть, в далёкие времена, ещё до революции, на подводный камень села и разбилась шедшая на золотые прииски баржа с луком? А может быть, половодьем снесло бодайбинские огороды с грядками лука и разметало по берегам? Эту загадку Лёшка так до конца не понял и решил позже спросить ответа у своих напарников — бывалых рыбаков. «Уж они-то точно знают, не первый год рыбачат, да и со старожилами общались», — подумал он. Налив в пятилитровый походный котелок чистой воды, Лёшка бросил туда соли, нарезанную картошку, тушёнку, собранный лук и подкинул в огонь сушняка. Пламя костра, дотоле почти угасавшее, сразу охватило котёлок не только со дна, но и с боков, отчего вода в нём скоро забулжила, поднимая со дна вместе с пузырьками воздуха картошку и комочки мяса. Через пятнадцать минут, попробовав выловленный пластик картошины, Лёшка довольно кивнул головой и снял с тагана сварившийся суп, на его место повесил полный чайник воды. Затем налил себе в миску горячий суп, достал из припасов чёрного перца и щедро посыпал им похлёбку. Нашёл удобный валун, поставил миску и принялся уплетать суп, показавшийся ему необыкновенно вкусным. Не удержался и побаловал себя добавкой, благо, супа было достаточно для всей компании. Тем временем вскипел чайник. Лёшка заварил кипяток покрепче, так, как советовали друзья, и с удовольствием выпил две кружки чая.

После обеда Лёшка улёгся в тени густо разросшейся ольхи, чтобы заслуженно отдохнуть от «трудов праведных». Спокойно полежать, однако, Лёшке не пришлось. Не прошло и пяти минут, как на него, порядком вспотевшего от возни у костра и основательно пообедавшего, налетел целый сонм насекомых-кровопийц. Тонко пищали около уха комары, неслышно садились пауты и пребольно жалили ноги, кружили вездесущие мухи, норовя попасть чуть ли не в рот. Вдобавок ко всему по земле ползали пауки и жуки, которые тоже взбирались на лежащего человека. Плюнув на такой отдых, Лёшка перелез в лодку, чтобы обычный на реке ветерок сдул с него всю летающую и ползающую нечисть. Действительно, под влиянием ветерка, слабого, но достаточно прохладного, насекомые исчезли. Довольный Лёшка, расположившись на сиденье, несколько минут наслаждался покоем и речной прохладой. На глаза ему попала «закидушка», длинная толстая леска, намотанная на фанерку, с вырезами по торцам наподобие ласточкина хвоста. «Закидушка» имела на конце пять крючков и

свинцовое грузило. При виде зря лежащей на дне лодки снасти, Лёшке пришла в голову мысль использовать её по прямому назначению, хотя отродясь рыбной ловлей он не занимался, но видел, как это делают напарники. Он вбил на отмели речки обломок ветки, привязал к нему конец лески. Нашёл в носовом отсеке лодки металлическую сетку, наловил с её помощью малявок, наживил ими крючки и забросил подготовленную снасть в устье Кипящей. Не успел Лёшка сполоснуть руки, как леска натянулась и заходила ходуном. Он схватился за обломок ветки с привязанной к нему «закидушкой», чтобы удержать снасть, и сразу ощутил, как на другом её конце какая-то могучая сила тянет в реку. Лёшка поднапрягся и сумел на долю секунды выбрать леску в свою сторону, но только на долю секунды, потому что неизвестный подводный богатырь снова почти вырвал леску из его рук. Снасть, повинувшись всё той же могучей силе, тянула то влево, то вправо, и Лёшка послушно бегал по берегу за леской. В суете изрядно измотавшийся Лёшка не заметил, как леска, дотеле туго натянутая, вдруг ослабла и провисла. «Неужели рыба сорвалась?» — подумал Лёшка. С упавшим сердцем он начал выбирать было леску и вдруг снова ощутил на противоположном конце сопротивление, правда, довольно слабое против прежнего. Он снова, как можно быстрее, стал выбирать снасть и скоро заметил показавшуюся из-под воды тёмную длинную спину рыбины. Лёшка, обалдевший от радости, попятился и выволок на отмель похожего на торпеду здоровенного тайменя, который с разгона зарылся в сырой песок. Ещё немного подтянув рыбину, Лёшка выбрал в плавнике увесистую короткую палку и, подкравшись, оглушил ею тайменя. Потом он долго с упоением смотрел на добычу и представлял себе, как впоследствии он будет в красках рассказывать друзьям и знакомым о её «нелёгкой» ловле.

Успокоившись, Лёшка начал подогревать остывший обед, успевая при этом ещё и бегать к добытому тайменю — «хозяину местных вод», чтобы в очередной раз удостовериться в реальности происшедшего события.

Василий и Николай вернулись к биваку, когда совсем стемнело. Отмотав километров двадцать по камням, они ничего особенного не поймали, если не считать десятка небольших хариусов, годных разве что на корм кошкам. Голодные и усталые, приятели сели за ужин, которым стал неоднократно подогретый обед. Тем временем Лёшка сбегал к отмели, откуда с трудом приволок за жабры выловленную накануне рыбину. В свете костра мокрая чешуя тайменя неярко заблестела, отчего он показался гораздо больших размеров. Василий и Николай остолбенело уставились на большую рыбину, а Лёшка, пользуясь затянувшейся паузой, вызванной зрелищным эффектом, уже торопливо, заглывываясь потоком восторженных слов, описывал поимку тайменя. Обед тем временем опять остыл. К тому же у Василия и Николая, кажется, пропал аппетит.

ПОЭЗИЯ

МИХАИЛ БАЗИЛЕВСКИЙ

Проносится трепет. И тянется дым...

* * *

Три фигуры под крышей беседки промозглым утром...
Это — двор отдаёт неизбывную дань пейзажу.
Это — в водах истории — тихие тени в утлом,
Неуклюжем судёнышке мир наполняют блажью,

Обживают страницу, решив, что она готова
Всю себя поднести, без остатка, и будь что будет.
Поднимая волну, задевая свинец покрова,
Подступают преграды. Но время ещё не судит,

Лишь идёт по пятам. И душа, оставаясь в теле,
Согревается верой в растущий из пены берег.
И тихонько пути говорят о заветной цели,
Оседая на лицах, как пыль, чередой Америк.

БАЗИЛЕВСКИЙ Михаил Сергеевич. Родился в 1974 г. в Иркутске. Закончил исторический факультет Иркутского государственного университета. Работает в Музее истории города Иркутска. Стихи пишет с 2010 года. Печатался в журнале «Сибирь» № 2, 2013 г. Проживает в Иркутске.

И расходятся нити. Следам — ни конца ни края.
Словно прошлое в них набухает подобьем эха.
И лежит в отдаленье, как муку в себя вбирая
Кривизну горизонта, простая печать успеха.

И рука уже тянется вдаль и растёт из дали,
Припадает к углам, оставляет о них заметки...
Но верна тишина в неподдельном своём накале
Только плеску зрачков в полумраке одной беседки.

* * *

Встреча на месте размётанных лет.
Хруст под ногами не тише, не тише.
Тень узнаванья сползает по крыше
К стенам, которых попросту нет.

Сжатые губы не сдают ответ —
Что там? какие там скрыты минуты?

Отзвуки встреч в оправдание смуты
Полнятся ворохом смутных примет.

Нехотя время выходит на свет
И, спотыкаясь, не ищет опоры.
Сомкнуты веки. Задёрнуты шторы
В окнах, которых попросту нет.

* * *

Ночь темна. И в жилах этой тёмной,
Жаркой ночи, словно дар печи,
Слышен шелест силы неуёмной:
То ли дальний посвист саранчи
В сочных травах пажити заёмной,
То ли поступь тающей свечи.

Но измерит этот гул глубинный
Разве что притихшая роса.
И качнутся тяжестью былинной,
Как весы, земля и небеса,
Чтобы светлой вестью голубиной
Зазвучали чьи-то голоса.

* * *

Повернувшись, пойдёшь (не туда, где Христа избивают),
Безучастной калиткой скрипя под прищуром слуги,
Ускользая в рассвет, как не часто в него ускользают,
Каждым шагом теперь, где б ни слышались эти шаги,
Повторяя утробно: «Не знаю Сего», безвозвратно
Удаляясь, уже не ища ни следа, ни суда,
На далёкое озеро, где тишина необъятна,
Где услышишь: «Ты любишь Меня?»

и откликнешься: «Да».

Веха истории

...Течёт — сквозь воронку заснеженной арки,
Врываясь на взятую площадь, — орда.
Глаза растворяются, словно сигарки.

Обвитые ветром, несут провода
Разгул сообщений. И прячутся в парке
Вчерашние тени. Вокруг — ни следа...

На сбитые плечи и стёртые лица
Ложится печать непроглядной борьбы.
И тихие свечи, готовые слиться
С эпохой, свои занимают гробы.
Вступает звезда, торопясь отразиться
В истоках трагедий, чьи знаки грубы.

По руслам, как ранние сроки, невнятным
И, как очерстевшие пальцы, скупым,
Отпущенный вдоволь полям необъятным,
Проносится трепет. И тянется дым.
И возглас разносится громом раскатным...
Лишь эхо безвольно ступает за ним.

* * *

Над эпохой выросли снега.
Над снегами выросла эпоха.
И не ясно, то ли суматоха,
То ли скорбь накрыла берега.

А река безвинна и тиха.
Как дитя, укутана до срока.

Наполняясь ветрами востока,
Дремлет в ожиданье жениха.

И во мгле набухшая луна,
Избывая вечную тревогу,
Неотрывно смотрит на дорогу,
Будто ищет чьи-то имена.

* * *

Здесь деревья, склоняясь, молчат о своём.
Здесь корнями распорота слава земли.
Только души, срезая земной окоём,
По великому пламени ходят вдали.

За звездой, как на плаху, ступает звезда,
И у каждой — по миру лежит за спиной.

И гудят провода, и ползут поезда
Над распаханной почвой, над солью земной.

А когда, припадая к земле, тишина
Порастает быльём в придорожной пыли,
Как живую, её прорезает струна...
Только души всё ходят и ходят вдали.

* * *

Птица находит высь,
Чтобы исчезнуть в ней.
Болью своей: «вернись» —
Из голубых кровей,
Из родовых корней —
Память вызывает век,
Тенью размытых дней
Мается в руслах рек.

Тело взыскует, вскрыв
Почву, хотя бы слёз.
А наверху, застыв
Над тишиной берёз,
Сквозь обновлённый строй
Жмущихся к листьям туч
Метит в земной покой
Лёгкий щемящий луч.

Путник

С чего начать, мне всё равно... Начну
С того, что в поле, с видом на луну,
Где тёмной тушей возвышался стог,
Лежал Ванюша. Взял да и прилёг...
Пусть он лежит. Его хранят века.
Я о другом поведаю пока...

.....
Ночь набирала законную силу.
Ваня за жилой вытягивал жилу,
Словно в потёмках искал огонёк.
Было в ту пору ему невдомёк,
Что понапрасну не держит земля
Дольнего света, в котором таится
То, чем пленялись во все времена —
Слава земная... Итак, тишина
Ровным покровом легла на равнину.
К полночи знак указал сердцевину
Тайного места, где меч-кладенец,
В крепком объёме железных колец,
Русского витязя ждал испокон,
Символом став стародавних времён.
Щебень посыпался. Что-то блеснуло.
Слева у Вани тихонько кольнуло —
Ёкнуло будто. А справа — звезда
Грозно пылала предвестьем суда.
Снова блеснуло — и слева, и справа.
Да уж не время ли, щурясь лукаво,
С камня смотрело на то, как Иван
В камень упёр каменеющий стан?
Щебень посыпался. Камень подался.
Рёвом отрывистым зверь отозвался.
Тень отделилась вдали от куста.
Яма открылась — темна и пуста...

Мир оставался у дня на примете.
Что же, пора возвестить о рассвете.
Крепко намаявшись, гол как сокол,
Ваня, понурый, по улице брёл,
Славу меняя на правду земную.
Ставень вослед затянул отходную.
Взгляд устремился в оконный провал
И натолкнулся на чей-то оскал.
Вздрогнул Иван, от избы отшатнулся.
Рокот в окне тетивой натянулся,
Силу набрал...

и внезапно исчез,
Словно к себе возбуждал интерес...

Ваня к избе осторожно шагнул,
Дверь не спеша на себя потянул
И истуканом застыл на пороге.
Было непросто во мраке берлоги
Признаки жизни былой различить...
Хочешь не хочешь, а надо входить...
Звук издала под ногой половица.
Пятки пронзило желание скрыться.
Слева в углу проступил силуэт.
«Кажется стол. Подойти? Или — нет».
Долго бы Ваня стоял, размышляя,
В лёгкие воздух замшелый вбирая,
Но из другого, напротив, угла
Шорох донёсся. И тень ожила...

Ночь подчинялась круженью планеты.
Ваня, с трудом собирая предметы,
Складывал мир, опираясь на стол.
В мыслях сменялись разброд и раскол.
Звон поутих. Успокоились тени.
Внутренний голос шептал о подмене.
Мысли мелькали одна за другой.
Жалобно стол застонал под рукой.
Что это было? Припадок? Виденье?
Что? Над потерей взошло обретенье?
Спину ломило. И не было сил
Даже придвинуться к сонму светил,
Важно снаружи мерцавших... И Ваня,
Взглядом рассеянным сумрак тараня,
Вдруг пошатнулся, нащупав ответ...
А за окном занимался рассвет.

Было же вот что. Качнувшись упруго,
Пала стена, появилась Натуга
(«Так назвалась она», — вспомнил Иван),
И на избу опустился туман.
Двигались тени, в тенях исчезая,
Правду столетий в себе заключая, —
Тяжесть великую бренной земли,
Словно раскрытую книгу, несли.
К Ване безмолвно они приближались
И безоглядно в него погружались,
Чтобы величие книги времён,
Слово за словом, почувствовал он.
Тени, сплетаясь, металась по кругу,
Страстно в себе охраняя Натугу.
— Хватит с него, — простонала она.
И перед Ваней возникла стена...

Тяжесть земная давила на плечи —
Гнула к земле. Не могло быть и речи
О приобщенье к безоблачным дням.
Лишь о служенье глубоким корням,
Кроны питающим, полнилась дума.
Небо к земле припадало угрюмо.
Ваня стоял на вершине холма.
А под холмом набухали тома
Дней человеческих — гулом безбрежным.
Высь застилая крылом белоснежным,
Собственный мир познавала душа.
Ваня вздохнул и пошёл не спеша...
Склон бездорожно лежал под ногами.
Ветер по склону носился кругами —
В спину подталкивал, путь заграждал.
Играми Ваню вконец измотал.
К вечеру дело дошло до привала.
Тайна времён за спиною лежала.
А впереди, расстоянья поправ,
Древний валун поднимался из трав...

Ваня у камня сидел, отдыхая.
Запад горел,
ни во что не вникая,
Миру неся тишину и покой.
Мир, как умел, стрекотал под рукой.
Нитями в нём расходились дороги.
В общем узоре сплетались тревоги,
Слава, утраты, богатство и тлен.
Только следы оставляя взамен,
Путник, любую из них избирая,
Полнился ими —
от края до края,
Будто себя сквозь ушко пропускал.
Буквы на камне Иван искал,
И обнаружилась надпись одна.
«Здесь был Иван», — возвещала она...

.....
Настало утро. В поле кто-то встал
И сон на ус покрепче намотал.

МАКСИМ ОРЛОВ

Сейф

РАССКАЗ

Конец августа 1979 года. Монголия. Чойр.

Почти весь тридцать седьмой мотострелковый полк находился на учениях. В рас-
положении оставались лишь дежурные офицеры, караул да «шланги» разного кали-
бра: дневальные, повара, комендачи, писаря... За полгода до дембеля и я вкусил все
прелести комендантской службы: должность делопроизводителя продовольственной
службы была, что называется, не последней, и по солдатским меркам — денежной.
Сто сорок пять тугриков в месяц — целое состояние: бутылка настоящего (с этикеткой
на аглицком языке, в экспортном исполнении) коньяка «Белый аист» стоила семьде-
сят тугриков (или «тугров» на сленге солдат и офицеров), бутылка «Архи» (монголь-
ской водки) — 37 тугров, а консервная банка советской натуральной горбуши — всего
1 тугр.

Существовали и издержки этой должности: в штабе тыла нужно было находиться
с семи утра до девяти вечера, подворотничок должен быть всегда белоснежным, да и
«зампотылу», подполковник Соломон Евсеевич Кейген, не давал расслабиться. Я уже

ОРЛОВ Максим родился в 1956 г. в г. Улан-Баторе (МНР). После окончания Иркутского
политехнического института по специальности ПГС и службы в СА работал в различных
подразделениях Управления «БратскГЭСстрой». Автор трёх поэтических сборников и ряда
критических статей. Публиковался в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Сибирь» и др.
Подборка стихов М. Орлова включена в антологию «*Бег времени*». Член Союза писателей
России, лауреат премии второй степени журнала «Сибирь» им. А.В. Зверева в номинации
«Критика и публицистика». Проживает в г. Братске.

не говорю про различные ревизии, проверки, ночные бдения с накладными и ведомостями. Только перед отбоем коменданчи были предоставлены сами себе, и штаб тыла был тем местом, где можно заварить чай кипятильником из лезвий «Нева», поджарить минтай на печке, спокойно покурить (в Монголии срочникам выдавали по восемнадцать пачек сигарет «Охотничьи», которые именовались «Смерть на болоте» — на пачке был изображён охотник в лодке среди камышей).

В тот вечер в штабе тыла находились я и Шура Кадочников — делопроизводитель вещевой службы. Заварили чай. Где-то в одиннадцатом часу к нам зашёл секретчик Конопелько, которого мы звали либо бульбашом (он был из Белоруссии), либо Эдуардом Ивановичем. Секретка находилась в отдельной палатке, и Конопелько дневал и ночевал там же, в расположении взвода почти не появлялся.

Да, весь наш полк располагался в палатках, а причиной тому был вооружённый конфликт между КНР и Вьетнамом в феврале–марте 1979 года. Об этом конфликте в наше время подзабыли, да и в советские времена о нём не часто вспоминали, так как он никак не вписывался в парадигмы исторического материализма: апологеты онго допустить не могли, чтобы вооружённый конфликт произошёл между двумя социалистическими государствами. Для справки: за три месяца до этого военного конфликта между СССР и Вьетнамом был подписан договор о дружбе, в котором говорилось не только о сотрудничестве, но и о «совместной обороне». Семнадцатого февраля 1979 года Народно-освободительная армия КНР семью корпусами пересекла вьетнамскую границу на всём её протяжении (а это — 1460 километров). Советский Союз привёл в боевую готовность шесть военных округов (один Забайкальский чего стоил!), две воздушно-десантных дивизии из европейской части перебазировали на восток (одну из них — в Монголию). Тринадцать военных советских кораблей стояли на боевом дежурстве в Южно-Китайском море. В пустыне Гоби (на территории МНР) были проведены грандиозные учения, танковые части имитировали несколько атак на китайские границы. В начале марта по приказу министра обороны Устинова был сформирован новый мотострелковый полк (в/ч 43842), который располагался километрах в восьми от станции Чойр. В этом-то полку и происходит действие моего рассказа.

Действия СССР возымели своё действие: через две недели конфликт закончился, но полк наш продолжал стоять на страже интересов социалистического лагеря (лагеря — слово-то какое!).

Солдат и офицеров собрали из разных полков. Так, я, например, должен был закончить артиллерийскую учебку в Цуголе Читинской области только в мае. Мне, как и многим другим курсантам, досрочно выдали удостоверение об окончании артиллерийской учебки, и в начале марта я уже был в Монголии.

— Самбайну, кампаны! — произнёс вошедший Конопелько, что переводится как «Здравствуйте, товарищи!», но у солдат это означало: «Здорово, салаги!»

Говор секретчика был особенным, с белорусским акцентом, с едва заметной паузой после шипящих и «р», с вкраплением белорусских слов. Иногда он напевал дебильную песню:

*Когда я был совсем дурак,
носил я клетчатый пиджак,
с разрезом, блин, с разрезом, блин, с разрезом.
Вокруг стен красного Кремля
лежит колхозная земля.
Свобода, блин, свобода, блин, свобода!*

— Слушайте новый анекдот, — продолжал Эдуард. — Радио передаёт: «Московское время — двенадцать часов. Для офицеров и прапорщиков: большая и маленькая стрелка наверху».

Мы с Шурой заржали, хотя уже знали этот анекдот.

— Эдуард Иванович, а правда, что вторые экземпляры ключей от всех сейфов штаба хранятся у тебя в секретке? — неожиданно сменил тему Кадочников.

— Так точно, товарищ сержант! — наигранно отрапортовал Эдуард. — А на фига козе аккордеон, когда цветёт вишнёвый сад? Потерял ключ от сейфа, что ли?

— Вон перед тобой сейф начальника службы ГСМ, а в нём — канистра спирта.

— Но ведь сейф опечатан!

Действительно, перед учениями старлей Алексеев опечатал сейф посредством суrowой нитки, которую продел через проушину заслонки отверстия замка и втопил её в пластилин, затем на пластилине сделал отпечаток своей печатью.

— Опечатан-то он опечатан, но мы-то — не делопроизводители, что ли? — парировал Шура. — Срежем пластилин лезвием, а потом обратно присобачим.

Секретчик замурлыкал:

— Когда я был совсем дурак, носил я клетчатый пиджак... Короче, кампаны, если вы аккуратно срежете пластилин, то я принесу ключи от этого сейфа.

Не помню, что меня подвигло, но эту, почти хирургическую операцию выполнил именно я.

— Извольте бриться! — обрадовал я друзей, аккуратно держа пластилин в руке.

Конопелько ушёл и вернулся минут через десять с ключом от сейфа. Дверь палатки мы закрыли на крючок.

Палатки, в которых располагался полк, были установлены «партизанами» в первых числах марта 1979 года, как раз накануне Международного женского дня. «Партизаны» были в основном из Иркутской области. Их призыв осуществлялся в спешке, и не обошлось без трагедии. Майор Евдокимов (из нашей части) был старшим автоколонны. Где-то между Улан-Батором и Чойром ГАЗ-66 с двадцатью «партизанами» ушёл под лёд какого-то озера (майор находился в другой машине). Если мне не изменяет память, все, находившиеся в машине, погибли. Майор Евдокимов выскочил из машины, всё сразу понял, достал пистолет и застрелился. Осиротели двое детей. Только через полгода Шура Кадочников готовил документы на списание вещевого имущества, принадлежавшего майору.

Летом почти все палатки были дооборудованы: из обрезной доски делали полы, в каждой палатке устанавливалось по две печи. Вначале были сложены кирпичные печи конструкции прапорщика Шарафана из роты связи, но они грели слабо (видимо, потому, что вместо глины использовался цементно-песчаный раствор). Вторые печи были сделаны из металлических двухсотлитровых бочек из-под ГСМ. Бочки устанавливались горизонтально. Труба имела колено, которое нагревалось докрасна. «Конструктором» этой печи был Шура Кадочников. По приказу «зампотылу», такие печи были установлены во всех пятидесяти сорокаместных палатках.

Кроме того, благодаря настырности Кадочникова, подполковник Кейген разрешил на нашу палатку натянуть ещё одну и установить деревянные двери (затем они появились во всех палатках полка). Окна нашей палатки были зашиты мной собственноручно. Всё это помогло нам пережить зиму, хотя в декабре я всё-таки залетел в госпиталь на месяц с воспалением лёгких. Климат в Восточно-Гобийском аймаке действительно суров: морозы до минус сорока пяти со шквальным ветром.

Печи приходилось топить постоянно — дров для растопки угля в пустыне Гоби нет. Солдаты воровали пустые бочки из-под жира, а коменданчи выпрашивали у Кейгена напалм — идеальное средство для растопки угля.

Какое-то время мы находились в состоянии лёгкого оцепенения. Видимо, осознание того, что мы всё-таки переступаем границу дозволенного, не позволяло нам вот так сразу открыть сейф. Ключ был весьма замысловатым, как и положено быть ключу

от сейфа. Через пару минут секретчик решительно вставил ключ в замочную скважину и начал поворачивать его против часовой стрелки, сувальды заскрежетали, и через три оборота ключа сейф был открыт.

В сейфе была лишь канистра со спиртом — все свои документы Алексеев хранил в обычном шкафу. Иногда он при нас открывал сейф и демонстрировал искусство переливания драгоценной жидкости во флягу. Вначале спирт наливался в обычную солдатскую кружку, затем старлей поднимал кружку на метр от фляги и, наклоняя кружку, добивался тончайшей струи, которая без пролива проходила через узкое горлышко фляги.

Вначале всё шло как по маслу: мы отлили из канистры флягу спирта (а это — восемьсот граммов!), компенсировав «естественную убыль» обычной водой, закрыли канистру и поставили её обратно в сейф. Предчувствие неотвратимого «приёма на грудь» свергло нас в состояние эйфории. Кадочников начал предлагать различные пропорции разбавления. Я же вспомнил, что у начальника вещевого службы где-то были припрятаны серебряные рюмки.

Отношение основной массы офицества к тыловикам чаще всего было негативным. Многие бряцали высказыванием самого Суворова: «Каждого, кто прослужил интендантом хотя бы год, можно расстреливать без суда и следствия». (Видимо, только простой солдат может оценить глупость другого высказывания генералиссимуса: «Пуля — дура, штык — молодец».)

Не знаю, может быть, я попал в какой-то особенный полк, но у меня воспоминания о тыловиках самые что ни на есть тёплые. На самом деле, и начальник продовольственной службы Кисурин, и начальник вещевого службы Щербак, да и начальник службы ГСМ Алексеев, были трудягами и порядочными людьми. Сочувствуя нам, Щербак принёс транзисторный приёмник «Океан», который мы слушали по вечерам (телевидения в полку не было). «Зампотылу» Кейген пропадал в полку сутками, понимал нужды солдат, но не прощал воровства. Когда я уезжал в отпуск по семейным обстоятельствам (в сентябре умерла моя мама), то по приказу Кейгена мне выдали новую шинель и ботинки, Кисурин отдал свой чемодан. Во внутреннем кармане шинели я обнаружил тридцать рублей. Такое не забывается...

Эйфория прошла быстро: попытка закрыть сейф не удалась. Что там случилось с сувальдами замка, одному Богу известно, ключ во что-то упирался, и рейка замка не выходила.

Самым старшим из «медвежатников» был я, поэтому раньше «подельников» осознал последствия вскрытия штабного сейфа — вплоть до дисбата. Вспомнил в этот момент, как в учебке курсант получил десять суток гауптической вахты за потерю штык-ножа. А тут — штабной сейф!

Серьёзность момента ощутил и Конопелько. На него было страшно смотреть: лицо покрылось красными пятнами, со лба стекали капли пота. Ведь он — секретчик, имеющий допуск к секретным документам и шифровальной машине, окончил специальную учебку, а тут...

— Когда я был совсем дурак, носил я клетчатый пиджак... Мужики, корячится дисбат, не иначе.

Монолог же Кадочникова передать не берусь — из трёх десятков произнесённых им слов не меньше двадцати относились к изощрённой ненормативной лексике, в некоторых местах смыкающейся с изящной словесностью.

Поочерёдно мы делали попытки закрыть сейф — безрезультатно. Замок, как заговорённый, не срабатывал.

Подогрели чаю, выпили по стакану (про спирт и не вспомнили).

Кадочников выдал:

— Давайте прикроем дверцу и приклеим пластилин. Алексеев, якобы, забыл закрыть сейф.

— Детский лепет на лужайке, — прокомментировал Эдуард.

— Мужики, давайте перекурим, а то мы сгоряча такое натворим, что не расхлебаем до пенсии. Давайте разбежимся, успокоимся и через час соберёмся снова, — предложил я, и, накинув шинель, ушёл в расположение взвода.

Хотя был уже час ночи, взвод ещё не спал. Кто-то играл в хrap на сигареты, кто-то стирал гимнастёрки в стиральной машинке самого командира полка.

Командир части подполковник Лаврентьев уже получил квартиру в ДОСах, но там солдаты ещё не закончили ремонт. Кое-какую мебель и другие вещи командир привёз из Союза, на время ремонта наш комендантский взвод охранял их в специально поставленной палатке. Подполковник разрешил комендачам пользоваться стиральной машиной. Помимо прочего, среди вещей было два больших мешка книг. Втихаря я брал оттуда книги и прочитал за пару недель «Идиота» Достоевского, сборник Евтушенко «Во весь голос» и мемуары маршала Василевского «Дело всей жизни». В полку была библиотека, но я не брал там книг — велика была вероятность, что книги утащат сослуживцы. А библиотекарша — единственная женщина в полку численностью 1400 человек. Кажется, якутка, носила национальную одежду, запомнились и её меховые сапожки.

Общение только с мужиками не могло не сказаться на моем лексиконе и лексиконе сослуживцев. Термин «ненормативная лексика» слишком интеллигентен по отношению к «словотворчеству» солдат и офицеров, варящихся в этом мужицком котле. И не то чтобы выдумывались какие-то новые маты, нет, но комбинаторика ограниченного набора известных слов была настолько не очевидна и калейдоскопична, что многоэтажности выражений могли бы позавидовать небоскрёбы Пятой авеню Нью-Йорка.

Я завалился на свою кровать второго яруса (если в обычных казармах дембеля располагались на нижнем ярусе, то в палатках — на верхних, там теплее), закурил.

Почему-то вспомнилось, как нас переправляли в Монголию. Вначале поездом от Оловянной до Читы. В Чите было такое столпотворение солдат и офицеров, которого мне не доводилось видеть никогда. К отправке в МНР одновременно готовилось эшелонов пятнадцать. Командовал отправкой какой-то генерал-майор. Женщины из соседних изб (всё происходило где-то на окраине Читы) выходили на улицу и часами наблюдали за происходящим. Я никак не мог понять, почему некоторые из них тихонько подрёвывали, но и сам почувствовал себя не в своей тарелке, когда из динамика зазвучала Зыкина: «Уходят эшелоны, а я гляжу им вслед...»

Затем — Наушки, таможня, Сухэ-Батор и, наконец, Улан-Батор. Конечно же, я не забывал, что родился в Улан-Баторе. Выйдя из поезда, задал сам себе вопрос: «Ну, ты чувствуешь, что это начало твоего пути, а?» Но никакого голоса предков или других потусторонних вибраций не почувствовал.

На вокзале Улан-Батора я был свидетелем трогательной сцены. Солдата встречала мать, которая работала по контракту в Монголии. Это была красивая женщина лет сорока пяти, блондинка, очень похожая на Татьяну Доронинову. Запомнилась её шикарная причёска (подумалось: специально, видимо, готовилась к встрече). Вначале она напоила сына и ещё двух солдат молоком с шанежками своего, очевидно, изготовления, затем в ход пошли какие-то бутерброды. Огляделся: все дембеля и сержанты отвернулись и закурили, я тоже закурил.

...Я нещадно материл себя за то, что ввязался в эту, прости Господи, операцию «Ы». Представил, как попадаю вначале на гауптическую вахту, затем — в дисбат. Гарнизонная гауптвахта славилась особой жестокостью. Начальником гарнизона был майор Иванес, бывший десантник, который отличался садистскими наклонностями.

Многие солдаты после подобного перевоспитания заболели пневмонией и даже астмой — гауптвахта не отапливалась.

Представил, с каким презрением на меня посмотрит Кейген, когда узнает... А ведь он мне доверял и поручал весьма деликатные задания.

Когда я готовился к своей первой ревизии, то выяснил, что утеряна ведомость выдачи папирос «Беломорканал» тем самым «партизанам», которые ставили палатки. Пятьсот человек получили по сорок пачек, итого 20 000 пачек, что в денежном выражении составляло 4400 рублей.

— Орлов, выручай «начпрода», а то останется без штанов, — тоном просьбы приказал подполковник.

Задача была несложной, но трудоёмкой. Список всех «партизан» я взял в финчасти (они получали денежное довольствие). В той же денежной ведомости были и подписи. Так как подделывать подписи мне пришлось одному, чтобы скрыть характерные черты своего почерка, я расписывался разными ручками: перьевой синей, шариковой фиолетовой и даже химическим карандашом. На это ушла ночь. (Такое у штабных — в порядке вещей. Один из писарей строевой части после подобной ночи уснул прямо на табуретке и упал лицом на раскалённую металлическую печку. Остались грубые шрамы на лице и кличка Виннету-сын Инчу-Чуна.) Утром я включил фантазию: немного помусолил ведомости, придавая им потёртый вид, и даже наставил кое-где вполне естественные жировые пятна (сливочным маслом), сделал небольшие надрывы. Когда я показал Кейгену это «произведение», то он произнёс: «Шедевр». А однажды я обнаружил в чековой книжке один лишний чек. Их должно быть ровно сто, но в чековой книжке был сто один. На один чек можно было отгрузить до состава продовольствия. Понимая всю серьёзность момента, я доложил об этом не «начпроду», а лично подполковнику. Кейген тут же разорвал лишний чек на мелкие кусочки, пресекая на корню любые криминальные поползновения.

«Чёрт бы побрал этот китайско-вьетнамский конфликт! Дослуживал бы спокойно в Союзе, а тут как бы не стать расхитителем социалистической собственности или, того хуже, государственным преступником», — досадовал я.

Час прошёл, я вернулся в штаб тыла. Конопелько возился с ключом.

— А ведь я собирался жениться сразу после армии, — заскулил Шура, — и вот те на — дисбат! Макс, ведь у тебя верхнее техническое образование. Включи мозг, ё-пэ-рэ-сэ-тэ!

Я в очередной раз подошёл к сейфу. Сейф был несгораемым, толщина двери составляла около восьми сантиметров. Дверка крепилась двумя мощными шарнирами, которые были приварены снаружи. У сейфа не было «руля», как у некоторых сейфов, с помощью которого выдвигаются дополнительные штыри, заходящие в боковые стенки. Дверь закрывалась только основным замком с мощной рейкой, сам замок был прикручен четырьмя болтами к внутренней стенке дверцы.

— Эврика! Замок-то можно снять! — закричал я. — Эдуард Иванович, слушай, у тебя случайно в секретке нет таких же сейфов?

Эдуард подошёл, посмотрел на замок и «улетел» в секретку.

— Мужики! Обсудим ситуацию, — произнёс он после возвращения. — Значит, так. У меня стоит точно такой же сейф. Единственный вариант: поменять замки и закрыть сейф Алексеева. Бракованный замок ставлю на свой сейф и завтра же пишу рапорт начальнику штаба о том, что мой сейф перестал закрываться.

— Похоже, это — спасение, — согласился я, — но как быть с Алексеевым? Он придет с учений и не сможет открыть свой сейф. Конфуз!

— Я всё продумал, — подытожил Эдуард. — После неудачных попыток открыть сейф вы подскажете старлею, что вторые экземпляры ключей находятся в секретной

части. Да и он сам об этом должен знать. А я, естественно, отдам ему ключ от своего сейфа, забрав предварительно его ключ, чтобы он не смог их сравнить.

...Новый замок подошёл почти идеально. Внутренняя сторона дверцы была покрашена грунтовкой с помощью краскопульты и по периметру замка, на дверце были не окрашенные фрагменты — размеры замков чуть-чуть отличались. С головок болтов местами слезла краска, так как болты мы раскручивали-закручивали пассатижами — гаечного ключа не было. Главное же, цвет грунтовки на замке и на дверце совпадал, и, конечно же, сейф уже закрывался и открывался. Пластелин я тщательно приспособил к сейфу, предварительно вставив суровую нитку. Оттиск печати был идеален.

— Вокруг стен красного Кремля лежит колхозная земля. Свобода, б.., свобода, б.., свобода. Свобода, кампаны!!! — проорал Эдуард Иванович.

Через двое суток полк вернулся с учений. После обеда в штаб зашёл Алексеев. Мы с Шурой встали по команде «смирно» и торжественно прокричали: «Здравия желаем, товарищ старший лейтенант!» Алексеев опешил: мы так обнаглели в последнее время, что обычно приветствовали офицеров только с большими звёздами, а с «нач-продом» и с «начвещем» вообще здоровались за руку. Алексеев несколько раз прошёл мимо сейфа, внимательно посматривая на него.

— Мужики, — обратился к нам старлей, — со мной произошло ЧП на учениях. Ключ от сейфа положил во внутренний карман бушлата и где-то его выронил. А у меня там важные документы. Вызывать газосварщика из хоззвода, что ли? Или сейф отвезти в рембат?

— Товарищ старший лейтенант, в секретке, кажется, хранятся вторые экземпляры ключей, обратитесь к сержанту Конопелько, — сообщил, не отводя глаз от своих бумаг, Кадочников, но кривую улыбку Шура скрыть не смог: он-то знал, что никаких документов в сейфе не было.

ПОЭЗИЯ

ЛЮДМИЛА СОБОЛЕВСКАЯ

Благодарю судьбу

Этюд

У сумерек звучанье скрипки
и свой восторг в минорной гамме.
Тускнеют краски,

в дымке зыбкой

они застыли в серой раме.
А за окном маячит призрак,
немой задиристый отшельник,
вдруг хлопнет форточкой капризно,
то сквозняком потянет в щели...

Я с замиранием внимаю,
как струны пробует зима.

Так одиночество страдает,
незримый голос зазывает,
колдует часом полутьма.

И полувздохи, полутени,
полутона вечерней хмари
не канут в мрачное забвенье,
пока художник на бульваре
спешит поймать незримый лучик —
мазок ложится яркой точкой!
И слышит за спиной: «Везунчик,
он видел ангела воочью...»

СОБОЛЕВСКАЯ Людмила Васильевна (первые книги под фамилией Лабазина), поэтесса (род. в 1946 г. в г. Бресте). Автор книг: *Запах клевера* (Иркутск, 1994); *Как у света на краю* (Иркутск, 1997); *Возвращение к себе* (Иркутск, 1998); *Предчувствие на кончике пера* (Иркутск, 2009). Член Союза писателей России.

Истома

На рассвете прохладно,
печь азартно съедает дрова,
да с проворством таким,
будто сроду не видела спичек.
За окном светлый праздник
всюду стелет свои кружева.
Стал пронзительней свист
на рябину присевших синичек.

Дверца настезь у печки —
будоражит берёзовый дух,
наполняя теплом,
благодать возвращается дому.

И гуляет в округе
невинно заманчивый слух,
что ещё будем жить
и тягуче лелеять истома.

По прошедшему лету
ничуть горевать не хотелось.
Сладко думать о том,
что тепло нам сейчас на двоих.
И душа ликовала,
жилось безмятежно и пелось,
и свободно ложился
на листок незатейливый стих.

В плену иллюзий

*... Чуть теплится чужая жизнь,
врасплах невинную застали...*

«Ну, вот и всё», — душа шепнула
и потихонечку вспорхнула.
Открытой книгою — сознание:
перед тобою — мирозданье!

Маршрут туда закончен к ночи.
Мигают лампочками очи
Богов твоих. Все — над тобой —
Пока ей рано на покой...

Реальность... доктор шепчет: «Утро...»
А жизнь устроена премудро —
не заменить и не оставить,
не уповать, и даже славить
того, кто бросил тебе нить
и право: «надо дальше жить».

Но искра брошена в экстазе
потоком всех многообразий.

И мысль живая теребит:
«Ты не забыт! Ты не забыт!»
И всюду вещи и одежда,
но главное, жива надежда,
что нет ухода! Нет конца!
И грусти тень ползёт с лица,
и возвращается улыбка.
Но это всё ещё так зыбко...

И день за днём — в плену иллюзий,
и мозг мой снова кто-то грузит.
Идёт замена всех программ —
уже не здесь, ещё не там.

На паперти

Ты нищенкой на паперти — блаженна и слепа...
Поклон для Божьей Матери шлёт походя толпа.
Тебе ж кладут копеечку, порою пять рублей,
то в горсть насыплет семечек церковный дуралей.

Ты не ворчишь — смиряешься. Уйти... Куда, к кому?
На крупное не заришься, не воешь на луну...
Бросают понемногу: горсть — церкви, горсть — тебе.
День прожит, слава Богу, как росчерк по судьбе.

Богаче ты не стала. Есть кров, вода и хлеб.
В глазах седых — усталость и будущего нет.
Молилась ли? Не помнит — не до того ей было.
Перед глазами — комья у вырытой могилы...

Потери за потерей, оглянешься — туман,
и запёртые двери, а сунешься — обман.
Но изредка, как проблеск из старого кино,
всплывёт медаль «За доблесть», ранение заодно...

Не хочется вдаваться в подробности, за что
пришлось одной остаться — судьба, как решето,
насквозь себя просеяла — любовь, семью и жизнь.
Ждала и свято верила: «Ошиблись там, кажись...»

Теперь надежда — паперть. К мирскому ты глуха.
Лишь травка, словно скатерть, под ноженьки легла.

Колонна в вечность

Сегодня буйство красок и веселья.
В войну мальчишкам больше не играть...
И пир горой, и тяжкое похмелье,
и строй стихов восторженная рать...

Колонна в вечность — реже и печальней.
Ушли мальчишки первыми в герои.
Кого на святость с доблестью венчали,
кому в безвестность — алою зарёю...

Но время безутешного страданья
не выплакано нами до конца.
И год за годом беспощадной данью
навек провожаю я отца...

Молитву вдовью время не заглушит.
Сыны седые выправили строй.
И только неприкаянные души
нам снятся чаще, требуя покоя.

Свидетель

На ясном лике чистого листа
сознанием разумного потомка
рождалось НЕЧТО. Скрытые места
огромной силы выходили звонко
из недр Земли и посланного свыше,
способного объять и оживить...
То было Слово. Вот оно. Уж дышит
и правит мной, глаголит твёрдо: «Быть!»
И я волнуюсь, как бы не исчезла
от робкого касания к бумаге
наружу рвущихся свободных мыслей бездна
невесть откуда взявшейся отваги:
заговорить, запеть и — сострадать
любому, кто готов меня услышать.
Настал момент — к нам сходит благодать,
тебя коснулась... Ты уже не лишний.
И мысль окрепла. Дух её — основа.
И вынесла единственный вердикт:
свидетель и хранитель жизни — Слово!
И жив народ, пока живёт Язык.

У времени на распутье

Догорает закат, окунувшись в грушёвое зарево.
Тихо меркнет огонь, наливаясь вечерней прохладой.
Затишает мой сад, словно жизнь начинается заново.
Предстоит мне прожить вечность целую до листопада.

Шорох робких шагов утопает в песчаной дорожке.
Как в замедленном кадре является твой силуэт.
Неожиданно птица вспорхнула на ветку за мошкой,
камнем рухнула наземь. У соседа зажёгся свет...

Тявкнул пёс в подворотне, но слегка, чтоб не портить картину,
исполняет свой долг, соблюдая порядок и мир.
Потревоженный кот сиганул из засады в малину.
До веранды моей сократилась зелёная ширь.

Наступила пора посумерничать тихо за чаем,
когда власть тишины отпускает единственный шанс:
ощутить, как Природа таинственно и величаво
от судьбы принимает этот дар, как священный аванс.

И у первой звезды, и второй, в бесконечность летящих,
нет таких измерений, чтоб успеть встрепенуться на миг,
а потом остывать, называя мгновение счастьем,
и эпоху творить, совершая во времени сдвиг.

Догорает закат, окунувшись в грушёвое зарево.
Пролетело столетье... листопад приготовился быть...
На распутье Природа, прощаясь, печальная замерла,
чтоб очнувшись с рассветом, на фрегате безвременья плыть.

Пробуждение

Поднимусь на курган — символ Славы,
обопрусь о могучее дерево,
но не ради минутной забавы
мне откроются тайные двери...

За пределы зайти... а по праву ли?
Мне наука неведома древняя.
Сердцем слышу моления праведных —
просыпаются войска не меряны...

Пробуждение чувствую явное —
дух российский не выветрит бурю.
Поднимается поросль славная,
чтобы выдворить сущность хмурую.

Иноземцы подначат юродивых,
голосят те, мол, надобно иначе...
Верхогляды стараются вроде бы,
а выходит, их танец вымучен.

Вы, страдальцы мои, малы детушки,
не страшитесь плечами раздвинуться —
с нами Бог! И лишь «праведник» тешится,
наставляя на ум горенынешних...

Потому и душа моя мается,
ну а сердце — в рубцах-зарубках...
Научил бы нас кто-нибудь каяться —
не страдали бы наши внуки.

У последнего вздоха

Оголтелое лето
с визгом детских забав
проскочило кометой,
брызги звёзд разбросав.
Пролетело эпохой,
будто Вечности миг,
у последнего вздоха
мне столетье — под дых...
Где же впала в немилость?
Боже правый, скажи!
Ощутила бескрылость,
но потом виражи
вытворяла такие!..
Впору — за борт. Обид

я в душе не таила,
всех прощала, но стыд
оставался за тех,
кто нещадно мне лгал,
вызывал горький смех
и доверие крал...
Бог судья им, но время
умоляю помочь —
непосильное бремя
в одиночку невмочь
мне нести. Сердце, выстой,
дай и мне передых!
Но опять чей-то выстрел
на израненный стих...

Благодарю судьбу

Стою у форточки открытой.
Морозец лёгкий дух бодрит.
Душа, как праведник забытый,
молебен утренний творит...

Благодарю Судьбу за праздник —
вставать чуть свет, зарю встречать.
Мне в спину ветер, вечный странник,
велит от серости бежать.

И я бегу... навстречу солнцу,
навстречу сказочному дню,
навстречу новому потомству,
взывая к вечному огню.

Не угасать духовной искре!
Жива, пока душа болит.
За всех любимых, самых близких
я сотворю хоть сто молитв.

Благодарю я жизнь и верю
в её незаблемый закон:
пока люблю её без меры,
не нанесу судьбе урон.

Мне не пристало быть в печали
и не забыть вовек тех лет,
где песни юности звучали
и уводили нас от бед.

Моя эпоха — жизнь отважных.
Взвалив на плечи тяжкий груз,
мы знали, что живём однажды.
За нами — вся Святая Русь.

...Стою у форточки открытой.
Морозец лёгкий дух бодрит.
Душа, как праведник забытый,
молебен утренний творит...

АЛЕКСЕЙ ЩЕРБАКОВ

Вещий сон

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Афанасий был потомственным приискателем. Дед и отец знавали Алдан, Бодайбо и Колыму. Первый и последний поход на Колыму обернулся для деда бедой. Найдя хороший ручей и взяв прилично золота, он возвращался из Нагаево последним пароходом, сильно простыл и не дотянул до Рождества, умер, оставив сыну карту месторождений. Пётр собрал надёжную бригаду из зейских старателей на другое лето, нашёл отцово место по его карте. И с доброй добычей возвращались в Нагаево, но на них напали грабители. Пётр, уложив троих бандитов, сам получил смертельное ранение. Там же зейские мужики и упокоили беднягу. Домой привезли его долю добычи, ружьё и последнее прости-прощай.

Афоне было тогда 16 лет, он был строен, как отец, и сметлив, как дед. Дед носил прозвище — Башка! Простое лицо парня было по-русски красивым, с правильными чертами губ, носа и лба. Красивые карие глаза и чёрные с изломом брови, как два крыла.

Бригада, собранная его отцом, всегда держалась вместе, и Афанасия брали с собой. Молодой парень не уступал бывалым золотодобытчикам и в походе, и в работе. Женился Афанасий в 20 лет, на дочери своего бригадира, которую тот не оставил в доме одну, взял стряпкой в бригаду. Анна показала большую расторопность в деле — и с кухней управлялась, и мужикам помогала. Лоток в её руках словно плясал, и мужики, согласившиеся на половинную долю, сами просили бригадира считать её равной.

ЩЕРБАКОВ Алексей Гаврилович родился в 1932 году. Иркутянин. Работал на Иркутском авиационном заводе разметчиком, конструктором, инженером. Ветеран труда, заслуженный работник авиазавода. Член литературного клуба «Парус». Стихи и проза публиковались в заводской газете.

Афанасий влюбился в Аню с первого взгляда. С тех пор они были неразлучны, но потом родились дети, и Анне пришлось самой вести хозяйство. Куда уйдёшь от двух детей и огорода, за всем догляд нужен. Потом обзавелись коровой, а значит, думай о сене и кормах на зиму, тут уж не до старания.

В те времена у зейских приискателей бытовало поверье, что по левобережью Зеи золота нет. А может, это ошибка? Просто из-за трудного доступа не добирались до него даже китайцы, без разрешения проникающие через Амур и промышлявшие в этих местах, приходили пустыми.

Другое дело правобережье: Золотая гора, Миллионный, Кукушка, Дамбуки, Бом-нак давали приличное золото уже много лет. Но россыпи скудели, и вот уже второй сезон совершенно фарту не было. А то, что удавалось добыть, — слёзы.

Хорошо, что жена с ребятишками управлялась с хозяйством. Огород давал на зиму овощи и картошку, а корова — молоко. Сама жена успевала накашивать сена для коровы и телёнка, а это шесть-семь крестьянских возов.

Афоня упорно не верил, что нет золота на левобережье. После последнего сезона, неудачного, с приходом первых заморозков он вернулся домой. Занялся хозяйством: починил крышу стайки, поправил забор и до нового года заготавливал дрова. Чурки кололи на поленья с Анной, а поленицу складывали ребята.

Как-то Анна спросила у Афанасия, что он такой задумчивый, что все время молчит. Обычно он, работая, напевал или мурлыкал себе под нос, а тут молчит.

— Хочу, Анна, попытать счастье на левом берегу Зеи, в верховье Депа, — без длинных подходов сказал Афоня. Анна знала, что если муж надумал, своё исполнит, лучше не перечить. Немного подумав, Анна сказала:

— Напарника доброго нужно.

— Надо, я уже разговаривал с соседским Петрухой. Он с виду парень неказистый, но силушки ему не занимать.

— Это ты верно говоришь, силушка-то хорошо, да тут ещё характер нужен — настырность.

— Да, — подтвердил Афанасий, ласково склонился к щеке жены и поцеловал. — А тебе не трудно одной-то с ребятишкой и хозяйством?

— Мне что, привыкать то ли? Только косу приготовь, грабли и договорись с соседом, чтобы весной нам огород вспахал. Ребятишки грести и копнить помогут. Николай уже мужик, весь в тебя.

Анна принялась собирать мужа. Список нужных вещей не составляла, он был в её памяти. Много хлопот доставила сушка и помол мяса. У старателей были свои способы приготовления калорийных и лёгких концентратов. Бралась говядина, отваривалась, сушилась и толкалась в муку. Эту мясную муку смешивали с пшеничной мукой грубого помола, и пеклись на сливочном масле лепёшки. Их тоже толкли и укладывали плотно в кожаные мешки. Две ложки такой смеси заваривались кипятком — и еда была готова. По усвояемости и калорийности равным было только свиное сало. На время холодов намораживали много пельменей. Брели лук, чеснок головками и сохраняли теплом своего тела в нагрудных карманах. Особое место в провианте занимали чай, сахар, спирт. Тщательно берегли от сырости спички и огниво. Инструменты приискателя: топор, пила, лопаты, лотки, ружьё с припасами, нож, котлы, кружки, чашки, ложки, иголки и пр. Всё это, включая спальный мешок, сапоги, валенки и тулуп, весило не менее ста килограммов.

Всё это укладывалось на сани, собранные из двух лыж, обитых камусом. Они не скользили назад при подъёме в гору и прекрасно катились с горы.

Собак брали как тягловую силу и для охраны, случалось, при нехватке еды при возвращении их съедали. Если к перечисленному прибавить корм для собак (сорная рыба: сорога, елец, окунь), вес был не менее ста пятидесяти килограммов.

Приискатели обычно брали беспородных собак с помесью лайки, неприхотливых в еде, но сильных в упряжке. Первый день таёжного похода был днём притирки собак и определением вожака — это драки. На второй и третий день собаки, впряжённые в сани, надёжно тянули постромки. Кроме ружья, приискатели всегда брали рыболовные снасти: лески, крючки и небольшие сетёнки. Пойманная рыба всегда была хорошим подспорьем к приискательскому столу.

Летом, когда оживала тайга, собак почти не кормили. Полёвки, бурундуки и прочая живность, от лохматых до пернатых, — всё было их едой. Случалось, собаки выгоняли диких коз и кабаргу на становище, где всегда наготове было заряженное ружьё. Случалось, лосёнка или сокжоя выгоняли на старателей, но это было великой редкостью.

Выезжать решили в воскресенье — понедельник не начинный день. В субботу собрались у бани, в которой, конечно, помылись и попарились. Ещё раз проверили всю кладь и весь набор инструмента, примерили постромки собакам. Они с вечера накормлены.

Рано утром до света Афоня и Петруша пересекли по накатанной ледяной дороге Зею. По Заречной слободе ехали в потёмках, сопровождаемые лаем собак. По Улунгинскому озеру до метеостанции проехали в предрассветных сумерках. К Тёплому ключу подъехали на восходе солнца, выбрали место для проезда. Летом в этом ручье вода была очень холодной, а зимой не замерзала от истока на километр.

До ближнего зимовья путь лежал почти по снежной целине. Кто-то ездил к зимовью на лёгких санках и вернулся обратно. Прделанную в снегу колею уже присыпало снегом. Собаки шли в упор, мужики толкали санки сзади. От метеостанции до зимовья было километров двадцать, не привыкшие к перевозке тяжести собаки быстро уставали и, пройдя полкилометра, садились; отдыхали и старатели. Утро выдалось морозное. Кухта на деревьях была густой. На открытых местах до рези в глазах слепило солнце.

На одном из привалов Афоня сказал Петру, что нужно засветло добираться до зимовья, надо бы меньше отдыхать.

— Придется «веселить» собак, — согласился Пётр.

Теперь проезды удлинились до километра, собаки буквально падали в снег от усталости. Примерно в середине пути их решили подкормить, дав по вяленой рыбки. Пообедали и мужики, вскипятив в котле растопленный снег. Хлеб ещё не замёрз и с салом шёл аппетитно. В последних лучах заходящего солнца подъехали к зимовью.

Занесли кладь в зимовьё, отвязав собак, но уставшие животные, свернувшись калачами прямо у двери, уснули. В зимовье не было дров, и до самой темноты пришлось пилить и колоть дрова. Ужинали при свете камелька. Ели варёное мясо и сало, запивая крепко заваренным чаем. С вечера хорошо накормили собак.

Сухими дровами натопленное зимовьё долго держало тепло. Спали как убитые на нарах, постелив полушубки и спальные мешки. Афоня проснулся и вышел по малой нужде. Было очень холодно для марта месяца, дул пронизывающий ветер.

Зимовьё уже выстыло, но Афанасий снова лёг и, натянув на ноги тулуп, ещё уснул. Проснулся он от яростного лая, собаки дрались. Потом услышал крик. Это Петруха распинывал и орал на них.

Афоня затопил печурку и поставил котёл со снегом. Завтракали пирогами-подорожниками с мясом и луком. Пили чай с кипрейником и толчёными ягодами шиповника. Накормили собак.

Утро было серым, похватывал резкими рывками ветер. Афанасий вышел из зимовья, посмотрел в сторону Зейских Ворот (место, где Зея выходит из гор). Представил, как при этом ветре раскачиваются оцепы с бадьями у колодезных журавлей. Беспокойно поскуливали собаки. Вернувшись в зимовьё, Афоня, заявил Петру:

— Придётся задержаться, метель будет, хорошо, если на сутки, а если дольше, будет плохо... Добро, что мы ещё в зимовье. Пойдём ещё подпилим дров. Наколоть и в зимовье наколем.

Четыре реза двуручной пилой — и шесть чурок лиственничной сушины были в зимовье. Метель разыгралась не на шутку, если здесь на окраине леса не видно было деревьев в тридцати метрах от зимовья.

— Слава Богу, что не успели отъехать, пришлось бы возвращаться в такую непогоду, — сказал Афоня Петру.

— Да, — односложно подтвердил Петя.

— Давай, Петро, устроим хороший обед. Ты хоть за ночь-то отдохнул, после первого дня, наломался, поди?

— Ноги маленько ломит, а так ничо...

— Спиртику маленько разведём, отдыхать так отдыхать, — подмигнул Афоня.

На обед варили заваруху из мясной муки для пробы, ели сало с луком. Печурка весело гудела под частые порывы ветра, но в зимовье было тепло, даже жарко.

Выпитый разведённый спирт вызывал хороший аппетит, пришло весёлое настроение, и Петруша разговорился.

— Дядя Афоня, расскажи, куда мы дальше?

И Афанасий стал рассказывать:

— Первое, нам нужно дойти до Депа, а это не менее тридцати вёрст тайгой. Перевалить через две сопки, высотой пятьсот–шестьсот метров, а дальше по реке вверх на север гор. Это нам нужно пройти до ледохода. Будем смотреть, изучать, может, найдём отмытые пески, сами будем бить шурфы, копать ямки, брать грунты для пробы, промывать. Если ты парень фатовый, найдём в первое лето.

— Даст Бог — поможет! — перекрестился Петруша.

А Афанасий продолжал:

— Бог-то Бог, да и сам не будь плох.

— А сказать короче, придётся горбатиться до седьмого пота...

— Главное, Петя, надо беречь здоровье, без него тут хана. Вот сейчас ночевать в тайге в палатке придётся, нужно беречься, не простывать. По реке пойдём, в наледь бы не влететь. В этих местах и в марте морозы тридцатиградусные бывают. Палатку придётся снегом обкладывать, а то и собак к себе затаскивать — теплее.

Петро слушал, но весёлость не проходила.

— Ты, дядя Афоня, шибко-то меня не пужай...

— А я и не собираюсь тебя пужать, если бы не пурга, уже сегодня пришлось бы спать в палатке, обложенной снегом.

Выпитое возымело своё действие, и Пётр ещё попросил выпить.

— Только по глоточку, — сказал Афоня, разливая оставшийся в котелке разведённый спирт.

— Запить бы холодной водичкой, — сказал Петя.

— Сходи за снежком, — отозвался Афоня. Петро с трудом отворил дверь, уже приваленную снегом. Зачерпнув котлом снег, Пётр закрыл дверь, но она закрылась неплотно, в притвор попал снег. Пришлось отбросить лопатой. Положили в котелок с чаем ком снега, и когда он растаял, выпили спирт и запили остуженным чаем.

Афоня улёгся на нары с надеждой заснуть, но неразговорчивый Петруша вдруг запел. Афоня заслушался его красивым негромким голосом:

*По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах...*

Пел он с чувством, иногда голос дрожал, едва не вышибая слезу. «Вот тебе и молчун, — подумал о Петре Афоня. — Живём по соседству, парню идёт двадцатый год, а никто в его семье не слышал, как он поёт. Теперь скучно не будет».

Проснулся Афанасий от холода. Печурка давно протопилась, а ветер сделал своё дело, труба не заперта. В темноте Афоня нащупал спички, снова разжёл дрова в печурке. В открытую дверку топки хорошо осветились нары. Афоня разглядел, что Петро спит на спальнике, накинув сверху полушубок. Захотелось попить чаю, разбавленный снегом и порядком остывший, он приятно освежил нутро. «После спирта всегда бывает так», — подумал он, пошевелив дрова, подбросив пару поленьев. Тепло растеклось от печурки по всему зимовью, снова захотелось спать.

Афоня прикрыл трубу, поправил спальник, лёг. За стеной по-прежнему бушевала пурга. «Не засидеться бы нам тут», — подумал Афоня и снова уснул.

Проснулся он от стука, это Петро колот дрова. В зимовье было тепло, сквозь занесённое снегом окно синел рассвет.

Собаки, обрадовавшись пробуждению хозяев, с визгом и лаем бросились навстречу, ожидая свою порцию еды. Они спали у самого крыльца, занесённые снегом. Люди завтракали, доедая вчерашнюю заваруху, сало и с удовольствием пили горячий чай.

Снова увязаны санки в путь. Ветер стих, а в чаще его совсем не было. Афанасий выбрал направление на вершину горы, стоящей вдалеке на западе. В лесу снега выпало много, и он лежал пышным ковром. Собаки быстро уставали. Петро привязал к себе постромку, чтобы помогать собакам, но её часто пришлось отвязывать и браться за топор, прорубать мелкий подрост, чтобы не петлять. Иногда приходилось поднимать санки и перетаскивать через валежины.

Спустились в широкую падь. Справа и слева тянулись пологие сопки, поросшие лесом. Правую придётся брать в лоб, чтобы сократить путь к Дёпу. Но это нужно делать завтра с утра, уже вечерело. Пора устраиваться на ночлег.

Мужики запаслись дровами на всю ночь, спилив три сухостоины, нарубили лапника пихтового и елового.

Вниз по долине ручья постоянно тянул ветерок, от него устроили заслон — на лёгкие жерди настелили лапник. Толстым слоем лапника выстелили лежбище. Палатку приготовили на случай снегопада. В ясном небе стали появляться ранние яркие звёзды, это предвещало морозную ночь.

— Придётся ставить нодью, — сказал Афанасий.

— А что это такое? — спросил Петро.

— Такая наклонная стенка из брёвен — нижние сутунки сгорают, а верхние оседают, и на полночи хватит тепла, — пояснил Афоня.

С нодьёй провозились целый час. Заложили пять сутунков почти двухметровой длины.

Сначала разожгли костёр у этой стенки, приготовили ужин. Ели вяленое мясо, сало и хлеб, предварительно согрев на костре. Афоня предложил Петру спирт, но тот отказался, сказав, что ещё со вчерашнего дня не отошёл.

— Хочешь, дядя Афоня, выпей один, а я не буду.

Афанасий в душе ликовал — напарник не жаден на водку, а это такая редкость!

— Нет, Петя, я один не могу, разве для сугрева, но мы с тобой, возясь с дровами, согрелись.

Горящие головни костра подложили под нижнее бревно нодьи и, когда оно хорошо разгорелось, захватив и второе бревно, стали греть постели, спальные мешки, одеяла и тулупы. Между навесом и стенкой было метров пять. Прогретый пламенем воздух клубился лёгким паром.

Напившись чаю, мужики полезли в спальники. Вдруг Афоня вспомнил, что нужно всю жратву, и свою, и собачью, убрать надёжней от собак. Вскочил и Петро. Между собой под лапник и тряпье уложили мешки с едой.

Проснулись, когда брезжил рассвет. Опять разодрались собаки. Гасли последние звёзды, небо было ясным и обещало хороший день. Снова кормили собак, завтракали, запрягали... Сопка, которую пришлось переваливать, со стороны выглядывавшая пологой, оказалась крепким орешком. Снег был очень глубокий. Собаки брели, зарываясь в рыхлом снегу, да и сани проваливались по самую поклажу. Пришлось подниматься зигзагами.

Наверное, лет десять-двенадцать назад здесь прошёл пал, обгоревшие деревья стояли до бурелома, а пронёсшийся ветер положил их в одну сторону, превратив в совершенно непроходимое место. Мужики, вооружившись топорами, буквально прорубались и лишь потом протаскивали сани. Петруха предложил развязать поклажу и переносить всё отдельными местами, Афоня сначала не соглашался, но потом понял, что носильщик с поклажей быстрее обойдёт любой завал. На каждую ходку уходило по тринадцать минут. Три ходки и ходка Петра за собаками заняли почти два часа.

Началась подготовка к ночлегу. До реки оставалось около трёхсот метров. Она здесь текла в пологих берегах. Решили ночевать у кромки бурелома. Афоню привлекло большое количество дров, на берегу их не было, или они были сырыми, по опыту знал Афанасий. Ранее стоявшая на бугорке сосна, упав, выворотила своим корневищем камни и глину и как щитом прикрывала небольшую логотинку. Возле неё лежали обломанные сучья, загнутые и очень толстые, совсем без коры — значит, сухие.

Под пельмени развели кружечку спирта, ужин был аппетитным и взбодрил настроение. Костёр запалили с одного торца полукруга, оттуда тянул ветерок. Уложили сосновые ветки на прогретом костром месте. Так же, как в прошлый вечер, перетаскивали в палатку снедь и улеглись в прогретые спальные мешки. Собаки свернулись калачами на лапнике около палатки.

Ночью сквозь сон Афоня слышал, что собаки раза два кидались вверх по берегу, но вскоре возвращались. Утром, пройдя по собачьему следу, Афоня увидел следы соболя, значит, это он беспокоил собак. Возвращаясь, обнаружил, что следы вели и в сторону. Афоня прошёл и по этому следу, он кончался у большой сосны. И за деревом в метрах десяти соболю приземлился, спрыгивая в глубокий снег. Афоня был не новичок в тайге, но всегда удивлялся, слушая о проделках соболя. Этот маленький хищник всеяден: мышь, бурундук, белка, кабарга, косуля. Не брезгает он и птицей — от синицы до глухаря, часто преследует куропаток и рябчиков. Вечерами в сумерках, затаившись, ждёт, когда осторожные птицы с веток деревьев ныряют в глубокий рыхлый снег на ночлег. А стемнеет, крадётся к лунке, оставленной на снегу, и накрывает беднягу сверху...

Кабаргу соболю скрадывает на тропе, прыгая на загривок сверху, и если жертва не сможет сбросить коварного ездока — загрызёт. Но бывают случаи, когда соболю питается брусничкой. Однажды Афоня видел на снегу «кровавый» след — оставленные крошки разгрызенных ягод, тая на снегу под солнцем, растекаются, создавая впечатление крови.

— Теперь, Петруха, дорога будет легче, — сказал Афоня, — только надо быть осторожней, наледи, полыньи, занесённые снегом, коварная штука... Будем в основном держаться берега...

— Далеко ещё до места? — спросил Пётр.

— До места... — раздумчиво произнёс Афанасий, — только Бог знает. — И перекрестился. — Мы же искать едем. Найдём, дай Бог, тогда будет место... У меня, Петя, большая надежда на китайцев... Эти фазаны на золото нюх имеют... найти их копанки, хоть они их хорошо прячут, дело верное... Главное в нашем деле — удача! Фарт! Бывало всякое: один неделями роет, моет, всё пустое, другой копнёт рядом, найдёт, и богато найдет... Ну, да ладно, однако, собираться надо, ехать надо...

В глубоком мягком снегу и широкие полозья саней не спасали, проваливались до

самого груза. Помогая собакам, кое-как выехали на лёд реки. Вдоль берега за мысками лежали плотные сугробы, сани на них не проваливались. Собаки бежали споро, мужики иногда на ходу вскакивали сзади на полозья.

Здесь река текла в широких пологих берегах. С севера тянул верховец, светило весеннее солнце. На душе было легко, над головами голубое небо. По весёлому бегу собак и весёлое настроение. В этот день до обеда проехали не менее двадцати километров.

Тайга местами подступала к самому берегу, местами отступала и образовывала заливы, теперь засыпанные снегом. В остановку на обед решили достать речной воды. Достали пешню и стали долбить лёд, он оказался более метра. Вода тут же заняла верхний уровень льда. Она была вкусной, и ее охотно лакали собаки, видно, лизать снег им надоело. Чай и варево готовили на речной воде.

Ближе к горам криунов стало больше. На ближних от берега кустах было много мусора, веток, травы, корья. Местами изо льда торчали вывороченные с корнем деревья — топляки. Значит, в большую воду река несет всё, что смоем, бывают и заторы. По отметкам высоты висящего на кустах мусора можно замерять и высоту подъёма воды. Он показал, что её уровень поднимается до четырёх метров. Значит, палатку нужно ставить не ниже пяти метров, чтобы внезапно, ночью, не смыло валом воды.

Всё это подмечал Афанасий, наставляя Петра.

Ближе к горам река текла как по уступам, и это хорошо было заметно у крутых берегов. К вечеру этого дня совсем прекратился ветер, а мартовское солнце делало своё дело. Через два погожих дня с горных склонов содрало снег, и по реке пошла верховая вода. Ночные морозы были слабее, но к обеду проехать по льду на санях было почти невозможно. Двигались берегом, пересекая бесчисленные стекающие ручьи. Днём мужики раздевались до рубахи — было жарко. На ночлег выбирали место на высоких местах, исключая возможность быть смытыми или просто подтопленными.

На пятый день езды по реке решили заночевать, а утром искать место для хорошей, надёжной стоянки, возможно, на долгое время. На лесистом мыске метрах в пятидесяти решили затабориться, здесь было много сухостоя — снималась забота о дровах.

Рядом на двух соснах сделали лабаз для хранения еды. Его устроили метрах в трёх от земли, положив на сучья три жердины двухметровой длины. Для доступа к провизии сделали лесенку, благо, Афоня припас гвоздей и долото. Времени для устройства было много, кругом, куда ни ступи, была вода. Она быстро стекала, ручьи журчали днём и ночью.

Обедая, мужики обсудили вопрос, где и как строить зимовьё. Решено было строить его небольшим, метра четыре на четыре в длину и ширину. Сложить каменку из плитняка на глине. Благо, каменная осыпь была недалеко.

После обеда принялись за заготовку брёвен на стены и перекрытие потолка. Пилили сухостойный листвяк в четверть толщиной, чтобы не тяжело было носить к месту установки сруба. Пятьдесят хлыстов спилили до захода солнца. Едва устроились на ночлег, как стемнело. Ужинали при свете костра. Собак накормили и решили привязать.

Утром расчистили место для зимовья, оно оказалось чуть пологим, выше с северной стороны. Нужно было положить по двенадцать брёвен на каждую сторону стены. В два топора работа спорилась. На оттаявшем солнцепёке внизу у ручья надрали мха, его было много, но были участки, где он ещё не оттаял. Пока Петруха занимался мхом, Афоня рубил дверную коробку, в стойках вырубал пазы и четверти под дверь. Дверь решили делать невысокую, хотя Петро настаивал делать выше, чтобы не сгибаться в три погибели, заходя с охапкой дров. На рубку стен и потолка ушло пять дней. Мелкие жердушки и вершинки годились на потолок и нары. Стропила были из тонких жердей, и каркас для крыши делали плотным. Для кровли пришлось драть кору с тол-

стых ровных сосен, сделав снизу и сверху зубчатый подруб. Соединив эти подрубы вертикальным разрезом, начинали по лубу отделять кору от ствола. До середины она отдиралась хорошо, но северная сторона еще не оттаяла, и приходилось ждать.

В зимовье установили нары и стол со скамейками. У входа справа и слева сделали полки для посуды и ведра с водой. Много времени и сил ушло на кладку печи, каменный плитняк был почти рядом, а за глиной приходилось спускаться к самой реке и носить в мешках и вёдрах. Для котлов делали гнёзда из продолговатых плит, а на ночь их закрывали плоскими плитами.

Две недели упорного труда — и жильё было готово. Теперь собак отпускали, чуть-чуть подкормив, и они убегали на промысел. Не забыл Афоня и про окно. Оно было вырезано между двух брёвен с восточной стороны в метре от пола. Это было старое облешнее зеркало, сколотое с двух сторон. Петруша долго удивлялся, как умудрился Афоня привезти в тайгу такую хрупкую вещь и не сломать. Оказалось, очень просто: когда широкий мешок с мясной мукой был полным под завязку, он воткнул пятимиллиметровую стеклинку, и та вошла, как нож в масло, по середине мешковины. Для сохранности положил мешок на крышку саней. Плотность стен обеспечивал мох, говоря об этом, Афоня, шутя, добавил профессиональную поговорку:

— Кабы не клин да не мох, то и плотник бы издох...

Дверь сделали из трёх плах, вырубив две поперечины ласточкиным хвостом.

Всё было добротно. Потолок заделали мхом, пропитанным глиной; высыхая, та становилась коркой, хорошо прилипшей в щелях к жердям. В лощине недалеко от зимовья после схода снега нашли прошлогодний папоротник, навалили и набили матрацы. На ночь уже раздевались и спали как дома.

Неделю спустя, как накрыли крышу корьем, испортилась погода, пошёл снежок, собаки стали жаться к жилью и суетиться под ногами. Потом усилился ветер и повалил снег, началась буря. Хорошо, запаслись дровами, в зимовье было тепло и светло. К печурке приделали ставец, куда защемляли лучину. За стенами зимовья бушевала буря, влзлаивали собаки, а в зимовье была благодать. Пётр открыл дверь и позвал молодого кобеля по кличке Соболька. Все собаки собрались у двери, но вбежал только он. Другие просто виляли хвостами, выпрашивая еду. Афоня принёс каждой собаке по рыбине и дал каждой в рот, чтобы не было драки. Собольке тоже дали, он ел и ворчал. А когда Петро хотел его приласкать, он рыкнул и чуть не цапнул за руку. Поторчав немного в тёплом зимовье, Соболька сначала улёгся у двери, а потом стал скрести дверь, просясь на улицу. Афоня открыл ему дверь, проговорив:

— Не надо приучать его к теплу.

Заговорили о делах.

— Я попробовал сегодня грунт, — сказал Афоня, — только на полштыка оттаял на солнышке, а в северах и того меньше.

— Чо, может, рано приехали? — спросил Пётр.

— Рано? А кто бы за тебя строил зимовьё? А как бы мы ехали сюда — пёрли по воде? Да, вот эта непогода даст ещё столько воды, скорее бы кончилась. Вот завтра я наметил пройти по берегу до ближней сопки и посмотреть копанки, ямки, затёсы, не трогал ли тут кто грунты, нет ли намытых отвалов. Но погода всё испортила.

Решили по случаю окончания строительства зимовья развести немного спирту. Кружечку на двоих. Ну и еду, соответственно, а в зимовье не оказалось сала. Пришлось из зимовья брать лесенку и лезть на лабаз. Афоня предупредил Петра, чтобы оделся как следует.

— Я быстро, знаю, где оно лежит, сам завязывал, — и выскочил из зимовья. Пока развязывал мешок и доставал сало, снег сплошной коркой облепил спину, шею и волосы. Когда он вернулся, Афанасий всплеснул руками. От спины отвалился слепок снега в ладонь толщиной.

— Ну, брат, ты молодец! Тебя не просквозило, часом? Болеть тут, Петруха, негоже. Ну, давай к столу, спиртиком по снегу...

Выпили, закусили солёным салом, ели вкусную похлёбку из вяленого мяса и перловой крупы. Съев по приличной чашке, выпили по второй и снова закусили салом. Котёл с чаем стоял на краю печурки, исходил ароматом. После спирта он пился с удовольствием. Афоня, глядя на Петра, как он пьёт большими глотками, сказал:

— Пей до седьмого пота, чтобы не захворать. Продуло тебя, видно, здорово! Садись к печурке, прижмись спиной, прогрей её.

Петро повиновался, поставил низенький чурбак к самой печурке и сел, прихлёбывая ароматный напиток. Афоня, глядя на Петра, решил ещё развести немного спирту, пока не запоет, — подумал о нём. Тот стал отказываться:

— Хватит. Больше не буду.

Но Афоня настоял:

— Петя, дорогой, это для твоего здоровья. Спирт при простуде первое средство, всё нутро прогреет... И чайком лучше с сахаром, горячим, сколько можешь терпеть. Пропотеть нужно как следует.

Заготовленные и замороженные ещё в январе пельмени были незаменимым продуктом при таёжной работе и в дороге. Зачерпнув снега, растопил на огне, в котёл с кипятком кинул пригоршню-две пельменей — и через пять минут они закипают. Если нет котла для чая, берут снега больше и, съев пельмени, пьют пельменный бульон — и вкусно, и сытно.

— Завтра, наверное, пельмени нужно доесть, а то растают, — сказал Афанасий.

Выпили разведённый спирт, снова закусили салом.

— Петя, ты прогрел спину-то? — спросил Афоня. — Может, споём?

У Петра сверкнули глаза. Оказывается, этот в быту спокойный и молчаливый парень очень любил песни. Но не просто песни, а русские, раздольные, песни русского народа, которые не умирают... Где история сливается с удалью, героизмом и лирикой. Короче, где раздолье удалое, где сердечная тоска. Окромя песен о Байкале, его любимыми были: «Из-за острова на стрежень», «Ревела буря, гром гремел», «Вот мчится тройка почтовая», «Среди долины ровныя», «Хасбулат удалой», «Когда б имел златые горы». Афоня любил слушать, а иногда подпевать песни, которые знал.

— Кто тебя научил петь, да ещё и такие песни? — спросил Афоня.

— А помнишь, у нас в старой дедовой мастерской жил поселенец-каторжанин, да ты его знал, два года назад помер. Так он жил тихо, как мышь, а песню любил, пел задушевно и меня научил. Говорил, что песня — душа народа. Бывало, после баньки пропустит рюмочку — больше не пил, и распоётся, прелесть. Голос у него был не сильный, но душевный. Моя бабка говорила, что его голосом ангелы поют. Она даже плакала, когда он о любви несчастной пел, о сиротстве, о бедности. Особенно здорово получалось некрасовская «И зачем ты бежишь торопливо...».

Любил и солдатские, маршевые: «Солдатушки, бравы ребятушки». Красиво и торжественно исполнял «Варяга» и «Не вейтесь, чайки, над морем» — только чурбан мог не прослезиться, слушая его. Ещё любил казачьи песни, особенно одну: «Скакал казак через долину, кольцо блестело на руке», «Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село». Этой песней обычно заканчивал пение, навзрыд допекая последние слова: «Горе-горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...»

Поселенец за революцию до Зеи в кандалах пришёл. Определили ему вечное поселение в Сибирь. Письмом просил любимую девушку приехать к нему, но она отказалась. Так он остался бобылём на всю жизнь. После революции съездил на родину, но вскоре вернулся. Родители умерли, а его любимая вышла замуж и родила кучу детей. Муж оказался непробудным пьяницей. Семья жила в нищете. Он просил её поехать с ним, но она отказалась:

— Куда я с такой обузой?

Жить на родине не захотел, тянула далёкая и ставшая родной Зея. Тут было всё добротно, по-русски. Зимой мороз под шестьдесят градусов, летом жара под сорок. Помидоры на корню поспевают, кукуруза в початки выходит, картошка по кулаку. Охота, рыбалка и край привольный, и народ лучший в России, хоть и каторжный. Так объяснял поселенец, Иван Степанович, свою любовь к Зее.

— Бывало, как останемся одни, — продолжал Петр, — Иван Степанович меня всему учил: читать, писать, и все песни у него выучил. Нужный для жизни был человек.

— А что, так неженатым и прожил всю жизнь?

— Нет, жил с одной солдаткой. Мужа у нее на войне с японцами убили. Осталось двое ребятишек: Вася и Катя. Так он больше этих ребятишек любил. И всему учил, они в нём души не чаяли. А потом кто-то из родственников позвал эту солдатку к себе. Вася с Катей не хотели уезжать от Ивана Степановича, да и ему они роднее родных стали. А дело глубокой осенью было. Говорит ей, поезжай, посмотри, что к чему, понравится, я их тебе сам привезу. Она не послушалась и уехала с орущими детьми. Он говорил, что ор до сих пор в ушах звенит, так он любил этих чужих ему детей. Уехала — и ни слуху ни духу. Не выдержал, он знал адрес, куда она поехала, это где-то под Читой. Оказывается, она по дороге простудилась и заболела скоротечной чахоткой. Её в больницу, а ребятишек в приют. Через два месяца она умерла. Погоревал на её могиле, а из приюта детей чужому человеку, конечно, не дали и даже адреса не сказали, где этот приют-детдом. С тем и вернулся Иван Степанович в Зею доживать век.

Так и проговорили мужики до полуночи. Потом ещё вскипятили чайку и завалились спать. А пурга продолжалась до обеда другого дня. Мужики в душе радовались, что вовремя успели со строительством зимовья. Ветром заворотило один лист корья, прорвался крайний гвоздь, и пока не сорвало совсем, решили прибить через тонкую жердинку, пропустив её по стропилине.

Зимовьё прошло испытание на непогоду. Ещё день вынужденного безделья решили использовать на починку одежды и приготовить инструмент к работе. К лопатам изготовили запасные черни, проверили состояние лотков, осмотрели ичиги и верхонки. Все было добротно. Для продуктов решили выкопать ямку в самом зимовье в углу под нарами с северной стороны, там хранить сало и солонину. Отдельно сделали полку для соли, сахара, чая, спичек. Ямку выкопать не удалось, земля оттаяла только на штык лопаты, а так как в зимовье было тепло, то к вечеру успело оттаять ещё на полштыка. Пельменей оказалось довольно много, и некоторые уже слиплись. Немного решили сварить собакам. Устроили скрадок для спирта под самым срубом, привалив большим плоским камнем.

На обед сварили пельменей, пили чай с сахаром. После обеда улеглись и поспали. Проснулись уже вечером. Собак у зимовья не было. Вдалеке вверх по распадку слышался их лай. Афоня прислушался, лай был дружный, яростный.

— Неужели зверя держат? — спросил он у Петра. В голосе зазвучали азартные нотки. — Точно, держат!

Афоня мигом метнулся в зимовьё и тут же выскочил с двустолвкой, на ходу засовывая в стволы патроны.

Но бег по глубоком снегу становился всё тяжелее. Несколько шагов бегом, и вот — охотники уже идут шагом, и опять бегут. Но вот уже близко, через плотный осинник видны мелькающие контуры собак. Ещё несколько шагов — и смутно угадывается силуэт покрытого белой шерстью загнанного животного. Опустив рога вперёд и вниз, прерывисто дышит зверь. Афоня выцеливает сквозь ветки — стреляет. Раздаётся хлёсткий сухой звук выстрела, и, почти сливаясь, звучит дуплет.

С востока медленно наползали сумерки. Пока погрузили, обрезав по колено ноги

оленя, и привезли к зимовью, почти совсем стемнело. Шкуру снимали при лучинах и свете печурки в зимовье.

— Этого оленя, нам, видно, сам Бог послал, — сказал Афоня. — До гнуса и мухоты ещё, считай, полтора месяца, мясо хорошо проявится, глядишь, и собак жрать не придётся...

Сняли шкуру, разделили на шесть частей тушу и разложили охлаждаться на лабаз — подальше от собак. Вырезали большой кусок от задней части и поставили в котле варить. Свежее мясо приятно пахло дичиной.

Свеженину решили обмыть спиртком. Духмян от варева возбуждал аппетит, хотелось скорее сесть за стол. Мясо нужно было варить подольше, но терпежа не хватало. Афоня вытащил большой кусок из котла, нарезал ломтями и немного посолил. Выпили. Петруша предусмотрительно приготовил остывшего чаю и запил. Афоня же решил заесть свежим мясом. Оно было ещё очень горячим, он жевал кусок, отрезая у самых губ. Петро так не умел. Он долго жевал, и чем дольше он это делал, тем больше его становилось во рту. Но потом приспособился: нарезал предварительно мелкими кусочками, и, остывшее, оно хорошо шло...

— Что-то часто мы с тобой, дядя Афанасий, разводим спирток, так на другие дела не хватит, — сказал Петро.

— А, может, поэтому у нас всё ладится, что мы всегда благодарим хозяина этих мест, при обмывке не забываем. Ты видел, что после каждой кружечки я брызгаю на стол?

— Раз видел, но не придавал значения, — ответил Пётр.

— Но так знай, главное — не эта капля, а то, что мы помним о нём.

Ужин получился отменный, и выпили ещё не раз, по малой. Петро заливался соловьём: пел песни и романсы, и все из русского репертуара. Особенно тронула душу Афони песня о судьбе красавицы-певицы: «Она соперниц не имела, подайте милостыню ей...» Вздохнув, Афоня обронил:

— Да, судьба — коварная штука.

Петро тут же запел о судьбе Наполеона: «Шумел, гремел пожар московский, дым расстилался по реке... Судьба играет человеком, она изменчива всегда. То вознесёт его высоко, то в бездну бросит без стыда...»

До полуночи звучали песни в зимовье. Утром у Афони болела голова, он вздыхал и охал. Петро был как огурчик, и никакого похмелья ему не требовалось. Попивал чаёк с сахаром и с сочувствием смотрел на Афонию.

— А у меня, дядя Афоня, к этому делу один подход — я когда выпиваю, мне хочется петь. Когда поёшь, нужно вспоминать слова — память не велит больше пить, а с дыханием вылетает хмель. Поэтому я из любой гулянки прихожу трезвым.

До обеда разделявали куски туши на ленты в палец толщиной, складывали в вёдра и просаливали, развешивали на вешала. Работа была лёгкая, но пришлось повозиться до вечера. На зимовье под самой крышей постоянно чувствовалась тяга воздуха. Со свисающего шпагата и лент мяса капал рассол.

— При хорошей погоде через неделю мясо будет готово, — сказал Афоня. — Вот что-то надо придумать, чтоб отгонять птиц, они ведь от солёного гибнут. Скоро появятся поползни, синицы, дятлы и прочая живность, запах мяса всех соберёт. Собак придётся оставлять привязанными сторожить зимовье и что на нём.

— Всех, что ли? — спросил Петро.

— Ну, хотя бы двух, по углам, чтоб к двери не пускали и от стены отгоняли, — ответил Афоня.

Выпавший в бурю снег солнце слизнуло в один день, но осталось столько мокроты и добавилось верховой воды, что поток по реке был по колено, бурлил по всем ручьям и протокам.

Старатели все это время готовились к работе. В зимовье, у северной стены, выкопали подполье, набили его старым зернистым снегом, утоптали. Приготовили две плахи на западню и надрали мха, плотный слой которого должен был изолировать от тепла и сберечь продукты.

— Господи, благослови! — сказал Афоня, переступая порог зимовья. Это было необыкновенное весеннее утро. Он перекрестился широким православным крестом, высоко поднял голову, глядя на голубое небо. Из-за горы выкатывалась солнце, оно слепило глаза и уже с утра пригревало. Афоня шёпотом бормотал «Отче наш» и просил удачи в первый день разведки.

Цель похода — разведать, не бывал ли кто, не мыл ли прибрежные пески, посмотреть обрывы, обнажение у впадающих в реку ручьёв. Решено было идти налегке, взяв на день еды, лопаты, лотки, котелок для чая, спичек и кусок брезента в случае непогоды. У зимовья оставили двух молодых собак, привязав к ближайшим от зимовья деревьям. Двух взяли с собой. Собаки уже не грызлись — привыкли, и сразу убежали вперёд.

Правый берег был высокий, обрывистый, местами с осыпями, которые тянулись на полкилометра. Пройдя километра два, у устья небольшого ручейка увидели старые копанки. На утоптанном берегу и тропинке были видны куски глины и песка, уже размытые непогодью.

— Видишь? — обратил внимание Петра Афоня. — Пробовали, может, и нам попробовать?

Он снял с плеч понягу, раздёрнул шнур, достал отшлифованный из красноватой лиственницы лоток. То же сделал и Петро.

— Помоги, Господи!

Афоня тремя усилиями срезал дёрн рядом со старой ямкой. Первая лопатка грунта была положена в лоток. Затаив дыхание, Афоня, держа лоток как драгоценность, подошёл к берегу и опустил в струящийся ручеек. Вода была холодной, и руки в одно мгновение приобрели цвет лотка, но Афоня будто не замечал, что стало с руками, не замечал и холод воды, он священнодействовал...

Разминая между пальцами глину и взмешивая песок на глубокой впадине лотка, осторожно смыл муть от растёртой глины и песка, поставил лоток на землю и лёг, разглядывая песчинки, которые остались в лотке. Вдруг он опрокинул лоток и повернулся к Петру:

— Ну, что не моешь?

— Сейчас, дядя Афоня, — сказал тот. И повторил всё, как делал Афанасий. Результат был тот же.

— Давай, Петя, пообедаем, — предложил Афоня и, как бы продолжая ранее начатый разговор, сказал: — Это какое должно быть везение, чтобы с первого лотка найти хоть блёстку металла?!

Развели костёр, вскипятили воды. Афоня поднялся к опушке леса, с ним убежали собаки. Он вскоре вернулся с веткой прошлогоднего иван-чая и пригоршней ягод шиповника. Аккуратно собрав листья, он отправил все в котёл вместе с ягодами и тут же снял его с огня. От варева тянуло еле уловимым запахом ягод и травы. Ели холодное, ещё вчера сваренное мясо оленя, сердце и печень. Куски лёгкого отдали собакам. С удовольствием пили таёжный чай, а после обеда прикорнули под тёплыми лучами весеннего солнца.

Сон был сладким, но недолгим. Собаки с лаем кинулись в лес и разбудили мужиков. До конца дня Афоня с Петром ещё три раза брали пробы, но всё неудачно. Вернулись к зимовью с первой звездой. Ужин готовили не спеша. Сварили котёл домашней лапши с олениной впрок, чтоб утром только подогреть.

Афоня спросил Петра:

— Может, обмоем начало?

— А чего обмывать-то, лотки-то пустые, — ответил Петр. — До первой песчинки не надо... — А потом обернулся к Афанасию, спросил: — А что, дядя Афоня, может, правило такое — первый день обмывать и просить хозяина об удаче? Тогда можно, или даже нужно!

Афанасий согласился и развёл помаленьку. Спирт и холодное сало из подполья с устатку прошли как по маслу.

Потом Афоня велел Петру нагреть большой котёл воды. Когда она нагрелась и стала слегка парить, сказал:

— Попробуй, рука терпит или нет? — И, не дожидаясь Петра, опустил руки в котёл. — Давай и ты лечись от холодной воды, — посоветовал он. — А то, как ночью заломит, места себе не найдёшь. Все золотари страдают, судороги тянут, все суставы болят, хоть криком кричи. И ноги шибко болят, если стоишь в холодной воде. Ревматизмой зовут, ведь есть лекарство — горячая вода, не ленись — грей ноги и руки.

Вода медленно остывала, и руки вытащили, когда стала тёплой.

Спали после первого похода крепко. В зимовье было тепло, поначалу даже жарко. Утром Афоня увидел мёртвую синичку. Видно, наклевавшись солёного сала с вяленной оленины, бедняга околела. Он позвал Петра и показал первую жертву. Петро аж расстроился:

— Это что, так каждый день будет, пока висит это мясо? Может, повесить чем-нибудь, чтобы они не доставали?

— Можно повесить сетью, — обрадовался догадке Петра Афоня. — До рыбалки ещё далеко, и сеть послужит.

Афоня достал из своего мешка небольшую ельцовку в десяток сажней. Натянули её вдоль вешалов и подвязали снизу, чтобы птицы не подныривали и не садились на мясо.

Чем упорнее наши старатели мыли пески, тем неумолимей от них увёртывалась удача. Уже была середина мая, становилось тепло, и мужики вечерами перестали лечь в горячей воде руки, но ни крупинки, ни чешуйки золота не было ни в одном лотке. Продукты таяли, как льды на берегу реки. Конечно, большим подспорьем была вяленая оленина и рыба, которую хорошо ловили ельцовкой. Работать приходилось много — стали бить шурфики. Подрывали и брали пробы у больших валунов. Вечером очень болели руки, и очень хотелось есть. Даже в уху стали добавлять заправку из мясной муки. Варёво получалось сытным и вкусным.

Верстах в пятнадцати от зимовья по правому и левому берегам реки работали мужики. Кровавые мозоли сменились трещинами на ладонях. По три пары верхонок изнашивали до основания. С упорством одержимых трудились старатели.

Уже не одно утро заставлял Петро Афоню молящимся. Обычно он стоял на коленях, подложив под ноги старый дождевик, и бил земные поклоны. Пётр, обозрев всё вокруг, описал словами старой песни: «С травы росой он умывался, молился Богу на восток». Афоня продолжал молиться и только стал произносить слова громче:

— Пресвятая Дева Мария, святая Варвара-великомученица и ты, Николай Угодник, помоги рабам своим, рабу божьему Афанасию и рабу божьему Петру.

Потом, поднявшись с колен, перекрестился и сказал:

— И тебе, Петя, помолиться бы не помешало. Все на этой земле от Бога и его верных слуг — ангелов. Услышат твои просьбы — помогут, все дела пойдут по-другому.

Уже кончился четвертый месяц, как покинули старатели Зею, но поиски были тщетны. От устья до истока они проверили четырнадцать ручьёв и речушек. Брали

пробы, мыли очень аккуратно, отвалов не оставляли, возвращая всему первоначальный вид. Афоня тщательно следил за Петром, чтоб не оставлял никаких следов, какие остаются после проб старателей. Сам разметал и завалил ямки, и шурфики зарыл, заложил дёрном.

Вечером этого дня, который тоже не дал ничего, за ужином, коснулись темы о молитве. Афоня предложил Петру утром помолиться вместе на восходе солнца.

— Да я и молиться-то не умею. Из нашей школы выгнали попа, преподававшего Закон Божий, и всем ученикам сказали, что Бога нет. Вскоре все школы стали безбожными, а ученики — безбожниками. Лбы не крестим, молитв не читаем, даже старики забыли «Отче наш».

Афоня задал Петру вопрос:

— Петя, а сколько ты знаешь вер на земле?

Петя, как послушный ученик отвечал:

— Русская — православная. Китайцы молятся Будде. Татары — пророку Магомету. Орохоны — своим идолам...

— Так значит, все на земле верят в Бога. И если сто или тысяча еретиков скажут, что Бога нет, разве он от этого перестанет быть?

Утром Петро встал вместе с Афоней и вышел из зимовья, так же, как и Афоня, он встал на колени, подложив верхонки. Услышав нарочито громкий шёпот наставника, крестясь, прочитал «Отче наш». А дальше начались просьбы к Пресвятой Деве Марии — матери сына Божьего, Иисусу Христу — сыну Божьему, самому Создателю Мироздания, Николаю Угоднику, Варваре-великомученице и в завершение обращение к святому Пантелеимону и святому Антипию, чтобы послали им здоровья. Поднимаясь с колен, истово крестясь, шептали:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Аминь.

Так начали этот день старатели. С утра было пасмурно, но без дождя. Мужики спустились версты на две к устью еле заметного ручья, по замечанию Афони, плохо проверенному.

Был уже конец июля, вода утрами стала холодной. Но Петра как будто подменили. Он с желанием вытащил лотки, поставил под лопату напарника, перекрестился со словами: «Господи, благослови!» Лоток был полный, Петро осторожно, как будто боясь разбить что-то хрупкое, понёс его к воде. За небольшим камнем, где завихряло, он поставил лоток на дно. Горка грунта оказалась на ладонь выше уровня потока, но стала быстро размываться. Петро опустил руку в лоток и привычным движением стал раздавливать податливые кусочки грунта и гонять его по ложбинке лотка. Вдруг что-то твёрдое попало под средний палец и глухо скребнуло дно лотка. На миг у Петра замерло сердце, он успокоил его и задышал ровнее. Дресвы и камней в грунте не было, а это напоминало крошево камня. Он снова опустил руку на дно лотка и там же нащупал камешек. Терпения больше не осталось. Петя большим и указательным пальцем взял тот маленький предмет, вытащил из мутной воды и положил на ладонь левой руки. Петя никогда не видел золота. В неярком свете пасмурного дня этот камешек как-то неясно блеснул. Петро потёр его указательным пальцем по ладони, и он стал чуть светлее. Афоня, видя, что Петра что-то заинтересовало, медленно подошёл к нему, как будто крадучись, боясь что-то спугнуть. Петя повернулся к нему, показывая на ладони кусочек с полгорошины. Спросил:

— Это оно?

Афоня молча взял с ладони этого «клопа» и положил на зуб, не разжимая пальцев. Что ощущал при этом Афанасий, Пётр не знал, но радость в глазах и растягивающиеся в улыбку губы — всё показывало: то, что они искали вот уже пятый месяц, — найдено!

Вот и первое доказательство того, что и на левом берегу Зеи есть золото! Афоня завернул «клопа» (это название как-то само прилипло) в платок и завязал его двумя

узлами, положил в правый нагрудный карман толстовки. Потом почти шёпотом сказал Петру:

— Давай ещё там попробуем...

Ещё двенадцать лотков промыли в тот день мужики в этом месте, но всё было пусто.

Но неудачи не могли затмить тот момент радости, первой почти за полгода труда удачи. В этот день они старались до обеда. Вернулись в зимовьё, сварили сытный обед, выпили за первый успех — за «клопа»!

— Теперь, — мечтательно начал Пётр, — найти бы местечко, которое оправдало бы все наши надежды и немного окупило наш немалый труд.

— Ты, Петро, правильно сказал — «окупить наш труд».

После обеда мужики прилегли уснуть, но слишком велико было и событие дня. Петруха, поворочавшись, уснул, а Афоня так и не вздремнул. Он решил проверить все съестные запасы, чтобы знать, на сколько дней рассчитывать работу и когда возвращаться. На обратный путь, по его подсчётам, потребуется неделя.

Если сделать небольшой плот и спуститься на нём по Дёпу до Зеи... Солонины и оленины было на три варева. Сала оставалось на месяц. Солёной рыбы — собачьей еды, если есть самим — на неделю. Мясной муки — на месяц, почти полмешка, а при упорном труде и того меньше. Осталось немного сахара, чаю и крупы. Спирту оставалась одна солдатская фляжка. И была радость — ещё полпуда сухарей.

И это при бережном отношении могло обеспечить сытое возвращение домой. Собаки уже давно не видели от приискателей ни рыбы, ни корки хлеба, они кормились тайгой.

Место, где нашли «клопа», было в двух верстах от зимовья, и до места старания оставалось ходить и ходить...

Август с ясными солнечными днями миновал, а наступивший сентябрь отметился первым инеем. Утрами промывать грунт было прохладно, и Петро предложил Афанасию поблизости от ручья разводить костёр и после очередного лотка греть руки. Афоня совет очень понравился, дров было много, на берегах лежали упавшие сухостоины и наносник.

После находки «клопа» прошло две недели, и мужики решили на обед к зимовью не ходить, а брать с собой сало и сухарей. После обеда прилегли отдохнуть, и Афоня сразу уснул. Этот сон он запомнил до мельчайших подробностей.

Ему приснился дом, и жена сняла с него приискательскую рубаху. Она сняла с него то, что было трудно назвать-то рубахой, и поставила её рядом с деревянной ванной, и она стояла. Затем ему приснилось то место, где они старались до обеда. Увидел, что к нему подошел седобородый старец (по старинным иконам он узнал Николая Угодника). Первое, что он запомнил, что встал на колени и протянул руки к святому, даже сонный он вслух обратился:

— Пресвятой Николай Угодник, ради Господа Бога, помоги рабам своим в их многотрудном деле!

Николай Угодник показал на одну рядом с ручьём стоящую берёзку и сказал:

— Попробуйте поискать возле неё...

Угодник повернулся спиной к Афоне и стал удаляться. Афоня тут же проснулся. Он без труда узнал берёзку, на которую показал святой. Нежно, с потаённой надеждой смотрел Афоня на берёзку. Разбудил Петра, поправил костерок, повесил котёлочек с чаем. Выпили по кружке с душистым кипреем.

— А теперь, — обратился Афоня к Петру, — пойдём со мной посмотрим, что это был за сон.

Загадочность разговора насторожила Петра. Он тоже видел сон, но тут же забыл.

К берёзке подходили спокойно, как бы крадучись. Афоня обошел её вокруг и, обращаясь к ней, шёпотом стал просить прощения:

— Мы покопаем возле тебя, и если нам повезёт, всё восстановим, как было. Чтобы ты росла, как прежде.

В метре от деревца он стал копать. Четырьмя движениями лопаты он вскрыл дёрн. Потом, копнув глубоко податливый грунт, вынул лопату с супесью и положил в свой лоток. Затем, углубившись, достал ещё лопату и положил в лоток Петра. Оба, чуть дыша, подошли к ручью для промывки. В первом лотке у Афанасия оказался маленький плоский самородок, величиной с таракана, и ещё какие-то бесформенные песчинки. У Петра в лотке было три «клопа» разной толщины и длины, ещё крошки.

Афоня не верил глазам своим — «таракана» он уже дважды пробовал на зуб, ошибки не было — в лотках было золото. У Афони текли слёзы радости и даже закружилась голова. Он сел у лотков и закрыл глаза. Потом проворно встал, посмотрел на солнце и горизонт, до захода оставалось часа три. Петру сказал:

— Ну, давай посмотрим, что там дальше будет.

В каждом лотке были крупницы желанного металла. До заката солнца они намыли около трети кружки. Ликовали тихой радостью мужики, идя к зимовью. На костре вскипятили воды и заварили мясной муки, нарезали сала и развели спиртику. Петя до первого глотка был немногословен и сдержан. После хорошей закуски пришло желание ещё выпить, но когда Афоня стал разливать по второй, Петро попросил его плеснуть ему один глоток.

— Что ты, Петя, такая удача, грех не обмыть, — сказал Афоня.

Петро выпил, запил водой. За вечер не было произнесено ни единого слова о золоте. Петю Петру не хотелось. Пили крепкий чай с сахаром потихоньку, разговаривали о мелочах, об изношенных верхонках, штанах и рубахах. О том, что чай кончился, а сахару осталось два куска. Молодой старатель устремил глаза на пламя костра и о чём-то сосредоточенно думал, иногда беззвучно шевелил губами. И вот обратился к Афанасию:

— Дядя Афоня, неужели это молитвы?

Тот не спешил с ответом, допив оставшийся в кружке чай, ответил вопросом:

— А как ты думал? Любое дело идёт от Слова Божьего и его благих пожеланий. Попросили его святых угодников послать нам удачу, и, услышав наши мольбы, святые осчастливили. Давай, Петя, хорошенько выспимся, дал бы Бог доброй погоды, чтобы работа шла.

Мошкара с приближением осени сильней донимала таёжников. Запирать двери зимовья не хотелось, и лежать на нарах было неважноту. Петро решил избавиться от гнуса: он наравал свинячьего багульника, приличный веник, выдержал его минуты три над костром. Просохшие листья и ветки вспыхнули. Петро в два прыжка был в зимовье и, размахивая им по всем углам, окуривал обитель. В темноте тлеющие концы веток высвечивали замысловатые узоры. Дурманящий запах заполнил зимовьё.

Афоня как будто спал, почувствовав запах багула, предупредил:

— Петя, не зарони искру в сухой мох — сгорим.

Веник, положенный на печурку, продолжал чадить. Афоня похрапывал, вскоре уснул и Петро.

Утро было прохладным, но инея не было. С высоты зимовья вся долина речки была затянута молоком тумана. Завтракали молча. Только когда пошли на место, Афоня спросил:

— Спички-то взял? Однако придётся костёр жечь, вода холодная.

— Взял, — ответил Петя и прибавил шагу.

До обеда работа спорилась. Старатели и не заметили, как пришла пора обеда. Сало ели с размоченными сухарями, пили горячий лесной чай с шиповником и смородиновым листом. Допив кружку чая, Петро потянулся и громко сказал:

— Хорошо-то как, Господи!

Этим он выразил всю радость происходящего. Афоня, понимая истинные чувства молодого парня, упрекнул незлобно:

— Не тревожь Господа всеу.

Работали опять до сумерек. У Афоня было приготовлено два кожаных мешка. Высыпав туда всё добытое, получили полмешка. Скрывая восторг за нахмуренными бровями, Афоня перевёл разговор на другое:

— Как жалко, еды мало, а то бы ещё до ледостава можно было бы стараться.

— Что? Возвращаться снова тайгой по чернотропу... А я думал, до Зеи на плоту, одно удовольствие, — протянул Петро и обратился к Афанасию: — Дядя Афоня, а сколько нужно взять «его»?

— Петя, такая удача бывает один раз в жизни, значит, нужно взять столько, чтобы хватило на всю жизнь. Это по пуду или по два на брата. Времена пошли тревожные, будут хлопоты и по сбыту, но это дело второе, главное, добыть, — закончил Афоня.

А у Петра в ушах стояла одна фраза: «Вернуться богачом...» Это так поднимало настроение парня, что молчание сменилось песнопением, то ли жила пошла богаче, то ли работа пошла лучше — на третий день намыли полторы кружки. Радости не было предела. Душа приискателей ликовала, хотя внешне они выказывали полное спокойствие, кроме песен Петра, которые тоже были печальными:

— По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах...

И другая: «Тропой неведомой, глухою, сибирской дальней стороной...» Афоня невольно впадал во внутреннюю весёлость Петра и как мог подпевал. Работа кипела, иногда она прерывалась, когда в лотке оказывался особый по форме кусочек металла. Тогда работу на минуту бросали и вместе разглядывали находку.

Только неделю стояла добрая погода. В тайгу пришла золотая осень. Пошли затяжные дожди, резко похолодало. Временами с дождём пробрасывал снежок, а утром на просини осеннего неба забелели дальние гольцы гор. В непогоду сидеть в зимовье не хотелось. Руки сами тянулись к лоткам и лопатам. На второй день ненастья, после обеда, пошли к выборке грунта, пренебрегая дождём. Речка была на прибыли, и ручей, в котором промывали грунт, вздулся и местами выходил из берегов.

В яме, где брали на промывку, суглинок намок и брался легко, но был тяжелее. Намокшая глина быстро размазывалась потоком, только вода была очень холодной. Руки требовали сугрева. Кое-как разожгли костёр, и дело пошло. Афоня работал как машина, не обращая внимания на холод, а голова думала о дальнейших действиях.

Нужно было заготовить не менее пяти брёвен из сухостоя для плота, найти плоского плитняка под костёр на плоту. Необходимо где-то устроить тайничок для надёжной перевозки металла, в пути бывает всякое, чаще со старателями случаются беды, когда они возвращаются домой. Их подкарауливают, выслеживают, а узнав, что есть золото, убивают. Значит, нужна собака, чуткая, как Соболька, да и другие не помешали бы в пути, в крайнем случае, сгодятся на варево, чего, конечно, делать не хотелось.

Мужики здорово обносились, и в таком виде вернуться в деревню было неприлично. От штанов осталась опушка с ремками и карманами. Хорошо, что не забыли взять запасные.

Оба кожаных мешка были полными. Гордостью наполнялось сердце, когда берёшь такой мешочек и пробуешь на вес. Можно сделать тайничок в одном из брёвен плота, но кто знает, как будет спокойна река. Так, обдумывая обратный путь, не заметили, как стемнело. Возвращались уставшие, но довольные.

Афоня увидел, что рядом с их тропой перелетают рябчики. Назавтра решили взять

с собой ружьё. Да и вообще, оно постоянно должно быть с собой. Теперь они не были «пустыми», а осторожность от недобрых людей всегда нужна. Хоть место, где они стараются, далеко от жилых мест, но всё равно, бережёного Бог бережёт.

В ночь небо вызвездило, и утром был мороз, вода в котле замёрзла. Афоня ночью подтапливал печь. Петро спал не просыпаясь, только когда в зимовье стало тепло, дрыгал ногами, сталкивал с себя шубу, которой оделся, ложась спать. Утром, спускаясь до своего ручья, Петро поскользнулся на оледеневшем корне, больно ударился коленом, но, хромя, дошёл до ручья.

Афоня был обеспокоен здоровьем Петра и принялся лечить, благо, он знал, как это делается. Сначала разжёл костёр, нагрел в котле воды, вымыл колено, обложил мхом и листом бадана, замотал тряпицей — гачей от изношенных штанов.

— Полежи спокойно, даст Бог, пройдёт, — проговорил он шёпотом.

Ободняло, лёгкий ветерок унёс клочья тумана вниз по реке. Соболька был при Петре, а три другие собаки, не привязанные у зимовья, убежали в тайгу на поеть. До слуха донёсся еле слышный собачий лай, но Соболька, лежавший у ног хозяина, вскочил и понёсся вверх по ручью. Лай становился слышнее. Афоня кивком показал Петру на ружьё. Яростный лай приближался, и стало понятно, что собаки кого-то гонят.

Прошло несколько секунд, и на чистом берегу показался секач, за ним самка и два поросёнка. Собаки едва успевали за табунком. Вдруг метрах в сорока секач резко затормозил, наверное, увидев пламя костра. Табунки сгрудился около него. В это время прогремел выстрел. Петро стрелял по куче, не целясь. Кабан кинулся влево от ручья, за ним остальные. Петро, забыв о больном колене, кинулся к месту, где только что была кабанья семья. В стороне от ручья, метрах в тридцати, собаки окружили раненого поросёнка. Соболька держал его за заднюю ногу. Петро, выбрав момент, чтоб не зацепить собак, сделал второй выстрел.

Убитый поросёнок оказался самочкой, пуда три весом. Злые и голодные псы, несмотря на пинки и окрики хозяев, кидались на жертву, когда её за задние ноги волокли к костру. Афоня вспорол живот поросёнка и выпустил кишки. Собаки тут же растащили их в разные стороны. Петя укоризненно посмотрел на Афоню и сказал:

— Надо бы сначала опалить, костёр вон какой!

Афоня как будто не слышал его, отрезал уши, хвост и две задние ноги, которые были уже покусаны собаками.

Теперь собаки не мешали, и Афоня, по-хозяйски засучив рукава, орудовал ножом. Он опять сиял от радости, отрезал куски печени, ел сам и заставлял есть Петра.

— Ешь, Петро, набирайся силёнок, они нам ещё пригодятся.

Отрезал куски лёгкого и бросал собакам. Поворачивая над костром, опалили спину и бока. У разрезанного живота редкую щетину опалили, накалив пешню. В котле кипело вкусное варево. Слой сала на туше был тонкий, но мясо было вкусным, нежным и варилось недолго. Петро даже не вспомнил про свою больную ногу.

Все мрачные мысли о голодной обратной дороге отпали сами собой. Надо было только сохранить мясо. Накормленные собаки спали тут же у костра.

А старателям было не до сна, Петруха даже жалковал, что с этой свинёшкой потеряли столько времени, говорил он, улыбаясь, смотрел на Афоню. Вода в ключе после обеда значительно теплее, и не нужно было греть руки у костра. Теперь каждый старатель ссыпал добытое в свою кружку, не отрываясь на разглядывание оригинальных кусочков. Только единожды к вечеру отвлеклись, самородок походил на человека с рыбьим хвостом. И разглядывая «русалку», обратили внимание, что уже темнеет.

Ещё нужно было утащить в зимовье мясо, разделать и просолить. Солониной заняли два ведра и котёл, мясо уложили на бадановые листья и обложили мхом, добавив соли, заложив дёрном. Вёдра с посоленным мясом убрали в подполье. Снег там давно растаял, но было значительно холоднее, чем в зимовье. Влить под крышей на

зимовье было рискованно. Одна зелёная муха могла отложить столько яиц, что за одни сутки поползли бы опарыши. Западно над подпольем затянули брезентом и двумя плащами сверху и завалили мхом.

А время торопило осень. В эту пору тайга поражала своей красотой. Повалил с деревьев лист, оттого-то и земля стала золотой, и заводи реки и ручья. Вскоре и лиственницы сбросили свой наряд, и тайга в округе почернела. С листопадом по реке стала скатываться рыба. Рядом, на перекате, натянув ельцовку между камней, устроили заездок, связав крылья сети. К вечеру хариуса хватало на уху и жарёху. Иногда давали и собакам.

В одно утро, уже по-осеннему прохладное, небо было затянуто низкими тучами, и в любой момент мог пойти дождь. Но вдоль ручья стал похватывать ветерок, срывая последние листочки с деревьев, и, разорвав тучу, прорвался луч солнца. Афоня только что положил лопатку грунта для промывки. В лоток полилась вода, горку быстро размывало и уносило муть. В этой мути солнце высветило искорки уносимого водой металла. Догадка резанула сразу: «Как же это я, статуи деревянный, забыл, что очень мелкие частицы золота уносит водой!»

Ничего не сказав об этом Петру, Афоня походя бросил ему, чтобы готовил обед, сам ушёл к зимовью. Едва Петро успел поправить костёр и поставить котлы с водой, как на тропе появилось что-то непонятное. Афоня нёс на голове сложенную в две половины шкуру сокжоя. Он шёл как под крышей. Собаки начали облаивать его, не узнав хозяина. Петро помог освободиться от ноши и удивился, когда Афанасий понёс шкуру к воде. Она топорщилась и не тонула. Он топтал её ногами и попросил Петра придавить камнями.

К обеду ободняло, стало тепло и на душе веселей, что теперь потери металла не будет. Намокшую шкуру настелили на дно в месте, где оседала муть. Вечером решили проверить «улов». Шкуру аккуратно свернули с четырёх сторон и, поставив ведро, стали смывать застрявшие между волосинок блёстки металла. Улов превзошёл все ожидания. Золота оказалось четверть кружки. Афоня ругал себя за забывчивость. После короткого подсчёта сказал, что около четверти добытого золота было потеряно. Это шлиховое, так называл его Афоня, смешивать с остальным не стали.

Ещё две недели с утра до позднего вечера трудились парни. И погода способствовала добыче. Стояло благодатное, тенётистое бабье лето. Но завернула непогода, пошёл дождь со снегом. Утрами стали покрываться льдом лужи.

Запасы еды таяли на глазах, наверное, всегда так бывает, когда её остаётся мало. В такую погоду стали готовить лесины для плота, на гребни и всё, что нужно для сплава.

Надрали корья для шалаша на плоту, нарубили лапника. На плот выбрали пять сухостин, распилив пополам. По разумению Афанасия, плот должен быть небольшой, но устойчивый и надёжный, а это достигается сухостью брёвен. Заготовили дров сухих и сложили на лёжки, чтобы не касались воды. Из мелких жердушек устроили настил под шалаш. Накрутили ивовых прутьев для связки брёвен в плот.

Выпало ещё два дня добычи, и мужики воспользовались этим подарком природы и Господа Бога. За эти два дня добычи взяли больше, чем за неделю. Шкура с её мехом работала безотказно. Вечером в зимовье решили ссыпать весь металл в одно место и поделить поровну. Всё высыпали в ведро, потом туда же шлиховое золото. Они глазам не верили, добавленный сверху металл, как вода, уходил на дно, заполняя все пустоты. Стоило чуть тряхнуть ведро, горочка шлихов тут же исчезала с поверхности в основную массу. Шлихи почти не добавляли объёма, но значительно добавили вес. Получилось двадцать две кружки.

Мужики не радовались вслух, они молча ликовали, даже стеснялись смотреть друг другу в глаза, чтобы не омрачать свою радость и партнёра. По два с половиной

пуда, не менее, получилось на брата. Петро подошёл к своему лотку и, зачерпнув его кружкой не менее трети, высыпал в Афонину долю. Афоня запротестовал, но Петро спокойно выслушал его и двумя словами, но сказал так, что отрубил все пререкания:

— За бригадирство!

Выпили полкружечки разведённого спирта, заели жареной вымоченной свининой и жареной рыбой. Спали плохо, как будто боялись друг друга. Только к утру Петро разоспался. Афанасий встал рано, затопил печь и стал готовить завтрак.

— Что-то ты, Петя, вчера даже не пел? — спросил Петра бригадир.

— Да, я боялся спугнуть радость, — ответил Пётр. Афоня чуть слышно хохотнул...

— А что, с вечера плохо спал?

— Да, как-то тревожно было, такое богатство свалилось.

— Да, богатство, но его ещё довести надо. А не боялся меня? У приискателей такое бывает.

— Нет, дядя Афанасий, я вам доверяю как отцу родному.

При этом эти два обросших щетиной мужика сцепились в крепкие дружеские объятия. У Петра накупела скупая мужичья, выстрадавшая в общей работе слеза. Он тут же смахнул её, как будто стыдился чего-то, но Афанасий сказал:

— А слёз не стесняйся — это дело доброты сердечной. Насчёт богатства — умеи держать язык за зубами, и оно будет при тебе.

День ушел на постройку плота, маскировку выбранного забоя и других мест, которые могли выдать проведённую здесь работу. В зимовье оставили две охапки дров, соль, спички. Плитняком закрыли дымоход, входную дверь подпёрли тяжёлым сутунком сосны. Много времени ушло на изготовление двух сколотней, чтобы упаковать туда металл. Сколотни — снятая с берёз чулком кора, а на деле — узкий продолговатый берестяной тусок. В них упаковали золото, да ещё и обмотали брезентом, привязали снизу между брёвнами, сверху совершенно невидимые, но была опасность, что может зацепить на мелководе.

Две широкие каменные плиты давали возможность варить на костре еду, не сходя на берег. Собаки были привязаны, каждая в своем углу плота до отплытия. Круговая оборона была обеспечена.

Утром Афанасий предложил помолиться усерднее перед дальней дорогой и попросить всех святых о благополучном возвращении домой. В молитве Афоня благодарил Николая Угодника за подаренное богатство и обещал употребить его на пользу людям, а не антихристу.

Перекрестившись, Афоня взялся за шест, Петя последовал его примеру. Три толчка — и плот на середине реки. Четыре взмаха гребью — и подхваченный течением плот плавно заскользил вниз по течению. Весь день плот, легко управляемый, покачиваясь, шёл, огибая речные криуны. Высота воды была достаточной, и бояться мелкой глубины на порогах и шиверах нужда отпала. К тому же Афоня всё время стоял на носу плота и время от времени шестом измерял глубину. Только к концу дня сплавщики заметили с левой стороны реки поднимающийся над деревьями дымок, а за поворотом услышали собачий лай. Как хорошо, что свои собаки были привязаны.

Афоня на всякий случай взялся за двустолку, но плот, подхваченный сильным течением, впадающим слева от речки, относил к правому берегу. На ночь остановились в широкой заводи на приличном расстоянии от берега. Ужин был сварен заранее, и сплавщики, охраняемые четырьмя собаками, залезли в шалаш. Но спать Афоне не хотелось — сон не шёл. Он уселся у костерка, подозвал к себе собаку и молча слушал беспечный храп Петра.

В двух шагах от Афони лежало наготове ружьё. Продумывая каждый дальнейший шаг по пути к дому, Афоня решил посоветоваться с Петром, что нужно сделать, войдя в матушку Зею. Деп впадал в Зею ниже деревни Овсянки, и там предстояло спрятать

«берестяные мешки» в подходящем месте и налегке, с одними кожаными мешками, ночью и вернуться домой.

— Поживём тихо дня два-три, оглядимся, а потом выберем подходящее время и заберём металл.

Петро согласно кивал головой, слушая Афоню.

— Основная просьба к тебе, Петя, это молчание. Теперь, когда ты знаешь, где оно есть, ты много стоишь. Тебя могут напоить, украсть, посадить, пытаться, а под пытками ты всё расскажешь. Молчи даже родным, отцу и матери своей ни гу-гу. Прознает НКВД — тюрьма. Она таких любит. Теперь твоя жизнь — твоё молчание.

— А как это потом сбывать? — единственный вопрос задал Пётр.

— Все через меня, а я сам тебя найду, только дашь знать. Если все хорошо пойдёт, ещё зимой сходим на ручей. Зимой все старатели сидят по домам, и безопаснее зимой-то.

Уже два раза принимался идти снег. Забереги были большими, а береговой лёд был в ладонь толщиной. В последний день сплава по Депу, чтобы отойти от берега, пришлось пробивать шестами коридор во льду.

В Зею вошли без помех и лишних глаз. Не торопясь, пристали к берегу. С плота сняли палатку, ружьё, одежду, лыжи и два брезентовых «мешка». Плот с настилом, гребями и шестами оттолкнули от берега, и его понесло. В лесу лежал неглубокий снег.

Теперь нужно было найти место и спрятать металл. Вечерело. Без труда нашли ямку, где на дно положили хворост с листвой, сложили «мешки», сверху снова завалили хворостом и листвой. Поверх притрусили снежком. Вечер был тёплый и пасмурный.

— Дядя Афоня, а не забудем это место, найдём? — спросил молодой старатель.

— Смотри, верхний сучок этого тополя показывает направление от кромки берега и на триста шагов к кладу. Запомни на всю жизнь, чтобы с закрытыми глазами, отсчитав триста шагов, ты нашёл эту ямку.

На берегу у тополя развели костёр, вскипятили чай и поели солёную свинину. Накормили собак. Хмурое небо разродилось обильным снегопадом. Снег валил хлопьями, к радости старателей закрывая все следы.

От берега до дороги было две версты. Снег всё валил, и когда мужики на лыжах подходили к дороге, он был уже по щиколотку. Вскоре их догнал зейский мужик на подводе. Он посадил на телегу попутчиков и попросил у них закурить.

— Тебе не повезло, парень, — сказал Афоня, — мы оба некурящие.

Молодая лошадка шла ходко. Часа через два Афоня с Петром были дома. Конечно, приход собак был встречен лаем соседских собак, но в основном было тихо.

Жена сквозь ставень спросила:

— Кто там?

Афоня приглушённо ответил:

— Открывай, свой.

Зная привычку мужа приходить тихо, по-воровски, Анна кинулась в сени, открыла дверь и прильнула к заросшей щетиной щеке Афанасия. С жаром, не скрывая радости, целовала мужа.

— Пришёл, родной! Я уже не чаяла дожидаться, — сквозь слёзы радости наговаривала Анна. — Ты раздевайся, попей молочка, а я пойду, затоплю баню. Сходили-то удачно?

— Удачно! — ответил Афанасий и стал раздеваться.

Расстегнув ремень, едва не уронил штаны, и они чуть не грохнули об пол и не разбудили ребятишек. Таким тяжёлым был кожаный мешок. Потом осторожно сдвинул карниз у верхней подушки косяка входной двери и снова задвинул на место. Вырубленный в бревне над дверью скрадок не раз скрывал всё состояние семьи, но такого

богатого клада там ещё не лежало. Всё сознание ликовало — этот давшийся большим трудом металл, запас для безбедной жизни, дающий уверенность в завтрашнем дне, а с ним душевное спокойствие и простое человеческое счастье!

При непростых мыслях застала его жена.

— Аннушка, захвати бритву, — попросил Афоня и пошёл в баню.

Снег продолжал падать. Поленница дров была рядом, а баня, которая топилась по-белому, уже нагрелась. Он лёг на лавку и сразу уснул. Проснулся Афоня от прикосновения к его губам. Его целовала Анна, уже раздетая и необыкновенно красивая, и такая ласковая.

— Афоня, родной, я так соскучилась! Поцелуй меня, пожалуйста, а то я помру, — вся дрожа, прильнула к Афониным губам, шепча: — Мой любимый, счастье моё!

После бани Анна накрыла стол в кути на двоих. У неё всегда (а особенно, когда ждала мужа) была припасена бутылка красного вина. Оно пьянило не очень, но возбуждало аппетит. Афоня хорошо ел, а она вся была самой нежностью и лаской, глаза блестели слезами умиления.

— Ну что ты, Ань, тут я, с тобой, успокойся... — Афоня ласково обнимал жену.

— Тут ночами всё передумаешь, ведь золото всегда рядом с кровью и бедой, — говорила Анна.

После выпитого красного вина сон прошёл, а по глазам Анны Афоня прочитал, что ей не терпится узнать все подробности.

Всё рассказал Афанасий жене: о походе, о поисках, о строительстве зимовья, об удачной охоте и о вёснем сне.

Анна вскочила с постели, спросила Афонию, когда он видел сон с Николаем Угодником. Оказывается, и ей снился сон с этим святым, и она тоже просила его о помощи рабу Божьему Афанасию и рабу Божьему Петру в их нелёгком труде. Совпало и то, что сон снился после обеда. Об этом сне она даже рассказывала соседке — матери Петра.

— Значит, ты у нас в доле, — сказал, улыбаясь, Афанасий.

— Давай теперь уснём, а то мне скоро доить корову, — сказала Анна, — но сначала покажи мне хоть одну золотиночку — «позолоти ручку»...

Афоня вышел в сени, поставил табурет к двери, отодвинул сдвижной карниз, достал кожаный мешочек. Войдя в кузь, подал его Анне. Она, не рассчитав тяжесть, чуть не уронила его из рук, но подхватила обеими руками, положила на стол.

— И это всё твоё?! — не сдержала восторг Анна.

— Не моё, а наше, — поправил жену Афоня. Размотав завязку — сыромятный ремешок, Афоня достал щепоть золотинок и высыпал в ладонь Анне. У неё загорелся старательский азарт. Лицо покраснело, глаза светились неистовым светом.

— Значит, помог Никола Чудотворец, спасибо ему, — шептала как безумная Анна.

Потом она взяла одну крупинку в рот, попробовала на зуб.

— Оно! — протянула Анна, но постепенно стала приходить в себя. — Теперь завяжи, спрячь и ложись спать, мне сегодня не уснуть.

Убирая мешочек в тайник, Афоня подумал: а что, если ей показать всё добытое, сойдёт с ума ведь, дурёха...

Другое дело у соседей. Петро, как воды в рот набрал, молчит, говорит, придёт время, всё расскажет, а пока велел молчать отцу и матери. Ну, никакой радости — одни загадки! А молчать действительно нужно было — пришли новые времена, новая власть. Всем безраздельно распоряжалась ВЧК, потом НКВД. Приискателей шмонали безбожно. Три четверти добытого металла уходило государству, одна треть старательно заменялась на боны, которые отоваривались в спецмагазине на то, что там было.

Но были и другие пути сбыта драгметалла, и оплачивался он в твёрдой валюте. И эти операции осуществляли люди, которые при этом деле были раньше, только тогда

это было честно и благородно — теперь всё тайно. Вот это-то и беспокоило Афоню, что золото уплывает из России в Китай. В жизни ему приходилось встречаться с китайцами, и впечатление от общения с ними было отвратительным. Их угодливость, когда менялись обстоятельства, вскоре оборачивалась коварством и жестокостью.

У Афони на всю жизнь запечатлелась картина, когда два китайца после дележа добытого металла убили троих подвыпивших товарищей по бригаде. Трупы были обезображены — выколоты глаза, отрезаны уши и члены. Гнались за ними до самого Амура. Пойманные с поличным, обезоруженные, они представляли отвратительное зрелище — мерзкие твари сваливали вину друг на друга. Афоня звал их «сопливыми ходями». В этом простом русском парне был здоровый русский корень.

О месторождении следовало подавать заявку, но делать это сложно, нужно проводить изыскательные работы, делать геологические расчёты и обоснования, чтобы обрести право первооткрывателя. Если месторождение оказывалось промышленным — перспективным, открывателю полагались проценты от добычи. Такого, при новой власти, не удавалось никому. Советская Россия не Америка, где золото нашёл — хозяином прииска становился.

Теперь нужно реализовать хотя бы часть добытого, да не попасть в тюрьму. «Да, ещё бы пару раз сходить на Деп, пока месторождение не стало общедоступным, было бы здорово!» — мечтал Афанасий. Потом можно было выбраться в большой город, там и металл сбыть проще. Есть ювелирные магазины, мастерские и зубные кабинеты, где золото всегда в ходу.

Только делать это надо осторожно, а то ведь и убить могут, у нелегального золота всегда много крови. Одни стараются продать дороже, другие купить, но не платить. Последнее время среди старателей ходили слухи, что нэп изменил отношение к золотоискателям — металл берут в неограниченном количестве, платят советскими червонцами и благосклонно относятся к тем, кто добровольно оформляет открытие месторождений. Правда, в это верилось с трудом. Но Афоня так и решил сделать — шила в мешке не утаишь. Всё же лучше сделать заявку, но только после того, как ещё раз сходят на Деп.

Не нравилось Афанасию, что много золота уходит за границу. Так уж лучше сообщить НКВД, оно останется в стране, а значит, у народа, хотя и тут были сомнения.

Для похода на Деп зимой пришлось готовиться скрытно. Первую партию металла — сто шестьдесят граммов — отдал тайному скупщику, чтобы закупить продукты себе и Петру. Даже покупку муки и мяса делали понемногу, чтобы не бросалось в глаза соседям и продавцам. В одно воскресенье Афоня встретился с тем мужиком, который подвозил их с Петром до Зеи. И хоть было темно, мужики узнали друг друга. Возница поздоровался, но Афоня даже не подал вида, что знает его.

— Ты, что не узнал меня? — настаивал мужик. — Я же две недели назад на своём гнедке подвозил вас от Овсянки до Зеи.

Сделав безразличное выражение, Афоня, глядя мужику в глаза, сказал:

— Я тебя знать не знаю и видеть не видел, а в Зею вернулся месяц назад.

— Ну, неужели я ошибся, да и голос у тебя очень похож, хотя было очень темно.

Афоня прошёл мимо, но в мыслях отметил: «Засёк... Нужно было быть осторожнее. Вдруг на ЧК работает? Все ведь может быть...»

Съездили за «берестяными» мешками. Пётр был как-то особенно молчалив, даже ночью, когда Афоня весь внутренне ликовал и не мог скрывать этого, Петро все равно был как горем пришибленный. Вернулись за полночь. Афоня спросил:

— Место-то приготовил, Петя? Может, тебе помочь?

— Не надо, сам справлюсь.

— Ну, бывай здоров! — сказал Афоня и протянул руку Петру. Тот молча пожал и на мгновение задержал его руку в своей. Это был особый знак сердечности отношений.

— А завтра приходи днесь, поговорим о новом походе.

Хлопотное дело замыслил Афанасий, мыть золото зимой; конечно, он продумал всё до мелочей, и всё нужно приготовить ещё дома. Из оцинкованного железного листа был сделан с высокими бортами противень. Он был в размер крышки саней и почти не занимал места, весь груз был сложен в него. Уезжать решили в начале декабря, пока не легли большие снега и не успел глубоко промёрзнуть грунт. Труд, конечно, предстоял огромный.

Уходили на два месяца: декабрь и январь. Заготовили два мешка пельменей, сала и мороженого мяса. Наморозили мешок молока и два десятка караваев хлеба. Собакам закупили мороженой рыбы. Опять двое саней, по две собаки в сани и по каюру в добротной одежде. Ехать надумали по Зее и Депу, путь был длиннее, но не придётся идти по снегу и подниматься на сопки, как в прошлый раз.

Очень хотелось поехать Анне, но дети ходили в школу, и должна была отелиться корова, это хозяйство не бросишь.

Выехали с вечера в ночь, чтобы избежать любопытных взглядов, да и недобрых людей. Афоня не забыл и двустолку, она всегда была у него под рукой. Накануне выспались и всю ночь до рассвета были на ногах, вымотав до упада собак, прошли не менее полсотни вёрст, подальше от глаз людских.

Высмотрев невысокий лесистый мысок на берегу, сделали привал. Накормили собак, хотя ещё и в дороге кормили дважды, те тут же уснули. Растопили в котле мороженое молоко и завтракали ещё не остывшими мясными пирогами, запивая топлёным молоком. Не раздеваясь, спали до полудня. Разбудил собачий лай. В тридцати саженях от костра через Деп прошла лосиха. Это и подняло собак. А лосиха, увидав, что собаки в упряжке, не ускорила ход и спокойно ушла в чащу на противоположном берегу.

Снова сытно поели и, ещё раз накормив собак, двинулись дальше. Обходя торосистые места, чаще шли у самого берега. Ночевали в палатке, обкладывая снегом, и со стороны лаза разводили большой костёр. Дров было много, в основном сухого наносника. Три ночёвки в палатке, а четвёртую ночь спали в зимовье. Все было на своих местах, и никаких признаков появления и присутствия чужого человека. Это очень обрадовало Афюню.

После похода решили сделать день отдыха. Хорошо выспались, варили пельмени, пили спирт и настраивались на большую работу. Самые яркие приискатели зимой отсыпаются, а тут предстояла работа при тридцати-сорокаградусном морозе (кто бы его мерил!), с отопремом грунта и промывкой в нагретой воде. Афоня сам ещё смутно представлял этот процесс. Ясно одно, нужно постоянно держать костры, а значит, носить дрова. На первый взгляд их вроде бы было много, но и работа предстояла на целых два месяца.

В тайге стояла ясная морозная погода, снега было ещё немного. Наносник и сухостоины, которыми заваливали, пряча, прежние выработки, теперь очень пригодились, их просто подожгли, и после суток пожара, грунт, промёрзший ещё не глубоко, отошёл до талого. На двух толстых жердях закрепили глубокий противень, под ним развели костёр и натаяли две трети воды из снега. Талый грунт складывали совковой лопатой в противень и бутарили деревянными лопатками. Пробутаренные куски глины, гравия и песка сбрасывали в отвал, а придонный слой промывали в лотках. Постоянно приходилось подкладывать дрова в костры под противень и греть грунт в забое. Подбрасывали снег и в противень, чтобы достаточно было воды для промывки.

Рукава по локоть были закатаны, а руки в тёплой воде. Из брезента пришлось вырезать фартуки, так как живот, колени и унты были постоянно мокрыми. Бросая работу на ночь, приходилось носить много дров в забой, и только так грунт в забое остался талым. В противне за ночь вода промерзала насквозь. Для окончательной промывки воду брали из реки и грели отдельно на костре. Промытый металл высыпали в котелок

и высушивали, подставив боковиной к костру. Зимние дни декабря были очень короткими, но всё равно за первую неделю работы намыли почти кружку.

Не работали на Рождество Христово, отдыхали, чинили одежду. При работе над пламенем костра одежда горела как на огне. Зато не было печали с сохранностью продуктов. В закипевшую воду засыпались пельмени, и они, закипев, всплывали. Отдельно кипятили чай, добавляя кусок мороженого молока и сахар. Хлеб всегда ели талым. Занесённый с улицы каравай за ночь оттаивал и за день не замерзал. Ночь протапливали хорошо, спали раздевшись.

Медленно, но постоянно наполнялся котелок желанными золотыми крупцами. Ещё большей радостью наполнялись сердца этих великих тружеников. Каждый отработанный день отмечался весомым прибавком. Уже были наполнены два кожаных мешка, и работа кипела вовсю.

Собак почти не кормили, они сами убегали на охоту. Судя по тому, как часто слышали мужики их дружный лай, было понятно — опять задрали косулю или ещё кого. Худыми они совсем не выглядели, а иногда от брошенной им рыбы воротили носы. По этому поводу Афоня говаривал:

— Сыта кума, когда гущу не ешь.

В пургу и снегопады не работали, только поддерживали огонь в забое. Пилили и носили дрова, к середине января добыли столько же, как и в первый поход...

Несмотря на усталость, настроение каждый вечер было хорошим, и Петро, даже не прикладываясь к спиртному, каждый вечер пел. Само состояние как-то бодрило и радовало. В его двадцать лет всё было ещё впереди, а ему хотелось учиться. Почему-то он стремился водить пароходы, и непременно по Зее и Амуру, может, потому, что это первые машины, которые он увидел вживую и мог потрогать своими руками. И эта мечта была вполне осуществима при его теперешнем достатке. Даже можно приобрести собственный пароход, будь старое время и старые цены на золото.

При дележе добытого Петро опять настаивал, чтобы Афоня взял себе больше, но когда тот наотрез отказался, взял кружку и зачерпнул из своего мешка полкружки, высыпав Афоне в мешок.

В этот поход Афоня взял к своей двустволке двенадцатого калибра новый патронташ на тридцать шесть патронов с застегивающимся верхом. Он был очень удобен, через плечи пристёгивался поддерживающий ремень. Большая часть металла вошла в пустые гильзы, запыжевав тонким плотным картоном. Если затянуть поясной ремень патронташа, его почти не было видно при надетом поверх полушубка тулупе. Петру решили сшить из брезента сумку, простежить её продольными стежками, чтобы металл располагался нетолстым ровным слоем. Подпоясанная ремнем и лямкой через плечи, сумка прижималась к животу, и при его стройности под верхней одеждой была не видна.

— Вот жизнь! — сетовал Афоня. — Главное, не добыть, а сохранить добытое от лихих людей.

Стали собираться домой. Разобрали место промывки. Противень принесли в зимовьё. Лопаты, пашню, кайлу и лом спрятали под завалом наносника.

— А что, Петя, к лету ещё приедем сюда? — спросил Афоня. Петро не торопился с ответом. Немного помолчав, глубокомысленно высказался:

— Надо решить, что делать с этим добытым. Сбыть или надёжно спрятать, золото ведь цены не теряет. Пойдём домой, на месте определиться надо, что дальше делать...

— Да! — согласился Афоня. — Дома будет виднее.

Накануне отъезда шёл снег и немного пуржило. К ночи ветер стих, а в ночь небо вызвездилось и ударил крепчайший мороз. Даже собаки устроились на ночлег у двери зимовья. Рыбы им на корм ещё оставалось много, поэтому Петро за вечер накормил их дважды. Видно, и собаки почувствовали, что хозяева готовятся к отъезду. Утро

было очень морозным. У Афанасия был свой метод измерения температуры. Он брал кружку с водой, выходил из зимовья, выплескивал из неё воду, а оставшуюся каплю выливал на носок унта. С высоты плеча капля успевала замерзнуть и льдинкой отскакивала на снег. Прodelав такой замер температуры, Афоня предложил переждать мороз.

Ехать в такой мороз было очень рискованно. Простыть можно в дороге, да и ночлег в палатке не сулил ничего хорошего, даже при костре. Всё замерло в тайге. Даже поползни и синицы, которых Петро подкармливал, повесив кусок несолёного сала, не прилетали. Эту стужу переживали два дня. На третий день, с утра, небо затянулось тучами, и к зимовью снова прилетели синички. Закрепив на санях всё необходимое в дороге: палатку, топор, пилу, котлы, и прочую посуду и снедь, пристегнув постромки собакам, поехали домой. Дорогу по реке по возможности спрямили, избегая торосистого льда.

Поклажа была не тяжёлой. И собаки шли ходко. Ночевали на своих прежних стоянках. Настроение было хорошим, и Петя всю дорогу пел. Спать ложились, сытно поужинав и выпив разведённого спирту. На этот раз его хватило и на обратную дорогу. Погода стояла ясная, но морозов больших не было.

День ещё был коротким, ехали только посветлу. В Зею решили прийти затемно, избегая посторонних глаз. Разобрав сани, взгромоздив на себя поклажу, отпустили собак, встали на лыжи и перешли реку. Была тихая морозная ночь, в редких окнах горел свет, и кое-где лаяли собаки.

По прибежавшим домой собакам Анна поняла, что мужики на подходе. Ворота и санные двери были открыты, и Афоня, не стучась, вошёл на крыльцо. В сенях его встретила Анна. И хоть она, как всегда, обняла и поцеловала Афонию, тончайшая игла тревоги кольнула и передалась ему...

— Может, Афоня, разденешься в бане, только ружьё оставь здесь, я занесу его в дом.

Молча, думая уже о своём, Афоня пошел в баню. Следом вошла и Анна, она помогла мужу раздеться, а сама молчала. Афоня тоже ждал, а потом, не вытерпев, спросил:

— Ты что молчишь? Мой ангел, что случилось?

— Да пока ничего не случилось, но только за нашим домом постоянно кто-то следит. У ребят в школе о тебе спрашивают, где ты. Я научила, чтобы отвечали, что ты уехал в Хабаровск к родным.

— Правильно научила. Там у меня действительно живут двоюродные братья, — сказал Афоня.

— А если бы к тебе нагрянули с обыском, что бы ты делала? — спросил Афоня.

— Не отдала бы ни граммукли, слишком я хорошо знаю этому цену, чтобы отдать его ни за грош, ни за копейку.

У Афони отлегло от сердца. Он обнял жену и стал целовать её, приговаривая:

— Умница ты моя, красавица, мне Богом данная!

От такой ласки и от слов у Анны навернулись слёзы.

— Давай, милый, я затоплю баню, а ты отдыхай. Как сходили-то? — как бы походя, спросила жена. А Афоня в тон ей обыденно и спокойно ответил:

— Так же...

Дрова с лучиной и берестой уже лежали в печи, осталось только поднести спичку. Анна подожгла лучину и закрыла дверцу печи. Потом подошла к мужу, сидящему на лавке, взяла его голову в руки и принялась целовать заросшее щетиной лицо, щёки, губы, лоб и глаза. И лепетала при этом ласковые слова:

— Труженик ты мой великий! Разве твой тяжёлый труд не стоит простого человеческого счастья?!

Вдруг Афонию осенила мысль:

— Надо уезжать отсюда, и чем скорее, тем лучше.

— Мой дорогой, ты, наверное, голоден, а я, дура, кормлю тебя разговорами. Я сейчас принесу молока и хлеба, а помоешься и побреешься, будем праздновать твоё возвращение и успех.

Не спеша, Афоня отвязал кожаный мешок и свёрток, в нём тоже был металл. А про себя подумал: «Вот тебе и богач. Имею около пяти пудов золота и боюсь на люди показаться, у новых правителей всё с ног на голову: бедный — хорошо, богатый — плохо. Смерть богачам! Ура беднякам?! Значит, тут что-то не так? Бедняк и страну сделает бедной. Сами-то правители живут небедно и отдыхают, как старые богачи. Значит, для легковверных дураков бедность — благо».

С этими нелёгкими мыслями и застала его Анна.

Афоня в одних подштанниках сидел на лавке, привалившись к тёплой печке, жевал хлеб, запивая прохладным молоком, и это ему казалось так вкусно, как будто ничего вкуснее и не бывает.

Недавно топленная баня нагрелась быстро. Мылись вдвоём, не торопясь, терли друг другу спины, сдавали в цело воду, парились и без конца целовались, как молодые... Анна ушла из бани первой, а когда Афоня зашёл в дом, стол уже был накрыт. Красного вина не было, но был спирт, разведённый брусничным сиропом на меду. После второй рюмки Анна села ближе к мужу, ласково смотрела на него и не забывала подкладывать в его тарелку и огурчик, и грибок, а рюмка всегда была полной.

— Господи! Как же хорошо-то дома, — обнимая Анну, говорил Афоня. — Как мало надо человеку для полного счастья: красивая и верная жена, дети, свой дом и в нём достаток...

Утром Афоне не спалось. Что-то гнетущее не давало покоя, а точнее, принесённый металл надо было спрятать, но подходящего места не находил. Афоня заменил в патронташе гильзы с металлом на старые заряженные. Вошла с улицы Анна, увидев, чем занимается муж, спросила:

— Что, не спится, не ложится? Давай и этот спрячем туда же, куда я убрала тот...

— А где ты спрятала старый?

— Пойдём, покажу, — улыбаясь, позвала Анна.

— Пойдём, посмотрим, может, надёжно, так и думать ни о чём не надо, положим туда же, — бормотал Афоня.

Печка в бане имела глухую нишу за поддувалом под топкой. Выбрав половинку кирпича, стоящего на ребре через поддувало (Анна помнила об этой пустоте, когда муж перекладывал печь), попадешь в пустоту. Если проделать вокруг кирпича щель тонким столовым ножом, кирпич выпадал в поддувало. Разложенное в отдельные упаковки золото легко проходило в этот скрадок.

Промазав края кирпича раствором глины, кирпич снова вставляли в своё место. Присыпанная древесной золой глина высыхала, а оставленная в поддувале зола закрывала всю заднюю стенку. Показав ему этот самый кирпичик, Анна предложила самому открыть тайник.

Глина не вдруг поддавалась острию ножа, но тем лучше, отметил про себя Афоня. Вот он вытащил половинку кирпича, а потом, просунув руку дальше, достал завернутую в тряпицу упаковку. Она оказалась тёплой, но не горячей, как предполагал он.

— Умница ты моя, — сказал Афоня, встав с колен, обнял и поцеловал жену. Туда же решили сложить и вновь принесённый металл. В подполье взяли глины и вновь замуровали кирпич. «Теперь пусть ищут», — подумал Афоня, а вслух произнёс:

— Храни нас Господь! И все его святые апостолы с Николаем Угодником.

К вечеру через огород пришёл Петро, он был опечален.

— Дядя Афоня, не могу ничего придумать, куда спрятать. Тот сказал:

— А в избёнке, где жил поселенец, есть печь?

— Есть, уже два года нетопленая, — ответил Петя.

— Ну, можно и сверху в трубу, или куда ещё, подумай, да не забудь, что потом топить нельзя...

Когда Петро уходил, Афоня напомнил ему, чтобы на снегу не оставлял следов. На следующей неделе договорились заготавливать дрова. Работали с утра до вечера. Здесь можно было говорить открыто по душам.

Пётр рассказал Афоне, что собирается ехать учиться в Благовещенск и что хочет плавать на пароходах. Сказал, что заберёт с собой отца, мать и сестёр. Ещё сказал, что нэпманам разрешили иметь свои пароходы, фабрики и заводы.

Афанасий не верил в благие намерения теперешних правителей — комиссаров. От них добра не жди. Хозяев разогнали, разорили, пересадили, расстреляли. Сами за хозяйство не берутся, хлопотное это дело, да и думать мозгами надо, а где их взять? Учёных и инженеров за границу выслали. Сейчас нэпманы восстановят комиссарский разор, и их снова ограбят, пересадят в лагеря, всё заберут, а вякнешь — расстреляют...

За сорок лет своей жизни он всякого насмотрелся, а, работая в старательских бригадах, немало наслушался о делах, творимых комиссарами во имя революционной «необходимости». Горе было тому, кто с ними был не согласен. «Кто не с нами — тот против нас», «Если враг не сдаётся, его уничтожают» — вот комиссарские законы! Но самое главное зло, считал Афоня, это поруганная ими вера. А человек без веры, что лодка без вёсел.

Человек до сорока лет только взбирается на гору жизни, потом начинается спуск. Афоня теперь находился в этом возрасте. Ему хотелось выучить детей, обеспечив им достойную жизнь, даже при комиссарах.

Главное в человеке — его дело, так ценилось при всех режимах, но при комиссарах, а этого Афоня не знал, кроме дела от человека требовалась лояльность, притворная или настоящая, почти рабская преданность начальству, холуйство. Афоня предложил Анне уехать в любой городишко или станцию на железной дороге, где была возможность работать, учить детей и жить безбедно, сдавая помаленьку металл — на чёрный день.

Анна, конечно, согласилась, упомянув, что ей будет очень грустно расставаться с Зеей. На станции Зактуй работал путевым рабочим его знакомый по старательской бригаде. Он звал Афоню в письме приехать работать на станции и говорил, что дадут казённую квартиру. Есть огород, рядом тайга, и жизнь от получки до аванса обеспечена. Но тогда Анна воспротивилась, ребятишки уже пошли в школу, а теперь Николай заканчивает седьмой класс, и Анна согласилась. Проблема будет с перевозкой золота, и путь неблизкий: от Зеи до Тыгды сто двадцать вёрст, и от Тыгды до Зактуя — шестьдесят. Афанасий предложил купить лошадь с упряжью и телегой.

А на своём коне всё можно увезти, да и на новом месте он пригодится, хотя бы огород вспахать.

До весны есть время, и можно списаться с приятелем, который звал его в Зактуй. Телегу нужно купить заранее и подготовить её к поездке на новое место жительства. Вечером Афоня рассказал жене о своих задумках.

Анна выслушала мужа внимательно и согласилась. Грустно будет прощаться с соседями, с которыми была очень дружна. Но и о себе подумать надо, размышляла Анна. Узнав от матери, что отец собирается купить лошадь, дети очень обрадовались:

— Может, и корову Зорьку возьмём с собой, у неё скоро телёночек появится.

Время шло, а Афоня не мог сидеть без дела. Была мысль до лета ещё сходить на Деп, но он тут же погасил её, жадность может сгубить... С одним старым подеревщиком договорился о купле телеги. Тот сказал, что колёса к телеге есть, нужны обада на колёса и шкворень, и что через две недели можно приезжать за новой телегой. Афоня с соседом съездили за ней. Она пахла чистым дёгтем, берёзовой древесиной и

тележной мазью, густо намазанной на оси колёс и шкворень. И с этой телегой у Афанасия началась работа. Где только можно делались пустоты, чтобы была возможность спрятать металл.

По центральной части короба было сделано второе дно. Даже оглобли имели сверления со стороны колёс. После того как весь запас металла был упрятан в телеге, Афоня снова захотелось сходить на Деп. Он даже переговорил с Петром, но тот и с тем, что было, не знал, что делать, куда девать. А человек, через которого Афоня сбывал золото, появлялся редко.

Нужно было как-то увеличить сбыт, но это было очень опасно, доверять кому попало — рискованно. У Афоня был такой человек, но он был только посредником, и последнее время из-за слежки НКВД появлялся крайне редко.

Вскоре пришло письмо из Зактуя. Приятель писал, что разговаривал с начальником станции о нём. Он обещал взять на работу и дать в станционном доме квартиру из двух комнат, правда, её нужно ремонтировать... Рядом с домом есть огород и надворные постройки. Можно держать корову и лошадь. Ещё он сообщил, что от Тыгды до Зактуя идёт просёлочная дорога, и на телеге, даже хорошо нагруженной, можно проехать в любую погоду.

Начальник станции просил приезжать быстрее, так как место было давно свободным и его могли сократить. Афоня на другой день купил коня с упряжью, а телега была готова.

Детей в школе аттестовали до окончания учебного года и разрешили уехать, была вторая половина апреля. Часть вещей продали, но дом продать не удалось, не было покупателей. Корову взяли с собой, а тёлочку Марту оставили родителям Петра. Прощай дома поручили им же.

До Тыгды ехали три дня с двумя ночёвками. От Тыгды до Зактуя два дня. Уж очень уставала Зорька. Воронко был средний конёк с хорошей статью. С места брал любой воз, но когда Зорька уставала и начинала упираться, он тут же останавливался, своим чутьём понимая другое животное.

По приезду в Зактуй всё шло, как описал приятель раньше. Семье отвели обещанную квартиру с кухней и застеклённой верандой. Дали досок для ремонта комнаты. Для животных были просторные стойки. Анне начальник станции предложил работу уборщицы станционного помещения. Не было проблем и с дровами для отопления.

Для посредника по скупке металла Афоня оставил Петру письмо, где сообщалось, как связаться с ним при необходимости. И дал ему его адрес. Работа путейца показалась Афанасию простой. Мужики в бригаде были все семейные и хозяйственные. Все жили в своих домах, держали коров, свиней, птицу, занимались огородами. Только его приятель был при огороде. Для станционных работников выделялись покосы. С сеном для скота тоже проблем не будет, только коси.

По приезду дети побывали в Зактуйской школе. Посмотрев Колино свидетельство, завуч предложил походить в седьмой класс до конца учебного года. Шло время, и семья обживала свою усадьбу, а точнее, огород. Афоня вспахал землю под картошку, сделали огуречную гряду и посадили всю мелочь. Жизнь потихоньку нормализовалась. Афанасий никак не мог привыкнуть к режиму рабочего дня. Выходить в восемь часов утра — солнышко уже высоко, и после обеда до пяти, считай, работать в самую жару.

Как-то Афоня не мог заснуть. Анна долго возилась по хозяйству, а когда вошла в спальню и увидела мужа не спящим, спросила:

— Что, Афонюшка, не спишь? На Деп хочется?

Муж аж подскочил:

— Ты что, мои мысли читаешь?

— Там не наше, только то, что у нас дома, это наше. Есть грань, за которой начина-

ется алчность, нам не нужно её переходить, на жизнь нам и детям хватит. Мы решили жить тихо и спокойно, затем сюда переехали. Детей надо выучить.

Этот разговор немного успокоил бывшего старателя, но ненадолго.

Представив себе, что кто-то найдёт этот участок и начнётся хищническое разграбление месторождения, как правило, польётся кровушка, Афоня решает сообщить в трест «Амурзолото» заявкой об открытии месторождения. В контору треста он пишет письмо-заявку и прикладывает примерную карту участка. Вскоре пришла бумага, обязующая прибыть в трест. А начальнику станции пришёл документ, по которому ему надлежало освободить Афанасия от работы — считать его в командировке. Документ был заверен двумя печатями: трестом «Амурзолото» и ОГПУ НКВД.

Афанасий понял, что совершил великую глупость, сообщив о находке.

Не ехать в трест было невозможно. Ему даже выписали командировочное удостоверение. Как не прислали милиционеров для конвоя, вдруг одумается и в бега? Ночью, перед отъездом Афони на Анну навалилась тоска и предчувствие большой беды. Она плакала навзрыд, и никакие слова не могли её успокоить. Сердце бедной любящей женщины чувствовало, что она видит своего мужа в последний раз. К утру она немного успокоилась, и на неё нашло озарение.

— Афоня, милый, беги... Хотя в тайгу, хоть за Амур. Мы тебя найдём и снова будем вместе...

До прихода поезда оставалось полчаса, и он не решился...

По приезде в трест Афанасия практически арестовали, приставив для охраны двух милиционеров.

Он сводил на Деп экспедицию. Геологи, взяв пробы и осмотрев выработки, определили, что уже взято около восьми пудов золота. Афоня на вопросы, где золото и с кем работал, ничего не сказал. На квартире, где жила семья Афанасия, произвели обыск — перевернули всё, всё перетрясли и перерыли, но ничего не нашли. Афанасия осудили на десять лет без права переписки, срок определила «тройка».

В качестве геолога-практика он работал в системе «Дальстрой» НКВД. Ещё открыл два месторождения, но так и не добился свободы. Отпускать из лагеря начальство не хотело, хотя перед войной закончился срок приговора. Ему продлили срок до пятнадцати лет. Афанасий объявил голодовку и от истощения умер.

Петро со своей семьёй переехал в Благовещенск. Работал в пароходстве, выучился на механика. Используя некоторые послабления во время нэпа, перебрался в Маньчжурию, благополучно перевёз с собой металл. В Харбине приобрёл ресторан и на реке Сунгари купил небольшой пароход — мечту детства. Ресторану дали название «Русская песня», и там, действительно, вечерами собиралась русская эмиграция, где пелись русские песни, романсы и арии, читались стихи русских поэтов, принимались гастролировавшие артисты. Петро поддерживал финансами эмиграцию.

Когда началась Великая отечественная война, русская эмиграция, поддерживающая Советскую Россию, решила формировать Добровольческий полк и воевать в составе Красной Армии против фашистов. Петро брался обмундировать этот полк на свои деньги. Но советское посольство в Маньчжурии отказалось от этой помощи.

В 1945 году, перед наступлением советских войск в Маньчжурии на Харбин, руководитель русского подпольного эмигрантского центра Я.Я. Смирнов организовал боевой отряд из русских эмигрантов и разоружил Харбинский военный гарнизон, это обеспечило бескровное взятие города армией под командованием А.П. Белобородова, что способствовало сдаче всей Квантунской группировки японских войск, а это миллионная армия. После победы над Японией Петро и Я.Я. Смирнов решили вернуться в Россию, но были арестованы и осуждены как враги народа. А генерал А.П. Белобородов и пальцем не двинул, чтобы облегчить судьбу этих русских патриотов, своими дей-

ствиями сохранивших жизнь не одной тысяче наших солдат. Им дали по пятнадцать лет лагерей. Там, на лесоповале Петро и умер. Смирнов отбывал срок до смерти Сталина. Открытый Афанасием и Петром прииск сослужил советскому народу великую службу. В предвоенные и военные годы здесь добывали тонны золота, чем оплачивались поставки из-за границы, спасали русских людей от голода и кормили армию во время войны.

Анну в Зактуе не единожды навещали сотрудники НКВД, но бесполезно, золота она не отдала. Телега хранила тайну. В 1942 году, самом тяжёлом году войны, когда повсеместно было объявлено о сборе средств в Фонд обороны, в приёмную райисполкома вошла женщина. Она положила на стол дежурного свёрток. На вопрос, что это, ответила:

— Это золото в фонд обороны, здесь четыре килограмма. Это от открывателя прииска Светлого, за что он отбывает срок на Колыме.

С этого времени за ней перестали следить...

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

Сжигаю календарные листы

* * *

Петербург. Перспектива перрона...
Мокрый снег косо падает вниз.
Бойко скачет по рельсу ворона,
Воробьи обживают карниз.

И пустынно высокие залы,
В них так гулки, тревожны шаги.
Как люблю я ночные вокзалы —
В них не ждут ни друзья, ни враги.

Где тебя тишина только встретит
И таксист сонно спросит: «Куда?»,
И во мне чей-то голос ответит:
«Нам, браток, не добраться туда».

Не доехать и не достучаться
До миров, где мы были одни...
Помнишь, как было трудно прощаться
Нам в те давние, летние дни?..

МАКСИМОВ Владимир Павлович, прозаик, поэт (род. в 1948 г. в пос. Кутулик Аларского р-на Иркутской обл.). Автор книг прозы: *Морозный поцелуй* (1998); *Формула красоты* (Иркутск, 1998); *В то лето* (Иркутск, 2004); *Не оглядываясь назад*: роман (Иркутск, 2005); *Предчувствие чудес*: повесть, рассказы (Иркутск, 2008); *Куда всё это исчезает*: повесть, рассказы (Иркутск, 2010); *Парижская тетрадь*: поэтич. сб. (Иркутск, 1996); *Сестра моя осень* (Иркутск, 1999); *Памяти солнечный зайчик* (Иркутск, 2007); *Предчувствие чудес* (Иркутск, 2008); *Подарок от бездомной кошки* (Иркутск, 2013) и др. Член Союза писателей России.

Ангарск

Евгению Якушенко

Снежно-снежным, бело-белым
Весь укутан город...
Снег кружит средь фонарей,
Падает за ворот.

Я люблю этот город заснеженный,
Морем ласковым он не изнеженный.
Две реки — Ангара и Китой —
Две руки, в их кольце город мой.

Над обрывом в чёрном небе
Звёзд холодных просинь...

И янтарные огни
Меж высоких сосен.

Яркой ёлочной гирляндой
Мой сверкает город!
И пускай пуржит снежок —
Падает за ворот...

Я люблю этот город заснеженный,
Морем ласковым он не изнеженный.
Две реки — Ангара и Китой —
Две руки, в их кольце город мой.

* * *

Февраль двухтысячного года...
Вполне февральская погода:
Упругий ветер, колкий снег.
Фонарь. Аптека. Человек.

Всё, как у Александра Блока.
Но так от Питера далёко —
По километрам и годам.
И человек в ночи — я сам.

Календарь (осенний верлибр)

На даче осенью
Картошку мы копаем...
Нашёл я прошлогодний календарь
И развожу костёр.
А в воздухе, прогревом
Последним чистым солнцем сентября,
Со свежестью и запахом ботвы
Запахло горечью,
Вернее, горьким дымом...
Сжигаю календарные листки...
Вот май сгорел:
И праздники и будни —
Всё превратилось в дым и растворилось
В осеннем синем небе с облаками.
День моего рождения сгорел...
И дело уж дошло до декабря...
Ушедшего странички догорают.
(Они сгорели дважды
Как ни странно.)
И записи моей рукой на них:
Вот что-то надо сделать,
Вот к кому-то я обещал зайти и позвонить.

А может, навестить в больнице друга
Я непременно должен был,
Но... в ритме
Текучих будней так и не собрался
К нему в больницу. А теперь — не надо...
Вот должен был кому-то я помочь...
Но может быть, помочь ещё не поздно?
Держу в руке листок
И не решаюсь
Последний декабрьский я сжечь.
На нём «31» чернеет цифра
И — «С Новым годом!»
Да, не за горами уж Новый год...
Горит, горит костёр...
Товарищи! Друзья!
И просто люди!
Я всех вас поздравляю
С чем угодно:
С прозрачным сентябрём
И с первым снегом,
И с Новым годом, что не за горами!
И... сказок вам рождественских желаю!

Воспоминание о Санкт-Петербурге

Припудренные снегом проспекты и мосты
Белы так идеально, так призрачно пусты,

И так неотразимы, как строгий град Петра...
И как же это здорово — вот так пройти с утра

По улицам неясным, заснеженным, прямым,
Как по годам вчерашним, где был я молодым,

Где призрачными кажутся каналы и мосты,
Где чувства удивительны и помыслы чисты!

* * *

«Какая погода плохая», —
Ворчит под зонтом старичок.
И очень немного народа
На пристани ждёт катерок.

«Какая плохая погода!»
Дождь. Ветер. С пробросом снежок.
Как весело, как обречённо
Кружётся последний листок.

А ветер могучую реку
Пытается вздыбить конём
И сыплет срываемой пеной,
И брызги сверкают огнём.

Он так одинок и — свободен,
Понятен душе в этот миг.
И дорог, как всё в этом мире:
Дождь, ветер и этот старик.

Узоры декабря

До крыш посёлок занесён,
Как в век иной перенесён...
Кот спит, мурлыча, на печи.
Хозяйка ладит калачи...

На подоконнике герань.
А за окном такая рань,
Что свет звезды во тьме увяз
И не сумел дойти до нас.

* * *

И опять мне зимы не хватило.
Её плавных сугробов и вьюг.
Будто мимо промчался мой дальний,
Мой весёлый и преданный друг.

Одинокий фонарь. Свист метели.
Снег то быстро летит, то парит.
И декабрьский простуженный ветер,
Сквозь меня и сквозь годы летит.

И средь синего этого марта
Мне припомнится ветер и снег
И кружение бледных снежинок,
И позёмки стремительный бег.

Фиолетовых сумерек время...
Жёлтый свет из окна. Стол накрыт!
И у зеркала женщина в красном
На себя так печально глядит...

Ноктюрн

Люблю полночные вокзалы,	Я помню вашу доброту.
Их гулких залов дремоту.	Прощание с Еленой помню:
— Варшавский!	Лицо холодный дождь сечёт...
Витебский!	Ну почему перед разлукой
Балтийский!	Нам добрых слов не достаёт?

* * *

Чёрный иероглиф мокрой ветки
На прозрачно-оранжевом круге луны...
О чём он говорит?
О том, что скоро осень?
Иль что любовь ушла
И не вернётся?
А может, это знак моей судьбы?
Такой простой,
Такой неповторимый...

Всегда вопросов больше,
Чем ответов.

* * *

*Ещё шиповника кусты
И зелены, и кучерявы,
Но еле теплятся цветы,
И зори тёмные кровавы.*

Владимир Скиф

Ещё шиповник не отцвёл,
И солнце ярко багровеет,
Рябины гроздь, как кровь, алеет,
Но нет трудолюбивых пчёл.

Да... лето кончилось. Как жаль.
Сентябрь почти уж на исходе.
И лень какая-то в природе...
И так чиста, прозрачна даль.

Утрами луг совсем седой.
И пар при выходе туманен.

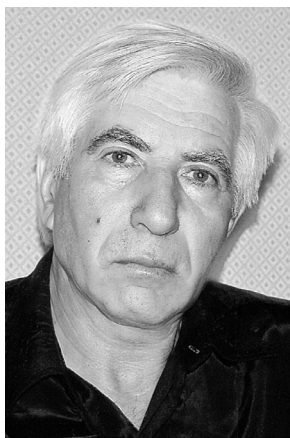
И мокрый березняк печален.
А сосен шум — такой живой!

И ценится опять уют
И треск сухих поленьев в печке.
Но не трещат уже кузнечики.
Туманы за окном плывут.

И ветер северный упруг,
А краски осени — так ярки!
И щедры осени подарки...
Но журавли летят на юг.

ВАСИЛИЙ ЗАБЕЛЛО

Из далёкого детства...

РАССКАЗЫ

Ласточка

— Смотри, Васька, журавли полетели.

Я взял бинокль из рук отца и, задрав голову, приставил к глазам. До слуха доносилось едва уловимое рыдающее многоголосье. В широкой просини я отыскал журавлиный клин, торопливо гребущий над горным перевалом.

— Пап, а что у них к хвостам прилепилось? Какие-то птички крылышками дрожат.

— Разглядел-таки. Это ласточки. У них, брат, взаимовыручка. Подумай, разве может такая маленькая птичка, как ласточка или, скажем, трясогузка, перелететь через моря и горы? Ветром сбросит. Вот журавли и выручают. Птица мощная, две-три ласточки тянет и не чувствует. Перелетят на буксире через гибельные места, а уж после добираются сами.

ЗАБЕЛЛО Василий Константинович, поэт, прозаик (род. в 1947 г. в пос. Утулик Иркутской обл.). С марта 2011 г. по октябрь 2013 г. возглавлял Иркутское региональное отделение СП России. Автор книг: *Ледостав*: стихи (Иркутск, 1984); *Семи Грехи*: стихи (М., 1988: Приложение к журн. «Молодая гвардия»); *Возвращение*: стихи (Иркутск, 1990: Стихи по кругу. Вып. 1); *И пройдут высоким строем птичьи стаи надо мной*: стихи (Иркутск, 1993); *Осенний пал*: стихи, рассказы (Иркутск, 2001); *Избранное*: стихи, рассказы (Иркутск, 2007); *Где родился — там сгодился*: стихи, рассказы (Иркутск, 2011) и др. Член Союза писателей России.

Этот эпизод из далёкого детства запомнился мне на всю жизнь. С тех пор каждую осень с отлётом птиц я ощущаю мучительную утрату чего-то очень близкого и дорогого. Одно утешает, что по весне вернутся. Но с каждым годом пролётных косяков становится всё меньше и меньше.

На дворе август. На Байкале говорят: «В июне ещё не лето, а в августе уже не лето». К Успению деревенские касатки покинут родные гнёзда. Карнизы изб и стрехи сараев осиротеют, а вместе с ними осиротеет и мы. Казалось, ещё вчера вдоль улиц на проводах, точно ноты на нотном стане, неподвижно сидели ласточки, а сегодня, глянь — ни одной. Они ещё какое-то время небольшими табунками живут на побережье Байкала, ловят над водой насекомых, которыми в эту пору изобилуют берега, но в деревню уже не залетают, ночуют где-нибудь под козырьками обрывистого берега или в лесу на болоте. С первыми журавлями откочёвывают на юг, по весне с ними же и возвращаются. Их прилёт означает стойкое бесповоротное тепло, ровно, как и отлёт — конец сибирского лета.

В начале осени на рыбалке я не единожды самозабвенно наблюдал, как наши касатки, то и дело, чиркают брюшками по зеркалу воды, ловят насекомых, хаотично гоняются друг за другом, наращивая упругость в крыльях, выкручивают многосложные петли и зигзаги, после, сливаясь с береговой чертой, исчезают. Но вскоре, откуда ни возмись, шумно и весело появляется новая ватажка ласточек — и всё повторяется.

В то памятное утро отец посадил меня за вёсла, и я грёб в море к сетям. Туман едва рассеялся, было знобко и сыро. Мы отошли от берега мили на полторы. Отец, высматривая баклушку, привязанную к сетям, направлял румпелем лодку. С боку покоилась двустволка на случай утиноного пролёта. Я в очередной раз машинально поддался вперёд и занёс вёсла. Вдруг на правом весле, как по волшебству, появилась ласточка. В это время весло врезалось в воду, и она в мгновение ока перелетела к отцу на колено. От удивления мы замерли, соображая, что сие означает? Раздавшийся пронзительный свист вывел из оцепенения. Над нами, вибрируя крыльями, завис кобчик. Отец схватил ружьё и выстрелил. Кобчик ошалело понёсся к берегу и скрылся из виду. Тотчас вспорхнула и ласточка, выписав над нами полукруг, она полетела к своим и вскоре также исчезла. Туман окончательно рассеялся, и солнце, брызнув лучами, засверкало по воде медными бликами.

— Ишь ты! — рассуждал отец. — Заигралась и попала под прицел кобчика. Мы, Васька, её случайные спасители. — Немного помолчав, радостно добавил: — У кого, как не у человека искать защиты...

Камыш

Бывало, в детстве забегаешь до густых вечерних сумерек, упадёшь в траву, а над тобою звёздное небо, и сколько в нём притягательной и в то же время пугающей тайны, и ты непостижимыми нитями, обо всём забыв, трепетно привязан к ней, привязан к этому мерцающему мирозданию, к Богу, о котором ты много слышал от мамы и знаешь, что Он всё видит и знает, и обмануть Его невозможно. Бог везде и во всём. Ты глядишь в небо, и твои детские чувства и мысли ещё неосознанно обращены именно к Нему. И только голос матери, зовущей тебя домой, нечаянно нарушает раздумья и возвращает из плена небесной тайны. Мама прижмёт к себе, поцелует, пригладит вихор на твоей русой голове и скажет: «Какой ты у меня забывчивый обещалкин, и когда научишься вовремя приходить домой? А телогрейка где? Опять оставил на поляне?»

Теперь той поляны нет, и нет того звёздного неба. Нет и мамы, и ты, вошедший

в могучие лета, больше и чаще думаешь о земном, нежели о небесном. И только слёзная скорбь да светлая память, что очищают душу, возвращают к Богу. И ты смутно начинаешь осознать, что ты есть дитя неба, а не земли. «Господи, помилуй мя грешного!»

Мне было пять или шесть лет, когда мимо окон пронесли мальчика, моего ровесника, утонувшего в колодце. После этого я долгое время панически боялся кладбища. Издали завидев чужеродную природе краску могильных оград и памятников, я наглухо смыкал веки и с закрытыми глазами, поднимая выше обычного колени, прошлёпывал злосчастное место, и только, когда чувствовал, что оно уже позади, открывал глаза. Но сердце, готовое выпрыгнуть из груди, успокаивалось не сразу. Сегодня о старом заброшенном кладбище воочию напоминает единственная железная оградка синего цвета, перевитая высоким бурьяном. Там в 1958 году была захоронена молодая учительница Майна Васильевна Лысова. Зимним вечером она переходила железнодорожные пути, нога скользнула с рельса и оказалась зажата пером стрелочного перевода. Что же касается первых насельников погоста — ни крестов, ни имён, ни плит надгробных, только дорога, которую, как по шнуру, пробили они через лес к Байкалу, давая волю свежему бризу, поведает вопрошающему прохожему о жизни проистекшей в этом краю. Именно той дорогой мимо кладбища приходилось мне наугад вслепую пробегать, гремя удилами уздечки, в поисках Камыша Гнедовича, как любил величать отец нашего любимого коня гнедой масти. Камыша я не боялся.

Это был испытанный коняга с породистым ирбином и тавром на задней холке, опалённый порохом войны, списанный с военной службы по возрасту и, согласно предписанию, передан в лесничество моему отцу — бывшему фронтовику, к тому времени лесному объездчику. Камыш и под седлом ходил исправно, и в упряже, и с плугом бороздой, словом, не конь, а подарок свыше, любимец детворы, и не только... Многие обращалось к отцу: кому дров подвезти, кому огород вспахать, кому свадьбу справить, кому похороны, да мало ли какие ещё нужды и требы приходилось выполнять с Камышом по просьбе селян. Неиссякаемое божеское терпение и миролюбие, особенно к детям, было заложено и воспитано в нём в суровую пору войны. Мы, мальчишки, буквально висели на нём, лазили между ног, с подбрюшья сковыривали присохшие бляшки, чистили уши, расчёсывали гриву, на подъёме в гору привязывались к хвосту, в сенокос на волокушах наперебой по очереди, сидя на загривке, подвозили к зароду копны. Любимым занятием у нас было чистить Камышу веки, выбирать впившуюся в мягкие места и между ресниц кровососную мошку. Камыш обычно подходил к тому, кто больше нравился, защипывал губами руку и, мотнув склонённой головой, просил почистить. Пока выбирались кровососы, стоял смирно, только помаргивал, закрывая большие бездонные глаза, в которых отражался мир. От него всегда приятно пахло парной пашней и обкошенным лугом. Почистишь веки, аккуратно смажешь дёгтем, после, обхватив голову, прижмёшься щекой к мягким губам — и снова к волокушам возить копны.

В рыбацкой артели без Камыша тоже не обходилось. Его обязанностью было вытаскивать на каменистый берег четырёхвёсельную, гружённую выбранными снастями и рыбой лодку. Благо, если Байкал был зеркально спокойным, тогда можно было не торопясь привязать к упряже канат, прикреплённый к носу лодки, и под крик «Пошёл!», помогая коню, вытягивать её на берег. Но бывало и так: разыграется шторм, раскидает покота, по которым закатывали лодку, подойти к берегу с моря рискованно и опасно, не дай Бог, замешкаешься, того и гляди, собьёт волной и накроет перевёрнутой лодкой. Не единожды по пояс в воде вдвоём-втроём, напрягая жилы, приходилось рыбакам выправлять и удерживать поставленную лодку бортом к волне. Тогда-то и выручал Камыш. Кожились из последних конских сил, часто всхрапывая, под грохот прибоя он тянул и вытягивал гружёную, вдобавок захлёстанную волной лодку, словно

пушку на поле боя. Камыш всё понимал и выполнял свою работу дюже ответственно. К тому же конь был удивительно чистоплотным: из грязной или чужой посуды пить и есть не заставишь. Я всегда с интересом наблюдал, как, выдув ноздрями рябь по воде, фыркнув, Камыш споро выпивал двенадцатилитровую бадью и, вскинув голову, просил ещё. Помнится, до первой тони пять километров едем тряской грунтовой. Камыш бежит рысцой, на ходу приподняв хвост, густо обдаёт нутряным духом, под колёса телеги роняет парящие шивяки. Отец, оборачиваясь, говорит: «Вишь, Васька, Камыш нас обдал луговиной, точно ладаном. Мы же морды не воротим, а поставь человека в оглобли... Этим, парень, и отличается травоядное от хищников да вроде нас, всеядных. На вожжи, учись править».

В шесть лет старшие братья посадили меня на коня, на загривок. Сначала Камыш шёл шагом, потом рысью, потом плавно понёс галопом через поле. От страха я судорожно вцепился в гриву и заорал. Камыш нёс, я орал... и вдруг подумал: чего ору, ведь не падаю же, и, слившись с гривой, замолчал. У калитки Камыш осел и передал меня в руки отцу. Так случился мой первый урок верховой езды. К восьми-деяти годам я уже с уздечкой разыскивал у побережья Байкала пасущегося на медоносах коня. Подводил к валежине, взбирался на загривок и скакал к дому, где поджидал отец. Однажды конь пасся на клеверах за кладбищем, и я его не привёл. Я слышал, как глухо боталило ботало на шее у Камыша, но ступить за кладбищенскую ограду было выше моих сил. Меня ожидала порка. Обычно за непослушание или провинность батяня выписывал основательно. Зажимал голову между ног, спускал штаны и по голому задцу... Хорошо, если ремень был широким, не так больно, но если же под руку отцу попадал узкий кожаный поводок от собаки, который буквально вжигался десятками ос, тогда поневоле заорёшь благим матом: «Папа, золотой-серебряный, прости, больше не буду!», прикрывая при этом ладонями причинное место. Теперь понимаю, что мало порол, ещё много дури во мне осталось. Но именно в тот раз я впервые сознательно перед тем как переступить порог избы обратился к Богу, прося у Него защиты: «Боже, сделай так, чтобы папа не порол». И — о чудо! — отец, выслушав меня, только и сказал: «Ладно, иди помоги матери на огороде».

Как-то вернувшись с рыбалки, в пригоне я не увидел Камыша. По ограде, надвинув на глаза кепи, мрачный, будто чего потерял, суетливо шастал батяня. Я спросил: «Где Камыш?» Отец виновато и скорбно взглянул на меня и дрогнувшим голосом произнёс: «Нет больше Камыша, увезли в Култук на колбасу».

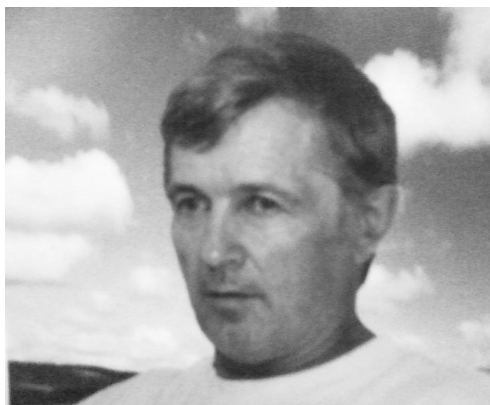
Мир тотчас померк, стал пустым и ненужным; и телега в ограде, и розвальни под навесом, на которых зимой вывозили сено, и волокуши у тына, бадья у колодца и ботало, сиротливо висевшее на гвозде, и вся конская упряжь враз потеряли всякий житейный смысл. Я забрался на сеновал, зарылся глубже в сено и горько заплакал. Надо мной в гнезде под крышей хлопотливо щебетала ласточка, кормила своих желторотиков, но и она была не в радость, хлопотала где-то далеко по другую сторону жизни. С той поры прошло много лет, но светлую живую память о Камыше, о коне моего детства я пронёс через всю жизнь.

К конской колбасе не притронулся ни разу.

ПОЭЗИЯ

СЕРГЕЙ БЕРЕСТЕНЬ

В сочном свечении спелой луны...

История-сказка

...И примет он смерть от Тельца своего

О том, как Россию мечом попить,
Мы знаем уроков не мало
И помним, как ворогов тёмную рать
Россия на штык поднимала.

А кто же направил любовь да совет
В нехитрую русскую душу?
Крестьянин Илья да монах Пересвет,
Да Марья с певуньей Катюшей.

И хлебом и верою с давних времён
Крепка была наша держава.
Природой, красотой и умом испокон
Гордилась Россия по праву.

Случались в России и Змей, и Кощей,
О чудесах слышали слыхом,
Да только смешон стародавний злодей
В сравненье с сегодняшним Лихом.

БЕРЕСТЕНЬ Сергей родился в самой середине прошлого века. Вырос на Ангаре в с. Коновалово Балаганского района. Жил в Чуне и в Усть-Илимске. Стихи и рассказы печатались в газетах «Усть-Илимская правда», «Вечерний Усть-Илим», «Иркутский авиастроитель», «Мои года», в журнале «Северо-Муйские огни», в «Иркутском альманахе». В 2007 и 2008 гг. до переезда в Иркутск был руководителем литературного объединения «Поиск» при редакции газеты «Усть-Илимская правда». Автор двух сборников стихов: «Мгновения» (2005), «Перекаты Судьбы» (2011). Живёт в Иркутске.

История-сказка, да в сказке намёк.
И если читать не без толку,
То можно, просеяв истории стог,
Найти в этом стоге иголку.

Игла телебашен, игла наркоты
Щетинятся войском несметным,
Иглой перечёркнутой встали кресты,
Да медлят с движеньем ответным.

Ужель Пересвета пронзила игла,
Коль «чахнут» иуды над златом?
Ужель вся дружина в бою полегла,
Коль топчется Русь супостатом?

Закончится ль миф о бессмертном Тельце?
Помчится ли витязь за море,
Найдёт ли иголку в заморском яйце
В большом сундуке на офшоре?..

Ритмы ночного неба

А вы твердите, мол, хорей...

М.Орлов

Нет луны на ночном небосводе,
За окном беспокойно, темно,
Ветер бесится, рвёт, колобродит
И швыряется снегом в окно.

Уж который листочек впустую —
Нет спокойного ямба в строке,
Всё ритмичней анапест диктует
Громкий ставень на шатком крючке...

Нет, не дело душою лукавить
И на ставень обиду копить;

Нужно выйти и ставень поправить,
И надёжно крючок закрепить.

Вот и всё, тут и дел-то — минута.
Я опять у ночного окна.
Только кажется мне, что под утро
Засветлела сквозь тучи луна...

Да и ветер уже не нахрапист...
Я беру карандаш поскорей,
Чтоб с зарёю тяжёлый анапест
Превратился в игривый хорей...

Увертюра для дуэта

Алёне Светлой,

автору сборника стихов «Мелодия разлуки»

Я не силен в музыкальной науке —
Путаю, часом, с диэзом бемоль.
Мне не сложить непослушные звуки
Так, чтоб последним аккордом разлуки
Выразить сердца щемящую боль.

Но, пережив расставания муки
В споре с Судьбою один на один,
Годы спустя после скорой разлуки
Смею сказать, что цена этой «штуки»
Не окупается блеском седин.

Не размыкай ослабевшие руки,
Шаг опрометчивый останови!
Стихнут поспешные блюзы разлуки,
Сладятся близких сердец перестуки,
И зазвучит увертюра любви!

Предзимье

Низкими тучами небо обложено,
Дождь затяжной моросит.
В тёплой постели под старой валёжиной
Мышка таёжная спит.

Снится таёжнице солнце лучистое,
Ласковый летний денёк...
Падает с дерева шишка смолистая —
Сонюшке не до неё.

Тянет ко сну и другого таёжника.
Вяло забравшись на сук,

Дремлет, прижавшись к стволу остороженько,
Шустрый зверёк бурундук.

Редкая капля под хвойною кроною
Тронет их сытый уют.
Разве что, споря, ворона с вороною
Изредка спать не дают.

К близкому снегу — зверьё не торопкое,
Травы прильнули к земле —
Осень шагает таёжною тропкою
Предупредить о зиме.

Гармония хаоса

Синело небо, даль была чиста,
Шепталась тихо с ветерком берёзка,
Роились гроздья ягод на кустах,
Бежала тропка светлою полоской...

А по-над тропкой крошка-муравей,
Впервые дом родительский покинув,
Спеша к плодам в сплетении ветвей,
Коснулся лапкой липкой паутины.

Мгновенно сеть в движение пришла,
Оставила беднягу без опоры,
Крутнула, растянула, обвила...
И вновь застыла радужным узором.

И вот уже на крыльях ветерка
Летит берёзки восхищенный шёпот
Про быструю победу паука
И муравьишкин невесёлый опыт.

Богата жизнь похожестью картин.
И очень даже может оказаться,
Что стали нити липких паутин
Причиной гибели цивилизаций.

А знает ли «заоблачный» философ,
Разгадывая тайну бытия,
О роли тли на лапке муравья
В гармонии вселенских перекосов?..

Перезарядка

Скрылся за сумраком дальний кедроч,
Ближе к костру подступили ели,
Чайник чуждымкнул, как сытый косач,
Угли в золу осели...

Ветка не хрустнет под чуткой ногой.
Стихли шаги осторожной ночи.
Тихая, тёплая тьма над тайгой,
Лишь ручеёк бормочет.

В сочном свечении спелой луны
Гроздья созвездий в ветвях повисли.
В тон ручейку в берегах тишины
Тихо струятся мысли.

Не пропоёт мне сегодня концерт
Звёздно-презвёздная рать с экрана,
И не получит меня на десерт
Жадная пасть дивана.

Старый дружище рюкзак под щекой,
Ворох прогретой хвои под боком.
Тихо сползает с души непокой
Под лунно-звёздным окном.

Весь на виду, как школяр у доски,
Жизнь свою множу, делю, слагаю...
Звёзды, как школьники-озорники,
Шепчутся, помогают.

Шумно листву встрепенул ветерок.
Птицы запели, покинув гнёзда.
Как по звонку, не дослушав урок,
Вмиг разбежались звёзды.

Ночь, проведённая не в шалаше,
К дому без малого сутки хода...
Так отчего ж так легко на душе?
Может, от кислорода?..

* * *

«Коль срубишь ты дерево — два посади.
Тогда, на труды твои глядя,
Твой правнук, что будет шагать позади,
Срубив их, четыре посадит».

Отец на примере да парюю слов
Учил экономике сына
И удочку сыну на добрый улов
Вручал как мужчине мужчина.

Легко ли прошедшему школу отца
Смотреть без тяжёлого вздоха,
Когда экономике учат юнца
Сосед или отчим-пройдоха?

«Зачем нам корову сегодня кормить?..
Одни только хлопоты с нею.

Продать её нужно, а деньги вложить
В соседа — соседу нужнее.

Зачем нам трудиться с утра у пруда,
Чтоб вытянуть рыбку к обеду?..
Ведь удочку можно соседу продать,
А рыбку купить у соседа.

Зачем нам какие-то пяди во лбу?..
Легко и без них изловчиться,
Соседу продав нефтяную трубу,
Бензин покупать за границей.

Зачем нам сегодня возиться с жильём?..
Не лучше ли, зелья отведав,
Жильём за долги расплатиться с жульём,
А жить попроситься к соседу...»

После ссоры

В дальней лесной глуши
Долгий ночлег без сна.
Звёзды — и ни души,
Думы и тишина.

Бурный смирив разбег,
Мысль обрела покой —
Русла двух разных рек
Станут одной рекой.

Реку не развернуть,
Значит, любовь права...
Лёгок обратный путь —
Найдены все слова.

Снова мечты полёт,
Снова надежды зов.
Радостный круг забот,
Тёплый надёжный кров.

ВАЛЕНТИНА ШАБАЛИНА

Искупление

РАССКАЗЫ

Серый адъютант

Несколько унылых пятиэтажных домов образуют неуютное пространство, которое принято называть двором. В одном из этих домов живу я, и это мой двор, который я не люблю и стараюсь поменьше бывать в нём. Через двор в разные стороны, где есть проезды и проходы между домами, протоптаны жителями, наперекор генеральному плану, тропки, ведущие в разные магазины. Есть хлебная тропа, овощная, гастрономная, водочная. По одним каждый день курсируют туда сюда женщины с авоськами, по другим — пьяненькие мужики. А ещё много бездомных собак. Небольшие, с кривыми ногами, но полные веселья и достоинства, они бегают вместе с ребятишками по большому грязному двору, вечерами провожая каждого из них до подъездных дверей.

В семилетнем возрасте мой сын Женя и его друг Серёга были заядлыми собачниками. Собаки бродили за ними пёстрой ободранной стайкой, и каждая получала свою частичку тепла и любви от этих мальчишек.

ШАБАЛИНА Валентина родилась в 1956 г. в г. Иркутске. В 1978 г. окончила Иркутский политехнический институт по специальности «Архитектура». Работала архитектором и дизайнером в проектных институтах. В 1993 г. принимала участие в конференции «Молодость. Творчество. Современность». Пишет сказки, рассказы, пьесы, киносценарии. Печаталась в газетах «Советская молодёжь», «Восточно-Сибирская правда», «Дилижанс», «Скворечник», в журнале «Сибирь», альманахе «Первоцвет». Автор двух сборников и детской книги сказок.

Водил стаю молодой пёс по кличке Серый, с простовато-нахальной мордой и замашками участкового. Длинное туловище, короткие ножки и густая непримиримовихрастая шерсть придавали ему смешной и нелепый вид. Этот Серый не любил пьяных. Возможно, в ранней молодости натерпелся от них горя и теперь боролся с пьянством всеми своими собачьими силами. Когда на водочной тропе появлялся ничего не подозревающий подвыпивший «индеец» с соседнего завода, Серый выскакивал из-за кустов и грозно гавкал ему в спину. Низкий голос не соответствовал малым размерам пса, поэтому ему достаточно было гавкнуть один-два раза, но если в руках у «индейца» была бутылка водки, она падала и обязательно разбивалась об асфальт. «Индеец» со страхом оборачивался, надеясь увидеть у себя за спиной собаку, ростом с телёнка, но перед его туманным взором стояла серая наглая шавка. И поверх разлитой водки разливался отборный многоцветный монолог, к сожалению, не на индейском языке. Серый тут же отбегал на недостижимое расстояние и оттуда молча наблюдал людское горе, получая огромное собачье удовольствие.

Ещё Серый не любил женщин, сидящих на скамейках возле домов и перемивающих всем, кто появлялся в поле их зрения, кости. Проходя мимо них, он тихонько рычал и скалил зубы, выражая этим несогласие с их поведением, за что очень быстро впал в немилость у скамеечных сударынь, поэтому Серый никогда не задерживался около них. Я так же, как и он, всегда старалась быстрее преодолеть пристрелянное сударынями поле, так как кости мои были ими отмыты до девственной белизны.

Особой любви к Серому я не испытывала: бегают пёсы во дворе, ну и пусть бегают. Кормил его сын, я же только собирала кости и остатки ужина со стола. Чувствуя собачьим чутьём моё к нему прохладное отношение, Серый никогда не подходил ко мне, всегда держался на почтительном расстоянии. Даже когда я забирала со двора сына, он шёл за нами метрах в трёх, не решаясь приблизиться, хотя только что радостно прыгал рядом с ребёнком, выражая свой восторг. Чтобы не было неприятностей с соседями, сыну строго-настрого было запрещено приводить в наш подъезд собак. Собаки понимали это, и если, бывало, забегали в другие подъезды, то порог нашего не переступала ни одна.

Как-то после работы, зайдя на рынок и в магазины, нагруженная двумя полными сумками, возвращалась я домой. Мартовский вечер мыл снежной тряпкой дороги, но, так и не домыв до конца, бросил свою работу и убежал до следующего утра. Перешагивая через лужи, стараясь попасть ногой на кусочек влажного, уже без снега асфальта, шла я по дороге, увёртываясь от фонтанов воды, вылетающих из-под колёс летящих машин.

Из дальних уголков памяти всплыли слова старой студенческой поговорки:

*Если руки сильные и большая грудь,
То не архитектором — грузчиком ты будь.*

Как заезженная пластинка, эти слова вновь и вновь прокручивались у меня в голове, и, как ни старалась я избавиться от них, они не хотели уходить восвояси. Уставшая от сумок и надоедливых слов, зашла я в подъезд. Поднимаясь на свой этаж, увидела, что там опять нет света. Лампочки на площадке больше недели не выдерживали: они либо перегорали, либо их выкручивали.

Тяжело вздохнув, шагнула в темноту. «Хоть бы дома кто-нибудь был», — с тоской подумала я, ругая себя за то, что на свету не нашла ключ.

Повернув к своей квартире, шагнула на коврик, почувствовав, как тонкий каблук сапога утонул в чём-то мягком.

Под ногой взвизгнуло, хрюкнуло и завопило так душераздирающе, что я, быстро одёрнув ногу, сделала шаг назад, сразу наступив ещё на что-то. За спиной взвыли на таких высоких нотах, что мурашки побежали по телу. Ничего не понимая, я прижа-

лась спиной к стене, соображая, кто это и сколько их здесь. В просвете третьего этажа я увидела, как по лестнице, дико воя, катится серый шарик.

Прошло несколько дней. В субботу у меня была назначена встреча и поэтому взглянуть надо было, что называется, на все сто. Зимнее пальто в сторону: на улице солнышко и снега почти нет. Вместо него вот это синее с ламой, и ещё шляпу с полями. А где мои австрийские сапоги? Я достала из шкафа коробку. Вот они, мои красивые сапоги с каблуками-шпильками в двенадцать сантиметров. Ношу я их редко, потому что в них можно либо ездить в машине, либо лежать, ходить в них трудно. Зачем я их купила, не знает никто, даже я. Но сегодня придётся эти сапоги надеть. Я подошла к зеркалу и ещё раз придиричиво осмотрела себя.

— Непереносимая красота! — хмыкнула я и, захлопнув дверь, сбежала по лестнице на улицу.

На улице было тепло и прекрасно! Я вдохнула мартовский воздух и покачалась на каблуках: надо было к ним привыкнуть. И тут я увидела Серого, который бежал мимо подъезда живой и невредимый. Увидев меня, он остановился, потом присел на задние лапы и стал рассматривать, наклоняя голову то на один бок, то на другой: в таком наряде он меня никогда не видел. «Собака и та красоту понимает», — подумала я, а вслух сказала:

— Серый! Слава Богу, живой!

Услышав мой голос, он радостно завилял хвостом и впервые, как-то робко, подошёл ко мне. В его глазах светилась неподдельная радость, восторг и ещё что-то, что просто называется собачьей любовью. Господи, после того как я на него дважды наступила, ему бы на меня залаять или укусить в отместку, а он меня простил, да ещё и радуется чему-то. Повинуясь внезапному порыву, я наклонилась и погладила собаку по голове. Серый прикрыл глаза и, вытянув вперёд морду, оскалился неподражаемой звериной улыбкой.

О-о, теперь-то я знаю, что прежде чем погладить по голове собаку или мужчину, надо хорошо подумать, стоит ли это делать и какие могут быть последствия. Но тогда, тогда была только жалость, какое-то чувство вины перед собакой, хотя к пострадавшим можно было отнести и меня.

Я шла через двор, разговаривая с Серым о недавнем происшествии. Он бежал рядом и слушал с каким-то упоением. В его глазах можно было прочесть: «Говори, говори, слушать тебя одно удовольствие!»

Наверное, одно то, что он осмелился подойти ко мне, а я снизошла до того, что заговорила с ним, придавало ему смелости. Он бежал рядом со мной, ни на шаг не отставая.

«Не хватало ещё, чтобы он побежал за мной на улицу, — подумала я, взглянула на собаку и поняла: — Этот пойдёт за мной на край света». Внутри у меня похолодело.

— Серый! Смотри, Женя идёт! — показала я рукой в дальний угол двора, где показался какой-то мужчина.

Серый насторожился, посмотрел в сторону вытянутой руки и бросился навстречу мужчине. На полпути, разглядев в идущем чужого, он остановился и недоуменно посмотрел в мою сторону, как бы говоря:

«Ну ты даёшь! Сына не признала».

Я же спешила на своих шпильках быстрее пробежать через двор. Почему-то мне казалось, что со двора на улицу он не пойдёт. Серый принял всё это за игру и тут же простил мне мою ложь.

На улицу мы вышли вместе. Я ловила недоуменные взгляды людей, которые не понимали, что может делать этот уродец у ног разодетой дамы.

— Иди домой! — сквозь зубы прошипела я.

Серый и ухом не повёл, он бежал, как на поводке, рядом со мной, и блаженству его не было предела. Причём смотрел он только на меня.

— Смотри вперёд! — буркнула я. — Шею свернёшь, в гипсе ходить неудобно.

Мы подошли к остановке трамвая, люди, ожидающие транспорт, бросали заинтересованные взгляды на непонятное поведение собаки. Нервы мои сдали.

— Иди отсюда!! — зло бросила я и зашла на почту. Пересажу здесь, время ещё есть, заодно заплачу за телефон. Может, ему надоест ждать и он убежит во двор? Время выжималось из пространства медленно и тягуче, стрелки постоянно умирали на циферблате часов и трудно поддавались воскрешению. Я перечитала все объявления на стенах, а прошло только двадцать минут. Открыла тихонько дверь — сидит. Маленький сфинкс серого цвета неотрывно смотрел на дверь и, как только я показалась, привстал и радостно завилял хвостом. Захлопнув дверь, я села на скамейку — посидим ещё. Дополнительные десять минут добровольного почтового заключения дались мне с большим трудом. Но, как известно, заключение, даже если оно добровольное, не делает из человека — человека. Какое-то гадкое чувство ненависти к этой собаке стало рождаться внутри. Я выскочила на крыльцо почтамта и, топнув ногой, бросила зло и решительно:

— А ну, брысь отсюда! И чтоб я не видела тебя рядом с собой! — повернулась и пошла к трамвайной остановке. Он, простив мне мою невоспитанность, засеменил следом.

Подошёл трамвай. Не долго думая, я заскочила на последнюю площадку вагона. Адьютант серой тенью бросился за мной. Пришлось выйти из трамвая вместе с «тенью» на следующей остановке. Я посмотрела на часы, кажется, уже опаздываю на встречу, но с таким адъютантом идти тоже нельзя. Спасительный план пришёл в голову внезапно, как только я увидела длинный промтоварный магазин. Особенность этого магазина заключалась в том, что у него всегда были открыты по одной двери по краям, остальные три были закрыты, и я не помню, чтобы они когда-либо открывались.

Я быстро пошла через небольшой скверик к спасительному магазину. Навстречу мне шёл молодой мужчина лет тридцати. Мужчина остановился и крикнул мне уже вслед:

— Девушка, подождите!

Я оглянулась. Мужчина шёл ко мне. На прямой, соединявшей меня с ним, уже стоял Серый.

— Подождите, не уходите!

В ответ послышалось тихое рычание адъютанта.

— Девушка, я хотел с вами...

Остальные его слова потонули в злобном лае Серого.

— Да уберите вы свою собаку!

— А это не моя собака, — ангельским голосом сказала я и бросилась к магазину. Какое-то время за спиной ещё раздавался злобный лай, но вот он уже затих, а я ещё не добежала до заветной двери. Будь проклят тот день, когда я купила эти сапоги!

Серый догнал меня у самой двери. По его милейшей физиомордочке я поняла, что хотя я принародно от него отказалась, он простил мне это предательство. Если так дальше пойдёт, то свидание сегодня может не состояться: если один мужчина благополучно унёс ноги, то от второго мне могут остаться на память только лоскутки.

— Жди меня здесь! — строго сказала я и нырнула в темноту магазина.

Пробежав через весь магазин на скорости, какую только могли выдать мои шпильки, я открыла спасительную вторую дверь.

— О Боже! — напротив двери сидел Серый. Как, каким образом он разгадал мой маневр, до сих пор остаётся для меня загадкой.

Он подошёл ко мне, простив мне и этот обман, и в его ласковых глазах светился вопрос: «Ваше Высочество, куда теперь пойдём?»

— Куда, куда... домой пойдём, — сказала я и повернула в сторону родного двора. Под конвоем добровольного адъютанта добрела я до своего дома.

— Ну, теперь ты доволен... участковый? — спросила я и, махнув ему рукой, зашла в подъезд. Через несколько минут я смотрела из окна, как он весело бегал с мальчишками по двору.

«Удивительное существо — простил мне ложь, обман и предательство», — думала я. Тогда я даже не могла себе представить, что вижу его в последний раз.

Рано утром, как всегда, я бежала на работу. Навстречу шла заплаканная дворничиха тётя Лиза.

— Доброе утро, тётя Лиз! — крикнула я. — Что случилось?

Она махнула рукой и вытерла глаза:

— Собак потравили. Надо бы убрать, чтобы ребятишки не увидели, а я не могу.

Я остановилась.

— Как отравили? Всех?

— Всех.

Молча мы зашли с ней во двор. Собачьи трупы лежали там, где их застала смерть. И было в этой картине что-то нереальное и страшное.

— Кто это сделал?

— Те, с первого этажа, — дворничиха показала рукой на соседний дом. Там жила семья правдолюбцев и честных граждан. — И как таких людей земля только носит...

— А Серый где? — не видя его и втайне на что-то надеясь, спросила я.

— Вон там, на дорожке под кустами.

Я посмотрела в ту сторону и увидела серое тельце маленького адъютанта. Он лежал ко мне спиной, и морды его я не видела. Подойти ближе не хватило ни сил, ни смелости.

Детский остров

Я городской житель, родилась и выросла в городе, но родители мои из деревни. Мой дед по папиной линии, после раскулачивания, когда Украину в 1933 году душил мор и голод, собрал оставшиеся пожитки, посадил в поезд жену и четверых малолетних детей и уехал в Сибирь.

Вышел на полустанке в сибирской деревне из нескольких десятков домов, но строиться там не стал, а построил хутор с двумя товарищами в стороне от деревни. Там у него родился ещё один ребенок. Когда приехал регистрировать сына в сельсовет, бурят, работавший там, посмотрел на ребёнка и сказал:

— Однако, русский.

И в графе «национальность» записал — «русский». Так в украинской семье появился «русский» ребёнок.

Подростки быстро разлетелись по белу свету. Умер дед, и осталась его вдова Елена Ивановна. А вскоре опустевший было дом наполнился детскими голосами: это повзрослевшие дети привозили ей внуков на лето.

Недалеко от дома протекала речка. Так себе речка, не судоходная, не полноводная, но рыба была. Два десятка лодок зимой мирно покоились на высоком речном откосе, чтобы весной при разливе река не прихватила их с собой в далёкое путешествие. А как только шуга сходила, лодки смолили и спускали на каменистый берег ближе к воде. Напротив деревни был остров, назывался он Детским. Островок маленький, вокруг него ивы плакучие ветками к самой воде склонились, будто прощения у неё за что-то вымаливали. От берега до острова метров пятьдесят, и если вброд идти — взрослому человеку по пояс будет. Каждую весну, как только река вскрывалась, появлялись на ветках ивы разноцветные шёлковые ленты. И что удивительно, никто никогда в дерев-

ни не видел и не знал, кто и когда эти ленты привязывал. А привязывали их по ночам и только ранней весной. Вечером мы играем на берегу, лент нет. Утром встанем, а на ветках новые, невыцветшие ленточки в воде полощутся. А ведь лодки ещё не смолили и с откоса не спускали.

В этом месте реки течение не быстрое, летом вода прогревалась, и ребяtnей мы с удовольствием плескались и плавали на чёрных автомобильных баллонах, но на остров не заплывали, хоть и назывался он Детским. Жутковато на нём было. Разные страшные истории придумывали мальчишки про тот остров.

— Один убийца крал маленьких детей, выпивал из них кровь и съедал сердце, — самозабвенно врал мне и сестре Гале десятилетний двоюродный брат Вовка, — а потом закапывал детей на острове, поэтому его и называли Детский остров. И сейчас чёрной-чёрной ночью, чёрные-чёрные дети встают из могил и тянут свои чёрные-чёрные руки, и говорят... — Вовка тянул к нам свои худые, грязные в цыпках руки и вдруг орал во все горло: — Отдай моё сердце!

— А-а-а!! — вопили мы с Галей и убегали под бабушкину защиту.

— Да чтоб ты жил лучше всех, пакостник! — баба Лена шлёпала Вовку по затылку. — Ты зачем их пугаешь?

Когда я выросла и стала матерью, бабушка рассказала, что эти ленты привязывают женщины, которые сделали аборт или ребёнка потеряли. За каждую убиенную душу по ленточке. И в наказание себе идут они по ночам по поясу в ледяной воде до острова, так они просят прощения у тех, кому не разрешили прийти в этот мир.

— Мать сама себя наказывает, когда приходит понимание того, что она сделала, и никто не может наказать строже: ни люди, ни Бог, — говорила бабушка.

Жизнь закрутила, завертела: работа — дом — дети — работа — дом...

И когда в семейной жизни возникла проблема и встал вопрос «что делать?», решила всё сама. За всех решила, никому ничего не сказала, ни у кого совета не попросила. Утром ушла, вечером пришла. Всё. Проблемы нет.

И опять все с начала: работа — дом — дети — работа — дом...

Год пролетел незаметно. А после началось: увидела как-то на улице молодую женщину с белым свертком в руках, перевязанным розовой лентой, и вдруг подумала: «Я бы сейчас также с Ней гуляла».

Дальше — больше. Увижу ребёнка, неуверенно шагающего по дорожке, и думаю: «И Она сейчас делала бы первые шаги... А вот теперь Она пошла бы в детский сад».

Жизнь кипела вокруг меня, и я вместе с нею летела куда-то, дышала, любила, а где-то внутри меня, в самых потаённых уголках души семь лет подряд что-то, как метроном, отсчитывало время не рождённого мной ребёнка. Подруги недоумевали:

— Все через это проходим. Забудь. Тебе детей надо поднимать, надо жить дальше.

Больше ни с кем и никогда не говорила об этом. Просто жила дальше. Да и кому интересно, что при виде ребёнка у тебя внутри оборванной струной рвётся нерв, хотя при этом ты улыбаешься и что-то говоришь. Ни родным, ни знакомым это не интересно, у них свои заботы, своя жизнь. И ты остаёшься один на один с собой и со своей невысказанной болью. И только одна подушка знает, что у женщины, которая не плачет, тоже есть слёзы.

Последняя капля страдания переполнила сердце весной. Я бежала по аллее и улыбалась всему: весне, деревьям, людям. Впереди на одной из скамеек сидела молодая мама лет двадцати. Рядом с ней полуторагодовалая девочка в красном комбинезоне стучала лопаткой по скамейке. Вдруг девочка обернулась, увидела меня, обрадовалась и закричала:

— Мама! Мама! — и бросилась ко мне.

Молодая женщина схватила её и прижала к себе:

— Я твоя мама! Это чужая тётя! Я твоя мама! Не смотри туда!
Но девочка вырывалась, тянула ко мне ручки и пронзительно кричала:
— Мама!!

Пробегая мимо, я улыбнулась девочке и скрылась за поворотом. И тут началось: горло сдавило, и откуда-то изнутри вырвался глухой раздирающий сердце стон, который копился семь лет, и рыдания захлестнули меня. Я шла, от слёз не видя ни людей, ни машин, а в голове звучал детский голос: «Мама! Мама!»

Я зашла в кассу и купила билет на поезд. Надо успокоиться, собраться с мыслями подальше от людей и дел. Взяла отгул, домашним сказала, что на выходные поеду к бабушке, помочь по хозяйству. И уехала.

Трудяга поезд тащился по рельсам, останавливаясь на каждой станции и полустанке, пропуская пролетающие мимо скорые поезда и задыхаясь от запаха мазута, проходивших товарняков. Ехать несколько часов. В голове вертелись мысли: «Ну почему я тогда не остановилась? Почему не обняла, не прижала к себе, а пробежала мимо?» И сама же себя спрашивала: «А что бы ты сказала ей, её матери? На свете появилось бы ещё два несчастных, ничего не понимающих человечка».

Прислонилась головой к окну, и закрыла глаза. Не хочу никого видеть и поддерживать беседу не хочу, нет сил и желания. Пусть думают, что я сплю. В голове под стук колес стали слагаться стихи:

*Сколько пройдено по земле дорог,
Привела одна на родной порог,
На родной порог да в ненастный день.
Память прошлых лет за спиной, как тень.*

*Поклонюсь ручью, попрошу водицы,
Зачерпну ведром той воды напиться.
А в ведре вода, как судьбы начало —
Значит, надо мне всё начать сначала.*

Поезд дернулся и остановился. Остановка три минуты. Я спрыгнула на гравийный откос, под ногами осуждающе зашуршали-зашушукались бело-серые камушки. Люди, сошедшие со мной с поезда, шли к деревянному станционному зданию, выкрашенному зелёной краской. Но мне туда не надо. Я жду, когда пройдёт мимо меня поезд, и иду через пути на другую сторону. Три километра по просёлочной грязной дороге, через берёзовый лес — и я в хуторе. Там всего-то три дома: в одном живёт моя баба Лена, в других баба Нюся и дед Микола. Молодых нет, все разлетелись по городам и посёлкам. У деда Миколы и родных-то не осталось, у бабы Нюси один сын, да и тот где-то во Владивостоке куролесит. Доживут эти трое свой век, и вместе с ними умрёт и хутор.

Я остановилась на пригорке, чтобы передохнуть от тяжёлых сумок. Внизу, ближе к реке, виднелись тёмные пятна домов, в щемящем одиночестве жмущихся друг к другу. Кругом была тишина, и от чёрно-серых красок ранней весны повеяло тихой печалью.

Открыла калитку и вошла во двор. Пепельно-серый комочек подкатился ко мне и залаял звонким, ещё не окрепшим голоском. Погладила по голове, и щёнок от радости облизал мне руки и завилял хвостом. Ну, здравствуй, новый житель подворья!

Бабушка лежала на кровати и тяжело дышала.

— Я думала, Нюся пришла. Не ждала тебя в такую пору, думала, по теплу приедешь. Расхворалась я. Простыла, видать. Лежу второй день. А ты чо приехала-то?

— Тебя повидать, — я потрогала лоб — горячий, видать, температура. — Сейчас чай заварю, лимонов привезла.

— Ты лимонов-то много привезла?

— Много.

— Ты Нюсе отнеси, а то она тоже, наверное, хворает, у меня с утра ещё не была, а уже, поди, вечер.

— Отнесу. И деду Миколу отнесу.

— А ему не носи.

— Почему?

— В контрах мы. Неделю не разговариваем. Я у него кобелька попросила, у него сука оценилась, а моя-то Шурка померла недавно. Так не дал, говорит, продам, денег заработаю, потому как натуральная лайка. Не дал.

— А это что у тебя бежит во дворе? — я отёрнула на окне шторку рядом с кроватью, и бабушка приподнялась на локте, чтобы посмотреть. Пепельно-серый комочек по-хозяйски терзал и без того многострадальный обтрёпанный валенок.

— Подкидыш. Подкинул-таки.

— Я на станцию за лекарствами схожу. Ключ возьму, а ты поспи пока, — сказала я, надевая куртку.

— Куда на ночь глядя? Поди, всё закрыто.

— Я быстро. Аптечный киоск на станции работает до восьми часов, успею.

— Ты Подкидыша в хату загони, ночи-то ещё холодные.

Выпив лекарства, бабушка задремала. Рядом с ней на вязаном полосатом половичке спал Подкидыш, тихонько поскуливая и отбиваясь лапкой от нападавшего на него во сне валенка. Нехотя светила керосинка, просясь на покой, и кот Генерал изредка приоткрывал один глаз, чтобы посмотреть, почему я нарушаю порядок и не сплю, как все остальные. Я сидела и смотрела в окно в темноту ночи, которая обволакивала мир, прятала его от меня и манила в свои объятия. Тихо встав и накиннув куртку на плечи, вышла на крыльцо. На улице было не так темно, как казалось из дома, мир был наполнен светом луны и звёзд. Звёзды смотрели на меня сверху и дружески подмигивали. Значит, я не одна. На душе стало спокойнее. Сунула руку в карман: вот она, красная шёлковая лента, которую купила вечером на станции.

Постояв на крыльце, я шагнула в ночь. Талая вода обожгла, как адова смола в котле. Господи, прости меня грешную!

Семейная драма

Воскресный июньский день был белый и тягучий от горячего солнца, как молочная ириска. Я стояла на трамвайной остановке, облитая липким солнцем, и с тоской думала о комнатной прохладе, из которой меня вытянули обстоятельства: надо было срочно решить кое-какие дела, а застать нужного человека можно было только в это воскресенье.

Остановка сиротливо приткнулась к заводской бетонной стене, которая в былые годы поражала своей мощной серостью, а сейчас выглядела убого и неказисто. Сам завод расхватили расторопные предприниматели, поделив его между собой на склады, магазины и шанхайки, как куски праздничного пирога. Мостовой кран, что резво бегал по утрам на своих четырёх ножках, таская грузы, уже несколько лет старел и ржавел на виду у всех, с завистью посматривая окошком кабины на пробегающие мимо трамваи. У него был такой же звонок, как и у них, но его лишили даже голоса.

На улице было пусто и тоскливо — в такую жару люди и машины разбежались по дачам и озерам. Трамвай как назло не было.

«И этот, наверное, на дачу удрал», — усмехнулась я про себя, представив дачный кооператив трамвайно-троллейбусного парка, где у каждой дачи, пуская окнами солнечные зайчики, грелись на солнце трамваи.

— Бедолага, — посочувствовала я крану, — ни у тебя, ни у меня дачи нет, удрать от такой жары некуда.

Разговаривая с краном, я вдруг услышала птичий гомон, который доносился из-за переплетений металлических балок. Ошпаренная солнцем, я сразу не обратила внимания на это и теперь с интересом всматривалась в остов крана, пытаясь понять, кто это там кричит. Оказывается, он не был таким одиноким, как я его представляла. Кран жил своей, ему одному ведомой жизнью.

Откуда-то из-под балки вылетело несколько птиц с длинными хвостами и белыми грудками. Да это же сороки! Сороки из-за чего-то ссорились. Раньше на помойках прыгали вороны, мастера свои гнёзда, похожие на чёрные головоломки, на опорах электропередач. Теперь, должно быть, статус горожанок пришёл по вкусу сорокам.

Я не привыкла видеть этих птиц так близко, поэтому с интересом наблюдала за ними. Больше всего орали две сороки.

«Семейная ссора», — ни с того ни с сего подумала я.

Сороки не стеснясь своих сородичей, ругались во все свои сорочьи горла. Наверное, они частенько бранились, потому что горла у них были лужёные. С шумом и гамом, как в бразильской мелодраме, шло выяснение отношений. Спор был в самом разгаре. Страсти накалялись с каждой минутой, и обвинения сыпались с той и другой стороны с быстротой телеграфного аппарата. Потом вдруг одна из сорок закричала отрывисто и, как мне показалось, горестно:

— Не-а, не-а, не-а...

Это было настолько неожиданно, что я подумала: «Оправдывается: мол, не я это сделала».

Вторая сорока упрямо ей что-то продолжала кричать и доказывать, а потом вдруг быстро-быстро защелкала:

— Та-та-та-та-та...

Это походило на пулемётную дробь. «Расстреливает», — предположила я и расмеялась. Не хорошо смеяться над чужим горем, но я не могла удержаться и, улыбаясь, вслушивалась в сорочьи крики, примеряя их к человеческой речи и отношениям.

Первая сорока закричала ещё громче, с каким-то надрывом:

— Не-а, не-а...

Оно и понятно, кому же приятно быть расстрелянной. В ответ — пулемётная очередь.

Женщина, торгующая семечками рядом с остановкой, с интересом наблюдала за мной, так же, как я за сороками, и, видя мою заинтересованность этой семейной драмой, произнесла:

— Сегодня с утра вот так орут. И чего не поделили?

— Часто они так спорят? — спросила я.

— Такое первый раз слышу.

Допрос с пристрастием продолжался. Упрямая сорока продолжала кричать своё «не-а», ни в чём не сознаваясь, а вторая её расстреливать.

Нереальный в качающемся раскалённом воздухе, к остановке подплыл трамвай и нехотя остановился. Двери лениво отползли в сторону, показывая удушливо-банное нутро салона. Заходить не хотелось. Пересилив себя, всё-таки нырнула внутрь. Раскалённые сиденья, как инквизиторы, приглашали сесть, чтобы поджариться. «Не дождётесь!» — мысленно сказала им я и подошла к окну, за которым трещал сорочий пулемёт. Я смотрела сквозь грязное запылённое стекло на одичавшую без доброй дворницкой руки улицу, утонувшую в пыли и солнце, и гадала: «Скажет она ему «да» или не скажет?»

РОМАН ИВАНОВИЧ

Так любят себя, так себя ненавидят...

Дороги

Колёса крошат ночь.
Я слишком устал раздавать ответы.
Хлопнув дверью, вышел прочь.
Время года — зима. Время года — лето.

Слишком много вокруг людей,
Света и тени слишком много,
Дешёвых и мелких страстей...
Ночь темна. Длинна дорога.

Километры пути впереди.
Миля пути позади,
Воздух полей, городов смог...
В мире на мой век хватит дорог.

Пара часов сна,
Дешёвый кофе в грязном мотеле.

Время года — весна:
Засну в марте, проснусь в апреле.

Сотня километров в час,
Окна открыты, есть сигареты.
Пыль городов — для вас,
А для меня — пыль дорог света.

Говорят, что дороги кончаются —
Сколько людей — столько мнений.
Говорят, что все возвращаются,
Но где нет дорог — есть направления.

Говорят, бродягой вечно не будешь,
Где-то найдёшь свой дом и порог.
Говорят... А ты слушай то, что любишь:
Рёв мотора и песню дорог.

ИВАНОВИЧ Роман Михайлович, родился 12 июля 1990 г. в г. Иркутске. Окончил Иркутский государственный университет, факультет социальных наук в 2012 г. Стихи начал писать с 12 лет, будучи учеником лицея. В журнале «Сибирь» публикуется впервые. Живёт в Иркутске.

Обещай

Зимний ветер вцепился в спину,
Не пускает, не даёт сделать шаг,
Хотя знает, что я его покину
Под вой сирен и лай собак.

Сожжёнными пальцами на снегу
Под твоим окном
Я напишу:
«Обещай забыть!»

Так, может быть,
Весной,

Под последним снегом,
Кто-то найдёт и мои следы.

Догорает фотоальбом,
На тех снимках мы вдвоём,
Как будто чего-то ждём,
Стираемся огнём...

И пепел моего последнего костра
Под твоим окном
Сложился в слова:
«Обещай забыть...»

Реанимация

Послушайте, давайте с вами поговорим:
Вас четверо, вас снова четверо,
Ваши до боли знакомые лица — вокруг меня!
Вы, как всегда, скажете, что всё не так,
Что кругом — ложь и обман,
И что только вы всегда были рядом,
Что всё, что я видел, чувствовал, знал, —
Всего лишь плод моей фантазии,
Всего лишь дым на ветру.
Шаги легко отдаются в тишине,
Отражаясь от ваших таинственных лиц.
Вы говорите, что знаете всё.

Я не отвечаю. Я не хочу отвечать.
В ушах стоит далёкий шум прибоя.
Чёрное и зелёное...
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Всё меньше и меньше амплитуда —
Зелёная линия на чёрном фоне.
Нарастающий противный писк.
Никого. Только вы — четверо.
Белые-белые гладкие стены...
Не приходя в себя,
я смотрю вам в глаза...
Реанимация...

Спокойной ночи, шкипер!

Спокойной ночи, шкипер
На море штиль
Наш старый клипер
Видел много солёных миль
Наш курс потерял,
В этом краю даже звёзды не те
Но ты уверен,
Что мы ещё ближе к мечте.

Соль въелась в паруса,
Размагнитился компас
Южные полюса
Полночью смотрят на нас
Кончается вода и ром.
И океан кругом.
Переживём, но это утром,
А пока...

Наш старый клипер навсегда
Застрял в порту
Капитан потерял путеводную звезду
Команда много лет торчит в кабаке
А рулевой сжимает кости вместо штурвала в руке.

На карте нашей ещё много белых пятен.
Так может, на наш век ещё хватит?
Поднимем якорь. Вновь поставим паруса.
Наш старый клипер взял курс на небеса.

Странная режиссура

Не остановить кино, которое идёт в глазах.
Не понимаю ничего, этот день слишком быстро зачах.
Может, всего лишь мгновенье между «есть» и «нет».
Мне показалось, что мы были вместе, а, может быть, это бред?

Кадр за кадром вырезаю из памяти всё,
Что заставляет сердце биться.
Чёрный лёд. Снова быюсь лбом в горизонт,
Нарисованный на стене. Не остановиться...

Не переписать слова на сожжённых страницах,
Не разглядеть улыбок на мёртвых лицах.
Слепые глаза смотрят на солнце, но ничего не видят.
Крик в пустоту. Так любят себя. Так себя ненавидят.

Ночами тлеют мечты, утром, как всегда, гаснут.
Подорваны перед носом мосты, как всегда — не опасно.
Перевернуты птицы в сером небе, летящие с юга на север.
Может был, а может, не был. Может, голос, а может, плеер.

Кадр за кадром клею фильмы, которые никому не покажешь.
Казалась удача близкой... Не тяни руки, всё равно промажешь.
Включаем свет, задуваем свечи. Новый день. Старый актёр.
Кофе опять ни хрена не лечит. Свет. Камера. Мотор.

* * *

Приходит по ночам
Сквозь помехи радиоэфира и двери
Дёргает по мелочам
Чувством невосполнимой потери
Времени всё меньше
Ждёт очередного дня чтоб исчезнуть
Становится тоньше
Чтобы следующей ночью воскреснуть

Одиночество в глухой сети
Меняет пол, потолок и стены местами
Ничего здесь уже не найти
Посмотри, что ночи делают с нами
Одиночество в немой сети
Не скажешь ничего, как ни старайся
Ни направления, ни пути
Не можешь уснуть, забыть попытайся

Как бродят по городу
Гул проводов, шелест шин и шаги
Как уступают холоду
Битые окна, крича «помоги»

Уходят все, кто был дорог
Забывают дорогу назад
Умирает зимой измученный город
Оставляя за собой сад.

Времена года

Так неслышно падал снег,
И мерцал экран в пустой квартире.
У экрана сидел человек,
По проводам узнавал всё о мире.
Так бесшумно февраль вошёл,
Сменил дату на календаре...
Так внезапно человек нашёл
Электронное счастье в ночной тишине.

Так чуть слышно падал дождь.
За закрытыми окнами ночь догорала.
Оправдания, нервная дрожь.
Очередная сигарета пропала.
Пара старых друзей.
Фотографии на мониторе.
Не поймать ни имён, ни идей
В этом пустом разговоре.

Песни мои, мысли мои.
Весёлые, добрые, чёрные, злые.
Что я нашёл? Цветные огни.
Слова, провода, телефоны, связные.
Песни мои не слышат друг друга,
Хотя живут рядом.
Мысли мои, растекаясь по коже,
Становятся ядом.

Так кричала осень в глухое окно.
Монитор погас, человека не стало.
Электронное кладбище, горькое вино.
Надежды и мечты. Оказалось, так мало.
Память и боль ветром разметало.
А где-то за тысячу миль
другой монитор.
Опять всё сначала.

Рождество бродяги

Когда-то ты верил в громкие фразы о вечной любви
Когда-то ты мелом под окнами рисовал
Когда-то только для вас зажглись фонари
Когда-то ты только о ней мечтал

Но только мечта осталась мечтой
Такой же холодной и пустой
Как зола костра, что погас под дождём
Как край света, куда мы не дойдём
Как осень, которую никто не слышал
Как крик души. С каждым разом всё тише

Когда-то ты мог ночами бродить под луной
Когда-то в её глазах ты был последний герой
Когда-то поезд променял на квартиру
Когда-то ты не поверил миру

И когда ты оставил на стене свой последний рисунок
И когда ты вышел в ночь и уже не вернулся
И бросил надежду и веру в одну из своих сумок
Тогда ты, как раньше, с солнцем проснулся

И мечта осталась тобой
Все печали твои накрыло волной
Все невзгоды твои смыло дождём
И дорога, как раньше, сказала: «Пойдём...»

Спокойной ночи

Спокойной ночи. Пиши мне письма.
Бессрочно. Пожизненно и так точно.
Прожектор в лицо, все улики у них на руках.
Крах.
Я отвечу им выстрелом
На приказ бросить оружие
И сдаться.
Лучше так умереть, чем во всём признаться.

Прости за любовь.

Спокойной ночи. Я вернусь когда-нибудь,
Между прочим,
Но меня не заметят.
Свет от других планет идёт тысячи лет,
А от меня полночи,
А впрочем.
Я отвечу выстрелом
На приказ бросить оружие и сдаться
Лучше так умереть, чем во всём разобраться.

Прости за любовь.

Спокойной ночи. Между строчек
Останется имя и преступление
И ваше мнение,
Оставьте себе
В одиночке пожизненный срок
Всего на полночи
И неяркий свет планет.
Мы все — только этот свет.
Я ответил выстрелом
На приказ бросить оружие и сдаться
Лучше так светить, чем никогда никому не признаться.

Прости за любовь.

Всем встать! минута молчанья пошла.
Вам теперь ни к чему ваши слёзы, слова.
Вот и всё, что осталось после вас
Минута молчанья да пара шаблонных фраз
Мол, мы любим, скорбим безмерно,
Такой человек ушёл, не так, наверное,
Вы себе всё это представляли.
Думали, траур будет по всей стране, медали
С вашим профилем будут давать героям,
Новые города, что в честь вас построят,
Никогда не увидят свет.
Вы были — вас нет.
Пара лет — и всё. Память тоже не вечна,
Дела, заботы, суета бесконечно.
И вот вряд ли кто помнит, были вы или нет,
И в вашем доме уже горит чужой свет.
И не важно, гений, герой были вы.
Всё равно ничего поменять не смогли.
Вы кричите, чтобы я закрыл рот, мол, я идиот,
Да ещё и пою мимо нот,
Говорю не то и не так,
Хотя среди умных всегда есть один дурак,
Который, открыв свой рот,
Торжественный траур минуты прервёт.
Шумит толпа, минута молчанья прошла.
Стройся! Целься!
Моим расстрелом командовать буду я.

Чёрные люди

(Панорамная зарисовка
субъективной грани реальности)

Ночью все люди одинаково чёрные —
Не различить лиц, не уследить глаз.
Ночью все мысли потёртые...
Если бы не умер Иисус, не было б нас!
Ночью все люди зависимы,
Им так не хватает тепла друг друга,
Кидают электронными письмами
Безнадёжные чувства по кругу.

Если слишком долго притворяться,
Потеряешь своё лицо.
Если хочешь разом со всем разобраться —
Взойди к Господу на крыльцо.
Если слышишь стук сердца,
Смени батарейки, наверно, часы встали.
Если видишь лица нервных соседей,
Пойми их, они всего лишь устали.

Утром всем людям одинаково стыдно
За то, что они называют свободой.
Днём им так часто бывает обидно
За то, что не договорились с погодой.
Вечером люди бывают серые,
Как обрывки старой газеты.
Просто бегут. Ни во что не веруют,
Но всё так же вместе ждут конца света.

Диалог

— Давненько ты не плакал, друг,
Так, чтоб навзрыд, чтоб как над гробом.
Общенья ты забыл свой круг,
Увлёкся слишком гардеробом.
И в суматохе шумных дней
Ты о душе не смел подумать,
О том клубке шипящих змей,
Что поспешил из жизни сдунуть.

— Послушай, шёл бы ты к чертям,
меня твоя достала правда!
Я сам в себе. Я сам. Я сам!
А ты!.. Уйди ты, Бога ради!
Модней моднейших бутиков
Сверкну я рожей на бульваре,
Мне накидают медяков,
А что с души твоей наварим?

— Что деньги, друг? Всего лишь дым.
Ты сам себе соврал, послушай.
Обидел словом непростым
Всех тех, кто был нам очень нужен.
И что теперь? Совсем один,
Монеты есть, но выпить не с кем.
Ну да, остался невредим,
Пиши подругам эсэмэски.

— А я сказал, заткнись! Не смей!
Я нас с тобой из ада вынул.
Как ни вертись ты, как ни пей,
Нас всё равно твой свет покинул.
Да, ты был гений, а сейчас
Немая тень от славы прежней.
Так что прими тот факт о нас,
Что я из нас двоих прилежней.

— Да, пусть прилежней, но не ты
Нам имя сделал звонким словом,
И для неё не ты цветы
Носил к порогу снова, с новым
Днём расцветал и угасал,
Смеялся, пел, любил и верил,
Не ты надежду нам давал,
Не ты распахивал нам двери.

— Ты это верно говоришь,
Но слов твоих не понимаю,
Когда ты, наконец, простишь
Меня за то, что презираю
Твои страдания, мечты,
И то, что в снах летать ты хочешь.
Я не хочу увидеть сны.
Да будет так. Спокойной ночи.

В сердечной близости к рифме

Как-то в конце прошлого года мне позвонил молодой человек, назвался Антоном:

— Я работаю в кафе «Белая ворона», мы хотим пригласить вас на литературный вечер, вы читаете свои стихи, присутствующие — свои. У нас есть фишка — свободный микрофон. Все, кто приходит на вечер, могут говорить, спорить, высказывать свою точку зрения. А ещё темой литературного спора может быть творчество поэтов советского периода и поэтов двадцать первого века.

Я дал согласие, и вот в пятницу вечером я сижу за гостевым столиком, мне выдают талончик на бесплатный кофе (только одну чашку!), и я оглядываю аудиторию. В основном, это молодые люди — девушки и юноши, хотя по левую от меня сторону сидят несколько женщин среднего возраста и даже чуть постарше. Появляется ведущий вечера Антон и приглашает в мою компанию ещё одного гостя, молодого, я бы сказал даже юного, поэта Романа Ивановича. Мы знакомимся, он стесняется со мной говорить, хотя располагает к себе открытой улыбкой и почти девической скромностью.

Не буду долго рассказывать о вечере: в нём было много прочитано стихов Есенина и Асадова, Бродского, Евтушенко и Вознесенского, но не прозвучало ни одной строчки Николая Рубцова и Юрия Кузнецова, Арсения Тарковского и Алексея Прасолова, Анатолия Жигулина или Станислава Куняева. К великому сожалению, публика хоть и пыталась говорить что-то о современной поэзии, авангарде и рэпе, но была совершенно далека от понимания лучших образцов русской национальной поэзии. И, конечно же, она была малочитающей, как и вся современная молодёжь, ставшая, в основном, виртуальной, кочующей по Всемирной паутине, где рассеяны тысячи блогов и сайтов с безграмотной речью и такими же несовершенными, безграмотными во всех отношениях стихами.

И всё-таки, и всё-таки...

Мой соратник по разговору с аудиторией меня удивил рассудительными мыслями о поэзии, да и порадовал своими стихами, в которых я увидел будущего хорошего поэта. Конечно же, в его стихах порою просматривалось техническое несовершенство ритма и рифмы, метрика стиха то удлинялась, то становилась короткой, чтобы дать сверкнуть яркой метафоре или грустному настроению. Но в них не было той гладкописи и неспособности мыслить метафорически, какая зачастую видна у закоренелых бездарностей и явных графоманов. Слушать Романа было интересно. Его спокойный голос, его рассуждения не шли в разрез с моими мыслями, и это импонировало не только мне, но и всей аудитории.

Я пригласил Романа к нам в Союз писателей. Он принёс приличную подборку стихов, из которой я выбрал несколько стихотворений для публикации в журнале «Сибирь», и ещё я посоветовал ему познакомиться с членами литературного объединения, которое вот уже много лет работает при Иркутском Доме литераторов.

Роман Иванович — поэт новой формации. Его стихи — это стихи человека с объёмным зрением, со стремлением увидеть окружающий мир в широком диапазоне. Увидеть его таким, каким он является перед нами со всеми его глобальными потерями, упадком и настроениями, с его утерянными ценностями, но всегда совершенными Природой и Космосом. Кроме всего прочего, Роман — натура романтическая, он живёт дорогами и путешествиями, любовью и искусством, но сквозь всё это проступает тихая боль и тревога за всё, что находится в сердечной близости к рифме:

*Не переписать слова на сожжённых страницах,
Не разглядеть улыбок на мёртвых лицах.
Слепые глаза смотрят на солнце, но ничего не видят.
Крик в пустоту. Так любят себя. Так себя ненавидят.*

Метафоры поэта ненавязчивы, беспокойство и душевное напряжение лирического героя чувствуются не только в рифмованных стихах, но и в его верлибрах:

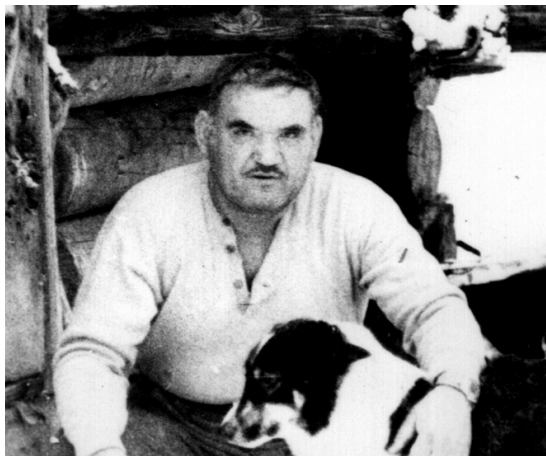
*И пепел моего последнего костра
Под твоим окном
Сложился в слова:
«Обещай забыть...»*

Поэт мыслит и делает попытки не дать уйти лучшему в небытие, реанимировать настоящее и развернуть будущее к душе человеческой, к тем истинам, которые всегда были и остаются главными в нашем бытовании.

Владимир СКИФ

ГЕОРГИЙ КОТЛЯРОВ

Таёжные дни

РАССКАЗЫ

Серые тени

В Кондратьевский сельский Совет Тайшетского района входило пять населённых пунктов, которые были расположены по обеим сторонам реки Чуна, на протяженности ста тридцати километров. Глушь беспросветная — от границы с Красноярским краем в нижнем течении реки до Чунского района в верхнем. Сообщение только самолётом, в то время маленьким, двух- или трёхместным и по суше по зимнику — Екатерининскому тракту, по которому до Тайшета было двести шестьдесят вёрст. В общем, забытый Богом уголок.

В каждой деревушке был организован колхозишко с романтическими названиями «Охотник», «Таёжник», «Партизан», которые владели своё жалкое существование. Колхозники жили за счёт рыбалки, охоты и ежегодно растаскивали до последнего зёрнышка урожай зерновых, переводимого за зиму на хлеб и самогонку. Весной же

КОТЛЯРОВ Георгий Георгиевич — человек в Усть-Удинском и Балаганском районах известный и уважаемый. Многие годы, до своего ухода на пенсию, возглавлял химлесхоз, межхозяйственный лесхоз, госпромхоз. Их работники с теплотой и благодарностью вспоминают своего строгого, но внимательного и доброжелательного руководителя. Многие знают и о том, что Георгий Георгиевич — страстный охотник, настоящий профессионал.

обозом отправлялись за семенным материалом в Тайшет. Жизнь текла размеренно и спокойно. Так шло из года в год.

В этих краях, насколько помнили старики, оседлых волков никогда не было. Волки были только проходные, судя по чётким отпечаткам следов по берегам реки, да и то редкие. То ли глубокие снега в зимнюю пору их не задерживали в этих местах, то ли отсутствие густой сети речек и ручьев с наледями, упрощающими им охоту на копытного зверя, но ни диких коз, ни волков наши края не привлекали.

Первые сигналы о появлении волков поступили от рабочих химлесхоза, живших на участке на добыче живицы на берегу озера Аян.

Рыбача в дальнем заливе озера, они после постановки сетей вечером услышали недалёкий вой волка. Чуть позже к одному голосу постепенно стали добавляться ещё голоса, и, в конце концов, волки задали такой жуткий концерт, что мужики быстрёхонько собрали в лодку пожитки, отгреблись подальше от берега и на якорь провели ночь на воде, не сомкнув глаз.

По рассказам мужиков, волков было много.

После этого случая волки некоторое время не напоминали о себе, и вся история свелась к тому, что это проходные звери.

С наступлением заморозков в деревне стали теряться телята, а затем и взрослые бурёнки. Мужики забили тревогу.

Однажды старый охотник Александр Емельянович Каверзин с братом в речке Тяжеть городили заездок для ловли рыбы, и убежавшие по речке собаки — два кобеля — не вернулись к ним. Перед этим братья слышали вопль одного из кобелей, но не придали этому значения. Волчий террор начался.

Серые хищники активно передвигались по всей площади сельского Совета, и с каждым днём их «художества» обрастали всё более и более устрашающими слухами, иногда, конечно, не лишёнными и фантазии. Но от фактов не уйдёшь — волки обосновались здесь надолго.

Но вот выпали первые снега, по которым уже вычислить количество волков не составило труда — их было семь: вожак, крупный самец, старая волчица и пять прибылых. Логово было в районе озера Аян, где волчата родились и выросли и откуда совершались первые набеги в дальние деревни. Логово после перехода на кочевой образ жизни волками посещалось редко.

Налёты волков отличались дерзостью и стремительностью. Они появлялись неожиданно, ночью, обычно под утро, и никогда не приходили к убитой жертве дважды. Наевшись, они немедленно скрывались и не подавали признаков своего существования по несколько дней. Затем неожиданно делали налёт совсем в другом конце нашего региона. Попытка засад у недоеденной жертвы и слежки по следам к положительным результатам не привели. Наступило время начала промысла, и большинство охотников завезлось в тайгу. Мои угодья в ту пору находились по среднему течению речки Тяжеть, устье которой в Чуну приходилось против деревни Кондратьево, от моей тайги километрах в пятидесяти. Заботы по завозке прошли нормально, и, обосновавшись в зимовье и производя необходимый ремонт и все другие хозработы, я через пару дней приступил к своей прямой таёжной работе.

Урожай на белку был средний, численность соболя не подтверждала ожидаемого в этом году пика, но настроение, как всегда, было приподнятое, и воображение рисовало добычливый сезон. У меня в это время с собой было две лайки: кобель Лапчик и сучка Сильва — собаки опытные и по зверю, и по мелочи, хорошо искали белку и гнали соболя.

На третий день промысла, обходя дальние свои угодья, я обнаружил, что собаки подхватили след соболя и угнались за ним к вершине большого и довольно длинного Приисковского ручья. Дело было во второй половине дня, и я, не услышав собак, до тем-

ноты идя по гонному следу, решил вернуться в зимовье, заранее уверенный, что собаки мои вязкие по соболу и продержат зверька до утра, а утром пораньше убегу к ним.

Пришёл я уже в полной темноте и, растопив печку, развесив для просушки всю одежду и обувь, принялся обдирать добытых за день белок.

Ночью я два раза выходил на улицу и, напрягая слух, улавливал чуть доносившийся лай собак в тихой морозной ночи у загнанного соболя.

Под утро я проснулся от повизгивания собаки у дверей зимовья. Как только я открыл дверь, в избушку заскочил Лапчик — и сразу же под нары, глядя на меня с чувством вины и страха, не вильнув даже ни разу хвостом. Сильвы не было до утра.

Утром, быстро собравшись, я взял, как обычно, оружие, топор, котелок и продуктов на пару дней и, позвав кобеля, пошёл искать его след, чтобы по нему напрямик найти сучку.

— Вперёд! — я несколько раз повторял собаке, думая, что кобель умчится по своему следу к месту, где осталась сучка, но Лапчик, убегая вперёд метров на двадцать-тридцать, возвращался ко мне, настороженно поглядывая по сторонам, далеко не проявляя рвения и охотничьего азарта. Я забеспокоился и всю дорогу думал, что же могло произойти и так повлиять на поведение собаки.

Сколько я ни прислушивался, лая так и не услышал. Разгадка наступила на подходе к месту ожидаемой встречи с Сильвой. После обнаруженных первых волчьих следов мне стало ясно всё.

У высокой ели, куда собаки загнали соболя, снег был обгажен каплями крови во многих местах. Валялось несколько клочков рыжей сильвинской шерсти и самый кончик хвоста — больше абсолютно ничего, ни единой косточки.

Обойдя место трагедии, я постарался восстановить по следам произошедшее.

Волки, уходя от очередного разбоя в Кондратьево, по речке поднимались в глухую тайгу на отсидку. В вечернем морозном воздухе они далеко слышали звонкий лай собак. Рассыпавшись веером, они мчались к собакам, охватывая их полукругом. Каким-то образом Лапчик учуял или заметил хищников, но он сразу бросился наутёк — напрямую к спасательному жилью и хозяину. Сильва, из-за присущего ей азарта и злобности на зверька, этого не сделала, а когда поняла нависшую опасность, то было поздно, несмотря на то, что сучка была рослая и длинноногая, ей не удалось пробежать и двух или трёх десятков метров, как со всех сторон она была охвачена и в прямом смысле слова разорвана на части, потому и кровь на снегу осталось на месте каждого из семи кусков, доставшихся при делёжке серым разбойникам.

Лапчика спасла не резвость его бега, а своевременность дезертирства и задержка стаи при расправе с сучкой. Волков было действительно семь, съев собаку, они немного отдохнули и ушли в сторону речки.

Походив ещё несколько дней и видя, что Лапчик от пережитого испуга боится работать широким поиском, а всё крутится на виду, я за три дня насторожил путики капканами, добытыми до этого рябчиками и тушками оставшихся белок, и вынужден был выйти из тайги, чтобы вернуться позже, продолжить промысел самоловами.

Вернувшись домой, узнал, что охотники все на промысле, а волки продолжают пакостить по деревням, воруя зазевавшихся собак или съедая отбившихся от табуна коней, пасшихся на полях по ещё не огрубевшему снегу.

Прошло недели две, и я стал собираться в уголья проверить ловушки и поудить подо льдом хариусов, имея в этом деле уже некоторый опыт и зная ямы, где скапливается рыба на зимний период.

Снег к этому времени был уже подходящий, идти пешком убродно, и я решил уйти на лыжах — легких, удобных, подшитых камусом, и тем самым выигрывал во времени и пробивал дорогу на будущее.

Я вышел рано утром налегке, так как продукты в тайге были, с тозовкой на плече, намереваясь к вечеру добежать до места, ведь от посёлка Новый, где я жил, до моих угодий было не более тридцати километров, а морозный день сопутствовал этому.

Пройдя километров десять, я обнаружил, что меня догнал Лапчик, каким-то образом сообразивший о моих намерениях. По пути видно было, что соболишки бегают, а белочка уже жила в кронах, редко спускаясь на землю и довольствуясь шишками. Кобель на ходу нашёл несколько белок, а бросившись несколько раз по следу соболя, через некоторое время возвращался, чувствуя, что по такому снегу соболя ему не догнать.

Не следующий день, как и было мной запланировано, я пошёл проверять путик, захватив тушки белок на приманки взамен съеденных соболями, если такое будет.

То, что я обнаружил на путике, меня огорчило и обозлило. Весь мой труд был нулевым: все капканы были разорены... волками. Они опять прошли по речке, обошли все путики, съели приманки, обойдя зимовье стороной, и ушли, но я не смог проследить, в какую сторону, а так как по пути в угодыя не пересекал нигде волчьих следов, то они ушли другой стороной речки.

Капканы разорялись очень просто. Подходили к ловушке всей стаей, след в след. Затем все садились и смотрели, как вожак ловко или подкапывал снег с безопасной стороны, или сбоку осторожно снимал приманку, обучая этой науке остальных. Был захлопнут один единственный капкан. Это волк, подкапывая, задел за привязь. По следам было видно, как волки врассыпную кинулись от ловушки, но видя, что тревога ложная, опять собрались вместе. Далее, по-моему, они все освоили всю безопасную технологию воровства приманок, и дело у них шло быстро.

Конечно, мне нужно было запустить все путики, так как моё дело дохлое при таких конкурентах.

«Почему они привязались ко мне?» — думал я и приходил к единому мнению, что через мою тайгу пролегал их отработанный путь ухода от совершённых в сторону Кондратьево набегов или наоборотов.

Последний день работы по закрытию путиков совпадал со снегопадом. Было не холодно и, идя по путiku, я часто вспугивал рябчиков, которые являются в тайге хорошими предвестниками ненастья — перед обильными снегопадами рябчики с хребтов спускаются к речкам и ручьям, заранее обеспечивая себе укрытие от непогоды в густой темно-хвойной тайге.

В самом конце путика я увидел, что на небольшом берёзовом колке расселся большой табун рябчиков, склёвывающих берёзовые почки. Я осторожно снял тозовку, установил прицел и начал не торопясь стрелять, запоминая, куда они падают. Перед тем как стрелять, я убедился, что кобель лёгкий на лыжне, и погрозил ему на всякий случай, зная, что рябчиков он не гоняет.

Я стрелял с паузами, стараясь не вспугнуть осторожную птицу. Когда я просчитал «девять» убитых рябчиков, вдруг вся стая, со свойственным для рябчиков чириканьем в случае опасности, снялась и улетела прочь. Я не мог их вспугнуть, — удивился, и вдруг сквозь мелкую чащу за березником в сумеречном свете пасмурного дня я увидел мелькнувшую тень. «Кобель», — подумал я. Но за первой серой тенью проскочила ещё одна, ещё и ещё. Я оглянулся — кобель лежал и, прижав уши, смотрел в ту же сторону. Неужели волки? Да, это были волки. Перейдя речку на ту сторону, чтобы собрать убитых птиц, я увидел, что по чаще пробороzdили мои старые знакомые. Лапчик не отходил от меня ни на шаг. Собрав рябчиков, я двинулся по уже готовой лыжне к жилью, довольный тем, что работа окончена и завтра домой, а кобель был обеспокоен появлением волков.

Волки были голодны и кругами ходили вокруг нас, что было видно по свежим следам, которые мы пересекали. Они молча следили за каждым нашим шагом, надеясь отманить и съесть собаку, или поймать, если она отстанет или убежит вперёд.

Это продолжалось до самого зимовья. А к вечеру начался концерт.

До речки от жилья было метров сто пятьдесят. Тропка шла через моховое болотце и упиралась в еловую чащу, растущую по самому берегу. С наступлением темноты

волки устроились в этой чашечке, откуда им было видно всё как на ладони, и наблюдали за мной. Каждый звук, издаваемый со стороны зимовья, сопровождался жутким многоголосым воем. Мне же ничего не было видно и, несмотря на то, что я несколько раз выстрелил из тозовки в сторону волков, через небольшой промежуток концерт продолжался. Кобель лежал под нарами, прижав уши и поглядывая в страхе на меня. Он ни разу не вышел со мной на улицу.

К утру волки ушли, а я отправился домой с чувством досады о неудавшемся сезоне.

Охотники возвращались с промысла, но ни один из них не жаловался на посещение волков.

Волки придерживались жилья. Когда кончилась блудливая дармовая животины, они принялись за собак.

К Новому году снег был настолько глубокий, что в тайге волкам делать было нечего, и они обнаглели — по ночам делали набеги на ту или иную деревню, а на день уходили по автомобильной дороге Новый — Полинчет и залегали в одном из глухих островков огромного болота, тянувшегося вдоль дороги. Несколько раз водители автомашин встречали на дороге эту стаю, но всегда волки, издали заметив или услышав автомашину, серыми тенями мигом скрывались во тьме, так как все переходы они делали ночью.

Каждый раз при встрече охотников только и новостей было — у кого ещё волки утащили собак. По подсчётам уже более полусотни собак погибли от волков, и, в основном, добрые лайки, так как привозных собак здесь держать не разрешали во избежание нежелательных помесей.

Тактика у волчьей стаи была довольна проста. Под крутым берегом реки стая подкрадывалась к деревне, у дороги к речке часть стаи оставалась в засаде, вторая же часть стаи устраивалась в засаду по другую сторону дороги. Один волк, не торопясь, по дороге поднимался на берег и на виду у деревенских собак начинал кривляться: подпрыгивать, повизгивать, падать, ползать, лишь бы обратить на себя внимание собак. Собаки бросались к волку, а он делал вид, что хромает или не может от них убежать. Когда собаки почти добежали к волку, тогда на берег с обеих сторон выскакивала стая, отрезая собакам путь к отступлению, и наступала моментальная развязка, сопровождающаяся воплями жертв.

Пока деревенские собаки поднимали гвалт и выскакивали мужики с ружьями, волки уже были далеко, и никто не мог сказать, когда это повторится. Единственное, что многие, видевшие стаю, заметили, что у переднего огромного волка неестественно короткий хвост — то ли потерял кончик при драках в период гона, то ли отстрелен при очередном разбое.

Специалистов по волкам среди охотников особо не было, так как волки в этих краях были редкостью, но принимать меры было нужно. Однажды, на каком-то христианском празднике, к Михаилу Каверзину, а Каверзиных в сельсовете было восемьдесят процентов, прикатили братья — Пётр, Иван и Афанасий, а сосед Михаила Николай и я были приглашены на это гулянье, мы, набравшись за столом и заведя разговор о волках, разбойничавших в наших деревнях, разработали план их уничтожения.

План был не сложным, но требовалось дожидаться конца февраля — начала марта, когда снег осядет, уплотнится и свободно будет держать человека на лыжах. Как только будет обнаружен след ухода волков в болото на дневку — сразу же устраиваем облаву. План был разработан до мельчайших подробностей. Автомшины ежедневно ходили в Полинчет, вывозя заготовленную живицу, а обратным рейсом производили досрочную завозку продуктов и материалов. Связь по рации осуществлялась по договоренности в любое время через меня (я в то время руководил участком «Новый»), так что мы сразу же могли получить сообщение о появлении стаи. Уже шёл февраль, и мы были готовы в любое время начать реализовывать свой план.

И вот в один прекрасный день, вернее ночь, волки, совершив разбойное нападение в Кондратьево, ушли в сторону Нового и на дороге были замечены Василием, водителем «Урала», когда свернули в болото к видневшемуся в полутора километрах от дороги островку, поросшему чахлым березняком и густыми зарослями багульника. Это было километрах в двадцати от участка Новый. Машина пришла рано утром, и через два часа наш отряд был готов к выступлению. Руководил всем «парадом» Михаил, самый старший и самый опытный из нас, проживший здесь всю жизнь и знающий досконально местность.

Решено было ехать на машине, на месте оставить всё лишнее и налегке, сориентировавшись на местности и проводя правильную расстановку сил, начать облаву. Водитель оставался нас ждать и смотреть, чтобы не упустить прорвавшегося из оцепления волка, и если такое произойдёт, постараться задавить его машиной.

Я с Иваном ушёл по дороге влево от видневшегося вдалеке острова, чтобы его обойти с тыла, Пётр и Николай вправо — с той же целью, Михаил и Афанасий пошли вперёд к острову, от дороги. Сначала все шли вместе один за другим, а затем разошлись по одному с интервалом, позволяющим стрелять в любую сторону, не представляя опасности друг другу.

Охватив остров с двух сторон и убедившись, что волки с острова не ушли, мы, то есть я, Иван, Пётр и Николай, разошлись на положенный интервал, охватывая остров полукольцом, и после моего выстрела, как сигнала к началу атаки, рванулись к острову.

Волки нас обнаружили раньше, чем мы думали, и зарыскали по острову, выбирая безопасную зону, но со всех сторон к ним неслись люди. Волки, видя, что чем ближе мы подходили к острову, тем интервал между нами сокращался, и, видимо, почувствовав смертельную опасность, бросились с острова врассыпную в разные стороны, не дав нам возможности сойтись на расстояние двух выстрелов между нами.

Лыжи хорошо поднимали, и я видел, что все довольно быстро бегут к острову. Ближе всего волкам бежать к дороге и в правую сторону к лесу, росшему у края болота. Сначала они шли прыжками, оставляя глубокие ямы после своих прыжков, но на второй, а может, и третьей сотне метров (в пылу погони трудно учесть) прыжки стали медленнее и короче.

Первого волка убил Николай, загнавший его до такой степени, что тот, загнанный вконец, остановился, повернулся к преследователю и, вздыбив шерсть на загривке, зашелкал зубами, давая понять, что он ещё опасен, но тут же был сражён.

Второго прикончил Иван, прогнав его метров триста. Третьего убил Пётр, достав его картечью метров за семьдесят. Выстрелы раздавались и со стороны Михаила и Афанасия, затем стрельба прекратилась. Далеко на дороге гудела автомашина. Мне не повезло, так как в мою сторону, как в бесперспективную из-за отсутствия возможности спасения — и лес, и дорога были в другой стороне — ни один волк не пошёл.

Когда стащили добытых волков, произвели разборку полётов.

Михаил добыл старую волчицу и молодого самца, кинувшегося к матери после неудачного выстрела Афанасия. Но Афанасий успел добыть ещё одного молодого, почти добежавшего до дороги. А старый волк, прорвавшись между Иваном и Афанасием, доскакал до дороги далеко позади машины, и пока Василий разворачивался на своем «Урале», добрался до леса и скрылся с глаз.

Мы разглядывали шестерых из семи, убитых разбойников, и, достав из котомок захваченную снедь и спиртное, приступили к обмену впечатлениями, забыв про усталость и крепнущий мороз наступающей зимней ночи.

Так кончился террор волчьей стаи, принесший много бед во многие дворы нашего сельского Совета.

В тот же год, осенью, по чернотропу выскочив в начале октября погонять сохачей, собаки мне поставили сохатёнка, почему-то одного. Когда я его скрадывал и готовился стрелять, так как собаки от него не отстанут, то вдруг разглядел, что это не сохатёнок,

а огромный волк. Собаки по очереди щипали его зад, когда он, не торопясь, поворачивался всем телом от одной к другой. Вокруг всё было в клочьях пуха и смотрелось как выпавший крупными хлопьями снег.

Волк вёл себя удивительно спокойно, но я этому спокойствию не верил. Я не мог стрелять из-за круживших возле него собак. Но вот волк как бы очнулся и бросился на кобеля. Собака кинулась в мою сторону, так как знала, откуда я крадусь. Собака бежала во всю прыть, а волк спокойно уже догонял её, не проявляя, казалось, никаких усилий. Когда кобель подбегал к тому месту, где я затаился, я в упор выстрелил в серого разбойника.

Собаки долго вымещали свою злость на убитом волке, устилая землю выдраным пухом.

Волк был очень крупный и жирный. По крайней мере, у меня не хватало сил подвесить его за ноги, чтобы ободрать. Закончив обдирать зверя, я вдруг обратил внимание на его укороченный хвост, конец которого то ли потерял при драках в период гона, то ли отстрелян при очередном разбое.

Так вот почему я его принял за сохатёнка. Ведь это старый знакомый разбойник — вожак стаи серых теней!

Медвежонок

Я работал в то далёкое уже время на севере Тайшетского района в Кондратьевском сельсовете начальником производственного участка «Новый» Полинчетского химлесхоза — в 260 км от Тайшета, это дикая глухомань в таёжном море. Куда только судьба ни забросит страстного любителя природы и охоты! Директором химлесхоза в то время был Пётр Иванович Чешев, бывший начальник зоны лагеря, со всеми вытекающими из этого странностями: обращался на «ты» к подчинённым независимо от ранга и возраста.

Его визит на мой производственный участок был вызван не потребностью ознакомиться с ходом производственных работ и бытом подсочников, проживающих в тайге, а просто желанием провести время на природе, вдали от кабинетной работы, и чтобы дать мне задание набрать ему ягод на зиму.

Коротко ознакомившись с выполнением плана по добыче живицы, Пётр Иванович приказал: «Седлай двух верховых лошадей (в то время все работы по развозке бочкотары и вывозке из леса живицы производилась гужевым транспортом, имелся конный парк), покажешь, где ты собираешься на будущий год набирать сырьевую базу в подсочку, и урожай на ягодниках, чтобы ты не забыл мне набрать ягод на зиму и не выдумывал, что нынче неурожайный год. Да, чуть не забыл: пистолет мой (в то время руководителям предприятий выдавалось табельное оружие) положи в свой сейф, чтобы не потерять — он без кобуры».

Мы попили на скорую руку у меня дома чаю (Пётр Иванович спиртного не употреблял), выехали верхом в разведку. Дело было в конце июля, лето было в полном разгаре, день был нежаркий. Паут уже отошёл, а слепни и мошка не особо донимали нас и лошадей. Запах хвои, море цветов вызывали приподнятое настроение.

Отъехав километра три-четыре от участка и проехав через большой выруб (в то время очистка лесосек велась очень строго, не то что в наше время), мы приблизились к лесному массиву, в котором располагался хороший ягодник-черничник. Перед нами был лес, в котором преобладала перестойная, кубатуристая сосна с довольно густым подлеском из ольховника, но лес хорошо просматривался.

— Стой! — сказал Пётр Иванович. — Я пойду посмотрю, как ягодник нынче выглядит — есть ли урожай.

Он слез с коня, а я, не слезая со своего, взял уздечку его скакуна. Только директор зашёл в лес, как неожиданно на толстую высокую сосну, рядом с опушкой, стремительно полез медвежонок. Я его увидел тогда, когда услышал царапанье по дереву и обратил внимание на сыпавшуюся из-под его лап кору. Пётр Иванович мигом подбежал к дереву и закричал:

— Ага! Попался, подлец! Сейчас я покажу тебе кузькину мать! Ну-ка слазь!

Медвежонок, забравшись метров на семь-восемь до первых сучьев, больше с любопытством, чем со страхом, сверху вниз смотрел на Пётра Ивановича своими чёрными, как спелые вишни, глазками, не предполагая, что это не просто двуногое животное, а хуже — бывший начальник лагеря, от которого так просто не отделаешься.

Я был уже охотником, но мой малолетний стаж не подсказал мне ни разумом, ни интуицией, что это может плохо кончиться. До лошадей, видимо, донёсся запах медведя, и они начали похрапывать. Пётр Иванович выскочил из леса и крикнул мне:

— Гоша! Слушай! Дуй быстренько за пистолетом, а я ему не дам слезть и убежать! Мы добудем этого гадёныша! Дуй быстрее! Моего коня привяжи!

Я попытался ему воспротивиться:

— Пётр Иванович! Ведь у него где-то рядом мама, как бы чего не вышло...

— Брось дурака валять, — кричал директор, — разве ты не видишь — это беспризорник. Если бы мать была, то он был бы рядом с ней, а это просто бродяжка! А потом, если у него и была мама, то она от страха за двадцать километров от нас. Дуй за пистолетом!

Приказ есть приказ. Привязав коня директора к оставшейся на вырубке осинке, я «во весь опор» помчался в посёлок, а Пётр Иванович пошёл к сосне жучить медвежьего несмышлёныша.

Как бы то ни было я мигом примчался назад с пистолетом за пазухой к шефу, чтобы доставить ему удовольствие в добыче медведя, хотя никакого желания участвовать в этой позорной акции у меня не было.

Подъехав, я крикнул: «Пётр Иванович, приказ выполнен — оружие доставлено!» Шеф вышел на опушку: «Сейчас мы его снимем, но я его ещё пугану, чтобы удобней сел» и, взяв толстый сук, он пошёл к сосне пугануть малыша.

Мне всё это хорошо было видно с коня, на котором я сидел с пистолетом за пазухой метрах в двадцати от опушки, рядом с привязанным конём. Пётр Иванович с огромным суком направился к сосне, и вдруг навстречу ему из ольховника выкатывается огромная медведица. «А вот и мама», — ёкнуло у меня под ложечкой.

Шерсть у неё на загривке дыбом, оскал огромной пасти, зубы с мой большой палец, она медленно, но уверенно шла на директора, и по её виду и горевшим огнём глазам не похоже было что с добрыми намерениями...

Шеф остолбенел, убрав руки назад, бросил сук, который держал, затем, вытянув руки вперед с растопыренными пальцами, заблажил:

— Ты! Ты, стерва, ты что, сдурела! Ну, куда, куда ты прёшь?

Медведица медленно приближалась, а Пётр Иванович крутил перед ней кистями рук и во весь голос кричал:

— Ты, ты... брось дурака валять! Чё тебе от меня надо? Ты видишь, что у меня в руках ничего нет — ни палки, ни пистолета. Да и откуда я знаю, что за придурок сидит на сосне? На хрена он мне нужен! Отцепись от меня! Пистолет вон у того типа, что сидит на коне, а у меня ничего нет, и мне даром не нужен твой выродок!

Медведица была уже метрах в трёх от шефа, коленки которого ходили ходуном.

Я испугался и, забыв о пистолете, не знал, что предпринять, — ведь на моих глазах она сейчас придушит директора как котёнка, успел только закричать:

— Пётр Иванович! Не убегайте, это ещё хуже. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! — и добавил: — С переломанными ногами.

Пётр Иванович потихоньку отступал, видимо, исчерпав весь запас аргументов в своей невинности и отборных матов в адрес матери медвежонка. Медведица вдруг остановилась, подняла голову, приносясь, рыкнула раз и медленно пошла в лес. Мне показалось, что даже сплюнула от причитаний этого труса, а может быть, что-то учуяла, так как чётко было видно, что штаны у шефа были мокрые и едва держались на нём...

Пётр Иванович добрёл до лошади, как-то неловко, с трудом залез в седло, и мы медленно тронулись в путь по направлению к дому.

Немного отъехав, я оглянулся — медвежонка на дереве уже не было. Я съехидничал:

— Пистолет-то возьмите, Пётр Иванович, не забудьте, заряжен пулей на медведя. Я думаю, если бы я успел его вам передать, то она точно бы вас придушила, так как слышал, что вы вдобавок ещё и мазила. А так вы ловко оправдались, что пистолет у «того типа, что сидит на коне». Вы в рубашке родились — эта медведица должна была вас четвертовать до моего приезда, избавив меня от ягодной проблемы. Будете знать, как обижать маленьких...

Перед посёлком молчавший до этого Пётр Иванович, заикаясь, и вдруг на «вы», да ещё и по имени отчеству, попросил меня:

— Георгий Георгиевич, я прошу вас, никому не рассказывайте об этом случае. Пусть это останется между нами.

— Конечно, Пётр Иванович, — пообещал я, понимая, что он переболел «медвежьей болезнью». Не зря медведицу чуть не стошнило, когда она принялась к нему перед своим уходом.

С той поры прошло почти сорок лет. Я решил написать этот рассказ, потому что эта правда уже не заденет старика, бывшего шефа, даже если он прочтает его, а у читателей вызовет улыбку — чего только не бывает с теми, кто пытается обидеть маленьких...

Петька-медвежатник

Весна была дружной, лёд пронесло по Чуне в первых числах мая, а по косогорам и берегам реки зазеленела трава. Жители стали выгонять на пастьбу застоявшуюся за долгую зиму скотину. Пастухов сроду в деревне не было, и скотина свободно паслась по полям, берегам, а со сходом снежного покрова и по лесу, вплотную прилегающему к деревне.

Колхоз уже был ликвидирован, и Кондратьево существовало как производственный участок Тайшетского госпромхоза, так что хочешь — сей, а хочешь — рыбачь. Рыбаками здесь были все — от глубоких стариков до едва начинающих ходить. С охотой было похуже — уклад был взят: что поближе и полегче, с уклоном личных интересов. Скотину держали почти в каждом дворе, а общественного стада уже не было. Жизнь протекала тихо, спокойно — на самогоночку ещё зернышек хватало с прошлогоднего урожая, до уборочной ещё далеко, а на посевную хватит того, что останется.

И вдруг этот покой нарушился. Возмутителем спокойствия стал медведь, который присмотрел деревенских коров и начал регулярные набеги. Когда на четвёртый день обнаружили задранной первую потерявшуюся корову, то мужики определили по следам, что медведь был очень крупный — это было видно не только по следам, но

и по количеству съеденного за один приём мяса. А крупному медведю съесть сорок килограмм и более мяса ничего не стоит.

Корова была задрана километрах в двух-двух с половиной от деревни на берегу реки. Посудили, порядили мужики и порешили, что ходить на лабаз далёконько, да и, поди, медведь наелся и больше не придёт. Но не зря говорят, что у охотника одно на уме, а у медведя — другое. Не прошло и десяти дней, как потерялась вторая корова, потом — третья...

Народ забеспокоился. Организовали сход, пристыдили мужиков за трусость и лень и начальника участка Николая Степанюка обязали организовать отстрел этого разбойника-медведя. Но медведь был стар и хитёр. Обнаружив следы человека у заваленной скотины, больше туда не ходил, а выбирал следующую жертву, и совсем в другом месте.

Охотники устраивали облавы, строили лабазы, караулили медведя по ночам, но толку от этого не было. Медведь был умнее. А лесник Догата (Василий Каверзин) — кличка ему дана за то, что за каждым словом повторял: «А я догадался!» — так тот додумался на одной из набитых коровами по таёжке троп насторожить на медведя петлю из тросика, и бывает же такое, поймал в эту петлю собственного двухгодовалого быка. Когда нашёл быка, то пытался симитировать, что быка задавил медведь, но был разоблачён. А бык-то протух.

В течение лета медведь умудрился задрать восемь голов, притом безнаказанно, а ближе к осени исчез — ушёл в глухие места на ягодники, а глухих мест было предостаточно — на север до Ангары через хребет сто пятьдесят километров, а по реке вверх до ближайшей деревни около этого. До зимы никакого разбоя больше не было, народ успокоился, и только горькие воспоминания о потерянной скотине нет-нет да возникали в семьях обиженных людей.

Но вот прошла зима со своими лютыми морозами и метелями, вновь под тёплыми лучами зажурчали ручьи талых вод, и вновь полезла из оттаявшей земли зелёная трава.

Опять оголодавшая скотина разбрелась по берегу и оттаявшим косогорам щипать молодую траву, и... опять появился, судя по следам, тот же самый медведь-Потрошитель. И почерк у разбойника был прежний — корову или телку задерёт, до отвала наестся и уходит в тайгу. И вновь бабы голосили о потерявшейся скотине, мордовали мужиков и охотоведа за их несостоятельность и бессилие отстрелять медведя, приносящего столько горя. Время шло...

После обследования сосновых массивов руководством химлесхоза, где я работал в то время директором, было решено открыть ещё один мастерский участок по добыче живицы в восьми километрах от Кондратьево, благо, позволяла сырьевая база.

Был завезён строительный материал, бригадой рабочих до начала подготовительных зимних работ в лесу было построено жильё. Дом был построен просторный, тёплый, и многие рабочие проживали здесь постоянно, так как почту, продукты им доставляли еженедельно. Имелась баня, склады и все необходимое для нормальной жизнедеятельности. Также имелась рация, по которой осуществлялась связь с центральной конторой. Мастером нового участка был назначен Фёдор Мараховский, бывший вздымщик, имеющий опыт работы и пользовавшийся уважением среди рабочих и администрации.

У Фёдора был сын Петька, который, окончив восемь классов школы, дальше учиться не захотел, несмотря на уговоры родителей, а заявил, что хочет работать в лесу. Отец, чтобы парень не болтался и не бездельничал, уговорил меня принять сына на работу на его мастерский участок и взял на себя ответственность контроля за ним.

К концу лета медведь задрал уже шесть голов скота и опять неожиданно скрылся в неизвестном направлении, скорее всего, на ягодники перед зимней спячкой. Все лето только и разговоров было о его проделках.

Наступила осень — пора промысла, и мужики разъехались по зимовьям — кто по

реке на лодках, а кто и вьючно на лошадях. Я тоже ушёл в тайгу добывать пушнину. Местные мужики к середине ноября уже выкатывались из тайги, так как снег становился глубокий и ходить без лыж было тяжело, да и ловушками промышлять местные охотники не любили. Медведей в этом сезоне никто не добыл. К концу ноября и я вышел из тайги, так как отпуск был на исходе.

В лесу всюду шли подготовительные работы — подготовка участка к летнему сезону добычи живицы. Подготовительные работы — окорение (специальным настрогом со ствола сосны снимается слой коры до луба определенного размера, то есть площади, на которой летом специальными резцами наносятся срезы определённой глубины, и по этому срезу в металлическую ёмкость-воронку сбегает смола сосны — ценнейший компонент для двухсот видов промышленного производства). Довольно трудоёмкий процесс, предусматривающий целый день подготавливать на каждом дереве площадку, переходя от одной сосны к другой.

Петьке отец отвел деляну в двух километрах от жилья, где древостой был потоньше и кора послабее, чтобы парень не так уставал и быстрее научился качественно выполнять эту работу. Для смелости Фёдор дал сыну одностволку шестнадцатого калибра; зарядил патронов с дробью и один патрон пулей для поддержки морального духа.

Петька с ружьём обращаться умел и не раз бегал пострелять рябчиков. С Петькой на работу бегала его молодая лаечка Жучка, которая носилась по его следам в сосновой чаще.

В этот день Петька отправился на работу с Жучкой, предварительно зарядив ружьё пулей, как его учил отец. Была суббота, Фёдор и часть рабочих выехали на привозившей продукты и почту машине в посёлок Полинчет, где была контора химлесхоза и жили все рабочие с участка. Петька домой не поехал. Кроме него ещё остались трое рабочих, решив провести отдых в лесу.

Петька, не торопясь, отправился на деляну, чтобы обойти участок леса, где ему предстояло работать, и заодно, если удастся, погонять рябчиков. В лесу снег был поменьше, чем на открытом месте, и идти было легко. Пройдя уже подготовленную им часть леса, Петька пошёл по границе участка, прикидывая, долго ли ему ещё на нём работать. Средний размер рабочего участка по площади составляет тридцать-сорок гектаров, так что места побродить хватало. В дальнем конце участка была куртина молодого сосняка, к которой и направился Петька в надежде вспугнуть рябчиков.

Жучка носилась по лесу, принюхиваясь ко всем попадавшим следам и поглядывая на вершины деревьев в надежде увидеть что-нибудь, удовлетворившее бы её любопытство. Петька видел, что Жучка нырнула в куртину. Площадь куртины была не очень большая, и по этой чаще росли редкие толстые сосны и небольшие ели. Не доходя до этих зарослей, Петька услышал, как залаяла Жучка. Он снял с плеча ружьё и осторожно стал подходить к зарослям, поглядывая поверх чащи, надеясь увидеть взлетевших рябчиков, а затем полез в карман куртки за дробовыми патронами, но его насторожил лай Жучки — раньше он не слышал в её голосе таких интонаций: то злобных, то испуганных, и решил подойти поближе, посмотреть, что же она нашла. Лай был на одном месте, с перерывами.

Петька положил патроны с дробью в карман и полез через чащу к Жучке, сжимая в руке ружьё. Продравшись сквозь чащу, он выбрался на небольшую полянку, на которой росла толстая сосна, а возле неё был, как ему показалось, большой сугроб снега. Отряхнувшись от напавшей на шапку и плечи кухты, Петька подошёл к сугробу. Как оказалось, это была куча земли, с которой Жучка лаяла в комель сосны и умолила вокруг весь снег. Петька со стороны зашёл посмотреть, что же там нашла Жучка. А Жучка носилась возле сосны и злобно лаяла, увидев рядом хозяина. Вдруг снег у комля сосны разлетелся в стороны, и из-под снега показалась огромная голова медведя, вылезавшего из берлоги. Медведь зарычал страшным утробным рыком. Жучка моментально отскочила за Петьку, у которого отнялись ноги от ужаса. Но это было

только мгновение, так как медведь, выбросив вперёд передние лапы, начал вылазить. Вспомнив о ружье, Петька взвёл курок, прицелился и выстрелил. Раздался страшный рёв. Увидев сквозь дым уже почти наполовину вылезшего медведя, Петька, развернувшись на месте, кинулся бежать, не разбирая дороги, лишь бы удрать подальше от этой жути. Всё это произошло настолько быстро, что Петька, только выскочив на чистый бор, увидел далеко удирающую от страха Жучку. Петька не успел оглянуться, как выскочил на дорогу. Остановившись передохнуть, он услышал непрекращающийся рёв медведя.

Петька летел по дороге и орал во весь голос; «Медведя убил! Медведя убил!» Впереди мелькала Жучка, не совсем понимая, что же всё-таки произошло. Так и примчались они к дому, а навстречу им уже бежали мужики, которые, услышав крики Петьки, торопились ему на помощь. Они не поверили Петьке.

Немного отдохнув, всем отрядом пошли к месту события, вооружившись ружьями, но Жучка с ними не пошла. Не забыли взять верёвку. Придя на место, осторожно подкрались к берлоге с ружьями наготове. Медведь, наполовину вылезший из берлоги, был ещё в агонии. Немного подождав, стали думать, как его вытащить из берлоги. Много потрудились, пока достали косолапого. Только когда медведь был наверху, можно было рассмотреть, какой это громадный зверь. Уже позже многие, глядя на растянутую шкуру, повторяли: «В рубашке ты, Петька, родился». Петькина пуля попала медведю в шею у основания головы и застряла в расколоте позвоночника.

Меня угощали бруском мяса, на котором слой сала был толщиной пятнадцать сантиметров.

Я прожил в том краю ещё несколько лет. Сколько помню, больше коров медведь не драл, а Петьку стали называть Петька-медвежатник, чем он гордился. Ему было тогда пятнадцать лет.

Украина в огне

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ

Переселенцы

(Отрывок из поэмы «Деревня»)

Смешные сельские картины...
В тот неудачный сенокос
Переселенцы с Украины
Атаковали наш колхоз.

Вербовщик их окутал в сети,
Был шустрым старый коновал,
Привёз, довёл до сельсовета,
Бумаги сунул и удрал.

Косятся пасмурные гости,
В сердцах обиду затая,
На лебедовые охвостья,
На краснозёмные поля.

Любава весело смеётся:
«Была бы шея, а хомут,

Как говорят, всегда найдётся...
Здесь тоже русские живут!»

А шорник, остроязыкастый,
В толпу гостей метнул смешок —
Пропел приезжим вместо «здравствуй»,
Крамолой пахнувший стишок:

«Голодранцы всего свиту,
В одну кучу — гоп!
Приготовил нам Никита
Коллективный гроб».

Хохлы в ответ заулыбались,
Росинки вспыхнули в глазах.
И крепко братья обнимались,
И толковали о делах.

ТАТЬЯНА СУРОВЦЕВА

Солнце Украины

Ни дня здесь не бываю одинокой!
Родня, как в детстве, балует меня.
А виноград! Он возле самых окон
Прозрачно зреет, гроздьями дразня.

Ах, это солнце, солнце Украины!
Я четверть века ехала к нему.
Как поцелуй ожог его приму,
Сбегу к реке — и разом всё отрину:

Как две любви, во мне соприкоснулись:
Моя Сибирь, мой ветер голубой,
И этот мир мощёных узких улиц —
Морского юга медленный прибой.

Мороз и снег — мучительный вопрос,
И всё, что было, да и всё, что будет...
Вон, на песке, как на горячем блюде,
Мерцает перезревший абрикос!

Мне кажется, и люди здесь должны
Быть счастливы от самого рожденья,
Как эти плодоносные растенья
Под дымчатым теплом голубизны.

Херсонская область, 1974 г.

* * *

Победителей светлое племя
Не казнило дурных матерей.
Подрастало крапивное семя
На земле Малоросской моей.

Воровская, гремучая нежить
Дуробабий восприняла рык —
Хлещет братьев огнём и железом
И позорит мой Русский Язык!

Подросло — откормилось свободно,
Отрастило клыкастый мордан,
И под свастикой дикой и чёрной
Поскакало, хрипя, на Майдан.

Но народ вырвет чёрные злаки —
Ход истории медлен, но крут!
Волкодлаки ли вы, вурдалаки —
Будет вам пригвождение и суд.

Иркутск, 7 мая 2014 г.

ВЛАДИМИР СКИФ

Чёрные дыры

В небе чёрных дыр всё больше,
Всё плотнее пустота.
Вон в дыре исчезла Польша,
Жаль, хоть Польша и не та.

В чёрных дырах, словно тина,
Мрак — и днём, и поутру.
Но за Польшей — Украина
Так и ломится в дыру!

2007 г.

Манкурты

Враг России злобой дышит,
Мировой идёт процесс.
Про Галицию напишут,
Как про вотчину «СС».

Посреди Одессы тело
Бедной Родины горит.

О фашистах то и дело
Телевизор говорит.

На майдане правят урки —
Крови высятся фонтан...
От Бандеры — до манкурта
Расстояние в майдан.

14 мая 2014 г.

Реквием

Памяти Юлии Изотовой

Кровавое солнце упало во тьму,
И Родина пеплом покрыта.
Скажи, Украина, — зачем? почему
Изотова Юля убита?

Ей было немного. Всего двадцать два...
Неужто убита — за это?
В родном Краматорске трепещет листва,
И катится яблоко света.

И яблони цвет набирают в Крыму,
И в поле засеяно жито.
Скажи нам, Турчинов, — зачем? почему
Изотова Юля убита?

Бандеро-фашистское ваше гнездо
В угоду Америке свито.

И мы понимаем сегодня — ЗА ЧТО
Изотова Юля убита.

Мы знаем, что вам не доступна слеза,
Что вы — под прикрытием пушек.
Смотрите в её голубые глаза,
В её просветлённую душу!

И пусть её облик вам спать не даёт,
Проклятья в ваш адрес несутся...
Великий Господь по делам воздаёт —
Убийцы уже не спасутся!

Когда-то мы взяли Берлин. С нами Бог!
Судьба добывается нами!
За Юлю, за пламенный Юго-Восток
Поднимем победное знамя!

7 мая 2014 г.

Хатынь XXI века

Сгорели... Сгорели... Убиты...
Растерзаны... ЭТО — ХАТЫНЬ!
Простите живых, одесситы!
Сгоревшим и павшим — Аминь...

Предвидел ли кто катастрофу?
И кто мог подумать вчера,
Что сбудется путь на Голгофу,
Прочерченный «из-за бугра».

Что город Одесса заплачет...
Несломленный город-герой
Фашистами будет захвачен,
Зажжён украинской дырой.

Что будут до смерти забиты,
Объяты смертельным огнём,
Восставший народ — одесситы,
Сгоревшие в доме живьём.

Над всей украинскою длиною —
Над Родиной — горестным днём —
Оплавилось небо Хатынью,
И вспыхнуло море огнём.

Хатынь двадцать первого века
Затмила и душу и плоть.
У Господа дрогнуло веко,
И в небе заплакал Господь...

2-9 мая 2014 г.

ВАСИЛИЙ ЗАБЕЛЛО

Святая земля

*Светлой памяти сына моего —
послушника Сѣргия*

Облако над Русью пролетело,
Окропило доли и холмы,
В западных растаяло пределах,
Обернулось саваном зимы.

А за ним летит, курлыча, стая,
С Родиной прощается навек.
На Украине та земля святая,
Где почил любимый человек.

Утренняя чистая пороша
Побелила пúстынь, монастырь.
Рано ты, сыночек мой хороший,
Приумножил древние кресты.

Про тебя ни слухом и ни духом...
Хоть бы голубь с вестью залетел...
Та земля да будет тебе пухом
И высок молитвенный удел.

14 декабря 2006 г.

Мечта

*Отцу Назарию — монаху
Свято-Духовского монастыря в Почаеве*

Впереди лишь бездна вечности,
Позади — небытия...
Доброхотом человечности
Стань же ты, душа моя.

От мирских сует до пагубы
Только руку протяни.
Мне о Боге думать надо бы
Все оставшиеся дни.

Мне бы к храму да к причастию
Свят-дорожку проложить.

Чтобы в Боге тихо, счастливо
На земле ещё пожить.

Вы простите, люди милые —
Други, недруги, родня,
По воде пусть пишут вилами
Всё, что знали про меня.

Там, в скиту, под сенью липовой
Я лампаду засвечу,
И, молясь, о прошлом всхлипывать
Ни за что не захочу.

Под звездой Богородицы

Жить по вере, как исстари водится,
Князь Владимир оставил завет.
Воссияла звезда Богородицы,
Разливая спасительный свет.

Открывает страницу заглавную
Воскрешённый великий народ.
Монастырская Русь православная
Из руин обомшелых встаёт.

От восточных морей и до западных
Колокольная песня звенит.

И сердца ей навстречу распахнуты,
В небо чистое рвутся, в зенит.

Ты помилуй детей своих, Господи!
В град небесный врата отвори.
По церквям, по полям, над погостами
Бьём поклоны с утра до зари.

Крестным ходом в лучах Богородицы
От восьми челобитных сторон
Мы сойдёмся в Престольной, как водится,
В окружение Державных икон.

ЮРИЙ БАРАНОВ

* * *

Чёрный пепел, чёрный ветер. Для Украины я — москаль.
Чёрно-красный флаг взлетает. И бандеровский оскал.

Мы — держава. Разберёмся. В партизаны все пойдём.
Виновата ли Россия? Виноватых мы найдём.
Будут реки и Карпаты, и упругие ветра.
Дай, Всевышний, Украине света, разума, добра!

Где же зиронька над степью? Где певучие сердца?
Не хочу для Украины чёрно-красного венца!

Крым

Мы Крымом болели ночами.
Сгорала свеча пред очами.
Святого Георгия знамя
Багрово вздымалось над нами.

Фитиль, подожжённый майданом,
Змеился смертельным удавом.
Вот горькие запахи гари —
Пришли к Перекопу пожары.

От воплей майдана горячих
Ни Сурож, ни Керчь не заплачет.
И гордый встаёт Севастополь,
Бандеровский слушая ропот.

Здесь каждый осколок и камень
Российской отвагой оплавлен.
Поэтому Крым не отдать —
Здесь русским навеки стоять!

Нам хлеба важнее — держава,
Россия и русская слава.

Под Мелитополем

Под городом Мелитополем
Кони копытами топали.
Полынными мчали ночами,
Звенели подковой, мечами.

Гуляла скифская конница.
Нынче — майданная вольница.
Расстреляна вновь судьба.
Кацап и москаль — ганьба!

Днепропетровск, Запорожье —
Оружье летит из ножен.
В Киеве «Нахтигаль»
Кричит Украине: «Хайль!»

Там, где Украины ковыль,
Вьётся на западе пыль.
Щурится старый Кобзарь:
Ляхов мы били и встарь.

Бряцали острой сталью,
Ветры чужими стали.
Ржавчиной предзакатною
Крылья мои запятнаны.

Кожу с себя сдирая,
Ты, Украина, у края.
В сердце — живая рана:
Кровь от того майдана.

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

Реснота*

Под золотой обителью небес
Одна тщета... И голубь в аэр круто
Уходит, а внизу — разор и смута.
И поднял в схватке пики чёрный лес.

Как трудно скорбным разумом постичь
Горящие в огне — страны уделы,
И ядом смол отравленные стрелы,
И диких тварей полуночный клич!

Когда на мир спускается беда,
И словно волны, подступает горе,
Справляют шабаш ведьмы Лысогорья,
И цепенеют в страхе города.

Когда на Русь текли орда и лях,
И угрожал тевтон клеймёной сталью,
И сеял дождь кровавою печалью,
Чтоб плесенью взошли грибницы плах, —

Гремел набат! И трубный выси глас
Рёк истину в скрижалях прописную,
Что будет рядом с Богом одесную
Тот, кто за други примет смертный час!

Земля моя! Приходит твой черёд!
Оставь врагу сомнения и страхи.
Тверды клинки и так белы рубахи.
И правое плечо «Марш-марш» вперёд!

5 мая 2014 г.

СВЕТЛАНА ТРЕТЬЯКОВА

18 марта 2014 года. Крым

Наступает весна. Все, быть может, уже позабыли и —
Он вошёл неожиданно, словно в загадочном сне:
Марта день восемнадцатый — взятие штурмом Бастилии...
(День из детства далёкого нынче припомнился мне).

Этот день красным цветом, как прежде, уже не расцветенный,
Среди многих других, что потом поспешат зачеркнуть,
Когда наш паровоз во главе с паровозником меченым
Устремился в тупик, оборвав предназначенный путь.

*Реснота — безусловная для кого-то истина.

...Наступает весна. Мы встречаем своё возрождение.
Пробудился народ, как от спячки проснулся медведь.
Мы увидели нашу надежду и наше спасение.
Мы вдохнули весну и сказали — доколе терпеть?!

Вспомнив наши победы и силу российского воинства,
Словно русский медведь, пробудился от сна Аю-Даг*.
И поднялся народ на защиту страны и достоинства,
Вновь на русской земле водрузили российский наш флаг.

Только б не заболтать, не забыть этих дней опьянение,
Сбросить с плеч ненавистный и чуждый нам западный плен.
Пусть ликует весна и приносит своё воскресение,
Нам поможет воскреснуть, воспрянуть, подняться с колен.

Все мы — русские люди, единой историей связаны.
Малороссия, Русь, Белоруссия — наша судьба.
Это — Русская Троица, вещим Рублёвым предсказана,
Это — путь через тернии, это общая наша борьба.

Процветай и живи в воссиянии образа чудного,
Моя вечная, мудрая, Богом хранимая Русь!
Хорошо, что дожить довелось мне до дня Богосудного!
Так светло на душе, за Россию теперь не боюсь.

ВЛАДИМИР СКУРИХИН

Отрывки недописанных поэм Киевские каштаны

1

Салют, мой друг Давид Бараб-Тарле,
Что в «Лакомке» накидывал портреты
И в стенгазеты, как парад «алле!»,
Передавал весёлые приветы!

Потом твои рисунки я встречал
В «Работнице», и ты, мой белый Додик
(Как я тебя не раз нарисовал),
Шарады создавал, шутя навроде...

Навроде безрассудно пошутя,
Я шарж нарисовал на коммунистку.
И в дальнее селение меня
Отправил деканат, как на «очистку».

Так повелось деревней очищать
Интеллигентов, в маоистском духе.
И чтобы иронично не трещать,
При школе я был поселён к старухе.

Божественная бабушка с горбом
Меня по-чернореченски кормила
Картошкой, зажаренной с лучком,
И под иконами постель стелила.

Я даме сердца строки посвящал,
И больше никому не открывал.
Зато она Иркутск не покидала
И письмами прелестно отвечала.

*Аю-Даг — гора в Крыму, переводится, как «Медведь-гора».

Библейского синопсиса строка
И Киевской епархии издания
Свели меня, как верная рука,
Под храмов белокаменные зданья.

Я не имел того, чего хотел,
И делал то, чего я не умею.
Когда я в стольный Киев прилетел,
Цвели каштаны. Каждую аллею

Крещатика подсвечивал не лавр,
Но лавре я стремился поклониться,
В суму заплечную пивка набрав,
Не тронув монастырскую границу.

И трона приднепровских голубей
Я взглядом не лизнул — я суверен.
На дам смотрю не как прелюбодей,
Но остаюсь поклонником царевен...

Меня мои ли ауры ведут?
Вот Холм Победы, но иной редут
Мне предстоял.
Что я об этом знал?

Варить из строчек новый аромат
С достоинствами всех пивных и схимы.
Пускай меня потом приговорят
К анафеме какие-нибудь мимы...

2

Итак, здесь начинаются сплетенья,
Сознание лёгким кайфом осветляя.
Я не на площадь двинулся, а в тени
Вдоль крепостной стены без объявлений.

Однажды отворилась дверь в стене,
И бородач плеснул в меня помой.
Наверно, он не думал обо мне.
Не так кропят ли Бога на Сионе?

Невнятно разъяснять второму «Я»
Наречия — шарада не моя.
И приседая иногда на сучья,
Я в этой бороде нашёл созвучья.

Я был польщён средь зарослей глухих,
В которых никого бы он не встретил,
На ветках сидя, я писал свой стих,
Чтоб всякий дух добавил дню отметин.

Всё гуще, гуще в сторону Днепра
Чудовищная сельва заплеталась.
Плечами пробивалась голова,
И пиво подсластит-таки усталость!

Вот так всегда по цоколю крадусь.
А будет выход, значит, будет Русь.
Изодран выполз в старые домишки —
Кривые крыши, как котёл без крышки.

В одно окошко мазаный фасад —
Всё время возвращаемся назад.
Вращаемся, как стрелки циферблата,
Где не всегда своя открыта дата...

Надеюсь, что в пещерах катакомб
Я не сумел бы возбудить апломб
По поводу бродяги. Но святыни
Встречаются не только в Палестине.

Киево-Печерский монастырский круг
Я обошёл вокруг. Кануны Пасхи
Нас наставляют оставлять подруг
И с другом в сказки наострять салазки.

Я вижу, он на стороне добра,
А значит, мне его душа — сестра.
Счастливо, украинская земля,
Снись спутником Московского Кремля!

АНАТОЛИЙ ЗМИЕВСКИЙ

Помутившейся Украине

Нет без крови хохлацкой русских,
нет без русской крови хохлов.
Украина, я внук иркутский
украинских моих дедов.

Их Изюма и Белой Церкви
так пьянил меня аромат...
Что за ветер захлопнул дверки
в свет, что шёл от садов и хат?

Вся в цветах, в разноцветных лентах,
ты была или не была?
За позорные тридцать центов
ты себя и нас предала.

Неужели ты всё забыла —
как делили полынь и мёд?
Если ты Москву не любила,
значит, польский любила гнёт.

И на пальчики, значит, гниды
мы, Иваны сплошь дураки,
Новороссию и Тавриду
нанизали, как перстеньки.

И за стол мы пустили — чушку,
коли ноги ты нам на стол...
Вашингтонские печенюшки
отрыгнутся тебе в подол.

Ведь Европе и подлым Штатам
ты нужна не кралей с цветком,
а в трухе подстилкой для НАТО,
у виска России — стволом.

С тенью Гитлера наплодила
гарна дивчина гитлерят,
и с пиндосами сколотила
людоедский из них отряд.

Эти с геном бешенства твари
(а ты скажешь — нации цвет),
осквернённый Киев поджарив,
псами взяли к Одессе след.

И от нежности чуть не плача,
проводжало их ЦРУ,
и на трупах себя с удачей
ты поздравила поутру...

Женщин жечь и с еле ходящих
ветеранов рвать ордена —
вы за это смолы кипящей
нахлебаетесь все сполна!

Ты марала вишней ладошки,
а теперь — в чём руки твои?!
С головы до пят, а не трошки,
ты теперь в славянской крови.

Дотекла та кровь из Одессы,
и доплыл из Одессы дым
до Курил, и майданных бесов
проклинают Сибирь и Крым.

Всё дурней, всё чернее слава
на Донецк нацеливших рог.
Но, смеясь, понимает дьявол,
что последним смеётся Бог.

Обойти нельзя неизбежность,
стало ясно даже грибам,
что тебе твоя незалежность
оказалась не по зубам.

На единство, на шаг от ямы
были шансы. Теперь их нет.
Застрелись сигарой Обамы
иль возьми у нас пистолет.

С пальцев, сжавших галицкий ножик,
перстень Крыма уже слетел;
Новороссии перстень тоже
для тебя, считай, отблестел.

Русский борщ несколько не хуже
украинского, и обед
с ним прекрасен, прекрасен ужин
без полтавских твоих котлет.

Помутилась ты, Украина,
помутилась так, что сама
превращаешь себя в руины.
Славь Бандеру. Прощай, кума!

Прощевайте, Христа с Миколой,
и хоть к чёрту, хоть к Папе в Рим
с галичанской тикайте сворой,
а кто свой — вертайтесь к своим.

МИХАИЛ КРИВОШЕИН

Памяти жертв Дома профсоюзов, погибших 2 мая 2014 г. в Одессе

Сукровицей хмурого рассвета
Кровь стекала с бледного лица.
Изрыгало чрево пистолета
Порцию смертельного свинца.

Обгоревших тел живые стружья,
В битых окнах пляшущий огонь.
Чёрные обугленные трупы,
До кости сгоревшая ладонь.

— Помогите! — из окна летело
На кресты антенн соседних крыш.
На столе поверженное тело —
Мать и не родившийся малыш.

Смерти неуместной веский довод
Преподнёс бандеровский подлец.
Стянутый на хрупкой шее провод
Оборвал биенье двух сердец.

Встань, народ! — вызывают обелиски, —
Меч возмездия из ножен вынь!
Обрела одесскую прописку
Века двадцать первого Хатынь.

ГАРИЙ НЕМЧЕНКО

Автомат

Отрывки

*Мы стоим посреди неизмеримых бездн пространства и времени.
Там и тут проникают только одни догадки.*

И. Калашников «Автомат»

Весы планеты Земля

За время общения с Михаилом Тимофеевичем Калашниковым не однажды мне приходилось удивляться неким странным совпадениям: на первый взгляд вроде бы случайным, неизвестно кем посылаемым знакам, смысл которых становился мне хотя бы относительно ясен намного позже... Но поистине мистическое открытие ожидало меня потом, когда его книжка «От чужого порога до Спасских ворот» уже вышла в свет.

Может, и хорошо?

НЕМЧЕНКО Гари́й Леонтьевич родился в 1936 г. в станице Отрадной Северо-Кавказского, ныне Краснодарского, края. После окончания факультета журналистики МГУ более 10 лет работал в Новокузнецке Кемеровской области на строительстве Западно-Сибирского металлургического комбината, был сотрудником многотиражной газеты «Металлургстрой». После сосредоточился на литературном творчестве. Автор романов «Здравствуй, Галочкин», «Пашка, моя милиция...», «Считанные дни», «Проникающее ранение», «Долгая осень», «Тихая музыка победы», «До...» и др. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Если и нынче, после нескольких лет размышлений, так и не решил, что этот любопытный факт означает, сколько невероятной всячины и откровенной ерунды мог нагородить вокруг него я тогда, в пору романтической, почти юношеской влюблённости в Михаила Тимофеевича, когда чуть ли не единственной литературой, откуда пришлось черпать информацию, были справочники по стрелковому оружию да три пухлые папки с архивом Конструктора.

— В них всё есть, — сказал он мне своим подрагивающим тонким голоском, — и ничего вам больше не надо: сидите тут и работайте! Здесь найдёте ответы на все вопросы...

Зато потом, потом!..

Как только после тёплой на юге зимы вместе с перелётными птицами возвращаюсь теперь с Кубани в Москву, первым делом иду в Национальную библиотеку, бывшую «Ленинку», и «Листок читательского требования» заполняю без долгих поисков шифра в каталоге — поглядываю на запись, которая вот уже несколько лет переходит из одного моего блокнота в другой... Для задумчивого нашего разговора о совпадениях этот библиотечный гриф, полагаю, не нужен, так и оставим его на страничке блокнота, зато пригодится остальное, давно заученное: «Автор: И.Т. Калашников. Название книги: «Автомат». Место издания: С.-Петербург. Год издания: 1841».

Разве не над чем тут поразмышлять?

Начиная с этого любопытного и странного, конечно же, факта: мало кому теперь известный роман «Автомат» писателя Ивана Тимофеевича Калашникова, сибиряка, родом иркутянина, появился в Санкт-Петербурге чуть ли не ровно на столетие раньше, чем знаменитый нынче во всем мире автомат АК-47 конструкции Калашникова Михаила Тимофеевича — в Ижевске... После долгих и долгих размышлений над именами авторов и названиями их детищ, таких на первый взгляд разных, смею утверждать, что совпадения этим не заканчиваются, более того, в каком-то смысле безжалостный автомат Михаила Тимофеевича является весьма неожиданным продолжением сентиментального романа. Да что там, что там: как бы продолжением и всей русской истории, и судьбы России, поверьте!

А то и судьбы Земли.

«Автомат» Ивана Калашникова

Есть такая условная форма подачи советов, о которых тебя не просят, — ну, знаете: «Если бы я был президентом...» «Если бы я был премьер-министром...» Да чего уж там мелочиться: был бы «Председателем Земного Шара», о высоком титуле которого когда-то размышлял беспокойный Велемир Хлебников. Теперь-то дело вполне понятное: утешение для дураков. И тем не менее, если был бы тем человеком, от которого хоть что-то в стране зависит, я бы — точно так же, как любой из бесчисленных нынче телохранителей получает боевое оружие, в том числе и специальный какой-нибудь, особо безжалостный «калаш», — так вот, охраняемому «телу» выдавал бы под расписку, для изучения с непременно последующим экзаменом, эту бесхитростную, наивную, можно сказать, книжечку, впервые вышедшую в Санкт-Петербурге полтора века назад: «Автомат» Ивана Тимофеевича Калашникова.

Главный её герой — добропорядочный русский человек. Верующий. Патриот. Честный чиновник. Не бывает, скажете?.. Но ведь бывало!

А почему следует верить — будущий писатель сам родился в Иркутске в семье бедного чиновника, по причине верности служебному долгу пострадавшего в одной из «чернильных пунических войн» между провинциальными ведомствами, которые всегда велись в России, по этой причине вынужденного оставить службу, но не поддавшегося обстоятельствам, не сломленного, а только окрепшего духом... Или говорю опять о главном герое?

Пожалуй, это и по тем временам редкий, а по нынешним — вообще уникальный случай искреннего слияния взглядов, характеров, судеб автора и его литературного создания.

Ещё до окончания губернской гимназии Иван Калашников был зачислен подканцеляристом в Иркутскую казённую экспедицию, позднее был протоколистом совместного суда, ассессором в Иркутском губернском правлении. Служебное его рвение не осталось незамеченным: тогдашний генерал-губернатор Сибири М.М. Сперанский сперва назначает его советником Тобольского губернского правления, а после поспешествует переезду в Санкт-Петербург. Кое-кому это покажется малоинтересным... Мне же ласкает глаз: столоначальник и секретарь в Министерстве внутренних дел; старший помощник и исполняющий обязанности производителя дел в Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Не потому ли радуется сердце, что по всем этим чиновным ступенькам поднималось не высокородное дитя — человек из простецов, за спиной у которого не было ни оставленного наследства, ни собственного большого дохода. А семью ему дал Господь многодетную... «Испытывая материальные затруднения, — как скромно сообщают «Брокгауз с Эфроном», откуда берутся сведения, — Калашников совмещает основную службу с педагогической деятельностью: в 1827 году сдал экзамен и получил аттестат при Петербургском университете; гувернёр в Царскосельском лицее, преподаватель русской словесности в 1-м кадетском корпусе; наставник-наблюдатель в Дворянском полку...» В отставку Иван Тимофеевич вышел тайным советником: кому, как не ему, знать жизнь русского чиновничества! И главному герою, не сомневаюсь, обдуманно и в совершенном уважении к Александру Сергеевичу Пушкину он даёт имя Евгений.

«Отец Евгения, титулярный советник Судьбин, — сообщает Калашников на первых же страницах «Автомата», — был один из тех презабавных оригиналов, которые теперь столь превосходно осмеяны. С начальниками: да-с, нет-с; поклоны по Табели о рангах; сохрани Бог вздёрнуть нос перед старшим!.. Словом, ходячая выписка из законов, воплощенный Генеральный Регламент!

Должно, однако, сказать правду, что этот смешной оригинал служил всегда честно и прилежно; с постоянным вниманием перед начальниками, но и с неколебимым благородством в душе; он был скромнен, но не подл; терпел крайнюю во всем нужду, но не запятнал себя ни одним несправедливым делом. Если бы история отмечала на своих листах скорее подвиги скромной добродетели, чем шумной славы, то сколько прекрасных поступков самоотвержения мы увидели бы в осмеянном чиновничьем мире!»

«Автомат» — роман о самоотвержении. Полном!

Первым произведением пятнадцатилетнего в ту пору Ивана Калашникова была прочитанная им и оценённая не только в губернской гимназии ода «Торжество России»: о победе над Наполеоном. А вот отрывки об Отечественной войне 1812 года уже из «Автомата»: «В Иркутске, за шесть тысяч вёрст от столицы, всякая рана, всякий удар, наносимый Отечеству, столь же живо и сильно были чувствуемы, как и в самом сердце России...» Молодой чиновник Евгений Судьбин и его старший друг Матвей Петрович через всю Сибирь спешат в народное ополчение... вот опять! Не будущий ли это путь добровольных сибирских дивизий, отстоявших Москву уже в войне с германцами — в 1941-м?!

Оба иркутянина принимают участие в Бородинском сражении. «Славный пир, — говорил Матвей Петрович, стоя в колоннах, охраняющих батарею, — задали Наполеону! Долго будет у него в голове кружиться! Гости пьяны и хозяева веселы, но пирушка что-то замолкает — знать, кровавого вина не достало!»

Младшего земляка, Евгения, он призывает «не лезть на штыки», но тот прямо-таки укоряет его: «Как мне думать о себе, когда тысячи гибнут?!» Он будет ранен, но останется жив, а тело Матвея Петровича они найдут потом вместе с однополчанином Бурцовым среди обезображенных трупов. «Ваше благородие! — сказал Бурцов. — Теперь делать нечего: не воскресишь. Позвольте мне взять тело и отнести на тот вон холмик. Там зароем его с солдатскою молитвою, а потом священник отпоёт всех вместе: кто здесь умер, тот и без того наследует Царствие Божие...»

На берегах войны Бурцов предал земле тело Матвея Петровича. Некогда было поставить памятник: ничто не служило напоминанием, что тут схоронено сердце, любившее Отечество. Скрыт человек, умерший за спасение своих собратьев. На следующую весну

могила заросла травой, покрылась цветами — и любопытный путешественник, может быть, обозревая поле битвы, попирает её своими ногами. Ни история, ни предания не сохраняют имени, ничем не заметного в толпе многих. Ни современники не знали, ни потомки не будут знать не только затерянной могилы, но и самого существования безвестного защитника Отчизны.

Такова-то судьба воина, судьба, служащая образцом великого, святого самоотвержения! Евгению Судьбину после Бородино предстояли испытания в сожжённой Москве, где его, взятого в плен, привели к новому градоначальнику, французу Мортье. Тот предложил Евгению единственный способ спасти жизнь: перевести с французского «прокламацию к русскому народу, в которой ясно сказано, чего хочет великий Наполеон». Но Евгений сделал свой выбор уже перед этим: *«Генерал! Независимость Отечества для нас дороже всех благ в мире: скорее вся Россия будет представлять огромное пожарище, чем хотя один русский преклонит колени перед врагами Отчизны!»*

Но вот война окончена, и начались злоключения мирного времени... Евгений Судьбин, приехавший в Петербург с рекомендательным письмом крупного сибирского чиновника, бывшего его духовным наставником, и тут пытается жить по высоким нравственным правилам. Для него звучит, как завет: «Одна идея бессмертия держит порядок общественного устройства, с которым сопряжено не только развитие умственных сил человека, но и самое существование его». Жалованье у Евгения малое, но от взяток он решительно отказывается и вскоре в департаменте своём становится белой вороной, над ним не только посмеиваются — начинают открыто издеваться: «Ваши понятия отстали от времени! Кто нынче в Европе думает о браке, о вечных связях? Знаменитейшие европейские политики давно решили, что умножение народа вредно для государства... Наслаждение должно быть нашей целью, а правилом — старайся жить как можно счастливее, не разбирая средств...

— Ужасное правило!

— Однако же ему следуют нынче во всей Европе... Да знаете ли, милостивый государь, знаете ли, кто бог века сего?! — Габбе вынул туго набитый ассигнациями бумажник и, развернув его, с дерзостью произнёс: — Вот боги, которым поклоняется ныне род человеческий.

— Правда, правда! — вскричал внезапно пробежавший по комнате Яков Адреевич. — В Европе нынче так все мыслят).

Коллега по департаменту Габбе рассказывает Евгению, что в Петербург приехал «один весьма ученый и глубокомысленный немецкий профессор, к сожалению, профессор без кафедры», и советует послушать его, «чтобы избавиться от предрассудков». Евгению не до того: он мучительно размышляет, как одолжить у Габбе хотя бы малые деньги: квартира не оплачена, дома голод, маленький сын при смерти... Но Габбе — старый развратник, который давно поглядывает на его жену-красавицу. Что делать?

А вечером домой к нему приходит человек с бумагами княгини Сутягиной и отдельным конвертом от неё: стоит поставить в бумагах подпись — и семья Судьбиных спасена. Сделать это Евгений отказывается, у него начинается горячка, и посреди неё он видит «немецкого профессора»: «В руках его была мёртвая человеческая голова. Разбирая её нервы, профессор доказывал материальность душевных явлений, скотоподобность человека, мечту нравственности и добродетели... Окружавшие кафедру молодые люди слушали его с восторгом.

— Итак, — говорил профессор, — нет более сомнения, что человек есть автомат. Великие учителя Германии наконец открыли глаза слепому человечеству. Отныне обязанностью человека должно быть наслаждение, целью его действий земное блаженство, его собственное «я». Прочь добродетель, любовь к ближнему, великодушие. Нам нечего думать о других: жизнь нам дана для нас. Поспешим ею воспользоваться вполне.

— Злодей! — вскричал с гневом Евгений. — Это ли ты называешь философией? В том ли состоит премудрость, чтобы отвергать всё то, что возвышает человека над материальным миром и приближает его к Богу?

— Друг мой, — отвечал профессор с ужасным равнодушием. — Ты горячишься потому, что ещё я не показал тебе истину лицом к лицу. Подойди ближе. Укажи мне на любого из этой толпы — и ты увидишь своими глазами справедливость моих слов.

После того профессор подозвал одного из слушателей, снял с него волосы и нагнувши его к Евгению, сказал ему:

— Смотри!

Евгений с ужасом увидел, что голова слушателя была алебастровая. Он решил постучать в неё рукою. Звук подтвердил видимое глазами. Профессор молча надел опять волосы на голову слушателя и с адским самохвалством сказал трепещущему Евгению:

— Вот плоды исследований девятнадцатого века!

— Боже милосердный, ужели так созданы все люди?

— Все, — с торжественным видом подтвердил философ. — Все и ты сам. — Он поднёс к Евгению зеркало, и Евгений увидел с трепетом, что и его голова была также алебастровая. — Благодарю, что я открыл тебе глаза!

— О, будь проклят ты с твоими адскими открытиями! — вскричал Евгений. — Злодей, ты лишил меня навсегда единственного утешения, веры в бессмертие. Горе мне, горе!

— Кто смеет поносить нашего великого наставника! — воскликнула толпа, бросившись на Евгения. — Смерть дерзкому!»

Потом Евгений «видел себя посреди шумного пира. Та же толпа автоматов его окружала. Мужчины и женщина, полупьяные и полунагие, сидели за столом, уставленным бутылками. Вино лилось рекою. Раздавались развратные и безумные крики и песни. Профессор был председателем праздника и примером развращения. Обняв одною рукою сидевшую подле него прелестницу, а другою подняв кверху бокал, он возгласил зловещим голосом:

— Да здравствует ничтожество!

Пирующие, опоражнивая стаканы, запели с неистовыми воплями:

*Слава веку просвещения!
Чужды мы предрассуждения,
Чужды веры мы оков,
Нам не страшен гнев богов.*

*.....
Жизни быстрые мгновенья
Посвятим для наслаждения.*

*.....
Ближних нет для автомата,
Нет ни друга, нет ни брата.*

*.....
Чужды мы предрассуждения!
Слава веку просвещения!»*

...Русский инженер Владимир Кузьмич Зворыкин, изобретатель первого кинескопа, родится полвека спустя после того, как в Петербурге вышел роман «Автомат», но каким, любопытно, образом его автор Иван Тимофеевич Калашников мог видеть передачи сегодняшнего нашего многоканального телевидения?

«Одни догадки»!

Москва — Звенигород, 2012 г.

Час поэзии

АНДРЕЙ ТАНИЧЕВ

Байкал

Уже тайга в снегах уснула,
И реки спрятались под лёд,
А он с глухим, протяжным гулом
Всё в берега прибором бьёт.

А в день иной, когда нагрянет
С хребтов холодных ветер-гость,

Жестокой силою воспрянет
Штормов безудержная злость!

И лишь когда в морозной сини
Седой январь уйдёт на склон,
В своей хрустальной котловине
Уснёт, угомонится он.

Ведьмин лес

Столетний мох разлапистых ветвей,
Течёт по жухлым травам воздух стылый,
Тропа видна, да зря ты веришь ей:
Вперёд ли, вспять — одно, растратишь силы!

Куда ни глянь — понурые кусты
В туман холодный вязкий окунулись.

И, кажется, уж проходил здесь ты...
Так что же — тропы кольцами замкнулись?

Видать, Кривая. Плохи игры с ней —
Закрутит, заплутает, заморочит...
Столетний мох разлапистых ветвей
Да ожиданье неизбежной ночи.

Огонь моего сентября

Сентябрь, беспредельны пожары твои,
Не зря называют тебя золотым —
Красивая сага последней листвы,
Летающей навстречу жестокости зим.

Безумный огонь, обжигающий бред —
И в том не сравнится с ним месяц другой,
Да только костры его вихрями лет
Развеются в дым, разметутся золой.

В мгновеньях его пролетающих дат,
В поспешности облик меняющих лун
Есть горечь фатального — близких утрат,
Звучанье до боли натянутых струн.

От пламени дальше держись, говорят —
И этому, право, нельзя возразить...
Но всё же в огонь своего сентября
Иду, не пытаюсь его погасить!

Бег реки

(Песня для Ники)

В долгом зимнем плену проспала —
Да разбила ледовые сбруи;
Озорным скакуном понеслась,
Разметав белопенные струи!

Полетела до северных зорь,
Через сонмы прохладных туманов —
От великих заоблачных гор
В неоглядную даль океана.

И не прост её путь, и далёк,
Но обратно бежать не привыкла...
Много раз озарится восток,
Много лун переменится в циклах.

И когда наконец прилетит
К океана великим широтам —
Там с басами штормов зазвучит
Её звонкая долгая нота!

ЕЛЕНА КИРИЛЛОВА

Гадание

Мне цыганка нагадала,
Заглянув в мои глаза:
«Ждёт тебя любви начало,
Жизни светлой полоса.

И примчится на рассвете
Наяву, а не во сне,
Во всё белое одетый
Принц на огненном коне».

Нагадала мне дорогу,
Встречу с дамой роковой
И напрасную тревогу —
Будет милый только мой!

Нагадала жизни длинной,
Дом высокий — до небес,
Клад таинственный, старинный
И бубновый интерес.

Я ей верила, покуда
От неё не отошла.

И тогда свершилось чудо,
Словно сказка ожила.

У ограды, близ осины,
С гордо поднятой главой
Конь стоял, большой и сильный,
Был он рыжий, огневой!

Принц — в рубашке ярко-красной,
В синих джинсах, босиком.
И ему цыганка страстно
Говорила шепотком:

«Погадаю, дай, красивый,
Ничего не утаю.
Скоро будешь ты счастливым,
Вижу я любовь твою».

Были белые одежды,
Крики «Горько!» до небес.
И мои сбылись надежды...
...Только принц вчера исчез.

Хулиган

Мальчишка во дворе слыл хулиганом,
Поскольку в игры шумные играл.
Среди друзей всегда был атаманом,
Но девочек в обиду не давал.

Кормил щенка бездомного. Тот звонко
На всю округу лаял по утрам.
И голубей подкармливал мальчонка,
Доверчиво круживших по дворам.

— Баб Маня, вам помочь нести продукты?
— Уйди, бездельник, знаю я тебя!
И глазом не моргнёшь, утащишь фрукты...
— Да, не голодный, баба Маня, я.

— Спокоя нет от ваших криков, свиста,
На роликах вы носитесь везде...
— Баб Маня, стой! — быстрее футболиста
Подросток кинулся наперерез беде.

Успел столкнуть с дороги мальчугана,
Что мячик поднимал свой не спеша.
Водитель был похож на истукана:
Дрожали руки, замерла душа...

...Не слышно за окном больничным смеха,
Грустят деревья, и грустят кусты.
А баба Маня тихо, словно эхо,
Всё повторяла: «Господи, прости!»

— За что прощенье просишь, баба Маня?
— Никак очнулся? На вот, колбасу,
Конфеты, апельсины и бананы...
— Баб Маня, столько я не донесу...

— Ах, пересмешник, озорник наш милый,
Щенок живёт пока что у меня.
Ты поправляйся, набирайся силы.
Тоскливо тёмной ночью без огня.

РОМАН ИГНАТОВ

Мгновение

Сохранить пылинку совершенного настоящего —
Уже победа для человека, свободу в глазах таящего.
Одно лишь мгновение
Имеет цену поразительности.
Одно лишь мгновение!
Набирает силу нашей впечатлительности.
Знаю тебя, вдохновение,
С юности приветливой!
На ладонях у сурового ветра
Много осталось пылинок...
Много осталось пылинок
И слёз нездешних...
Сохраню их в своём сердце огромном,
Чтобы мечта здоровалась с закатом.
Я вглядываюсь в душу тобой рождённого добра.
Ты нежности звено и моя лира.
Играй же музыку очарования!
А я помечтаю, сердцем тебя желая.
Трепетно в парке солнышко целует сирень,
А рядышком жужжит джентльмен шмель.
Мир прекрасен, сердца полны идей!
Мальчик подбрасывает вверх мячик —
Это юношеская цель.
Я вглядываюсь в душу тобой рождённого добра:
Там ландыш неземного умиления,
Там слышится колыбель весеннего вдохновения
И рябь улыбчивого ручья —
Это моя любимая смеётся!
Звонкое эхо в груди отзовется...
Любите маленькие души вашего добра —
И вы увидите будущее ангельского крыла.

Ложь

Я — больше не брат лжи.
За меня сочини сценки для души —
И ты увидишь, как волнующи эти попытки.
Смелей становится воспитание и поддержка.

Все причины и думы о минувшем.
 Моя же правда стала мускатным вином.
 Божественное начало — всплеском любви.
 Узы лжи самые прочные.
 Мне усталость сказала про вдохновение,
 Плодами граната в нём успокоение.
 Для разлуки ищет нутро
 Пламенное!
 От скуки горячо...
 Ложь, позволь мне подарить тебе
 Жалость и ранку сердечную, отвоёванную в труде.

ЮНОНА ЛУЗГИНА

В Аталанке

К нам путь живописный и длинный... Снёс ветер остатки шуги, Растёт за окошком рябинка, Спирея растёт за другим.	Сойдёшь на безлюдную пристань, С которой до берега — вброд. Стрижи пронесутся со свистом, За мыс отойдёт теплоход.
За третьим — волнуется море, И горы на той стороне. Быть может, задумаешь вскоре Ты в гости приехать ко мне.	Отдать я тебе обещаю Всё то, чем владею вполне: Закаты, пожар иван-чая Да ветку рябины в окне.

Коршун

Молчат непривычно кусты, Попрятались птицы куда-то, А небом, отныне пустым, Владеет разбойник крылатый.	Точёная дивная статья, Степенность, стремительность, сила.
Едва ли могу передать, Что так меня в нём поразило:	Пожалуй, и это не в счёт. Круженье, круженье, круженье... Постойте, посмотрим ещё: Он чьё-то среди нас отраженье.

* * *

Валентину Распутину

Писатель в деревню приехал, Идёт переулком к реке. Здесь солнце — до неба! до эха! Да водная гладь вдалеке.	Он нетороплив и спокоен, И лодкой владеет, как Бог.
Писатель по-ладному скроен. Сегодня, вдали от тревог,	Моторная лодка рванула, Взревев на крутом вираже, И вот в синеве утонула, Видна еле-еле уже.

Застыла как будто, а он в ней
Всё ждёт позывных из глубин
Над бывшей своею деревней,
С собою один на один.

Молчит под водой пепелище,
Лишь холодом тянет с реки...
И память ли, пламя ли свищет,
И молча стоят земляки.

ВИКТОР ЕРШОВ

Где родился, там не пригодился

Всё мимо района, всё в Лондон рекой
Течёт, убегает поток золотой,
Что в недрах на Лене рождается.
На Темзе металл пригождается.
Там точно нужнее, там столько проблем!
А здесь всё нормально, а здесь он зачем?

Ведь надо коллекцию вин обновить,
Ван Гога, и замок, и яхту купить.
Всё честно. И есть чем гордиться.
А здесь просто отроду нету моста,
Дорога одна, да в ухабах и та.
Осталось в сердцах материться...

Брошенный прииск

Зреет золото здесь в мерзлоте,
Наливается пробой высокой.
Старый прииск, заросший осокой,
Отражается в мутной воде.

Он исправно служил много лет,
Золотой урожай собирая,
Но разрушен. Остались сарай

Да конторы угрюмый скелет.
Отработан. Иссякли запасы.
Приговор — перспектив больше нет.

Зреет золото здесь в мерзлоте,
Наливается пробой высокой.
Всё историей стало далёкой —
Времена наступили не те...

Бодайбинке

Затерялся олений след
На картине незавершённой.
Я искал тебя столько лет
В этой Азии опустошённой!

Здесь по-прежнему облака
До сих пор окрашены кровью.
И всё так же шумит река...
Кто-то это назвал любовью.

СЕРГЕЙ ПОГОДАЕВ

Тоска

Иногда нападает такая тоска,
что не знаешь, куда тебе деться!
Неотступная горечь пронзает века
и поэтому нет на земле уголка,
где ты мог бы один отсидеться.

Хочешь тёплым комочком втянуться в тоннель,
по спирали обратно вернуться.
Бесконечную вдаль проводя параллель,
ищет бывший ребёнок свою колыбель,
жаждет ясности прежней коснуться.

Нависает, как небо, предъявленный счёт:
не оплатишь душой запустелой.
Скверно замысел божий тобой воплощён,
сам теперь догадайся, что должен ещё:
непонятно, что делать, но делай!

Эти смутные муки надрывно-честны:
плачет жизнь, проходящая мимо.
Не казни себя: ты виноват без вины.
Мы, конечно, для большего все рождены,
просто миссия невыполнима.

ВАСИЛИЙ БАЛТАХИНОВ

Дождь

Дождь гуляет по улице нашей,
Топчет грязь возле каждой калитки.
И деревья промокли до нитки,
И дома стали выглядеть старше.

Мимо гуси идут неуклюже,
Не спеша вдоль заборов щелястых,
Сполоснуть свои грязные ласты
В беспокойно смеющихся лужах.

В их глазах, невёселых и мокрых,
То цветок, распустившийся в вазе,
То холодные хитрые вязи
На поспешно задвинутых шторах.

Закоулки в грязи захлебнулись,
А вода по канавам струится.
Посерели, нахмурились лица
Позолоченных качугских улиц.

Такая как ты

По хрустящему снегу — идти.
По свистящему ветру — лететь.
Мне такую как ты — не найти.
Мне такую как ты — не владеть.

По камням многочисленным — течь.
По расколотым окнам — стекать.

Мне такую как ты — не беречь.
Мне такую как ты — не ласкать.

Между прошлым и будущим — нить.
Между прошлым и будущим — рябь.
Мне с тобой в тишине не грустить.
Мне за плечи тебя не обнять.

* * *

Под раскаты небес,
Под каскадом дождя
Я врываюсь к тебе,
Обнимаю тебя.

Сотней молний блеснёт
Ослепительный миг.

Твою душу вспугнет
Грохот крыльев моих.

Взгляд твой, как изумруд.
Кожа, словно атлас.
Мои пальцы сотрут
Пелену с твоих глаз.

Лень

Сяду и буду сидеть, как пень.
Лягу и буду лежать, как бревно.
И не вырубить эту лень —
Корни пустила уже давно.

Земля

Земля вращается, наматывая дни,
И ждёт неповторимого итога...
Нас на земле вращается так много,
Но во Вселенной мы летим одни...

Душа

Замолчи. Не нужно	Глупыми мечтами
Говорить о смерти —	Жить и наслаждаться.
Это очень скучно	Я бы песни пела
В нашей круговерти.	Снова. Снова. Снова.
Травами-цветами	Я расстаться с телом
В поле любоваться.	Просто не готова.

Посох

Я шёл слепой	Остановил мой посох
Неведомой тропой.	Дней зыбучих.
И дух сомненья	И голову
Вёл меня и мучил.	Склоняет пред тобой
Но голос твой	Цветок любви
За тёмною листвою	В моих лесах дремучих.

Вопрос — ответ

Дом — часть мирозданья.	Небо дарит солнце.
Крепко в землю врос.	Солнце дарит свет.
Взгляд сквозь ожиданье —	Свет в твоём оконце —
Это мой вопрос.	Это мне ответ.

ВЛАДИМИР СЕДЫХ

Грязь и мыло

— Мне очень грустно и уныло, —	Тебе бы не было замены,
о том твердило как-то мыло. —	но от тебя ведь мало пены.
Ведь я с людьми имело связь,	Вступило в этот спор мочало.
смывало с них и пыль и грязь,	И только грязь одна молчала.
но за какие же грешки
меня сменили порошки?	Как здесь избавиться от грязи,
Ему ответил порошок:	Когда кругом
— Но ты одно, а нас мешок!	большие связи?..

Щуки в пруду

Бобры построили свой пруд,
Вложив в него немалый труд.
И ручейки за год-другой
Его заполнили водой.
Мальки плескались в нём от скуки,
Но в пруд вселились как-то щуки.

Водой заполнен пруд поныне,
Да только нет мальков
в помине.
.....

Бобры-то есть, да нету рук,
Чтобы уху варить из щук.

Хомяк и мост

Медведь доверил хомяку
Построить мост через реку,
Чтоб не терпели звери бедствий,
И отпустил на стройку средства.

Остался при своих делах
На неизвестных островах.
А как же мост? — река течёт,
На ней все звери ищут брод.

Хомяк без всяких там хлопот
Себе те средства спрятал в рот.
Потом нашёл подружку львицу
И с нею скрылся за границу.

Мораль ясна: река не пруд
Её уж точно не сопрут.
— А звери как? — бредут пока
В надежде встретить хомяка.

Так куры решили

Жить невозможно без греха.
Но что возьмёшь ты с петуха?
Вот потому решили куры
С ним прекратить
все шуры-муры,
Подметив некие моменты,

Что он не платит алименты.
Что как всегда своих птенцов
Все куры растут без отцов.
.....
Не будем сетовать на кур —
И среди нас немало дур.

Муха на стекле

В шикарной комнате, в тепле,
Сидела муха на стекле.
То в стекла билась,
то жужжала,
Всё кошке Мурке спать мешала.
Так беспрерывно муха пела,

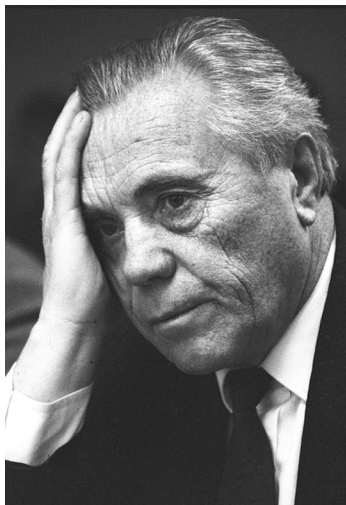
А кошка бедная терпела.
И только смелый Васька-кот
Убрал ту муху без хлопот.
.....
Уж если ты сидишь в тепле,
Не будь, как муха на стекле.

К 90-летию Виктора Астафьева

ВЛАДИМИР СКИФ

Живая живопись астафьевского слова

Виктор Петрович Астафьев

Моё знакомство с Виктором Петровичем Астафьевым случилось ещё в давние советские времена, в один из его приездов на декаду советской литературы в Иркутск. Какой же это был год? Кажется, 1985-й. Помню, тогда Виктор Петрович с Марией Семёновной жили в гостинице «Ангара». Меня пригласил к нему в гости Распутин, и я, стесняясь и благоговей перед автором знаменитой «Царь-рыбы», был рад этой личной встрече.

До сих пор я с великим наслаждением вспоминаю, какое впечатление произвели на меня многие новеллы из этого повествования. Некоторые из них, особенно «Капля» и «Уха на Боганиде», я готов перечитывать снова и снова. Какой невероятный, исторгнутый «живописцем» Астафьевым язык! Какие пронзительные, осенённые высшими переживаниями чувства! Какая кристально чистая, доступная абсолютному слуху поэзия! А «Последний поклон», «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду»!

Отправились мы в гостиницу с Валентином Григорьевичем не шибко рано, чтобы не мешать в полную силу отдохнуть гостям, хотя Виктор Петрович накануне позвал Распутина к себе для деловой встречи.

Мы постучали в дверь, услышали: «Открыто!» и вошли в просторный номер. Меня сразу удивила домашняя его обстановка: Мария Семёновна сидела как будто в деревенской избе, за вязаньем, а Виктор Петрович что-то черкал в записной книжке. Он поднялся к нам навстречу со словами, обращёнными к Вале: «Жду тебя с утра, есть разговор», и тут Валентин Григорьевич представил меня как молодого, подающего надежды автора.

— Это очень кстати, — сказал Астафьев, пожимая мне руку, — мы тут с Ромкой Солнцевым задумали интересную книжку и уже делаем её. Я хочу собрать антологию одного стихотворения поэтов России. Москвичей не берём, пробьются. Они наших сильнейших поэтов, живущих в глубинке, тоже не печатают в своём ежегодном «Дне поэзии».

И тут же, обращаясь ко мне, произнёс:

— Пришлите мне пяток самых лучших стихотворений, а я уж выберу то, что мне приглянется.

— А чего присылать? Стихи со мной, — и я вынул из портфеля пачку листов, покопался в них, отсчитал пять страниц и вручил Астафьеву. Виктор Петрович тут же сел, внимательно прочёл первую, вторую страницу и вдруг воскликнул:

— Ну вот, берём твоего дурака! Молодец!

Мгновенно решать любые вопросы вообще было свойственно Астафьеву, он не любил долгих проволочек. Да и рубил всегда сплеча, по-военному. Мог и дров наломать, такой уж он был человек, стихийный, откровенный, прямой.

Виктор Петрович и Мария Семёнова

Задуманная Астафьевым книга, несомненно, требовала и времени, и усилий, потому что собрать нужно было стихи со всей России, перечитать их, отобрать у каждого автора лучшее произведение, написать вступительную статью, что и сделал Виктор Петрович, выпуская в свет этот уникальный сборник стихов неизмеримого русского пространства*.

Так, благодаря Виктору Петровичу Астафьеву мои стихи «Сказ о деревенском дураке» впервые в жизни были напечатаны в настоящей антологии.

Сказ о деревенском дураке

*Лето. Деревня. Над крышами пар
После дождя устремляется в небо.
Митя-дурак поднимается с нар,
Выглядит Митя довольно нелепо.*

*Пообносились рубаха на нет
Из довоенного чуда-сатина.
Старая стёганка, грубый жилет
И на лице — голубая щетина.*

*Полузапретным в деревне слывёт
Тихое, нищее Митино царство.
Мите под сорок. Он славно живёт:
Пенсию платит ему государство.*

*Митя не любит общественных мест:
Клуба, конторы, гулянок и свадеб.
Хлеб и картошку он поутру ест,
Митя-дурак с пацанами не ладит.*

*Знать, потому пропадает в тайге:
Ягоды, шишки, грибы собирает.*

*Птицу, жар-птицу ли держит в руке,
С белкой и соболем в прятки играет.*

*...Жалились, помню, отцу мужики,
Водку в куты разливая в стаканы,
Что пропадают в округе силки
И навсегда исчезают капканы.*

*Помню, в тот день я пришёл к дураку:
— Дмитрий, тебя мужики скараулят.
Он оглянулся, согнулся в дугу,
Сидя на низком, расшатанном стуле.*

*Стал лепетать и махать на огонь,
Так что меня пробирало до дрожи:
— Белку не надо! И зайку не тронь!
Митя не трогает. Митя — хороший.*

*...Долго в лесах исчезали силки.
Митя трудился сторожко и тайно,
Но подстрелили его мужики,
Как говорят — совершенно случайно...*

1974 г.

Другая моя встреча с Виктором Петровичем произошла в 1986 году, в Красноярске. Буквально перед поездкой в Красноярск, у себя на даче в Порту Байкал, я познакомился с двумя замечательными художниками, которые приехали в наш байкальский Дом творчества художников. Это был Анатолий Тумбасов из Перми и Николай Худенёв из Красноярска. Художники выезжали на пленэр и на теплоходе «Бабушкин» переправлялись в сторону порта «Байкал», где мы и разговорились, да так, что пермяк и красноярец оказались у меня в гостях. В эти осенние дни мы с братом Анатолием достраивали баню, и Худенёв с Тумбасовым помогли нам возвести стропила и покрыть шифером крышу.

*Час России: Антология одного стихотворения поэтов России / сост.: В. Астафьев и Р. Солнцев; предисл. В. Астафьева; худож. Е. Чёрная. — М.: Современник, 1988. — 541 с.

Этой же осенью я поехал в творческую командировку в Красноярск, там отыскал Худенёва, который показал мне город, свозил на Красноярские Столбы, на подвесную дорогу, а на другой день я позвонил Астафьеву и напросился к нему в гости вместе с Николаем. Днём, часов в двенадцать, мы уже были у Виктора Петровича и Марии Семёновны, которые радушно приветили нас у себя в городском доме. Худенёв привёз из дому одну из лучших своих картин и подарил Виктору Петровичу.

Были тут душевные разговоры о сельской жизни (Астафьевы осваивали дом в Овсянке) и острые разговоры по поводу астафьевского рассказа «Ловля пескарей в Грузии» и злополучного, провокационного письма некоего Натана Эйдельмана, которому Виктор Петрович ответил со всей прямоотой и яростной отповедью, были чай и пироги Марии Семёновны. Всё это впоследствии вошло в моё стихотворение, посвящённое Виктору Петровичу Астафьеву. Три года назад оно было опубликовано в Красноярском литературно-художественном альманахе «Затесь» (2011. № 1. С. 26), который издаёт Красноярский клуб почитателей В.П. Астафьева, главный редактор Валентина Андреевна Майстренко.

В доме Виктора Астафьева

*У Астафьева в доме, как в поле, светло —
От российской души, от широкой улыбки.
Мне в гостях у Астафьева душу свело
Оттого, что мы все — совершаем ошибки.*

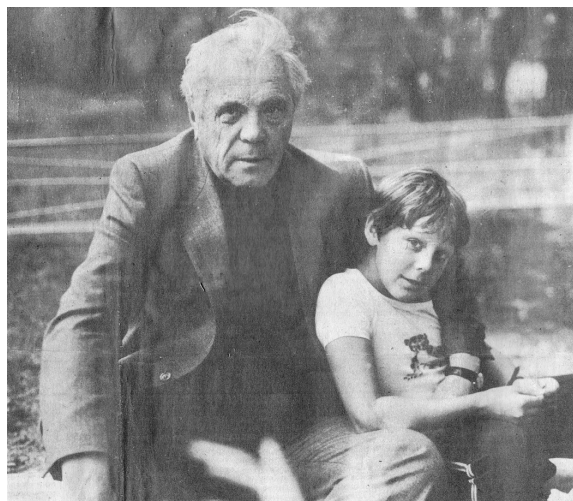
*Совершаем ошибки. Во имя чего?
Этот с жалом к нему, этот с тайным кинжалом.
Позволяем честнейшее имя его
Перепиской терзать и трепать по журналам.*

*Вот сидит он — приветливый русский мужик,
Столько вынесший зла и читательских пыток!
А в устах у него — наш народный язык,
А в глазах у него — доброты преизбыток!*

*И почти не видна — в глубине этих глаз
Затаилась печаль, что прихлынуть готова,
И тревога, что в сердце вошла не на час
За родимую землю, за русское слово.*

*Это горькое право великой судьбы
Быть российской болью, её средоточьем...
Вот он снова в Овсянке — у той городьбы,
Где дочурка мелькала цветастым платочком.*

*И пускай этот дом ненавидят враги,
Будет он и приветлив, и чист, и уютен...
— Ну-ка, Марья Семёновна, ставь пироги!
Снова гости пришли, и приехал — Распутин.*

В.П. Астафьев с внуком

В тот день Астафьев подписал несколько книг иркутским писателям, которые я увёз с собой и с радостью вручил каждому из адресатов: Евгению Суворову, Володе Жемчужникову, Валерию Хайрюзову, Борису Лапину.

Ещё одним отзвуком той встречи явилось моё стихотворение, посвящённое дочери Астафьевых — Ирине, потому что родители хоть и кратко, но с великой болью рассказывали нам с Худенёвым о ней, о её ранней смерти, а мы, не найдя слов утешения, молча, с сердечным сочувствием, слушали их.

— Теперь вот воспитываем внуков, — говорил Виктор Петрович, —

Поля — тихая девочка, а Витька — сорванец, да ещё с характером.

Кстати, красноярский писатель Олег Пащенко в начале 1988 года передал мне через Валеру Хайрюзова газету «Красноярский комсомолец» (№ 138 от 17 ноября 1987 г.), которую редактировала бывшая иркутянка, выпускница отделения журналистики Иркутского госуниверситета Люда Батынская, где оказались опубликованными две строфы из моего стихотворения об Астафьеве рядом с фотографией Виктора Петровича, сидящего в обнимку с сорванцом, но очень любимым внуком Витей.

Двумя годами позже в моей иркутской книге «Живу печалью и надеждой» появилось стихотворение «Памяти Ирины Астафьевой», а книжку я отправил в Красноярск Виктору Петровичу и Марии Семёновне:

На смерть Ирины Астафьевой

*И жалко смотрит из одежды
Рука, пробитая гвоздём.*

Александр Блок

*И прах, и тлен, и мрак, и тени —
Всё это будет впереди...
О высший разум, от рожденья
Ты жив — рыданиями в груди.*

*Жизнь коротка, порой незряча,
Полна жестоких мук и грёз:
От детского слепого плача
До молчаливых взрослых слёз.*

*О высший разум! Ты устало
Идёшь трагическим путём.*

*Сей путь тебе предначертала
«Рука, пробитая гвоздём».*

*Бессмертья не придумал гений,
Мирозданием влеком...
Твои потери, обретенья
В могилу скатятся комком...*

*Из слёз прольётся дождь обильный,
Когда над вечностью земли
И над не вечностью могильной
Застонут в небе журавли...*

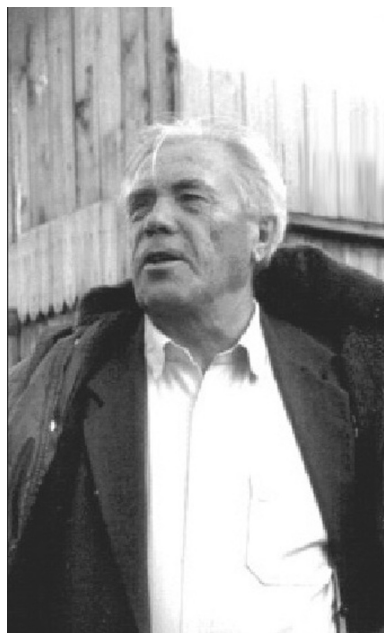
В.П. Астафьев

В один из приездов Астафьева в Иркутск мы — несколько писателей: Евгений Суворов, Валерий Хайрюзов, Владимир Жемчужников и я — после встречи Виктора Петровича в аэропорту оказались в его номере в гостинице «Ангара». Хотели мы уйти, чтобы Виктор Петрович отдохнул с дороги, но он заявил:

— Я что, с Северного полюса прилетел?! Тут час лёту до Иркутска. Я никого не отпускаю, прижмите хвосты. Эй, младшóй, за водкой!

Он дал мне денег, и я помчался в ближайший гастронорм, купил выпить и закусить. Мы пили водку, бесконечно балагурили, но, в основном, слушали Виктора Петровича, его живую живопись рассказов, мастерски с изысканным артистизмом сыгранных анекдотов, прибауток, удивительных, искромётных историй, бо́льшая часть которых так и не вошла в его произведения. Какое это было всепоглощающее дружелюбное время! Сколько в нас было молодости и сил! Мы ведь могли сидеть ночь напролёт и, затаив дыхание, слушать великого мастера. Где всё это?

Конечно же, в памяти нашей — ясной, как полдень, и с годами никуда не исчезающей! И ещё, как яркое напоминание о той встрече у меня осталась вставленная в паспорт фото-

В.П. Астафьев

графия Виктора Петровича, которую он подарил мне в тот вечер после прочитанных мною новых стихов.

И ещё помнится одна встреча с Астафьевым, которая случилась в самом начале перестройки и проходила в здании Иркутского театра музыкальной комедии (ныне ТЮЗ), где он ярко и убедительно отвечал на вопросы переполненной аудитории. Вопросы поступали и вживую, и записками. Многих иркутян волновало то, что произошло со страной, с правительством, с тем же Горбачёвым, и Виктор Петрович мощно, резко, по-астафьевски крушил демократов и перестройку, говорил очень верные, идущие от сердца слова о русской доле и русском народе, попавшем в очередное кровавое месиво.

И народ ему рукоплескал, радовался возможности услышать правду и поверить в то, что многое в жизни страны изменится к лучшему. Не изменилось. Через годы мы это поняли, но тогда очень уж верилось в то, что жизнь, скорее всего, наладится, пойдёт по правильному вектору.

Тогда и Виктор Петрович верил во всё лучшее, потому что не мог думать и жить иначе. Но дальнейшая жизнь круто изменила обстановку в стране, самих людей и даже географию страны, не говоря о той умопомрачительной, не представимой доселе перевёрнутости, которая произошла с властью и чиновниками на всех уровнях.

Эти изменения на сломе эпох не обошли и великого писателя Астафьева. Но это уже другая история, другое измерение, другие воспоминания, которые похожи на мистическую фантазмагорию, происшедшую с нашей страной и нашим обществом.

К 85-летию Георгия Граубина

В облаках и на земле

Как познакомиться с детским писателем? Об этом мечтает каждый читатель. Сидит он где-нибудь над книжкой, читает и фантазирует, что этот человек, наверное, необыкновенный волшебник, высокий, балагур и весельчак.

А ведь так оно и было. Таким он и был, Георгий Рудольфович Граубин. Юморист, весельчак, душа компании, друг детворы. Вокруг него всегда были люди. Он притягивал к себе своим жизнелюбием, обаянием, эрудицией, азартной выдумкой. Он писал стихи про детей и для детей. Поэт хорошо знал, что дети любят и сами почудачить, посмеяться. Такой у них возраст. Вот почему он писал весело. Но ребятам становится не просто весело от чтения его стихов, они смеются без удержу, хватаясь за животы. Тут и буквы-акробаты, и коза в огороде, и микроб вроде осьминога, и волчья школа, и мужичок-снеговичок — буд-то всё для него писатель насочинял. Наш юный читатель смеялся над «Копилкой смеха» Георгия Граубина. Хорошая копилка!

*Утром на дороге
Я нашёл смешилку
И на всякий случай
Положил в корзинку.*

Поэт заражал всех энергией жизни, оптимизмом. И хотелось быть добрым, щедрым, не быть плаксой, заниматься весёлым делом с названием «работа», радоваться листьям и цветам.

Весёлые, жизнерадостные и добрые стихи у Георгия Рудольфовича Граубина. Необыкновенные персонажи, образы. Чего стоят Плакало, Хрюкало, Кудachtало, Кукарекало, Бебекало, Мукало, Мяукало, Каркало, Квакало...

Душа его распахнута была для всех. Кто послушал Георгия Рудольфовича, уже никогда с ним не расставался, не забывал. Кто прочитал его книжки, захотел и сам написать, ан нет, простота и лёгкость строк Граубина обманчива, за этим стоит и талант, и способ мышления, и большая школа мастерства, и полная событий биография.

К нему ехали в гости со всех концов страны, а он их ждал всегда и звал в гости:

*Дойдёте до Урала,
Оттуда до Байкала,
Оттуда до Читинки,
А там рукой подать.*

Как к Астафьеву — в Овсянку «На литературные встречи в русской провинции», как к Шукшину — в Сростки, так и его друзья спешили на «Забайкальскую осень» — в Читу. Это и диспуты, и встречи с читателями и писателями, экскурсии по краю, душевные встречи и выступления перед детьми и общественностью. Трудно представить, что нет с нами этого замечательного человека. Счастливые люди те, кому повезло знать Георгия Рудольфовича и дружить с ним. Человек без друзей — что дерево без корней. «Катастрофически сужается круг хороших людей, — писал он мне, — как нам всем не хватает Марка (Сергеева)! Да и Бурыкина, а мне ещё и Озолина. Господи, когда же всё это кончится!»

А как нам теперь не хватает его...

К сожалению, всё кончается когда-нибудь. Нет больше такого могучего, светлого, большого человека, нет такого помощника, готового прийти на первый зов «товарищ». Время изменило многих. Бежим, торопимся, занимаемся бумажной суетой, тратим дра-

гоценные минуты жизни, переживаем интриги чиновников. Пустое это всё. Главное, что пока земля рождает таких людей, как Граубин, «не бездарна та природа и не погиб ещё тот край...».

Георгий Рудольфович часто приезжал из Читы в Иркутск на совещания в Восточно-Сибирское книжное издательство. Жизнь наша превращалась в сплошной розыгрыш и праздник. А если серьёзно, это всегда было событие, обсуждались рукописи Читинского отделения, где немало было талантливых произведений.

Первую его книжку, которую я прочитала, была «Замри-отомри». Кроме Чуковского и Михалкова, казалось, никто более не умеет так по-дружески, доверительно разговаривать с детьми. Это было в 1972 году, когда я начала работать в Восточно-Сибирском книжном издательстве. До сих пор помню это оригинальное стихотворение, в основе которого забавная игра и, как сейчас бы сказали педагоги, первые шаги социализации человека. В детстве мы часто играли в «Замри-отомри».

Фантастическое использование детского фольклора в стихшке.

<i>Давай поиграем</i>	<i>Сядь за парту, — замри:</i>
<i>В «Замри-отомри».</i>	<i>Не прыгай,</i>
<i>Ты завтракать сел,</i>	<i>Не пой,</i>
<i>Налил чаю — замри!</i>	<i>Не болтай,</i>
<i>Варенье и булочку</i>	<i>Не сори.</i>
<i>Молча бери</i>	<i>Попросит учитель к доске —</i>
<i>И ешь хорошенько,</i>	<i>Отомри,</i>
<i>Поел — отомри,</i>	<i>Уверенно, чётко</i>
<i>Ты в школу идешь.</i>	<i>Урок говори.</i>
<i>Перекрёсток —</i>	<i>С тобою в такое</i>
<i>Замри!</i>	<i>«Замри-отомри»</i>
<i>На красный огонь,</i>	<i>Готов я играть</i>
<i>На дорогу смотри.</i>	<i>От зари до зари.</i>
<i>Машины пройдут —</i>	<i>Ну как, ты согласен?</i>
<i>Отомри и беги.</i>	<i>Итак: раз... два... три...</i>
<i>Увидишь девочку —</i>	<i>Ты сел за уроки...</i>
<i>И ей помоги.</i>	<i>Взял книжки —</i>
<i>Звонок прозвонит —</i>	<i>Замри!</i>

В стихах поэта дети постоянно играют то в каракули в тетрадах, то с лучом солнца, с кактусом, несутся на салазках в мороз под пятьдесят, чертят рожицы на окнах трамвая, играют в сложные слова хлебоеды, квасопивы, в считалки: «ты фотон, а ты нейтрон, выходи скорее вон»...

Он создал свою смеховую культуру. Этим он похож на знаменитого Даниила Хармса. Помните: «...бегал Петька по дороге, по дороге, по панели и кричал, что он не Петька, а советский самолёт...» Родоначальники советской детской литературы Самуил Маршак, Агния Барто, Корней Чуковский, Сергей Михалков, Елена Благинина, Валентин Берестов, Борис Заходер, Яков Аким и другие создавали мажорную поэзию для детей. Они ушли от обязательных дидактических канонов, от назидания и поучительства. Это была превосходная школа детской литературы, воспитания талантливого читателя. Неслучайно, что рядом с уже названными именами, стоит имя сибиряка Георгия Граубина.

Особое удовольствие было выезжать с ним к детям в школы на выступления. Его слушали и дети и взрослые. Он был человеком широких энциклопедических знаний. Любил и пошутить, так как хорошо чувствовал настроение аудитории.

«Меня мама родила, вышла из роддома, присела на скамеечку, а я упал да и спрятался» — такого рода шуточки сыпал он бесконечно. Казалось бы, он должен был вырасти в цирке или в театре сатиры и юмора, или, по крайней мере, в благополучии и сытости.

Но это не так. Коренной сибиряк, родился он 11 июня 1929 года в деревне Усть-Дая Сретенского района Читинской области. Детство его прошло в тревожное время в Сибири.

Вот как он вспоминает о нём:

«Родителей моей матери сослали сюда в 1906 г. из Исландии за то, что «они поджигали свои усадьбы», они были сосланы в Сибирь на каторгу. Маме было два года, она оставалась на родине со своей бабушкой, а потом они переехали сюда с бабушкой, когда дедушку освободили уже. Родители жили в маленькой деревушке Усть-Дая Сретенского района, ее уже в помине нет. А потом в 30 году переехали сюда, но я дедушку уже не помню, слабо-слабо помню. Мама вышла замуж за Рудольфа Михайловича, она эстонка, он тоже эстонец из Пярны. Он в Гражданскую войну был связным, воевал в 5-й армии, — рассказывает Георгий Рудольфович, — в 1932 г. его направили в колхоз «Новая жизнь», это 60 км от Читы, деревня Жуковщина. Отец был могучий, крепкий человек, на спор поднимал шесть человек, богатырь».

Однако репрессии 1937 года коснулись и семьи Граubiных. Только случай помог освободить его от тюрьмы.

«В 1943 году отца взяли на фронт, — вспоминает писатель, — перед фронтом заехал ко мне в интернат, где я учился на станции Яблоновская, там все поезда останавливались. Ночью такой стук страшный, открыли, а это мой отец заходит. Он ехал на фронт и не мог не проститься с сыном. Схватил, в шубу завернул и забрал меня в вагон.

Там, помню, печка топилась. Меня окружили военные: как вы тут живете? Солдаты начали мне совать кто хлеба, кто макароны, кто банку консервов, кто-то даже сунул махорку. «Зачем она ему?» — смеялся отец. — «На что-нибудь сменить!» Пришел я оттуда довольный. Однажды пришло письмо. Это было 1 июля 1943 года, где отец писал нам, что был он на Курской дуге, в 50 метров от немецких окопов. И всё, больше писем не было. У нас была не «похоронка», а пришло извещение, что пропал без вести. Все-таки в 1947 году начислили 600 рублей на потерю кормильца, а наутро денежная реформа, и вместо 600 руб. стало 60 руб.»

О матери у Георгия Рудольфовича остались самые дорогие воспоминания.

«Мама была грамотная, поэтому в деревне работала продавщицей. Весь труд по дому, по воспитанию детей взяла после гибели отца на себя».

В 1951 году Георгий пошел на паровозоремонтный завод. После окончания Читинской школы военных техников работал мастером ремзавода, инженером отдела главного энергетика. И там написал свой первый сборник стихов «Утренний гудок» о своих друзьях-рабочих. Счастлив был, что дали 10 авторских экземпляров. Всех в общежитии удивил, зря, оказывается, его ругали, что свет горел у него в комнате дотемна. А он вон что, поэт у нас!..

«Однажды шел домой и только взялся за дверь, — рассказывал смешной случай Георгий Рудольфович, — напротив вижу мальчишку такого несчастного, слезки текут по грязному личику.

— Дяденька, помогите, пожалуйста, нажмите на кнопку, а то я не достану.

Я нажал, глазки у него просветлели. Ну, думаю, помог человеку, а он как побежит.

— А теперь, дядя, бежим скорее отсюда, а то нам по шее наkostenяют!

Может быть, впервые обратил внимание на детей, их проказы и проделки. Конечно, такие случаи становятся сюжетами стихов. А как-то моя дочка Алла, — рассказывает Георгий Рудольфович, — положила руку на приемник, а он был горячий, так как работал. Девчонка ойкнула. И опять родилось детское стихотворение: «Чудо-юдо совершилось, наше радио сварилось». А потом пошло и пошло! Издавались книжка за книжкой».

Вышло очень много детских книг с тех пор. Их невозможно перечислить! Назову самые многотиражные: «Любознательный народ», «Король лентяев», «Синяя молния», «Составная пятёрка», «Едет улица в Москву», «Ленивый падеж», «Я б Гулливером быть хотел», «Косолапый музыкант», «Прадеды», «Для чего в домах углы» и др.

В 1959 году Г.Р. Граубина приняли в Союз писателей России. А какие у него заслуги и награды! Он стал заслуженным работником культуры, академиком Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. Награжден орденом Почета, медалями «За отличие в охране государственной границы», «За освоение целинных и залежных земель», «За строительство БАМА» и другие. Эти звания и награды говорят о большой, интересной жизни человека.

А главное для нас, что этот человек внёс в детскую литературу своё самое светлое, жизнеутверждающее понимание счастья детства. Это настоящая, живая стихия детства. Для поэта все дети, отличники и двоечники, чистюли и замарашки, кумеки и некумеки, толковые и бестолковые, чудачки и ябеды, добряки и драчуны — все интересны, всем он готов протянуть руку и дать палочку-выручалочку. А если он и посмеивается над девчонками и мальчишками, то, конечно, искренне желая им помочь.

Сколько званий, титулов и дипломов было у него. Член Совета по детской литературе Союзов писателей СССР и РСФСР, обладатель Специального диплома Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книгу, неизменный участник Торжественного открытия Недели детской книги во всех странах СНГ и России.

Детские стихи переведены на 20 языков и напечатаны в 25 учебниках и учебных пособиях для учителей и школьников. Общий тираж детских книг составляет 5 миллионов экземпляров! Стоит обязательно добавить, что он был членом редколлегии журналов «Сибирячок», «День и ночь», «Ласточка»...

Моё знакомство с ним произошло в Восточно-Сибирском книжном издательстве. Читинское отделение представляло много интересных авторов. Часто из Читы приезжали писатели. Георгий Рудольфович выделялся ростом, его трудно было не заметить: «вы, товарищ, выше всех!» — и бесконечными шутками, балагурством, занятными историями. Я только поглядывала на этого гиганта. Они с Ростиславом Филипповым были просто великанами, как сибирские кедр.

Особенно запомнился 1985 год. К тому времени меня назначили редактором детской литературы. Читинские рукописи наши редакторы доводили до необходимого качества в набор, в печать. Возникало всегда множество вопросов к авторам, редактору Т.Н. Шавельской. Вместе правили тексты, работали над макетом книги. Особенно бесценны для молодых редакторов были обсуждения, размышления с ними над смыслом произведения, его идеи и замысла, мы у них учились анализировать художественные произведения, культуре оформления книги, стройности глав, чувству строки, ритмичности книжного повествования, радовались точному слову, необычной идее, удачной мысли.

В том году на «Неделю детской книги» приехала группа писателей и редакторов из Москвы: Яков Аким, Юрий Давыдов, Лев Разгон, Юрий Порудоминский и др. Поездка была под эгидой издательства «Детская литература». Она была полезной для общения и детям и взрослым, а главное, необходимой для привлечения внимания к детской литературе, её качеству и содержанию...

Лев Разгон, побывав в Иркутске на «Неделе детской книги», отозвался так о Граубине: «Все детские поэты и писатели любят детей. Но не каждому ещё удаётся стать им товарищем: своим, понятным, близким, Георгию Граубину это удалось». Это же качество подметил Яков Аким: «Далеко не всякий человек умеет разговаривать с ребёнком. Георгий Граубин находит верный поэтический тон для разговора со своим читателем».

Георгий Рудольфович был в отличной форме, он читал стихи, беседовал и смеялся с детьми, рассказывал увлекательные истории. Детство со смешинками, рожицами — всё это так населяет его поэтическую страну. И затихают ребятишки при других темах — о родине, о любимом Забайкалье, о героизме и подвиге: «Сибиряковы и Сибирь», «Московский тракт», «Снег», «Пост № 1», «Автографы Победы», «Именные города».

Яков Аким очень похож в этом на своего друга Георгия Рудольфовича. Помню детское веселье, когда тот читал свои стихи:

*В нашем классе ученица,
Я на ней хочу жениться.
Надку в классе все бояться —
Здорово умеет драться,
Вот такая мне нужна —
Верный спутник и жена.*

Он автор книжек «Песенка в лесу», «Неумейка», «Пишу тебе письмо».

Юрий Давыдов – автор исторической повести о мореплавателе Матюшкине. Он многое дал в понимании исторического приключенческого жанра.

Юрий Владимирович им был под стать, шутил: «Ко мне, мои курочки!» — это так он подавал дамам руку при выходе из машины.

Лев Разгон был уже в приличном возрасте, но в Сибирь приехал. Есть у него очень полезная умная книжка «Зримое знание». Он акцентировал наше внимание на издании познавательной литературы, на жанр научно-художественной, научно-популярной литературы, призывал к привлечению учёных и специалистов разных областей знаний. Учёный должен относиться к популяризации знаний как к нравственному долгу перед обществом. Он считал, что «привитие умственного аппетита» читателям, народу — задача учёных. Так он отметил работу Тимирязева «Жизнь растений», Ферсмана «Занимательная минералогия». Для меня эта книжка Л. Разгона — путеводитель редактора. Несомненно, такие мысли, как семена, попадали на нужную почву. Неслучайно вспоминаю и называю эти имена друзей-единомышленников Г. Граубина.

Книга «Четырёхэтажная тайга» рождалась у забайкальского писателя в те годы. Можно ли рассказать о науке, не отказываясь от самой науки? Можно ли жертвовать научностью ради доступности простому читателю, тем более школьнику? Вот такие вопросы ставил и наш автор. Мне это было интересно, так как вела в издательстве серию книг «Азимут», убеждалась, насколько «сложно» писать «просто», понятно и увлекательно о науке, не боясь сбиться на вульгаризацию.

Мы были в Братске, Усть-Илимске с этой замечательной компанией, много все выступали, встречались в школах с детьми, с писателями Ю.Черных, Г. Михасенко... Уставшие, но сдружившиеся, оживлённые от общения друг с другом и читателями, от диспутов, готовились к ещё одному выступлению в школе. Георгий Рудольфович нас пожалел: «Идите отдыхайте, а я один в трёх классах проведу встречи». И ему это удавалось легко и без натуги. Стихи свои он читал наизусть, заражал аудиторию энергией, радостью, поэтическими находками, поражал знаниями и эрудицией. Всё хранил в памяти, всегда находил, о чём рассказать и детям и взрослым.

В каждом его стихотворении есть сюжет, есть событие! С героями без конца происходят разные истории: «Ехал заяц без билета», «На работу вышла лень», «Шёл по улице парнишка не спеша», «Я к другу забежал вчера».

Это была превосходная добрая школа детской поэзии, без приседания перед ребёнком и «сюсюканья» с ним.

Однако наш Граубин особенный, неподражаемый и уникальный. Он сибиряк. У него было солнце в ладонях. Главное достоинство творчества для детей в разработке темы Родины, Сибири («Морозильник», «Прадеды», «Работа» и др.). Он создал свой дружелюбный мир детства.

Многие годы Георгий Рудольфович жил в забайкальской столице — городе Чите. И для него это не просто город, для него Чита — его малая родина. В его книгах есть много отеческих слов об этом. Чите он посвятил много детских стихотворений: «Чита», «Приглашение в гости» и др. Малая родина для него дорогое понятие. «Для читинцев... Чита удивительный город с прямыми сквозными улицами. В России много городов с прямыми улицами, но ни один из них не доведен до такой геометрической чистоты».

Ростислав Филиппов в предисловии к книге «Четырёхэтажная тайга» убеждает нас, что Читу есть за что любить: «Чита — давний и славный сибирский город, солнечный и красивый, улицы его упираются прямо в отроги Яблонового хребта. Сядешь в троллейбус — и через полчаса уже в самой настоящей тайге».

В последней книге для взрослых читателей «Звонок в историю» писатель признаётся: «Я очень люблю мой город, мою Читу с неразгаданным доселе именем и неведомым первым жителем». Граубин для Читы и историк, и краевед, и общественный деятель, и самый почётный гражданин. Сколько он сделал, чтобы для жителей город стал родным и близким, чтобы жители узнавали о своих предках: «Жить в городе, не ведая, что за люди ходили по его улицам, чем жили, за что боролись, значит, духовно себя обкрадывать».

Больше половины жизни я потратил на то, чтобы по крохам восстановить историю нашего края и вспомнить сотни имен отчихей и предтечей», — продолжает он своё признание горожанам. Да, такие подвижники, патриоты своего края нужны не только Чите, они нужны России.

Он объехал своё Забайкалье, бывал во всех его уголках и познакомил с ним читателей в книгах: «На берегах таинственной Силькари», «Четырёхэтажная тайга». Мы зачитывались этой энциклопедией природы Сибири, это были первые шаги издания познавательного художественного учебника для сибирского школьника. Родной край, окружающий мир — в увлекательных рассказах талантливого писателя.

С немалым интересом восприняли читатели «Серебряный капкан» — историческое повествование о Забайкалье. Действительно, прав был когда-то князь Кропоткин, служивший в Чите, сказав: «История маленькой Читы была историей всей России».

А сколько стихов, песенок, интересных познавательных рассказов для детей написал он для нашего журнала «Сибирячок»: «Ерофей Павлович Хабаров», «Как губернатор Муравьев стал Амурским», «Земля за Байкалом». Совместно с читинскими авторами в 1997 году был выпущен номер «Сибирячка», посвящённый двум областям Иркутской и Читинской, организатором был Георгий Рудольфович Граубин. О его участии в издании детского журнала «Сибирячок» можно писать много. Низкий поклон ему за помощь, любовь к нам и нашему делу, за письма и добрые пожелания и советы.

Как-то я прислала ему четыре учебные тетради «Экологическое образование» для начальной школы, выпущенные в Иркутске, где была соавтором с профессором Е.Н. Дзятковской. Ему настолько понравилось издание, что он поставил вопрос о выпуске подобного для детей Забайкальского края. И вышло такое издание в Чите — «Наша малая родина». Специально для детей он написал маленькие рассказы, истории о Сибири, о богатствах края, о замечательных людях. Многие материалы из него мы потом печатали в «Сибирячке». Он проявлял тепло и заботу в то трудное время.

«В этом не бурно, а дурно бушующем море и одиночке-то трудно выплыть, а вам ещё приходится вести судёнышко своего журнала, лавируя среди мелей и рифов! Крепитесь, пожалуйста, вы очень нам всем нужны!» — писал он в конце 1999 года.

А как он сам нужен и мне, и редакции, и всем, кому дороги святые узы братства! Мы все ехали не просто на «Забайкальскую осень», а к Граубину, не просто на «Литературные встречи в русской провинции», а к Астафьеву. Нам нужны были и доброе слово, и поддержка... их душевная широта.

На пресс-конференции в 2009 году с представителями общественности и средств массовой информации в Областной детской библиотеке Георгий Рудольфович говорил о гражданственности: «...Стыдно, что у нас в Чите даже улицы нет, названной именем великого губернатора Муравьева-Амурского. Беспамятство рождает бездуховность».

Хорошо бы в Чите появилась и улица Муравьева, и улица писателя Граубина.

Читайте добрые книжки Георгия Граубина. Все его произведения ждут новой жизни, новых читателей и исследователей творчества.

*Светлана АСЛАМОВА, главный редактор,
ныне ответственный секретарь журнала «Сибирячок»*

Снеговейная Родина

Практически вся жизнь и творчество большого русского поэта Анатолия ПРЕЛОВСКОГО были связаны с Сибирью. Последний основательный сборник стихов и поэмы разных лет так назван — «Душа-Сибирь» (издательство «Форвард»). Да и фотографии, представленные в нём, отражают, в основном, его Сибириаду. 19 апреля будем отмечать его восьмидесятилетие. Увы, уже без него... Геннадий Шульпин в вводной статье отмечает: «Преловский — Поэт глубоко русский, архетипически национальный, с крепкой трудовой статью и мужской сущностью. Он принёс в поэзию художественную образность сурового реализма. За каждой его строкой чувствуешь подлинность выстраданного мужского чувства. Он исходил сибирские земли ногами, помял руками, измерил нивелиром и глазомером души. Чувство справедливости к нём было генетическое».

А вот и стихотворение, давшее название книге:

*Душа-Сибирь, свой золотой исток,
откуда и куда жизнь протекает,
и русский старожильческий восток
к великому служенью привлекает.
Там серебром снегов одаривать суля,
грозя горами и ершась лесами,
над вечностью парит моя земля,
богатая людьми и божествами.*

Тут уже не только Сибирь — вся Россия. Сам он исходил и объездил её тоже вдоль и поперёк. В автобиографических заметках Анатолий Васильевич писал: «Понятие малой отчизны сразу и навсегда принимало для меня размеры большой, затем огромной, впоследствии великой Родины — сначала сибирской России, потом — всей страны». Его предки были землепроходцами, шли вслед за Ермаком, Дежнёвым, Поярковым за Урал (за Камень), жили в Тобольске, Иркутске, на юге Красноярья, под Нижнеудинском. Среди них были простые пахари, казаки, дворяне, священники, миссионеры, офицеры, чиновники. Отец — военком в Гражданскую войну, сам писал стихи, музицировал, рисовал. Мать — врач, якутская казачка. Так что юного Анатолия с детства окружал мир семейных легенд, казачьих реликвий и обычаев, а также родовых преданий и рассказов о землепроходческом и казачьем быте, о взаимоотношениях с исконным сибирским населением, о ссыльнокаторжных.

Опять обратимся к его воспоминаниям: «Жизнь щедро одарила меня прекрасными и драматическими первооткрытиями мира людей и природы». Вот откуда истоки его поэзии. Бабушка Александра Николаевна, в прошлом земская учительница, приобщила его к грамоте, к открытию таёжных тайн. Читать он научился уже на четвёртом году жизни. А ещё студентом филологического факультета приехал на строительство Братской ГЭС. Е. Евтушенко ехал туда писать о ГЭС стихи, а Преловский — работать, собирать первые брусяные дома близ Падунского порога. Ещё не закончив Иркутского университета, он с экспедициями, работая на студии кинохроники, имел бесценную возможность постигать жизнь и быт трудящегося народа на Байкало-Амурской магистрали. А потом было ещё и строительство дороги Тайшет — Абакан. Словом, много чего было.

Но главное, он всегда был верен поэзии, писал стихи. А также сценарии (по ним поставлено несколько фильмов), занимался переводами поэтов малых народов Севера и Си-

бири (большим подспорьем оказалась его прошлая жизнь среди якутов и бурятов), драматургией (хотя тут были только опыты). Им, по существу, была проделана почти академическая работа по созданию поэтико-художественного компендиума языков народов Сибири и европейской части России. Кстати, А. Преловский виртуозно владел многими формами стихосложения: от силлабо-тонических до верлибра, хотя у него, как и у большинства русских поэтов, преобладал ямб.

А какие щедрые встречи и дружбу с какими людьми подарила ему судьба! Александр Твардовский, Всеволод Иванов, Ярослав Смеляков, Варлам Шаламов, Владимир Цыбин, Николай Тряпкин, Анатолий Жигулин, Юрий Левитанский, Владимир Соколов, Александр Межиров, Давид Самойлов... Всех не перечислишь, и все они принадлежат к плеяде виднейших российских поэтов XX века. Как и он сам.

Геннадий Шульпин совершенно правильно сказал об Анатолии Васильевиче: «Русская поэзия приросла Сибирью Преловского! Сибирские недра дали нам не только руду и органическое богатство сегодняшних благ, но и главное — неиссякаемую мощь человеческого духа... Он преемник историко-оптимистического развития судьбы и духа народа». Это важные слова, и их следует понимать так: вот была бы у нас только эстрадно-диссидентствующая поэзия и проза, по своей сути, пропитанная пессимизмом, вглядывающаяся исключительно в туманные западные дали, то и распад СССР наступил бы ещё раньше. Но русская настоящая литература, берущая истоки от «Капитанской дочки» до Шолохова, Белова, Юрия Кузнецова, Преловского и других, без крайней степени уныния или ложных смыслов, не даёт разлагаться плоти, не уведит в заоблачные сладостные миражи, а крепит души людей.

А что теперь? Остались ли ещё такие поэты и прозаики? Мало. В основном, те, кто и сам «обманываться рад». А земная жизнь и творчество Анатолия Васильевича — пример самоотверженного трудолюбия, подвижнической деятельности, поэтического вдохновения и мастерства. И поэзия его будет только ещё сильнее прорасти вглубь и ввысь в памяти благодарных читателей.

И напоследок — его строки:

*Стихи рождаются мгновенно,
как всплеск весла, удар иль стон,
чтоб то, что суетно и бренно,
взнести на высоту времён
и там, за книжными горами,
удел отшельнический длить,
и редко — сурою в Коране,
былиной, гимном на камлатье
иль песенкою — нисходить.*

Александр ТРАПЕЗНИКОВ,
журналист

К 85-летию Георгия Замаратского

«...Дышать божественным огнём»

Георгий Иннокентьевич Замаратский

Георгий Иннокентьевич Замаратский был для меня примером преданного отношения писателя к своему призванию. Все писатели знают, как это непросто — изо дня в день изливать на бумагу свою душу, делиться с читателями сокровенными переживаниями и не потерять при этом ни свежести чувств, ни возвышенного настроения, ни искренности. Тем более это было непросто в девяностые и двухтысячные годы, когда система господдержки книгоиздания рухнула, а читательские вкусы резко сместились в сторону лёгкого чтения. Писать в такой ситуации не на потребу рынка и не в угоду сиюминутным пристрастиям читающей публики, но для души и серьёзных размышлений — удел немногих. К этим немногим я отношу Георгия Замаратского. Сколько я его знал, он всегда был в работе, постоянно думал о новом произведении, планировал издание книг и жил будущим. А ещё он без усталости писал замечательные картины, одну из которых подарил мне незадолго перед смертью. Это был человек железной воли и целеустремлённости. Все душевные силы он отдавал высокому искусству. Само по себе это прекрасно и может служить примером для молодых писателей и художников.

«Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех!» — написал однажды Борис Пастернак в своём знаменитом стихотворении. Этому возвышенному девизу в полной мере соответствовал Георгий Иннокентьевич Замаратский. Он вступил в Союз писателей России в 2000-м году, когда ему было уже семьдесят два года. Само по себе это удивительно и достойно восхищения. Я в те годы был членом Правления писательской организации и дважды проголосовал за приём Георгия Иннокентьевича в Союз писателей — сначала на заседании Правления, а затем уже во время общего собрания писателей. Я сделал это с полным убеждением правильности моего решения, о чём и сказал во время обсуждения, и призвал всех присутствующих также проголосовать за приём Георгия Иннокентьевича в Союз писателей России. За несколько лет до этого мне в руки попала книга «Поселенец», и она изумила меня. Я никак не ожидал, что где-то за 1000 километров от Иркутска живёт такой замечательный прозаик. Это было произведение подлинного художника, настоящего мастера слова, человека зрелого и мудрого. Об этом я сказал Георгию Иннокентьевичу во время нашей первой встречи. С тех пор завязалась наша дружба. В начале двухтысячных я, будучи уже председателем Правления Иркутской писательской организации, помогал Георгию Иннокентьевичу издавать его книги. Среди них были: «Пою Илим»,

«Приглашение в память», «Алёнкина любовь», а в 2013 году вышла из печати прекрасно изданная повесть «Поселенец». Вот что сказано в аннотации к этой книге: *«Предлагаемая читателю повесть написана подлинным художником, виртуозом слова, человеком, влюблённым в свою землю. Георгий Иннокентьевич Замаратский был истинным патриотом своей малой родины, однако его творчество далеко шагнуло за пределы Илимского края. Его картины и книги уверенно перешагнули все границы и радуют почитателей нашей необъятной родины. Повесть «Поселенец» прочитывается на одном дыхании. Её можно смело назвать историческим документом, свидетельством минувшей эпохи. Но это ещё и явление высокого искусства, продолжающее традиции великих предшественников — Константина Седых, автора знаменитой «Даурии», и Станислава Китайского, написавшего превосходный роман «Поле сражения». Повесть «Поселенец» рекомендуется читателям всех возрастов».*

К сожалению, это замечательное произведение до сих пор незнакомо широким читательским кругам. Но есть надежда, что время всё расставит по своим местам и творчество нашего земляка получит достойную оценку. Во всех своих произведениях Георгий Иннокентьевич оставался подлинным художником. Ничто не ускользало от его взыскующего взгляда. Необычайная красочность картин, точность метафор, психологическая достоверность характеристик — вот отличительные особенности его творчества. А главное — глубочайшее сродство с родным краем, о котором он никогда не забывал. Самые сокровенные строчки его произведений посвящены родному Приильмью. Позволю себе процитировать его пронзительное стихотворение «Малая родина»:

Малая родина, милая родина,
Как же ты мне дорога!
Ты — это всё: и лесная смородина,
И за деревней у сосен поскотина,
И под угорам седая колодина,
И на покосах в остожьях стога.
Родина малая, родина милая,
Крепко тебя я люблю.
Статью твою доволен и силою,
Даже тогда, когда вижу унылою
В горе тебя над сыновьей могилою...
Скорбь я с тобой пополам разделю.
Родина малая, милая, славная —
Мирная поступь коров,
Рядом Илима течение плавное,
Рядом поля — это самое главное,
Рядом лесов торжество полноправное,
Без палачей-тракторов.
Родина дедов и прадедов наших,
Как не гордиться тобой!
Может, и есть где края тебя краше,
Но не для них, за тебя в битвах павших,
И не для тех, кто вскормлён твоей кашей,
Вспоен илимской водой.
Родина малая, светлая, чистая,
Я — это ты, да и ты — это я.
Нравишься мне ты порой зимней
мглистою,
Нравишься ты и весною ручьиною,
Нравишься летом и осенью льдиною,
Родина — песня моя!

Последние годы Георгий Иннокентьевич жил в Иркутске. Я часто бывал у него в гостях, и каждый раз мы говорили с ним о литературе, о живописи, о высоком предназначении искусства. Он никогда не жаловался на обстоятельства и трудился до последнего дня.

Это был настоящий подвижник, истый труженик. Он целиком принадлежал искусству и оставался в искусстве до последнего вздоха. Быть может, о таких людях написал в своём удивительном стихотворении «Проблеск» великий русский поэт Фёдор Иванович Тютчев:

*...О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.*

*Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!*

*Но, ах! не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.*

*Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон,
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —*

*И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадем не к покою
Но в утомительные сны.*

Если мне позволено будет выразиться высоким слогом, то я бы сказал, что Георгий Иннокентьевич Замаратский всю свою жизнь дышал божественным огнём высокого искусства. Это был истинный поэт и самобытный живописец, и он мог, подобно Фету, воскликнуть в последний миг своей жизни:

*Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?..*

Георгий Иннокентьевич Замаратский прожил свою жизнь с предельным напряжением и полной самоотдачей. Наградой ему — наша благодарность и наша память, которую мы сохраним в своём сердце. Благородная душа этого человека словно растворилась во множестве картин и книг, в его учениках. Всё это — наше общее достояние, которое мы обязаны сберечь.

Александр ЛАПТЕВ

К 40-летию фильма «Любовь и голуби»

ЗОЯ КОВАЛЁВА

«Живя в таком городе,
нельзя не стать гением!»

Владимир Павлович Гуркин

Владимира Павловича Гуркина хорошо знают не только в театральной и литературной среде, не только в нашем городе, но во всей России и странах ближнего зарубежья. Его пьесы не сходят со сцен театров нашей страны и пользуются большой популярностью у зрителей.

Родился Владимир Павлович в 1951 году на Урале, на знаменитой и памятной нам из истории реке Чусовой, в маленьком таёжном селе Васильеве. Но уже в раннем детстве попал в Черемхово. Здесь он учился в школах № 25 и № 8, здесь и поныне находится дом его матери. Он единственный сын ничем не выдающихся, но удивительно добрых и нравственно чистых россиян, Валентины Петровны, бывшей работницы санэпидемстанции, и Павла Васильевича, черемховского шахтёра и механика.

В доме родителей часто бывали артисты, журналисты, режиссёры, друзья сына.

В городе много мест, связанных с его именем.

Его любимый парк, стадион, улица Гастелло, улица М. Горького и, конечно же, театр. Не случайно, что судьба наших трёх известных драматургов связана с Черемхово! Наш театр помог этим трём талантливым юношам найти свою дорогу в большую литературу.

Есть какая-то тайна в нашей черемховской земле, на которой родилось много известных людей.

С детских лет, насмотревшись спектаклей Черемховского драматического театра, Володя Гуркин решил стать актёром. А в 50–60 годы в нашем городе работало большое количество талантливых, ярких по своей природе актёрских индивидуальностей. Именно в нашем городе будущий драматург набирался впечатлений для своих будущих произведений, и земляков сделал героями своих пьес.

КОВАЛЁВА Зоя Семёновна. Журналист. Ветеран педагогического труда. Автор книг о черемховских писателях: *«Город Черемхово, овеянный литературной славой»*, *«Драматург из Черемхово Владимир Гуркин»*, *«Твой сын, земля черемховская!»* (о драматурге Ворфоломееве), *«От поколения к поколению»*, *«Черемховская династия писателей Карнауховых»*. Живёт в Черемхово.

В 1966 году после окончания восьмилетки сомнений в выборе профессии не было: Иркутское театральное училище. Однако с первой попытки в училище не поступает. Не приняли «из-за молодости». Володе шёл только пятнадцатый год. Проучился в девятом классе уже в школе № 8 им. А.С. Пушкина, не оставляя мечты о театре. И в 1967 году становится студентом первого курса училища. Быстро пролетели три с половиной года учёбы на «артиста». Дипломные работы выделялись мастерством и профессионализмом молодого актёра, особенно драматическая роль молодого писателя Треплева в классической «Чайке» А.П. Чехова.

В Иркутском ТЮЗе, куда был приглашён на работу актёр В. Гуркин, исполнилась мечта детства — сыграны легендарные Атос и Д'Артаньян в спектакле о знаменитых мушкетёрах А. Дюма.

Затем была армия, Благовещенский и Омский драмтеатры. Именно там началась серьёзная трёхгодичная работа над первой пьесой, сложной, психологической драмой «Андрюша» (или «Зажигаю днём свечу»), поставленной в 1980 году на сцене Омского театра. Пьеса молодого драматурга вызвала большой интерес не только у омского зрителя, но и в литературных кругах Москвы.

Более восьми лет он отработал в ефремовском МХАТе ведущим редактором и руководителем лаборатории драматургов и режиссёров.

В 1984-м В. Гуркин становится штатным сотрудником литературной части Московского театра «Современник».

Постановочный опыт приобрёл, работая художественным руководителем Смоленского молодёжного театра. С 1989 по 1991 год он поставит здесь шесть спектаклей.

А работать ему довелось с очень интересными режиссёрами: в театре «Современник» — с Фокиным, во МХАТе — с Брусникиным.

Дар драматического писателя — редкий дар. Необходим особый драматический слух, подобный музыкальному. Таким даром обладал наш земляк. Он был драматическим писателем от Бога.

Пьеса «Любовь и голуби», написанная в 1981 году, пожаром прошла по стране в 80-е годы. Драматург крепко «держал удар» популярности и славы, обрушившийся на него после фильма «Любовь и голуби», снятый режиссёром Владимиром Меньшовым, который увидел в пьесе Гуркина невероятный заряд любви, доброты и человечности; он сумел снять комедию, вошедшую в золотой фонд российского кинематографа. И мы всегда с чувством гордости за своего земляка смотрим фильм «Любовь и голуби», который часто показывают по телевидению.

Всем полюбились бесхитростные и чистые герои, за грубоватым и чудаковатым обликом которых кроются нежные и преданные сердца. Героям Гуркина присущи такие человеческие качества, как совесть, честность, трудолюбие, доброта.

Эта пьеса ожила и на сцене нашего театра, и тепло была принята черемховцами и автором. «Совершенно искренне повторю, что черемховцы под руководством С. Казимировского сумели создать интересный и глубокий спектакль, пропитанный сибирским воздухом и колоритом, настоящими сибирскими характерами, — отмечал Владимир Гуркин. — Особенно хотелось бы отметить сочную игру исполнителей главных ролей Людмилы Мошкиной (Надежда), Виктора Ведерникова (Василий), Ангелины Пономаревой (баба Шура)... Многие при написании мне виделось и мыслилось близким к тексту...»

В 1984 году за новую пьесу «Риск», написанную по мотивам рассказов и романов О. Куваева «Территория», автор был отмечен второй премией на смотре-конкурсе современной драматургии. В 1989 году В. Гуркин как драматург принят в Союз писателей.

В 1986-м появляется пьеса «Музыкант», в 1988-м — «Шёл медведь по лесу», в 1991 году — «Золотой человек» (сибирская сказка для детей и взрослых) и «Плач в пригоршню» (роман для театра).

С большим успехом 21 декабря 2003 года прошла премьера спектакля по роману для театра «Плач в пригоршню» на сцене ДК «Горняк» в Черемхово. Этот спектакль он посвятил шахтёрам Черембасса, своим родителям, всем, кто интересовался его творчеством.

Спектакль впервые был поставлен в 1994 году во МХАТе им. Чехова во времена Олега Ефремова, с которым, кстати, Владимир Гуркин имел честь работать около восьми лет.

Владимир Павлович этот период жизни считает одним из самых счастливых.

О чём спектакль? «Он о нашем городе и многих других, похожих на него, городах, районах, — говорил Владимир Гуркин. — То есть о Черемхово не в чистом виде, а в символическом понятии. Ведь это не документальное, а художественное произведение. Но всё-таки судьба города, его жителей стала основой романа. Сам роман намного глобальнее по объёму, он охватывает несколько как бы отдельных, но в то же время связанных между собой историй. Спектакль поставлен по одной из них. Счастливой её не назовёшь. Это классическая трагедия, в основе которой лежит беда. Преодолевая и переживая её, люди очищаются, обретают смысл жизни. В этом оптимизм...»

Настоящим праздником для черемховцев стала постановка пьесы «Кадриль» на сцене нашего театра, осуществлённая самим автором. Чувства восхищения и благодарности автору, артистам испытал каждый, кто посмотрел этот спектакль. В постановке этого спектакля проявилось яркое дарование драматурга. Он не случайно назвал свою пьесу «Прибайкальская кадриль». Кадриль — наиболее характерный для русского народа танец. Он сочетает в себе и печаль и радость. Такое можно найти только в России. Весь спектакль пронизан любовью. Речь в нём идёт о жизни двух пожилых людей. Сюжет вроде прост и незатейлив, однако эта простота кажущаяся. С особой силой звучит в спектакле гуркинское слово. Оно как бы высвечивает потайные уголки русской души.

Полюбился зрителям и фильм «Кадриль», поставленный режиссером Виктором Титовым. В фильме играют такие звезды, как Олег Табаков, Станислав Любшин, Нина Усатова, Любовь Полищук, Валентина Теличкина.

Волей судьбы самой последней работой нашего драматурга, прощанием его с театром и зрителями стала постановка его пьесы «Весёлая вода печали». В театре Ермоловой спектакль поставил В. Данцигер, а в Новосибирском «Глобусе» — Марина Брусникина. По этому спектаклю снят фильм «Люди добрые» режиссёром Алексеем Карелиным.

На мой взгляд, Гуркин — один из самых серьёзных драматургов нашего времени. Он владел профессией в совершенстве. А профессия эта называется — драматургия. Он действительно знал и чувствовал людей, о которых писал. Знал и любил своих героев. Его пьесы современны. Современны потому, что они о живых людях, наших бедах, о нас. Поэтому мы с неизменным интересом смотрим его «Любовь и голуби», сорокалетие выхода на экраны которого мы отмечаем в этом году, и другие поколения людей, уверена, будут тянуться и к этой с виду простой его истории, и ко многим другим, которые он нам оставил, подарил, можно сказать, завещал.

Свой любимый город Владимир Павлович посещал часто, здесь живёт его мама. «Я хочу сказать о том, что город, в котором живёшь, — твой дом, — отмечал он. — Надо относиться к нему с любовью в любые лихолетья. Согласитесь, легко любить молодых, сильных родителей, сложнее — слабых и немощных. Но, тем не менее, мы не перестаём их любить. И если это не любовь души, это любовь разума. Так и с нашим городом».

В духовной жизни города Владимир Павлович сделал много. Три пьесы, которые он поставил в нашем городе, стали настоящим праздником для нас. После просмотра его спектаклей мы как-то по-другому посмотрели друг на друга. Они сплотили нас.

Он был лучезарным человеком, он дарил нам тепло. Мы ценим его за талант, за ярко выраженное комедийное дарование. Владимир Павлович был желанным гостем в литературно-музыкальной гостиной, в школах, в студенческих аудиториях, в библиотеках. Общаться с ним было легко. Он был искренний, обаятельный, общительный, располагал к себе. В нём содержался неисчерпаемый источник оптимизма, непоколебимой внутренней уверенности, что всё будет хорошо. Все его пьесы наполнены этой уверенностью, пронизаны этим духом.

Владимир Павлович Гуркин — почётный гражданин города и Черемховского района. Его именем назван наш Черемховский театр. Одна из улиц вскоре будет названа его именем. Неспроста он однажды воскликнул: «Живя в таком городе, нельзя не стать гением!»

Ещё при жизни Гуркин думал увековечить главных героев своей замечательной пьесы «Любовь и голуби» в памятнике. В этом его поддержал мэр города Вадим Семёнов, с которым у драматурга были самые дружеские отношения.

В июле 2011 года состоялось открытие памятника героям пьесы «Любовь и голуби». Лёгкое покрывало упало с фигуры под мелодию из фильма «Любовь и голуби». И все увидели Васю Кузякина и Надежду, которые сидят на камне, а над ними парят голуби, как символ всепобеждающей любви. Своих персонажей Гуркин писал с реальной семьи, живущей по соседству. Даже разлучница была списана с сотрудницы отдела кадров управления «Востсибуголь». Памятник-скульптура Карима Мухамадеева, не успев открыться, стал местом притяжения жителей Черемхово.

И настоящим событием для черемховцев стало открытие памятника трём драматургам, чья судьба была связана с городом Черемхово, — В. Гуркину, М. Ворфоломееву, А. Вампилову. Этот памятник стал «визитной карточкой» нашего города, он начал жить своей жизнью и стал местом паломничества жителей и гостей Черемхово.

В своих статьях я всегда обращаюсь к молодёжи, чтобы они читали произведения наших классиков, там настоящая глубина и многогранность. Катя Гуркина, дочь драматурга, сообщила мне, что в Москве будет издана книга всех произведений Владимира Павловича. Таковую книгу мы так давно ждали! А в сентябре 2014 года состоится презентация книги в литературно-музыкальной гостиной ко дню рождения нашего знаменитого земляка.

С уходом его из жизни мы потеряли что-то очень важное, большое и значительное в жизни нашего города. Без преувеличения можно сказать, что вместе с Гуркиным ушла целая эпоха хорошей драматургии. Драматурга такой пробы и такого таланта надо помнить и чтить. Память о таких людях остаётся и помогает нам жить.

Я — исторический ученик

Я — ученик учителя истории Александра Васильевича Емельянова. Он с пятого по десятый класс (1971–1977 гг.) неустанно, но предельно деликатно напоминал нам: «Вы у меня — исторические ученики». Он ушёл от нас год назад. Мы помним о нём и грустим; но грусть наша светла, потому что Александр Васильевич — это наше детство и юность.

В неожиданное, в чём-то, возможно, дерзкое понятие «исторический ученик» он вкладывал чрезвычайно важный для развития и образования детей смысл. Иногда перед началом урока он сообщал: «Мы, дети, сейчас вместе войдём в историю, будем её деятельными участниками, пропустим эпохальные события и свершения через свою душу и разум...»

Да, он приглашал нас в историю и делал всё возможное и, наверное, невозможное, чтобы мы прочувствовали события и факты, произошедшие на других континентах, в дальних странах, донёсшиеся до нас из древних времён и эпох. Его уроки были захватывающим театральным действием, на них происходили поистине чудодейственные превращения. Мы на сорок пять минут забывали, где на самом деле находимся, становясь участниками исторических событий.

Помнится, в течение одного урока Александр Васильевич мог преобразиться в диаметрально противоположные друг другу личности: то он крестьянин, то властелин, то он богopodobный герой из мифологии, то взывающий к богам растерянный обыватель, то пиит, то камнетёс — он бывал потрясающе многолик, чертовски интересен. Если читал текст указа какого-нибудь императора (непременно в свитке!), он величав, царствен, неприступен; рассказывал о битвах — его глаза воспалялись, он становился энергичен, подвижен, будто угодил в пекло боя. А другой раз — он неожиданно печалился, грустнел, потому что начинал повествование о человеческих страданиях, потерях, разочарованиях.

Нам предлагал разыгрывать сценки, читать вслух монологи, истолковывать и даже моделировать исторические события, перипетии. И мы бывали полководцами, царями, сенаторами, воинами — на

каждом уроке новые, порой неожиданные, невероятные роли, которые мы исполняли вместе с Александром Васильевичем, в творческом общении постигая судьбы человечества, народов, отдельных вершителей, деятелей. Собственно, можно смело сказать, что мы не только изучали историю, а творили её на уроке вместе с учителем, превращаясь в исторические личности, вживаясь в невероятные для себя обстоятельства и коллизии.

Учитель и ученик. Усть-Илимск. Февраль 2013 г.

Мы гордились и гордимся, что были и остаёмся его историческими учениками.

Своим педагогическим дарованием он исподволь подводил нас, своих исторических учеников, к самостоятельным ответам о смысле бытия, о назначении человека, о совести, о чести, о любви и зле, о войне и мире — обо всём том, что сотворяет человеческое в человеке, помогает нам жить, развиваясь, становиться нормальными, хорошими людьми.

В школьные годы мы не знали, что Александр Васильевич ещё и писатель — писатель-сказочник, беллетрист, создающий учебные пособия по курсу истории средней школы. В своих сказках, в дидактических текстах он остаётся тем же страстным, виртуозным историческим учителем. Большинство его сказок и новелл — увлекательные философские истории. Своим творчеством он терпеливо подводит нас к мысли, что если человек думает только о себе, о своём личном благополучии, его не поддержат люди, он непременно проиграет, преждевременно выдохнется, а то и превратится в пустоцвет. Только вместе мы — люди! — думаем, был убеждён Александр Васильевич. Его произведения призывают подрастающее поколение к благородным, умным поступкам, воспитывают душу, образуют интеллект, прививают любовь к родине.

В своём литературном творчестве Александр Васильевич неугасимо молод, задорен: он не боялся экспериментировать с языком (особенно это относится к его последней книге сказок за 2010 год), выкапывая из лингвистических глубин совершенно невероятные вещи; он смело и решительно брался за темы, которые, кажется, переработаны были в литературе и так и этак, например, о Петре Первом. Однако эти его тексты не оказались безликими, не заслонены литературными и научными авторитетами. Мы предлагаем читателям «Сибири» одну из его новелл о Петре, опубликованную в дидактической книге «Работник на троне» (эту и многие другие новеллы, к слову, печатали в Москве в издании Союза писателей России — «Роман-журнале XXI век») «Русский кулак стоит английского лба». Он легко, красиво и очень убедительно создаёт образ Петра Великого не только как выдающегося государственного деятеля, но и неутомимого работника, труженика, настоящего русского мужика.

Но давайте послушаем самого Александра Васильевича. Его рассуждения, помещённые в первом томе «Работника на троне», весьма любопытны, вполне остры в нынешних непростых обстоятельствах русской жизни, они, если хотите, своего рода урок мудрого учителя нам, и детям и взрослым: «Петровское время и деяния самого Петра Великого — это атлантова эпоха. Она началась ещё с детских лет Петруши на строительстве первой крепости на берегу Яузы, когда, не гнушаясь своего царского происхождения, носил он на своих плечах землю для Плесбурха. Не отступал Пётр в практическом осуществлении и всех последующих гениальных замыслов. Мощный атлантов дух окрылял реформатора на семимильные шаги по возрождению России. На глазах изумлённой Европы вырос город Санкт-Петербург, как скала на берегах Балтийского моря, обдуваемого ветрами Атлантики. Вслед за ним следовали многие другие победы: Полтава, Гангут, Гренгам, Ништадт. На просторах Восточной Европы и Северной Азии раскинулась новая держава — Российская империя.

Военный и организаторский талант, неукротимая воля, мощная энергия, адово терпение, способность к неожиданным решениям и несокрушимая вера монарха Петра I в Россию дали возможность уникальных свершений во всех областях жизни и деятельности государства и общества, во внутренней и внешней политике.

Плечом к плечу с царём стоял выпестованный им новый тип людей, именуемых «птенцами гнезда Петрова». Он и его сподвижники понимали, что медлить в осуществлении реформ было нельзя, ибо их противники не позволяли России эволюционно развиваться. Враждебные силы были готовы заковать её в средневековый панцирь отсталости. С одной стороны, боярская смута подкралась к царскому трону и выхватила из рук отца-реформатора наследника престола — царевича Алексея. С другой — угрожали западноевропейские державы, в особенности Швеция и устремившаяся к европейскому первенству буржуазная Англия. Известен приказ короля Свейской империи Карла XII о расправе с пленными русскими: им отрубали пальцы, ладони... Внешняя политика ганноверского

курфюрста, ставшего английским королём Георгом I, доходила порой до несуразных действий. Приведу в пример трагикомическую выходку английского адмирала Норриса. Объединённая англо-шведская эскадра из 25 линкоров и менее крупных судов во главе с Норрисом рыскала по Балтийскому морю в поисках русского флота. Эскадра приблизилась к базе балтийского флота в Ревеле. При виде на рейде русских кораблей Норрис трусливо отвернул свою эскадру к небольшому островку Нарин с пустой избой и баней и высадил десант, который с остервенением предал жалкие строения огню. На этом и закончилась «боевая операция» надменного адмирала. Тогда газеты Европы известили читателей своих стран об английской «добыче», сообщая тут же о напрасных потерях 600 тысяч фунтов налогоплательщиков королевской казны.

Ведущие государства Европы видели в России не равного по силе и мощи конкурента, с интересами которого надо считаться, а отсталую слабую страну, годную на роль колонии. «В 1670 году, то есть за два года до рождения Петра, — приведу слова известного историка Н.Н. Молчанова, — Лейбниц разработал план создания Европейского союза, призванного обеспечить Европе вечный мир. Для этого естественная, по мнению Лейбница, завоевательная энергия европейских государств должна направиться в другие регионы земного шара. Каждая из крупных тогдашних держав получала свою зону колониальной экспансии: Англии и Дании предназначалась Северная Америка, Франции — Африка и Египет, Испании — Южная Америка, Голландии — Восточная Индия, Швеции — Россия. Итак, нашей родине, как и странам Африки, Азии и Америки, угрожало колониальное рабство...» Но гениальный Пётр I не допустил враждебного союза внутренней реакции с внешними противниками России. Российская империя под атлантовым руководством Петра Великого вошла на равных в число государств Европы, заняла достойное место среди них...»

Почуяли в словах учителя истории дух сегодняшних противоречий и коллизий мировой политики? Не атлантовы ли испытания грядут для нас, требующие адова терпения? Но если так, то кому предуготовлена роль нового Петра Великого?

Те давние исторические уроки Александра Васильевича сформировали во мне пылкость к фактам истории, желание всесторонне увидеть, понять русскую жизнь, судьбу России. Я как литератор нередко берусь за исторические темы и стараюсь вжиться душой и разумом в далёкую эпоху, чтобы каждым словом быть предельно достоверным, правдивым, историческим, если хотите.

Александр ДОНСКИХ

Русский кулак стоит английского лба

РАССКАЗ

Царь Пётр после Амстердама, где вникал в премудрости морского дела на верфях Ост-Индской компании, пожелал продолжить обучение в Лондоне. Он отказался жить в столице Англии, а выбрал пригород Дептфорд, чтобы было ближе к верфям. С русской жадностью вглядывался он во время прогулок в лица людей, в жизнь большого европейского города; не проходил мимо публичных развлечений горожан.

При очередном знакомстве с Лондоном посетил фокзал. Тогда это было место общественных увеселений. Пробившись через толпу зрителей, Пётр увидел настоящий английский бокс. Один боец, по прозвищу Шотландец, победил, а вернее, побил всех своих соперников, нанося им мощные удары головой в грудь.

Возвратившись во дворец в Дептфорде, в котором Пётр проживал с гренадерами, рассказал о неведомом для них английском поединке и тут же спросил:

— Нет ли среди вас охотников померяться силами с лондонским силачом по прозвищу Шотландец?

— Позволь мне, государь, — вызвался Микула, удалой гренадер богатырской стати.

Микула попросил у царя разрешения сначала посмотреть английский бокс. А когда приметил все ухватки бойцов, то уверил царя:

— Верь, государь, первого сражу разом. И с русскими впредь биться не пожелает.

Пётр Алексеевич усмехнулся:

— Полно, Микула! Так ли? Я намерен держать заклад, смотри, не постыди нас.

— Изволь, государь, смело держать! Надеюсь, я не только этого удалца, да и всех его товарищей одним кулаком размечу. Ведь я хаживал когда-то за Сухареву башню и стоял против кулачной стенки.

Спустя несколько дней Пётр на обеде у герцога Леедса завёл разговор о боях, которых он видел на фокзале.

— О-о, равных им нет! — заявил герцог.

Пётр подзадорил:

— Я уверен, мой гренадер перешибёт вашего сильнейшего витязя — Шотландца.

Присутствующие лорды стали возражать:

— Против Шотландца никто не устоит... Но не угодно ли государю биться об заклад? — предложили они. — Шотландец одержит верх!

Царю того и надо было:

— Что ж, готов биться! А сколько?

— Пятьсот гиней!

— Пятьсот гиней? — призадумался он. — Добро! Но ведайте, господа, что мой боец Микула лбом не бьётся, а кулаком обороняется.

Для поединка определили сад адмирала Кармартена Перегринна Осборна, сына Леедса. Чопорные лорды натянуто улыбались, приветствуя царя, его свиту и гренадеров во главе с Микулой. Английский боец вперил свой взгляд в русского соперника и похвастался перед зрителями:

— Для меня этот русский увалень — малая жертва.

Лондонские зрители одобрительно загудели:

— Гренадер не устоит от одного только свирепого взгляда Шотландца!..

Объявили о начале поединка. Английский боец призвал своего соперника, однако Микула, сжав кулаки, не сдвинулся с места. Зрители затихли, установилась тишина, можно было слышать даже дыхание. Царь Пётр сосредоточился и напрягся, словно бы сражался лично. Конечно же, болел душой: как бы не подкачал Микула! Шотландец нагнул шею и, устремив свой твёрдый лоб против гренадерской груди, быком двинулся на Микулу. Все ожидали удара лбом, но русский гренадер молниеносно кулаком треснул английского бойца по нагнутой шее. Гигант побледнел, потом покрылся испариной, руки у него повисли плетьюми, и он рухнул мешком на землю. Зрители закричали:

— Гусс! Гусс!..

— Ура! Ура!.. — возликовали, в свою очередь, русские.

Царь обнял Микулу, повернулся к своей свите и весело сказал:

— Русский кулак стоит английского лба!

Лорд Леедс, хмурясь, вручил царю заклад.

А сражённому борцу становилось всё хуже и хуже. По обыкновению того времени, ему пустили кровь. Зрители ожидали его скорой смерти, однако тот очнулся.

Пётр Алексеевич поступил по-царски — всех наградил щедро:

— Доктору для излечения Шотландца — двадцать гиней, победителю и побеждённому в поединке — поровну: каждому тоже по двадцать гиней, болельщикам гренадерам на всех — тридцать гиней! — и вручил всем причитающиеся деньги; зрителям бросил пятьдесят гиней.

— Гусс! Гусс!.. — закричали английские болельщики. — Русский царь милостив и справедлив!

— Слава царю Петру! — ликовали русские болельщики. — Слава богатырю Микуле!..

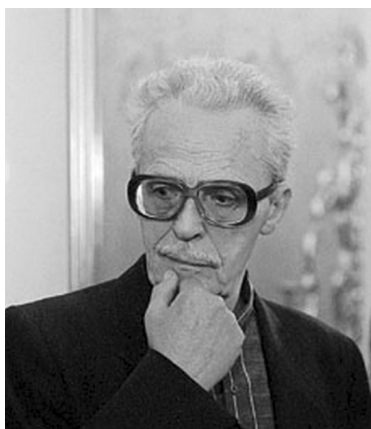
Царь поднятием руки с кошельком успокоил зрителей:

— Остальные деньги отошлю в инвалидный дом. Теперь приказываю своим гренадерам устроить между собой кулачный бой. Хочу показать и лордам, и народу английскому удаль, проворство, силу и ухватку русских богатырей!

Англичане не ведали ещё такого кулачного боя. На него вышли видные, рослые, могучие гренадеры, впрямь похожие на древнерусского богатыря Микулу...

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

Последний победоносец

Борис Васильев

Егора Полушкина в посёлке звали бедоносцем. Когда утерялись первые две буквы, этого уже никто не помнил, и даже собственная жена, обалдев от хронического невезения, иступленно кричала въедливым, как комариный звон, голосом:

— Нелюдь заморская, заклятье моё сиротское, Господи, спаси и помилуй, бедоносец чёртов...

Так начинается роман Бориса Васильева «Не стреляйте белых лебедей» (в народе укоренилось название «Не стреляйте в белых лебедей»). Он скромно вышел пятьдесят лет тому назад в журнале «Юность» (1973 г., № 6–7), и не наделал столько шума, сколько его первая повесть «А зори здесь тихие» (Юность. 1969. № 8).

Во всех биографических справках говорится, что бедоносцу Васильеву фатально не везло. В 41-м его бросили в Смоленский котёл, в котором он чудом выжил, хотя неминуемо должен был без вести сгинуть. Ведь мальчиков, чей год рождения — 24-й — совпадает со смертью вождя, в живых осталось всего 3%.

После потомок белого офицера и дворянки два года был в лагере для перемещённых лиц, откуда его отправили на фронт «по его личной просьбе». А 16 марта 1943 года он попадает на минную растяжку и с тяжёлой контузией его отправляют в госпиталь.

Вот так и всю жизнь, из пламени да в полымя.

Жизнь вроде как не очень хочет видеть его в своих послужных списках. Но так просто паренька из Смоленска, города, который испокон веков подвергался набегам и разграблению всех, кто шёл воевать на восток, не сломаешь. Смоляне — народ особый. Отважный, бодрый, неунывающий.

А потом, когда спрослось всё да зажило, Егор во дворе услышал: ревьт сынок в сараюшке (Колька спал там, когда сестрёнка народилась. Горластая больно народилась-то — вся в маменьку). Заглянул: Колька лежал на животе, только плечи тряслись.

— Ты чего, сынок?

Колька поднял зарёванное лицо: губы прыгали.

— Ункас...

— Чего?

МИХАЙЛОВ Игорь Михайлович родился в 1963 г. в Ленинграде. Трудился журналистом в местной газете «Современник», в подмосковной газете «Домашнее чтение», год работал в «Московской правде», в журнале «Литературная учёба» — заместителем главного редактора. Далее — заместитель главного редактора журнала «Юность». Лауреат премии журнала «Литературная учёба» в номинации «Проза» за 2002 год и премии Валентина Катаева в номинации «Проза» за 2006 год. Публиковался в газетах «Комсомольская правда», «Общая газета», «Алфавит», «Московская правда», «Книжное обозрение», «Москва», «Независимая», «Нева», «Литературная учёба», «Коростель», «Собрание», «Человек на земле». Автор книг «ЗАО Вражье» (М.: Юность, 2003), «Письма из недалека» (М.: Худ. лит., 2011); выступил в роли литературного редактора книги Корrado Ауджиаса «Модильяни» (М.: Мол. гвардия, 2007. Сер. ЖЗЛ).

— Ункаса убили. В спину ножом. Разве ж можно — в спину-то?
— Какого Ун... Ункасу?
— Последнего из могикан. Самого последнего, тятка!..

Русскому человеку не себя жалко, а Ункасу.

Эту книгу — «Не стреляйте белых лебедей» надо читать и взрослым и детям. Пить её по пять капель в день, как лекарство или противоядие от... современной литературы и окружающей мерзости. Она как глоток ключевой воды.

Ну да, говорят, время было такое. Попробуй всю правду-матку Расскажи. Ведь пьесу по его сценарию «Танкисты» в Театре Советской армии зарубил худсовет. Это потом она с триумфом, но уже под другим названием — «Офицеры» — обойдёт все кинотеатры страны. Каждый год 23 февраля и 22 июня её показывают по телевизору, лучшего фильма о войне, несмотря на классовый романтизм и простодушие, нет до сих пор, и ещё долго, видимо, не появится. Если вообще появится...

Три года пролежала повесть Васильева «Иванов катер» в «Новом мире». Ему бы в пору обозлиться, пойти в диссиденты. А может, просто для писателя важной составляющей является талант, особое, молитвенное отношение к слову, к своей земле?

Его герои вот какие крамольные для нынешних хипстеров у власти слова говорят:

— *Лучшие страны в мире не найдёшь, сынок, чем наша.*
— *Значит, мы самые счастливые люди в мире, папа?*
— *Конечно. В этом даже не сомневайся, сынок!*

Хорошо, советская власть — мать-и-мачеха — учила любить из-под палки, «а» и «б» сидели на трубе, выбор-то небогатый, но вот когда не стало никакой власти, кто остался на трубе? Герои нашего времени взирают на родину-уродину издалека, из оффшора, из Куршавеля или Лондона, презирая малых сих. Васильеву — дворянская косточка — впору возгордиться, озлобиться, а он вот выписывает своих героев, словно любит русским человеком, поднимая его из праха, наделяя «совка» верной и любящей душой. Его герои — Егор Полушкин, Федот Васков и другие — живые, не выдуманные, не высосанные из пальца, как большинство героев премиальных романов. И вроде не был Васильев деревенщиком, а может быть, и хорошо, что не был. Егор Полушкин — всё тот же Иванушка дурачок. Но и по сей день эта проза жива, а фильм со Станиславом Любшиным в роли Егора — новый советский реализм, non fiction какой-то.

Таких лиц больше не будет, да и кино такого, наверное, тоже.

Полюбуйтесь на Андрея Мартынова, сыгравшего Федота Васкова в фильме «А зори здесь тихие!» Он ведь так и остался актёром одной роли. Зато какой! Но по сравнению с Мартыновым Безруков — ноль! «А зори» — омоним любимой женщины Бориса Васильева и жены Зори! Его любовь к земле, женщине, человеку была и останется долгоиграющей. Как это вообще всё успел и умудрился не примкнуть ни к правым, ни к левым, ни к деревенщикам, ни к кому бы то ни было ещё? Наверное, потому что был настоящим и последним русским, советским человеком и писателем.

Таким и останется в нашей памяти.

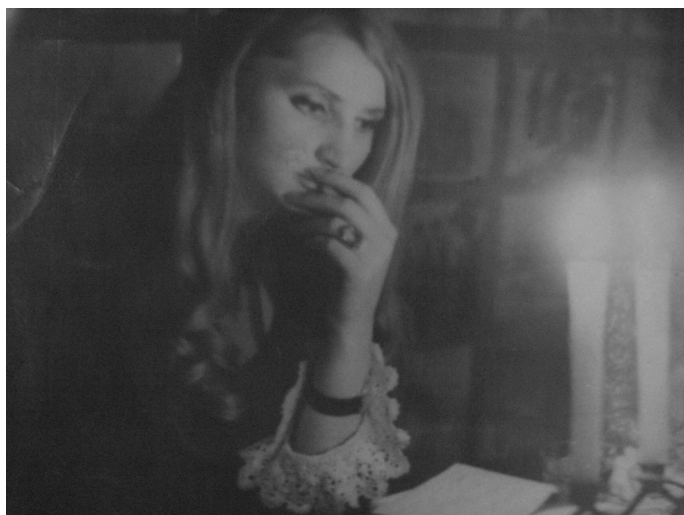
...А вот как за номера взялся, как расписал первых-то два (№ 7 и № 9 — по записочке), так и рука у него провисла. Скучно — чёрное на голубом. Номер — он ведь номер и есть, и ничего за ним больше не проглядывает. Арифметика одна. А на небесной сини арифметика — это ж расстроиться можно, настроение потерять. А человек ведь с настроением лодку-то эту брать будет: для отдыха, для удовольствия. А ему — номер девять: черным по голубому. Как на доме: сразу про тёщу вспомнишь. И от праздничка в душе — пар один.

И тут Егора словно вдруг ударило. Ясность вдруг в голову пришла, такая ясность, что он враз кисть бросил и забегал вокруг своих лодок. И так радостно ему вдруг сделалось, что от радости этой — незнакомой, волнующей — вроде затрясло его даже, и он всё никак за кисть взяться не мог. Словно вдруг испугался чего-то, но хорошо как-то испугался, весело.

В марте 2013 года Бориса Васильева не стало... Как-то даже не верится. Такие люди не исчезают.

Он ещё будет...

Мы так давно не говорили...

Л. Сухаревская на вечере в клубе подводников «Альбатрос». 1972 г.

Ныне пришло время потерь. Ушла из жизни Любовь Сухаревская.

Первая встреча с Любой мне вспоминается во Дворце пионеров и школьников, когда мне было 16 лет, и я давно уже писал стихи, и по настоянию нашего классного руководителя, учителя немецкого языка Никитиной Галины Георгиевны, отправился в литературную студию Дворца пионеров и школьников. Эту студию вели по очереди литераторы Марк Сергеев и Евгений Раппопорт, но в силу своей заня-

тости они уступили руководство Любове Сухаревской, которая на тот момент писала очень хорошие стихи и была сотрудником многотиражной газеты Иркутского авиазавода. В студии (литобъединении пионеров и школьников) моими товарищами были Надя Колесникова (писала стихи), Татьяна Тищенко (стихи и проза), Анатолий Баснин (историческая проза). Мы все потянулись к Любе Сухаревской, и она к каждому из нас была внимательной, правила наши литературные опыты, нянчилась с нами. Что касается меня, так случилось, что мы с Любой жили в Иркутске-II, и она пригласила меня в литобъединение «Парус» при авиазаводской газете «За коммунизм», где и завязалась наша дружба. На заседаниях клуба подружились Люба Сухаревская, Валя Сидоренко и Нина Кашина. Я тоже попал в их компанию, и меня закружила яркая литературная дружба не на шутку. Нам не хватало времени наговориться в «Парусе», и после заседаний мы шли к кому-нибудь домой и за чашкой чая продолжали разговоры о поэзии и прозе, о жизни и об искусстве... Мы читали друг другу стихи и не могли «напиться» ими. Мне неслыханно повезло, что меня, зелёного юнца, эти замечательные девушки взяли под свое покровительство. Формировался мой литературный вкус, музыкальные пристрастия. Это была мой мир, где я напивался знаний о мировой культуре. От Любы я узнал и полюбил поэтов Арсения Тарковского, Владимира Соколова, Владислава Ходасевича, писателей Валентина Распутина, Василия Белова, европейских писателей и поэтов: Томаса Манна и Германа Гессе, Райнера Марию Рильке и Федерико Гарсиа Лорку. Валентина Сидоренко познакомила меня с поэзией известных русских поэтов — Николая Рубцова, Сергея Есенина, Ольги Фокиной, Ксении Некрасовой, Ольги Берггольц и москвича Владимира Корнилова. Нина Кашина подарила мне имена поэтов Давида Самойлова, Антона Дельвига, Иннокентия Анненского, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и Юнны Мориц.

Сухаревская уже тогда помогала мне справляться с недочётами в стихах и публиковала их в заводской многотиражке. Это были мои первые публикации, если не считать те стихи, которые печатались на два года раньше в журнале «Пионер». Для меня увидеть мои стихи на страницах печати было радостным, большим потрясением. В то время «Па-

русом» руководила известная радиожурналистка Алла Алексеевна Чаркова. А самыми активными членами литобъединения были молодые поэты Любовь Сухаревская, Валентина Сидоренко, Вэлга Арясова, Владимир Смирнов (будущий Скиф), Александр Сокольников, Анатолий Леонтьев, будущий известный поэт Леонид Андреев (ныне он взял приставку к своей фамилии Андреев-Селижаров, теперь живёт под Москвой в Орехово-Зуеве); из Иркутска-первого в «Парус» наведывались поэты Геннадий Гайда, Василий Козлов, Татьяна Суровцева, Борис Архипкин. Общение с ними было также удивительной жизненной школой, которую мне дарила судьба. Но с Любой, Валентиной и Ниной была особая дружба... Дружба наша крепла, мы были опьянены творчеством и открывали рот, только чтобы читать друг другу свои и чужие произведения или петь романсы на стихи Тургенева, Дельвига, Марины Цветаевой. Длинными весенними вечерами и ночами мы бродили по старинному Иркутску-II, провожая друг друга до дома. Дальше всех жила Валентина Сидоренко, и мы провожали её в Ермаковку, «на болото», в уютный отчий дом, где были бесконечные чаепития под музыку Моцарта, Баха, Вивальди, Чайковского, Грига, которая звучала с пластинок из старенького проигрывателя. Мы были бесконечно счастливы, были чисты, влюблены в творчество и от этого счастливы ещё больше.

Вспоминается удивительный вечер, посвященный Анне Ахматовой, Марине Цветаевой и другим поэтам Серебряного века. Вечер проходил в полуподвале клуба «Альбатрос», который уступили нам спортсмены-подводники на один вечер. Я нарисовал углём на картоне большие портреты Цветаевой и Ахматовой. Их поэзией мы тогда «бредили». Иркутские писатели Елена Викторовна Жилкина, Евгений Раппопорт, Сергей Иоффе участвовали в этом вечере. Они с удивлением вслушивались в наши голоса, а мы читали Ахматову и Цветаеву, Блока и Пастернака, письма Пастернака к Марине Цветаевой и её к нему, читали Мандельштама и стихотворение Давида Самойлова «Я не знал в этот вечер в деревне, что не стало Анны Андревны...»

Играли зажжённые свечи, звучала музыка, на столе рубиново светилось вино, призывно манили чай и сладости. Дух поэзии витал над нами. И я, помнится, настолько осмелел, что в перерыве между чтением стихов поэтов пытался доказать Сергею Айзиковичу Иоффе, что стихи Любви Сухаревской: *«Вся жизнь игра, но Боже упаси // заплакать там, где должно рассмеяться, // Легко найтись, потом легко расстаться. // А если пламя...пламя погаси. // Так и живешь, спокоен до поры, // пока не грянет поздний час прозрения, // и ты отвергнешь с болью и презрением // все, что входило в правила игры. // В твоём кругу боюсь я одного, // что и меня игра твоя захватит, // что у меня любви к тебе не хватит...// дожить до часа светлого... того...»* — это очередное романсовое чудо высокой поэзии. Он с удивлением смотрел на меня, кивал и соглашался. Эти стихи были напечатаны только раз, в газете, о них уже никто не помнит, поскольку Люба не включала их в свои книги.

Есть ещё несколько стихотворений, которые сохранились только у меня в альбомах, записанных её рукой, и они тоже не публиковались, но сохранились в моей памяти. Это стихи, посвященные Анатолию Преловскому — другу, поэту: *«Да минет, месь, уют убогий твой! // Нам на земле едва ль не хватит места, // и я тебе не муза, не невеста, // и не зажгу звезды над головой. // Но новый день несет благую весть: // ещё нас терпят, кормят и читают...// И пробуждаться только начинают, // и в этом тоже, тоже что-то есть...// Прохладный век смутит своей тоской, // есть в этом дерзость прежнего урока, // И горечь и заманчивость порока. // Не дай-то Бог поэзии такой! // Не потому ль так часто на виске // Слепой свинец чертит свой след кровавый. // Сольёмся песней и сочтемся славой! // Один удел — мы братья по тоске».*

Неопубликованным оказалось стихотворение «Врубель», автограф которого я сохранил. *«Взглядом, сердцем, кожей, плотью // Не могу забыть // Мать, которая отходит, // мне позволит жить...»* — также не вошло в её книги стихов. Стихотворение «Портрет», посвященное М. Шепелю, никогда не печаталось, оно живёт только в моей памяти.

Теперь я понимаю, что нас объединяла ПОЭЗИЯ. Ярко запомнилась поездка на Байкал, в Листвянку, где мы четвером бродили по берегу Байкала, и там у меня родились стихи, посвященные Любви Сухаревской. Это было лето 1972 года, а осенью я был при-

М. Шепель, Н. Колесникова, Т. Тищенко, Л. Сухаревская у Дома пионеров. 1970 г.

зван в армию, куда уже Люба писала мне письма, которые мне стали необходимы как воздух, как чистая вода, как кусок хлеба. Эти письма сохранились. Так продолжалась наша дружба, на которую Люба была удивительно щедра. Туда же в учебную воинскую часть пришла мне бандероль от неё с огромным фотоальбомом-монографией «Александр Блок». Где я мог сохранить этот альбом? Только

в библиотеке воинской части. Молодая библиотекарь, дочь командира дивизии, благоволила ко мне и сохранила фотоальбом и пачку писем Любы Сухаревской. Это уже потом я отправил их домой маме обратной бандеролью.

Там, в армейской среде, у меня родилось ещё одно стихотворение-верлибр, посвящённое Любе: *«Мне ветрено, // Мне ветреность и взгляд твой // Все в памяти и наяву тревожат. // И белую и золотую кожу ласкает ветер, здесь давай споем, // Не обо мне, // Так о тебе, о мире, что окружает нас. // И будет в этом душа ребенка, девушки, поэта, // И шелестенье листьев — голос ветра»*. Когда я вернулся из армии, то какое-то время мы ещё встречались. Но Люба уехала на БАМ, а когда вернулась — наши встречи стали редки. Жизнь развела нас в разные стороны, и уже не стало той душевной близости, что была в юности. Потом у каждого состоялась своя жизнь, наполненная делами, событиями, новыми свершениями, да и мировоззрение наше стало уже другим.

В марте 2008 года умерла Нина Кашина; подборку её стихов, к слову, опубликовали в первом номере «Сибири» за прошлый год. Люба Сухаревская ушла в мир иной недавно, 27 сентября 2013 года. Перед самой кончиной Любе духовно помогла Валентина Сидоренко — привела её в храм во имя Святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, где Люба причастилась и соборовалась. Перед самой смертью, уже в больнице, Любу причащал и соборовал отец Владимир — настоятель этого храма. Светлый образ той самой юношеской дружбы живёт и поныне в моём сердце. Дружба, когда она настоящая, — бесценна, и память о ней священна.

Михаил ШЕПЕЛЬ,
преподаватель, водолазный врач
Центра подготовки спасателей Байкальского ПСО МЧС России

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

«Привал»

Чистый звук Любви Сухаревской

Когда я пишу эти строки, не прошло ещё и сорока дней с ухода в мир иной Любви Иосифовны Сухаревской, для меня и для многих её коллег — журналистов, просто Любы, которая, зарабатывая деньги, чтобы содержать семью, растить дочерей (а каждая копейка в семье была на счету), писала одновременно для нескольких изданий. И при этом ещё регулярно вела литературную страницу «Привал». Сначала в газете «Советская молодёжь», потом в газете «Мои года». И из-за этого, может быть, уделяла недостаточно времени стихам своим. А ведь она была, в первую очередь, всё-таки поэт. Именно поэт, а не поэтесса, поскольку поэтесса — это, всего лишь, жена поэта.

О смерти Любы я узнал в Тайшете, от журналиста областного радио Натальи Ключевской, с которой мы, как и многие ещё другие люди, участвовали в программе «Деятели культуры — жителям области», проходившей в рамках «Музейного экспресса», много лет уже выполняющего эту программу в различных районах области.

У нас после напряжённого рабочего дня было время ужина в ресторане «Султан Сулейман», над входом в зал которого, впрочем, висели православные иконы Спасителя и Богородицы. Более того, до недавнего времени, кроме, собственно, турецкого названия, этот новоявленный ресторан имел ещё и такую рекламу: «Блюда узбекской кухни». Одним словом, полная неразбериха и путаница в головах тех, кто создавал подобное заведение. Но я сейчас не об этом... Когда улыбчивая, симпатичная и очень молодая официантка принесла нам поесть, я достал из портфеля свою, неизменную в дороге, фляжку с неразведённым спиртом. И мы с Наташей выпили по мизерной рюмочке этого напитка, разумеется, не чокаясь, за помин души Любы, Любви... И я, чувствуя обжигающую крепость медицинского спирта, прежде чем закусить, мысленно продекламировал про себя четверостишие Александра Полежаева:

*Что остаётся от поэта?
Мундир? А, может быть, грехи?
Нет, это достоянье Света.
Стихи, друзья мои. Стихи...*

И поймал себя на мысли, что не только стихи, а ещё, и пожалуй даже в большей мере, — остаются добрые дела. О чём недавно напомнил читателям газеты «Мои года» в своей редакторской колонке мой давнишний друг и прекрасный журналист Игорь Ширококов, так и назвав свою статью: «Жизнь коротка, спешите делать добро». А в другой его статье «Имя её Любовь» он очень точно говорит о главных чертах и качествах характера уже Любви Сухаревской.

Вот как он пишет о ней: «В своём поэтическом саду Люба не цвела этакой хризантемой, она была в нём садовником: возделывала почву, пропалывала сорняки, оберегала юные побеги. Десятки молодых писателей и поэтов обязаны Сухаревской своими первыми успехами. Она садовник. Вот и в нашей газете, редактируя «Привал», она кропотливо обихаживала тексты пожилых людей, если находила в них каплю таланта и здравого смысла».

И всё это было действительно так. Люба умела делать добрые дела не на показ, а как-то спокойно, тихо, неспешно, словно по заранее написанному ею расписанию. Помните, как это было у барона Карла Мюнхгаузена в его расписании дня: «До обеда — подвиг...»?

Вот и моя первая большая подборка стихов в середине восьмидесятых годов при содействии Любы Сухаревской появилась в выходящей тогда многотысячным тиражом областной газете «Советская молодёжь». И вышла именно на литературной странице «Привал».

И я думаю, что для многих, как и для меня, привал этот в какой-то мере становился неким перевалом, за которым открываются уже новые горизонты, новые дали, новая литературная жизнь. Автор становится в какой-то мере известным, ибо его произведения тиражируются газетой для тысяч её читателей. И значит, его могут оценить уже не только друзья и близкие люди. А это так важно для пишущего человека — иметь массового читателя. Именно массового. А не быть, что я иногда говорю о себе, «как о широко известном в узких кругах моих единичных читателей писателем». И в этой шутке, увы, лишь очень малая доля шутки. Массовый читатель, к сожалению, утрачен. И только ещё газеты с их немалыми порою тиражами такого читателя ещё обеспечивают.

Вот и у меня в литературном объединении при Союзе писателей России, которое я веду уже много лет и которое из рук в руки передал мне прекрасный писатель Евгений Адамович Суворов, великолепный, тонкий стилист, какого-то, я бы сказал, бунинского в лучших своих произведениях письма. Не удостоенный, однако же, при жизни ни одной литературной премией. И это, несомненно, говорит о том, что литературные премии, как и любые премии, впрочем, даются, как правило, не тем, кто их заслуживает, а тем, кто умеет подсутиться или просто, по чистой случайности, поскольку членам премиальных комиссий в большинстве своём не хочется всерьёз заниматься чужими текстами. Говорю это не понаслышке — знаю. Так вот, мои литобъединенцы тоже порою чувствуют свою невостребованность, неслышанность. И публикация в газете для многих зачастую является как бы пропуском в широкий мир.

Именно поэтому, услышав горестный вздох редактора данной газеты Игоря Широкова при разговоре со мной о том, что вот, дескать, некому теперь будет вести «Привал», я согласился на какое-то время, пока у меня хватит сил, продолжить это нужное многим людям и доброе дело. Тем более что члены любого литературного объединения, как правило, не имеют выхода на серьёзные литературные журналы, до уровня которых их творчество, порою, ещё не дотягивает. А безмолвие, писание в стол для творческого человека любого масштаба и любого возраста — губительно.

И хотя из огромного количества рукописей, которые мне приходится читать, половина, как правило, это чистейшая графомания, всё равно безмерно радуешься, если находишь в чьих-то произведениях, пусть и не совершенных ещё, отголоски таланта, который, увы, так редок. И к которому надо, конечно же, относиться очень бережно.

И мне хотелось бы предварить нынешний «Привал», а может быть, и заполнить его полностью стихами Любы Сухаревской и размышлениями о её творчестве.

Во-первых, для того чтобы ещё раз вспомнить о ней как о хорошем поэте и хорошем человеке.

Во-вторых, взглянуть на её стихи как на некий эталон, пример для подражания. Особенно авторам, начинающим на поэтическом поприще, в независимости от того, сколько им лет. Ибо зрелость и старость — это отнюдь не годы, а наше ощущение жизни. Её прекрасной неповторимости в каждом прожитом миге.

У меня есть три небольших книжки Любы Сухаревской, подписанные мне ею в разные годы и двадцатого, и двадцать первого века. И из каждой мне хотелось бы дать хотя бы по два стихотворения.

Но вначале предоставим слово ей самой. Пусть она скажет о себе, о своём творчестве. Тем более что подаренный мне ею сборник, выпущенный в 2006 году в издательстве Геннадия Сапронова, так и называется — «Прямая речь».

Итак, прямая речь Любы Сухаревской:

Дорогой читатель!

Ты вступаешь в книгу, как вступают в воду реки по имени Жизнь.

Эти стихи во многом — и есть моя жизнь, её реальные события и вызванные ими раздумья, чувства, параллели, ассоциации. В этих стихах — я и те люди, которые, каждый по-своему, вошли в мою судьбу. Это родители, давшие мне жизнь, и дети, получившие её от меня; мои любимые, благодаря которым я была счастливой или страдала; мои друзья, с которыми делилась хлебом, песней, дорогой; это моё время и моё пространство, мои небеса и моя земля.

Не могу сказать, что я выразила всё, что хотелось, — мир невыразим и неисчерпаем, даже если этот мир внутри одного человека. И, отдавая эту книгу тебе, читатель, я остаюсь с надеждой, что какие-то строчки окажутся созвучными тому, что пережил и ты, что они затронут в твоей душе те тайные струны, которые хоть изредка мы должны уметь расслышать в самих себе. От этого становится легче.

Вот моя прямая речь к тебе — от сердца к сердцу.

Дочери

*Твои глаза не всякому видны:
Два тёмных камушка лежат на дне колодца,
В них чистый свет дробится и смеётся,
И влажный взгляд несёт из глубины.*

*Твои глаза — согласие и вопрос,
Для зрения они и вдохновенья,
С ума сведенья, ветра дуновенья,
О, если б не для слёз! — но и для слёз...*

*Для первого цветка твоя рука.
Цветы и дети недоступно правы,
Когда сидят, лицом уткнувшись в травы,
И нам их не понять издалека.*

*Для муравья — внимательность твоя,
Для птичьих разногласий — слух и зренья,*

*Для солнечной поляны — нетерпенье:
За бабочкой лететь в её края!*

*Какая уведёт тебя тропа?
Какие тайны приоткроют дверцы?
Какой обидой полоснёшь мне сердце?
Для материны лба — твоя судьба:*

*За каждый шаг твой, за твои слова,
За насморк, плач, за мироощущенье,
За совести грядущие мученья,
За все ошибки и за искупленья,*

*Вселенской тяжестью, пока сама жива,
Болит моя, не чья-то голова —
Как до сих пор за норов мой упрямый
Болит душа моей усталой мамы.*

Иркутская весна

*Была весна, и город был томим
Неясной жаждой влаги и апреля.
Последний снег был жалок и растерян,
И плавал в парках сизоватый дым.*

*Смущённая огромностью своей,
Душа моя готова хлынуть горлом*

*И песней, как дождём, заполнить город,
И ликовать, как в роице соловей.*

*Она опять свободна и смела
И не умеет удержат восторга...
Румянец юга и загар востока
Несёт апрель на кончике крыла.*

(Из сборника стихов «Прямая речь»)

На магистраль

*Сомненьем каждый день отмечен;
Живу с собою не в ладу:
Ведь путь отмеренный не вечен,
И тем ли я путём иду?*

*Но незнакомый ветер дунет
И всё в душе перевернёт,
От душных комнатных раздумий
До романтических тенёт.*

*Бросаю скучные занятия,
Мой тихий город, бог с тобой,
Я к вам, ребята, принимайте,
Не за туманом — за судьбой.*

*Я с вашим адом, с вашим раем
И в светлый день, и в чёрный час.
...Не мы дороги выбираем —
Дороги выбирают нас.*

* * *

*Страдаем, мучаемся, плачем
Мы потихоньку от людей
И проявление страстей,
Как мелочь по карманам, прячем.*

*Друзья поймут, а для других —
Спокойный взгляд, улыбка, смелость,*

*И, слава богу, нет им дела
До тайных бурь и слёз твоих.*

*Любая боль — тяжёлый гнёт,
Но, не садясь в чужие сани,
Пустяк переживём мы сами,
Большое — нас переживёт.*

(Из сборника стихов «Послушай сердце».
Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979)

Апрель

*О каком-то чуде слышу.
Все твердят о нём.
Прикорнул апрель под крышей
мягким воробьём.*

*Он-то знает, знает точно
таинства весны —*

*ведь проклонуться листочки
до утра должны.*

*Я сама сегодня ночью
видела тайком,
как весна кормила почки
лунным молоком.*

* * *

*Сквозь сплетение узора
процедился свет луны.
И откинутая штора
всколыхнулась у спины.*

*Затопила подоконник,
разлилась волос река,
белым лебедем в затоне
по стеклу плывёт рука.*

(Из сборника стихов «Тёмный отзвук».
Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд.-во, 1973)

«Тёмный отзвук» — самая первая книжка Любове Сухаревской, вышедшая в коллективном сборнике «Бригада» после очередной конференции «Молодость. Творчество. Современность», проходившей в Иркутске, кажется, в 1972 году. Люба стала лауреатом той, такой давней теперь конференции. И по очень хорошей традиции тех лет Восточно-Сибирское книжное издательство выпускало потом книжечки лауреатов. Ныне, к сожалению, такого уже нет, да и конференции самой тоже уже много лет нет, как и государственного издательства, пекущегося о молодых талантах. Сколько их было открыто на подобных конференциях — и у художников, и у писателей, и у журналистов!

Вот маленькая аннотация от издательства к той первой Любиной книге:

Любови Сухаревской двадцать один год. Школа, работа в заводской многотиражной газете, обсуждение стихов на конференции «Молодость, творчество, современность», поступление в университет — вот основные жизненные вехи. Стихи Любове Сухаревской прозрачны и мелодичны, это стихи человека, тонко чувствующего и легко ранимого, человека, у которого главная дорога — впереди.

Действительно, с этой коротенькой рецензией нельзя не согласиться. На самом деле, в стихах Любви Сухаревской есть и прозрачность, и мелодичность, и чистый звук. И то, что она была человеком ранимым, тонко чувствующим, тоже правда. Как правда и то, что она никогда болей своих на всеобщее обозрение не выставяла.

С одним только теперь нельзя согласиться, что главная дорога — впереди. Ибо жизненный путь Любви Сухаревской уже пройден. И мы замкнули этот круг, двигаясь от исхода к началу. От последней (теперь уже можно так сказать) прижизненной книги Любви Сухаревской «Прямая речь», изданной в 2006 году, до её маленького тоненького сборничка, вышедшего, теперь уже в прошлом веке, в 1973 году. И который ко мне, с автографом автора, попал только через тридцать четыре года после его выхода. И произошло это так.

Как-то совершенно случайно мы встретились с Любой в Союзе писателей, на улице Степана Разина, 40. Она была отчего-то грустна и на какие-то мои вопросы и реплики отвечала рассеянно. Казалось, она о чём-то напряжённо думает или решает некую нелёгкую для неё задачу. И, видя это её состояние, я уже собрался уходить. Но в это время к нам подошёл поэт Василий Козлов, который знаком с Любой с первой её молодости.

— Привет! — сказал он нам. И, взглянув на Любу, таинственно произнёс: — Я тебе сейчас настроение улучшу. Я знал, что ты будешь в Союзе, и вот что прихватил. — При этих словах он, как факир, достал из кармана пиджака три маленьких Любиных книжки «Тёмный отзвук». — Держи, дарю, — протянул он ей книги. — У тебя, наверняка, уже таких нет. Раритет! А у меня вот сохранились.

— Ой, какая древность! — действительно веселее воскликнула Люба. — У меня только одна такая книжка осталась, — закончила она, собираясь положить их в свою сумочку.

— А у меня и вообще ни одной такой твоей книжки нет, — встрял я, не упуская удобный момент.

— Ну, давай я тебе подарю, — предложила Люба.

— Только подпиши, — продолжал я наглеть.

Она на минутку задумалась, а потом быстро написала: «Тёмный отзвук, светлый звук...» Расписалась и поставила дату: «7 февраля 2007 года».

И этот её светлый звук звучит теперь во мне порою...

И закончить этот разговор о Любе мне бы хотелось её стихотворением, которое называется «Пока живу...»

*Пока живу я на земле,
Стелитесь, травы, под ногою,
Танцуйте, бабочки, во мгле
Передвечернего покоя.*

*И столько будет слов и слёз,
Дождей и ожиданья снега,
Что вдруг покажется всерьёз,
Что вечно всё, как вечно небо.*

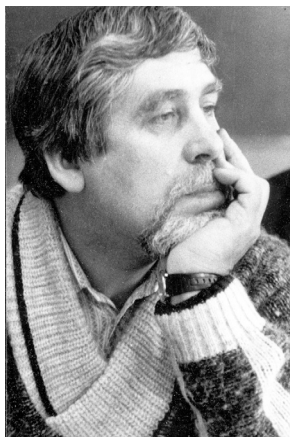
*И золотая пыль в луче,
И лопухов большие уши,
И жук зелёный на плече —
Всё, что живёт, волнует душу.*

*Но звёзды падают в траву,
И утро на закат похоже.
Живите все, пока живу.
...Когда умру, живите тоже.*

Живём, Люба. И вспоминаем тебя. И просим: «Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей Любви. Прости ей все её прегрешения вольные и невольные. И даруй ей Царствие Небесное, ибо при жизни своей, в своих стихах она так часто смотрела в небо и стремилась к нему!»

ВЛАДИМИР СКИФ

Байкальское Переделкино

Главы из книги

Порт Байкал, ул. Вокзальная, 1

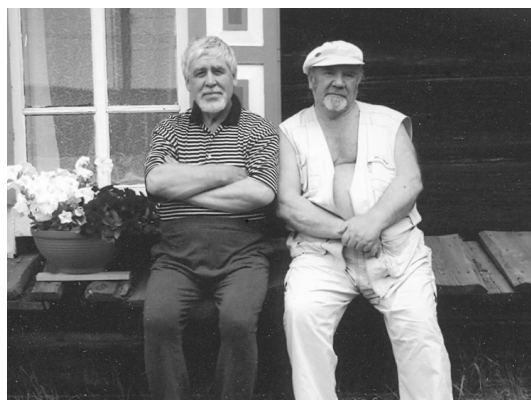
Продолжение

Я написал много стихов о травах и цветах Прибайкалья: жарках и колокольчиках, кро-вохлёбке и зверобое, медунице и тысячелистнике, подснежниках и незабудках, саранках и кукушкиных слёзках, крапиве и кашкарнике, полыни и шиповнике, одуванчиках и душице, иван-чае, костяннике и черемше. Эти стихи привлекли к себе собирателя стихов о Байкале, иркутского поэта, историка и учёного Ивана Ивановича Козлова, который собрал целый свод отечественной поэзии о Байкале за четыре столетия и назвал свою работу «Колокола Байкала». Книга Ивана Козлова закончена, ждёт своего выхода в свет, а пока она опубликована в шести номерах улан-удэнского журнала «Байкал».

Иван Иванович Козлов — человек талантливый и многогранный. Он собиратель не только байкальских стихов, но и старины, антикварных книг, создатель многих иркутских ведомственных музеев, поэт, прозаик, историк, художник-оформитель и изобретатель.

СКИФ Владимир (Смирнов Владимир Петрович), поэт (род. в 1945 г. в пос. Куйтун Иркутской обл.). Автор многих книг, в т. ч.: *Зимняя мозаика* (Иркутск, 1970); *Журавлиная азбука* (Иркутск, 1979); *Бой на ратирах*: литер. пародии (Иркутск, 1982); *Грибной дождь* (М., 1983); *Живу печалью и надеждой* (Иркутск, 1989); *К сопернику имею интерес*: литер. пародии (Иркутск, 1993); *Над русским перепутьем* (Иркутск, 1996); *Золотая пора листопада* (Иркутск, 2005); *Письма современникам* (Иркутск, 2005); *На срезе времени зелёном* (2006); *Новые стихи* (М., 2007); *Русский крест* (М., 2008); *Молчаливая воля небес* (Иркутск, 2012); *Все боли века я в себе ношу* (Иркутск, 2013); книг детских стихов: *Зайчик* (М., 2007); *Шла по улице королева* (Иркутск, 2007) и др. Член Союза писателей России. Секретарь Правления Союза писателей России. Председатель Иркутского регионального отделения Союза писателей России.

Иван Иванович нередко гостит у меня на байкальской даче, любит выпить заслуженную рюмку водки или фужер красного вина, вкусно поесть и упоительно отдохнуть. Не раз он бывал у меня на даче зимой со своими гостями и летом с любимыми женщинами и детьми.

Владимир Скиф и Иван Козлов

тополь, который три года назад спилили железнодорожники. Он им, видите ли, помешал.

Почему Камиллу несло на деревья — нам было совершенно непонятно. Однажды осенью, когда шли дожди и уже пробрасывал снежок, она прожила на лиственнице 12 дней, и мне пришлось вызывать МЧС, чтобы снять её с дерева.

Как-то Иван Иванович, оставаясь на даче, получил задание ждать, когда же Камилла потеряет силы и свалится с дерева. Тогда её можно будет подобрать и накормить. Ожидая несколько дней полёта Камиллы, Иван Иванович возжеленно отдыхал на даче. Но он не только отдыхал, он ещё и вёл шуточный «Дневник ожидания»:

4 августа 2009 года. 10 часов утра. Камилла орала всю ночь. К утру охрипла. Но в обед закричала снова. Мимо проезжал Анатолий Фенин, спрашивал: нужна ли помощь?

4 августа. Вторая половина дня. Камилла мяукает ещё громче. Вся деревня уже тихо ненавидит и меня, и кошку. Я с ней часами беседую. Уговариваю спуститься на землю. Но она меня молча презирает.

5 августа. Утро. Камилла всё ещё сидит наверху, громко мяукает, но ещё жива и с дерева не падает.

5 августа. Полдень. Под реликтовый тополь подстелил матрас. Если Камилла будет падать, возможно, не разобьётся. Около матраса положил еду. Может быть, спустится поесть.

5 августа. Вечер. По-моему, Камилла спускалась, поела и опять взобралась на тополь. Миска пуста. Камилла охрипла во второй раз и уже надолго.

6 августа. Из Слюдянки пришёл стоящий паровоз. Маневрировал возле дома. Попросил машинистов, чтоб мощно, как в нашем детстве, погудели. Машинисты рванули во все гудки. Камилла птичкой слетела вниз с высоты, примерно, пятиэтажного дома, и хоть бы что! Жива. Всё съела, даже мой обед. Голодаю.

Кстати, Анатолий Фенин со своим гостем Женей Сигалом тоже участвовал в спасении Камиллы — уже с другого дерева, со столетней лиственницы. Женя, как обезьяна, взобрался на дерево, взял кошку за шиворот и кинул вниз. Камилла приземлилась на четыре лапы и пулей умчалась в огород за теплицу. Женя был в белых брюках, в белой рубашечке — во всём белом. А когда спустился вниз, оказался — чёрным. Сажа и смола перекрасили беленького Женю в другой цвет.

В годы перестройки поселился в порту Байкал реставратор церквей и предприниматель Анатолий Фенин. Построил себе дом, похожий на небольшой замок, ещё несколько малых гостевых домов, назвал это место «Фортом Байкал» и с женой Таней стал приглашать туристов. В то время, когда Фенин строился, народ наш запоем смотрел зарубежные

«мыльные оперы»: «Рабыня Изаура», «Богатые тоже плачут», «Санта-Барбара». В то время своих «мыльных опер» мы ещё не ставили, все эти «Кармелиты», «Ефросиньи», «Не родись красивой» были ещё впереди. Вот тогда-то Фенин за размах своего строительства в пади Щёлка получил среди местного населения прозвище Марисабель. Для экзотики Фенин разводил голубей, а для туристов — лошадей, чтобы Форт Байкал располагал ещё и конными маршрутами.

Однажды в 2005 году, в июле, когда мы уже вошли в спокойный дачный ритм, рано утром, рядом с нашим огородом, раздались крики, шум, громкие разговоры, ржание лошади. Мы с женой вышли из дома, и перед нами открылась, как говорил актёр Владимир Машков, «картина маслом». Оказывается, на лужайке у нашего огорода ожеребилась фенинская кобылица, и её вместе с жеребёнком перегоняли через линию железной дороги прямо у проходной завода по разливу байкальской воды.

Охранники вышли из дежурки и своими дельными советами помогали Фенину и его работнику-таджику справиться с лошадью и жеребёнком. Жеребёнок только что родился, он еле-еле стоял на своих слабеньких, похожих на тычинки ногах, а кобылица ходила вокруг него, нервничала и утробно, негромко ржала. Фенин подъехал на своей иномарке, и мужики посоветовали ему увезти жеребёнка в салоне легковой машины. Они стали помогать засовывать жеребёнка в салон. Жеребёнок ничего не понимал и легонько, как котёнок, то ли мяукал, то ли плакал.

Наконец, жеребёнок уместился на заднем сиденье, машина тронулась в путь, проехала метров двадцать и остановилась, потому что кобылица закрутилась на месте и стала горестно ржать. Она не могла понять, куда делся жеребёнок. Кобылица по-своему, лошадиному кричала и копытила землю. Тут мужики заорали отъехавшему Фенину:

— Толя, ты голову жеребёнку в окошко высуну, чтоб она увидела!

Фенин вышел из кабины. Вместе с работником они пытались высунуть голову новорожденного в окно, но ничего не получалось, тогда жеребёнка вытащили из машины и поставили на землю. Кобылица в великой радости подбежала к нему и успокоилась. За то время, пока люди возились с жеребёнком и кобылицей, жеребёнок окреп и уже не выглядел таким беспомощным, как вначале. Таджик достал повод, накинуд на кобылицу и вся эта процессия двинулась вдоль железной дороги: впереди — иномарка с Фениным за рулём, за машиной — таджик с кобылицей на поводу, а за ними двинулся маленький, но уже резвый, красивый, со сталистым отливом жеребёнок.

На другой день мы пришли к Фенину обмывать новорождённого. Это оказался мальчик. Смеялись, вспоминая вчерашнее приключение, потом стали придумывать ему имя. Зазвучали предложения: Байкал, Малыш, Король, Орлик, Мафусаил, и ещё чёрте какие имена раздавались в застолье. Татьяна, супруга Фенина, всех уговонила и говорит:

— У меня есть предложение самое правильное.

— Какое? Говори! Дать имя жеребёнку — это тебе не синдифирополь! — У Фенина часто в разговорах проскакивали шуточные, придуманные им слова. *Антракен*, допустим, или, как сейчас, — *синдифирополь*.

— Давайте назовём его Скиф! — торжественно объявила Таня. — Володя, ты не обишься? Он же родился почти на нашем огороде.

— А чего обижаться? Это даже здорово! Будет у меня в Порту Байкал тёзка. Да ещё такой красивый, молодой, буду на него равняться.

— Ладно, ладно, ты и так хороший иноходец, — включилась в разговор моя острословица-жена, — ходишь, ходишь и находишь...

— Ну, вот уже и ассоциации пошли. Ребята, давайте жить дружно! — я поднял руки: — Сдаюсь на милость жене. Буду самым тихим и мудрым жеребчиком. Два Скифа — это уже Малая Скифия!

Все закричали «Ура!» и единогласно утвердили жеребёнку имя Скиф.

На этом история с моим лошадиным тёзкой не закончилась. Года через два мы в конце августа сидели у Фениных за вечерним чаем. Жеребёнку Скифу уже исполнилось два года, и это был уже фактически взрослый, настоящий красавец-конь, которым любова-

лись и местные жители, и приезжие туристы. Правда, фенинские лошади не часто были впряжены в работу. Они щипали байкальскую траву, а порой слонялись на причале или на железнодорожной станции, где их привечали, прикармливали туристы, отправлявшиеся в путь по Кругобайкалке.

Сидим мы за чаем. Таня рассказывает о многочисленных делах в своём обширном хозяйстве. Потом обращается к нам:

— Были тут у нас гости из Иркутска. Кстати, одна из них, Володя, твоя хорошая знакомая. Я в тот день приехала из города, быстро навела порядок, приготовила ужин. Гостей мы с Толей пригласили за стол, у них оплата за питание входит в путёвку. Поговорили о том о сём. Потом я к Толе обращаюсь и с возмущением говорю: «Слушай, Толя, Скиф-то совсем опустился, ходит у поездов, подбирается, кланчит хлеб». Гости мои так и онемели. Тишина за столом — мёртвая. Тут Володина знакомая и говорит: «Это как же он до такой жизни дошёл, а ведь не пил, такие замечательные стихи писал...» Я на неё смотрю, ничего не понимая, а потом до меня дошло: она ведь про тебя подумала. Я ей говорю: «Наталья Михайловна, это же я рассказываю про коня нашего, про Скифа». И тут такой разразился хохот, гости мои, можно сказать, по полу катались от смеха. Вот как, Володя, опозорил тебя твой тёзка! Да и нас тоже.

...Лет двадцать пять назад, в начале перестройки, на Байкале, на острове Ольхон, появились дикие кони. Видимо, в какой-то тяжёлый час бескормицы или невострёбанности коней их просто выгнали с подворья или они сами ушли и разместились в диком ольхонском пространстве. Паслись они и зимой и летом, благо, что на Ольхоне снег всегда небольшой. Зимой копытили снег, ели хорошо сохранившуюся траву, а летом травы было немерено и для кобылицы, и для мерина.

Как-то у одной из кобылиц родился ярко-гнедой, здоровый, крепкий жеребёнок. Рос он, как говорится, не по дням, а по часам, и через полтора года превратился в великолепного, невиданной красоты коня. Табун разрастался, и вскоре Гнедой жеребец стал вожакom дикого ольхонского табуна. У Гнедого было поразительное чутьё, он чувствовал приближение врага, каким стал для табуна человек. К тому времени, а это прошло уже лет десять, когда Гнедой стал вожакom, табун стали отстреливать буряты-охотники да и заезжие русские тоже. В Сибири конину любят и едят её с удовольствием. В Улан-Удэ делают вкусную тушёнку из конины. Так вот, вожак берёт свой табун настолько осмотрительно, что редко к нему удавалось подобраться на ружейный выстрел. Только вдали появлялись охотники, как Гнедой давал сигнал сильным тревожным ржанием, и весь табун, как пыльная буря, уносился в другой конец острова и прятался в скалах. Скольких коней спас в то время Гнедой — одному Богу известно.

Иркутский писатель Александр Семёнов написал повесть об ольхонских конях, которую назвал «Вольные кони». Повесть ёмкая, правдивая, пророческая.

Александру Семёнову автору книги «Вольные кони»

*Над блистающей чашей Байкала
У сыпучих разломов и скал
Как тебя твоё Слово искало!
Как, найдясь, ты к нему приникал!*

*Ослепительный свет Мирозданья
И летучая музыка дней
Подарили с Байкалом свиданье
И гривастых ольхонских коней.*

*Ты живой красотой напитался,
Ты воспел дикой воли забег.*

*Никому жеребец твой не дался,
Он остался бессмертным навек.*

*На земной распростёртой ладони,
Понимая словесную речь,
В ночь летели косматые кони,
Чтоб от пули себя уберечь...*

*Так и мы, уходя от погони,
Обрывали с души удила,
Словно дикие вольные кони,
Не узнавшие пут и седла.*

На даче у сватов Николаевых. Слева направо: Евгения Молчанова, Галина Николаева, Алексей Николаев, Валерий Николаев, Владимир Скиф, Марина Корзун. За ними с гитарой Николай Николаев

нусь к выключателю, и всё пропало, уйдёт строка или какой-либо уже наскочивший на меня, как на риф, образ. Сажу я в таинственно-затенённой комнате и пишу про печь, с которой у меня сложились в эти дни самые сердечные отношения.

А вообще-то, не только в этот раз, но и раньше, в далёком детстве я любил слушать печной огонь и смотреть на ярко пламенеющие короны поленьев. Сначала огонь с восторгом обнимает каждое полено, сопровождая коронацию весёлым треском, как барабанной дробью, а потом исполняет таинственный ритуальный танец огня, плеща языками и разбрасывая пламя в печи, как раскидистое дерево.

*Блеснул огонь. Моя ладонь
устало зámерла над печью...
Я знаю: что-то челове́чье
таит в себе печной огонь.*

*Он думает, когда горит,
качает пламени подвески,
потом потрескиваньём резким
со мною вдруг заговорит.*

*Я молча слушаю огонь,
он о погоде сообщает,*

*дружить со мною обещает
и быть тихоней из тихонь.*

*Я грею в пламени огня
озябшую от жизни душу,
делю с ним кров в большую стужу,
огонь скучает без меня.*

*Пойду под звёзды покурить
на индевеющем крыльце,
и вновь стремлюсь к горячей печке —
с огнём о жизни говорить.*

Но то было давно, в 1968 году, а теперешнему моему зрению видится в огне не то чтобы иное, чем раньше, а видится ещё и стремление огня дать как можно больше тепла и света. Оказывается, печной огонь стал не просто согревать обозримое пространство, он стал узнавать меня и мои стихи, и всякий раз как будто бы кидался мне навстречу и даже по-собачьи поскуливал от радости.

В эту осень на Байкале было тепло и порою даже жарко, а ночью стынко и не совсем уютно, поэтому я подтапливал дяди Мишино детище, и мне было радостно общаться с печью. Печь — это же, как и Байкал, несомненно, что-то вечное, одушевлённое, хотя сложена из кирпичей. В ней проживает живой огонь, который не просто согревает комнату или человека. Он спасает одинокую душу от одиночества.

*Пылает печь и согревает душу.
Она согласие призвана беречь.
Простого ритуала не нарушу,
Когда в тиши растапливаю печь.*

*Горят дрова, потрескивая мерно...
Гори, печаль! И, горечь, отгори!
Судьба и время дышат равномерно,
И тает льдинка у меня внутри.*

*Зима уже как будто недалеко:
Вот-вот на землю явится Покров.
Стоит мороз, но мы довольны с печью:
Я дивно нынче заготовил дров!*

*Душа моя постанывает сладко.
Как благостно, как сладостно прилечь*

*У самой печки на топчане гладком
И слушать разговорчивую печь.*

*Спит кухня, убаюканная речью.
Я всё сготовил, всё успел сварить...
Лежу и разговариваю с печью,
Нам с нею есть о чём поговорить.*

Стихотворение о моей подружке-печке уже шло к завершению, как вдруг я услышал, что меня кто-то зовёт:

— Володя! Володя!

Эх, думаю, не вовремя! И тут же: а вдруг это муза? Живая причём. Надо бы выйти, встретить.

Выхожу на крыльцо, хочу пойти к калитке, а голос прямо передо мной из-за забора:

— Володя, это я — Валя Казанцева. Женя просила узнать, что с тобой случилось? Почему в город не едешь? Может, женился? — И Валя весело хохочет.

Надо сказать о Вале Казанцевой, что она — хорошая знакомая моей жены, и что она, так же, как и моя супруга, преподаватель музыкально-педагогического колледжа (тогда, в 1997 году, пока ещё музыкального педучилища). Сама она — местная, портовская, её мама живёт со стороны Ангара у Шаман-камня, и Валя на этот раз приехала к матери тоже копать картошку.

— Так что сказать жене? — продолжает висеть на заборе Казанцева.

— Валя! Дорогая! — радостно ей говорю. — Да мне здесь пишется, как никогда! А ты что на заборе-то висишь? Забыла, где калитка? Вон, справа. Заходи, чайку попьем. Всё равно я уже остановился, можно и отдохнуть.

Валя изучающе на меня уставилась:

— Ишь ты, какой хитрый! Заходи... Я тебя боюсь! — И через секунду: — Да нет, если честно, я сорванцов своих собираю по деревне: один на рыбалке, другой на кедре, а третий, по-моему, уже в лапах у девочек.

И Валентина, странным образом висящая на заборе муза, мигом исчезла в темноте. Вернулся я в дом, отодвинул почти законченное стихотворение и на одном дыхании написал:

*Я молод был, нёс мир на коромысле,
В нём отражались годы и века.
Я шёл, а девки на заборах висли,
Закатывая очи в облака.*

*Я — молодой, замешанный вкрутую,
Мир в бочку осторожно выливал,
Снимал с забора девку молодую
И уносил домой — на сеновал...*

В начале октября, встретив Валентину в городе, я прочитал ей эти стихи. Она была рада такому завершению байкальской истории и просила подарить стихи, а я ей в ответ с шутливой укоризной:

— Это ты не зашла, и я смог такое написать, а если б зашла?..

Недавно в моей новой книге «Молчаливая воля небес» эти стихи я напечатал с посвящением Валентине Казанцевой.

В Байкале удивительная вода, удивительный лёд. Весной, когда лёд становится хрупким и проехать по нему на машине или мотоцикле уже невозможно, то мы перебираемся на пароме «Байкальские воды», а ещё раньше переплывали на теплоходе «Бабушкин». Идёт по Байкалу теплоход и крошит вставшую у него на пути льдину. Какая это божественная музыка, какой мелодичный звон сотен колокольчиков-игл — длинных, как трубки органа, звучащих по обеим сторонам плывущего теплохода.

Листвянка.
Порт «Байкал» — напротив.
Льды режет судно. Стонет сталь.
Встаёт ежом в водовороте
Иголок тающий хрусталь.

*С неповторимым, тонким звоном
Разъединяет иголки он...
Тайга просторным, чутким лоном,
Проснувшись,
ловит этот звон.*

Одно лето я помогал косить сено местной жительнице Анне Егоровне Чувашовой. Её корова давала непостижимо вкусное молоко, и мы каждые два дня покупали у неё трёхлитровую банку этого деревенского чуда. Утром я отбивал литовку, садился на велосипед и ехал в Дёминскую падь — косить сено. Занятие это мне нравилось, да и было знакомо с детства. Косил я неплохо. Анна Егоровна кормила меня обедом и к концу рабочего дня наливала трёхлитровую банку молока. Коров на то время в порту Байкал уже держали немногие, и покосов хватало. Трава на Байкале высокая, сочная, режется поутру особенно легко. Так я косил неделю, а потом из Улан-Удэ приехал зять Анны Егоровны Илья, с которым мы уже вдвоём завершали сенокос. Илья похож на цыгана. Смуглый, с чёрной курчавой шевелюрой, худющий и сильный, он косил размашисто, широко, так, что я едва за ним успевал. Июльские дни стояли яркие, раскалённые до горячей сухости, скошенная трава томилась под солнцем, быгала; легчало на глазах и одуряюще пахло на всю округу байкальское сено.

Этот запах подсыхающих трав я помню с детства, когда мы вчетвером, отец и нас трое братьев, выходили рано утром в посёлке Лермонтовском на сенокос. К обеду мы выкашивали несколько солнечных полей, а потом подходили мама и сёстры, и мы всей нашей огромной семьёй гребли настоянные на ветрах и солнечных лучах зелёные валы. Отец стоял на копне, принимая наши навильники, и вершил огромную копну, а мы, втроём, раз за разом, подавали ему мягко шуршащие шары духмяного атласного сена:

*И поля, и берёзки кривые,
И листвы многошумный прибой —
Это — Родина, это — Россия
С нежным дымом над отчей избой.*

Это юность моя. Перелески.
 Поцелуи, ночёвки в стогу.
 И высокие звёзды-подвески,
 А наутро — косьба на лугу

*За широким отцовским плечем
Мы шагали среди купырей.
Длилась долгая, жаркая сеча,
В битве падал татарник, пырей.*

Кто ловчее из нас, кто быстрее?
Косы змеями вились в траве.

*И к обеду — на волнах пырея
Отдыхать — голова к голове.*

Обыгала трава, подсыхала,
Солнце плавило сосен кору.
Мы обедали, даль полыхала,
Сёстры сено гребли ввечеру.

Мы с отцом в небо сено метали,
Из навильника падал цветок
Или стебель... И травы взлетали,
Превращаясь в заоблачный стог.

*Мы себе своё счастье косили.
Шли домой по знакомой тропе,
Где горячее сердце России
Билось пламенем в каждой избе.*

Сенокос на Байкале несколько отличался от нашего деревенского сенокоса. Здесь мы с Ильёй косили по распадкам и разным межберёзовым закуткам. Выкосив лесные уголья, мы перешли на небольшой полуостров, вдающийся своим неожиданным полуовалом в Ангару. На полуострове покос оказался более ровным, чем в распадках, и трава на Ангаре была и вправду тучной, рослой, не затенённой деревьями. Дождей в июне было много, и трава напиталась, стала ярко-зелёной и сочной. Косить её было одно удовольствие. А потом, когда мы стали грести сено, подошли на полуостров моя жена Евгения и дочери

Илья Серебряков, Михаил Ядов, Владимир Скиф

К сожалению, ушли в прошлое те счастливые, беззаботные деньки. Цыганистого Ильи уже нет в живых, но остался тот звенящий сенокос в моей памяти и в памяти моих дочерей. И остались вот эти стихи, посвящённые Илье.

Сенокос в Прибайкалье

Илье Серебрякову

*Скатился зной, как белый обруч,
На прибайкальские луга.
Прослыло лето нынче добрым —
Всё из дождя и молока.*

*Прослыло лето благодатным,
Вспоило травы и цветы.
Байкальский день, с утра прохладный,
Стал раскалённее плиты.*

*Пырей в лугах — прямой, как спица,
Горошек выпустил усы.
Июль. Настала косовица.
Прокос дымится от росы.*

*Литовки отбивает эхо...
Как в бой — готовится семья.
Вон — зять Егоровны приехал —
Худой и жилистый Илья.*

*Перевязав простой бечёвкой
Копну седеющих волос,
Он ударяется с литовкой,
Как будто молния, в покос.*

*Я помогаю. Я в запарке.
Я лет пятнадцать не косил.
А день неистовый и жаркий,
Как будто кожу прокусил.*

*Машу литовкой, как змеёю,
Поляну приступом беру.
Уже обед. Идём с Ильёю
Охолонуться в Ангару.*

*Попив-поев, лежим на травах,
Пытаясь дрёму побороть...
Как хорошо здесь, Боже правый!
Ты этот край спаси, Господь!*

1991

С замечательной иркутской поэтессой Татьяной Суровцевой нас отправили в командировку по Байкалу. Какая это была командировка, Господи! Кому ещё на земле может так везти, как нам. Капитаном теплохода «Нептун» был Серёжа Самарин; куда мы только не причаливали, в каких местах мы только не были! Прошли по всему Байкалу вплоть до Нижнеангарска и Северобайкальска и везде, встречая идущие по Байкалу теплоходы, мы на них проводили творческие встречи. Басскомфлот Восточно-Сибирского речного пароходства такие командировки устраивал писателям довольно часто, да и речники были довольны. Когда ещё можно было посмотреть концерт или послушать стихи?

После выступлений у нас оставалось немало времени для отдыха, и мы причаливали туда, куда хотели. Ловили рыбу, готовили ужин, устраивались на ночлег. Побывали мы на острове Ольхон и на Ушканьих островах, где греется на камнях удивительная байкальская

нерпа. А на подступах к Северобайкальску попали в небывалый шторм. Еле причалили к берегу, потому что волна баргузина швыряла наше судёнышко из стороны в сторону, не давала прибиться к берегу. К тому же ещё отказал причальный прожектор. Но, слава Богу, всё обошлось благополучно. У Татьяны на другой день после шторма написалось стихотворение, которое она подарила мне после наших байкальских приключений:

В.П. Скифу

*В слепую ночь Байкала посреди
Озёрных духов ты не разбуди.*

Чтоб не восстали из холодных вод,
Судёнышко не взяли в оборот,

*Не захлестнули б чёрною волной,
Не забросали дробью ледяной.*

Четвёртый час мы бьёмся о туман.
Стоит туман, как белый истукан:

Над мёртвой зыбью руки распротёр...
Невольно замер в рубке разговор.

Всё тяжелей дыхание водных масс...

Мы здесь как цепью скованы сейчас

Единой волей, чаяньем одним.
Спешит кораблик к огонькам родным,

*К родной душе торопится душа,
Седым туманом вечности дыша.*

*Озёрных духов в эту злую ночь
Я вызываю — я прошу помочь:*

*Лучом звезды, что глазу не видна,
Родную душу высветить до дна.*

Лучом любви хочу коснуться ран...
Да не разбиться б о слепой туман!

В книге «Письма современникам» я ответил Татьяне своим посвящением:

Татьяне Суровцевой
автору книги «Крыло судьбы»

Мы — птицы, мы — зяблики,
мы — свиристели.
Мы пели, мы снились, наверное, Богу.
Мы в жизненной повести нашей летели,
Как мысль от пролога летит к эпилогу.

Мы — космос, мы облако видеть хотели.
От скал отрывались, где яшма и сланцы.
Куда мы спешили, куда мы летели
На призрачном нашем
«Летучем Голландие»?

Да нет же!
И вправду канаты гудели,
На палубе брызги взлетали до солнца,
И мы по Байкалу с тобою летели,
Объятые светом до самого донца.

*Куда мы летели? Мы счастья хотели!
За счастье цеплялись. Не надо цепляться.
Мы с палубы звонкой,
 как с жизни, слетели
Туда, где уставшие души пылятся.*

Среди мировой поднебесной крутели
Вздыхалось холодное мёртвое солнце.
И крыльев не стало.
Мы в бездну летели
На голое дно. Где ни сна, ни оконца.

Мы — птицы, мы — яблоки,
мы — свиристели.
Неужто мы прокляты или убиты?
Давай оживем и по первой метели,
Давай долетим до ближайшей ракиты.

1997

На Байкале в истоке Ангары в какой-то тёплый год стали зимовать утки. Подъезжаешь зимой к Байкалу, выходишь на берег или на лёд, а в холодной дымящейся воде кружит целый выводок байкальских уток. Вода, кажется, раскалена морозом до предела, от неё поднимается пар. На градуснике минус 30, а утки, как ни в чём ни бывало, то кружат над Ангарой, то плюхаются в Байкал, то подбираются к берегу в поисках какой-то своей, им одним известной добычи.

*Уже в постель листва ложится,
Дни на исходе октября.
В ночи морозно. Снег кружится,
Слетев с листка календаря.*

*Молчит увядающая природа,
Не шелестит опавший лес.
Ворчит промозглая погода
И не сулит земле чудес.*

*Идут беспутные осадки,
Нелёгкий завершают год.
Случились в небе неполадки:
То снег летит, то дождь идёт.*

*Колючий сумрак съёжил сутки,
День будто вышел из игры.
И спят зимующие утки
В истоке зябкой Ангары.*

2008

Праздник Великой Победы мы обычно отмечаем дома в Иркутске, а в 1998 году мы с женой оказались 9 мая на Байкале. Хорошо посидеть в натопленном доме, выпить водки, поклониться нашим отцам за их великий подвиг в сохранении нашей Родины. Выпить за сибиряков, которые отстояли Москву в 1941 году. Если бы не сибиряки, кто его знает, что бы стало с Москвой и со страной вообще. Слава сибиряков до сих пор жива, и москвичи, слава Богу, помнят о подвиге сибиряков.

Презентация книги «Сибиряки в битве за Москву» в здании Фотоцентра в Москве на Гоголевском бульваре.

На фото слева направо: поэты Владимир Скиф, Юрий Перминов (Омск), Игорь Тюленев (Пермь)

В 2011 году выдающийся русский издатель Аркадий Григорьевич Елфимов выпустил в свет двухтомник «Сибиряки в битве за Москву» в своей замечательной серии «Тобольск и вся Сибирь». А главным редактором альманаха теперь стал блистательный русский поэт Юрий Петрович Перминов. Весной Юра позвонил мне и попросил участвовать в этом проекте и помочь собрать стихи иркутских поэтов о великой исторической битве под Москвой. Таким образом, в первый том двухтомного издания, которое было напечатано в Италии, вошли стихи иркутян Ивана Молчанова-Сибирского, Иннокентия Луговского, Андрея Румянцева и мои.

А во второй том вошла наша с композитором Владимиром Зоткиным песня «Памяти павших сибиряков», которая прозвучала в исполнении заслуженного артиста России Николая Нестерова в декабре 2011 года в здании московского Фотоцентра на Гоголевском бульваре в день презентации этого грандиозного по опубликованным материалам, документам и воспоминаниям двухтомника. Мне кажется, что издание «Сибиряки в битве за Москву» — это ещё один подвиг сибиряков в увековечивании памяти о незабываемой, переломной битве под Москвой.

Вот строки песни «Памяти павших сибиряков», прозвучавшей на Гоголевском бульваре:

Вот строки песни «Памяти павших сибиряков», прозвучавшей на Гоголевском бульваре:

Стихи Владимира СКИФА,
музыка Владимира ЗОТКИНА

*1. Над миром грянула весна,
Мы в День Победы снова вместе.
Мы выпьем крепкого вина
И вспомним фронтовые песни.*

*Фронтовики, сибиряки,
Мы помним памятью живою,
Как шли сибирские полки
Спасать Россию под Москвою.*

*ПРИПЕВ:
А там, в далёком прошлом, бесконечно шла война.
Рвались снаряды, и рвалась в осколки тишина.
Несла бойца на крыльях плащ-палатки медсестра.
Война, война, война, как боль твоя остра!*

*2. В родном отеческом краю
Поднимем горестную чашу,
Помянем всех, кто пал в бою,
Кто добывал Победу нашу.*

*Помянем павших под Москвой,
Под Сталинградом и под Курском,
Кто в землю лёг и над землёй
Теперь шумит берёзкой русской.*

ПРИПЕВ: тот же.

*3. Солдаты, встанем в тишине,
Помянем Петю, Ваню, Пашу.
Как будто снова на войне,
По кругу пустим чарку нашу.*

*В горячем свете двух веков
Пройдём по собственному следу,
Помянем всех сибиряков,
Ковавших Русскую Победу.*

ПРИПЕВ: тот же.

И вот 9 мая, как только мы отметили начало праздника, выпили, как говорят, наркомовских 100 граммов, вкусно поели и — всё-таки решили выйти на огород, потому что праздник праздником, но выезжаем-то мы на два дня и хочется успеть что-то сделать. Взялись мы копать грядки. Пробрасывал небольшой снег, хотя на дворе было мягко, тихо, желанно. Вдруг за картофельным огородом раздался треск мотоцикла, голоса. Мотоцикл заглух, и к нам направились две коренастые, крепкие мужицкие фигуры.

— У нас гости, — сказал я жене и направился навстречу мужикам.

Когда я подошёл к калитке, гости уже стояли подле неё, у первого за плечами болтался мешок. В подошедших я узнал наших деревенских жителей, завязтых рыбаков-охотников Петра Мельника и Женьку Морозова.

Мельник, глядя на меня, но как будто бы сквозь меня, неожиданно спросил:

— Скажите, а Скиф дома?

Я онемел от неожиданности и едва нашёлся, что ответить:

— Петя, ты что, меня не узнал? Неужели с прошлого года я так изменился? — сказал я Петру, с которым, как говорится, знаком сто лет.

— Нет, вы скажите, я не ошибся, это дом Скифа?

Тут я вправду подумал, что происходит что-то неладное. Гости были в приличном подпитии, но не настолько, чтобы не узнавать знакомых людей. И я, сомневаясь в происходящем (может быть, мне это снится?!), убедительно сказал:

— Это дом Скифа...

Мельник настойчиво, упрямо, без тени какой бы то ни было улыбки, продолжал:

— Ну, если вы не Скиф, тогда мы пойдём искать его в другом месте и угощать рыбой!

Я совершенно ошеломлённо вгляделся в Мельника, дурацки заулыбался и стал бить себя в грудь:

— Петя, да это же я перед тобой, Скиф!

Первым не выдержал Морозов и свалился на жухлую траву в диком хохоте, за ним раскололся Мельник, загоготал на всю округу и сказал:

— Ну, если ты Скиф, тогда открывай калитку, чё стоишь, как в ступоре?!

Тут и я надолго закатился весёлым смехом. Подошла жена:

— Что тут у вас происходит? Проходите в дом. Я уже стол накрыла.

— Да вот Скиф себя не может узнать, — хохоча, брякнул Мельник, и мы всей компанией направились в дом.

В избе гости вывернули мешок и вывалили на стол трёх огромных хариусов.

— С праздником Победы вас! — тепло сказал Мельник. — Мы решили некоторых давних дачников поздравить, ведь вы уже почти полностью наши, деревенские.

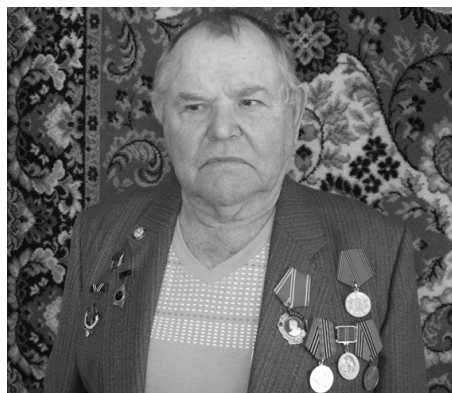
Крепко мы в тот раз выпили за Победу, за Байкал, за всех родных и близких и, конечно же, за нашу великую Русь. А Мельнику я посвятил стихи и включил их в сборник «Письма современникам», потому что он, вправду, хороший человек, не грабит тайгу и Байкал, как пришлые варвары, а берёт столько, сколько ему надо для кормёжки, для нормальной человеческой жизни. Он здесь хозяин, и если бы все так по-хозяйски относились к земле, к природе, к Байкалу, как он, мы бы жили на Руси иначе.

Мастерская художественного очерка «Судьбы российские»

«Раньше думай о Родине, а потом о себе...»

Судьба шахтёра

Владимир Фёдорович Козлов

Была в Зиминском районе хлебопашенная деревня Малый Березовск. Спросите, почему была? Да потому, что в начале семидесятых деревню упразднили, как бесперспективную, а вместе с ней и Большой Березовск стёрли с карты Иркутской области. Разбрелись березовцы по разным сторонам нашей необъятной Родины, осели, кто где приспособился, прижился, поди собери, не получится. Один из них волею судьбы оказался в Байкальске. Под старость перебрался с женою поближе к дочери. На прогулочной зимней тропе я и познакомился с ним. Мой взгляд приковали его могучие ухватистые руки. Разговорились. Владимир Фёдорович, так представился мой новый знакомый, оказал-

ся шахтёром с подземным стажем в 32 года. Наше общение приняло доверительно-приятельский характер, я бы даже сказал, родственный. Мало-помалу Владимир Фёдорович поведал о своей судьбе. Мне невольно подумалось: как жаль, что поколение таких людей, сильных, людей самоотверженных и глубоко порядочных, на которых держалась и выстаивала в лихие годы Русь, как-то незаметно, по-тихому почти что прошло и растворилось во времени. Скоро и следов не останется, как и той деревни, где медовым Спасом родился Володя и впервые, хлебнув воздуха родной избы, закричал, как всякий новорождённый, пронзительно и громко.

Теперь Владимир Фёдорович видит свой незабвенный Березовск только во сне, да изредка, когда неумогу заскучает, попросит шурина Романа свозить на внедорожнике поклониться родному погосту и тем берёзам, которые ещё хранят память о былом.

Родился Владимир Фёдорович восьмого августа 1929 года. К тому времени революция после войны Гражданской ещё долго не умолкала, требуя новых жертв и новых зачинов в преобразовании жизни страны и её коренного хлебопашенного населения. Малый Березовск, как и все российские деревни, пережил и коммунизацию, и коллективизацию, и раскулачивание, не миновало его и лихолетье Великой Отечественной. Себя Владимир Фёдорович помнит с четырёх лет, точнее, куцую отцовскую ласку, воспоминание о которой согревало его всю жизнь. Фёдор, отец, был боевит, расторопен, первый по призыву большевиков организовал коммуну, не пощадив при этом и своего родителя. Увёл со двора лошадь, корову, изрядно подчистил амбары, за что получил отцовское проклятие. За зиму коммунары всё проели, прогуляли, и весной сеять было нечего. Коммуна Фёдора Козлова

распалась, как и его семья. Жена Евдокия Дмитриевна — мать будущего шахтёра, приняла сторону свёкра и с тремя детьми осталась при нём жить. Фёдор же с молодой коммунаркой прижил ребёнка и первые годы руководил колхозом, который организовал вскоре после коммуны. В это время он и навещал Володю, катал на коне. Володя спинкой прижимался к отцу, а ручонками крепко цеплялся за гриву. Так они вдвоём объезжали колхозные поля. Вот и вся ощутимая память об отце. Прошло немного времени, и отец, оставив председательство, уехал мыть золото на Лене-реке и сгинул. Больше никто его не видел. Шести лет Володя остался сиротой, помогал матери в поле и по хозяйству, а в восемь уже работал самостоятельно за трудодни. Весной на коне Карьке боронил колхозное поле, а летом возил на волокушах копны. Скирдовали. Вёсны в Сибири холодные, промозглые и тянутся долго. Владимир Фёдорович вспоминает: «Босые ноги заledenеют, залезешь на Карьку, пятки под себя, и греешь ступни о спину лошади, боронишь, сзади мать идёт, то и дело борону от набившейся соломы отряхивает, а борона весом поболее пуда будет. Доставалось ей».

Когда началась Великая Отечественная, Володе и двенадцати не было. Всех трудоспособных мужиков и парней мобилизовали. Остались подростки, старики да бабы. На их плечи легла непомерная тяжесть войны. «Всё для фронта, всё для Победы!»

— Колхоз, — говорит Владимир Фёдорович, — это, когда всё — наше, ничего твоего. А в войну и «нашего» не было: ни курочек, ни барашков, ни молодых здоровых коней. Война подбирала всё подчистую. Случалось, оставались без хлеба, на саранках да пучке жили. Очистишь, бывало, молодые, ещё не затвердевшие трубки лопухов, жуёшь с хрустом, ровно кролик. Такими сладкими казались. Но что удивительно, ни у кого зубы не болели. Бывало, бригадир отправит дальние деляны выкашивать, я тогда уже звеньевым был, а мы, голодные, ползаем по закрайку, саранку копаем да пучку режем. Бригадир придет, посмотрит, сделано мало, наорёт, настрашает, а мы ему: хлеба давай, молока давай!.. Вот времечко было, не приведи Господи.

В сорок втором все лошади до единой пали: сап — болезнь такая. Коновязи, лошадей сожгли, стали коров к упряжи приучать. А им постоянная жвачка нужна, не слушают, со стерни к лесу норовят свежей травки щипнуть, а там пауты. Корова хвост трубой — и наутёк, не удержать. Только бороны подлетают, гляди, как бы зубьями не накрыли. После научился вжикать паутом. Корова к лесу, а ты — вжик! Корова опять к стерне. Помнится, на косьбе утомились, распластались в тени берёзы отдохнуть, солнышко так ласково припекало, ненароком уснули. Под вечер приехал председатель, как заорёт: «Итальянскую забастовку удумали, бисовы дитки!» — и бичом нас (хохол был). А мы и понятия не имели про Италию и её забастовки. Дружки мои отцам на фронт пожаловались, те в ответ: вернёмся, порешим гада! А за меня и заступиться некому было. Вскоре председателя как ветром сдуло. Как-то день на жатве отработал, в ночь заставили пшеницу на быке в Заготзерно везти. По дороге, и не вспомню как, заснул. Просыпаюсь, понять ничего не могу: место незнакомое, кругом зелёнка, бык Мишка на боку спит, оглобля промеж рогов, зелёнки объелся, бедняга. Мишку пробудил и — дёру, пока не засеки. С горем пополам далеко за полдень до Зимы доехали. Зерно сдал, на обратном пути завернул в МТС за горючим. Стемнело. Подъехал к залавку, подъём крутой, крайняя бочка опрокинулась и с треском покатила в овраг. Делать нечего, пошёл искать на ощупь, а страшно. Дезертиров боялся, они неподалёку в лесах прятались...

За время войны переболели тифом мать и старшая сестра Катя, младший братишка умер. Володю, слава Богу, болезни обошли. В 1946 году ему исполнилось 17 лет. В День Победы девятого мая председатель-фронтовик выразил ему великое спасибо, крепко обнял и вручил медаль «За доблестный самоотверженный труд во время Великой Отечественной войны» — такое длинное, но ёмкое название. Володя обернулся на мать и впервые увидел в её глазах слёзы. Это были слёзы радости и умиления: вырос помощник.

Я, с трепетом разглядывая медаль, как бы между прочим, спросил: «К ней что-нибудь полагалось?» — «Как же, годовалая телочка в придачу. Мы её так и назвали: Награда. Ну, это по метрикам, а все домашние называли Рада. Добрая из неё корова вышла».

В 1948 году колхозного бригадира Владимира Фёдоровича Козлова вызвали на военно-врачебную комиссию. Пришло время воинской повинности. Заключение врачей было лаконичным: годен в плавсостав подлодки. Но вместо флота его отправили в ФЗО учиться шахтёрскому делу. Страна воскрешалась из руин, и шахтёры ей были нужнее, тем более что учёба в ФЗО и четыре года обязательной отработки после училища приравнялись к воинской службе. Владимиру выдали форму, поставили на денежное и пищевое довольствие, определили место в общежитии. Постигай, родной, ремесло — уголёк добывать! Только отрыв крестьянского парня от материнской деревни, от парной хлебобродной пашни оказался до того болезненным, а город Черемхово после Березовска до того неприятным, что новобранец бежал. Девяносто километров, где напрямик, где просёлками, с ночлегом под открытым небом у костра и без него — дошёл-таки до дома. Измождённый и голодный, вошёл в родной пятистенок, а там дяди в форме и при оружии: «Здрасте! Мы тебя давно поджидаем». Вернули. После ещё срывался дважды, и результат один и тот же: возвращали силой. Пришлось смириться. Коль стране нужно, четыре года отработаю, а там... Но эти четыре года растянулись, как оказалось, до тридцати двух.

После шести месяцев учёбы Володю Козлова отправили на шахту имени Сергея Мироновича Кирова добывать хлеб насущный в поте лица своего. Первые два года трудился навалоотбойщиком. За смену надо было выдать «на гора» минимум 13 тонн чистого угля. Приходилось работать по 16 часов. Сегодня трудно в это поверить, а в конце 40-х — начале 50-х прошлого столетия считалось обычным явлением.

— Вот она, кормилица, — Владимир Фёдорович показывает на шахтёрскую с широким подбором лопату, притуленную к стене гаража. Улыбаясь, добавляет: — Смолоду не расстаюсь. Восемь килограмм угля за один захват навалоотбойщик обязан закинуть на транспортёрную ленту, иначе норму не выработаешь. Многие не выдерживали, а добровольцев, вроде меня, раз-два и обчёлся.

— Кто ж тогда закидывал?

— Военнопленные да осуждённые.

— Немцы, что ли?

— Нет, наши.

И Владимир Фёдорович разъяснил мне, откуда взялись на шахте военнопленные. В основном это были бывшие красноармейцы, пленённые в первый год войны. Их заставляли «горбатиться» по всему Рейху. Были они и в Западной Германии, и во Франции, и в Чехословакии, и в Бельгии, да где только не были! Некоторые даже умудрились пожениться и завести детей. После войны образовались две оккупационные зоны: западная, американская, и наша, восточная. Встал вопрос об эвакуации русских на родину. Вербовали с обеих сторон. Наши вербовщики оказались красноречивее и многих переманили сказкой о свободной счастливой жизни. Да и Родина, Россия, неодолимо притягивала души. Но «сказка» заканчивалась в одесском порту, где у трапа корабля их встречал конвой НКВД, и далее — «прокрустово сито». Так в городе Черемхово появились военнопленные шахтёры, проходившие принудительную практику в угольных забоях и копах Германии, Франции и по другим лагерным гарнизонам. Трудились на Рейх, а теперь, будьте любезны, — на Советский Союз.

С ними же работали сосланные с Западной Украины, Литвы, Кавказа. Некоторые после окончания срока оставались жить в Черемхово.

— Я уже был сквозным бригадиром, — вспоминает Владимир Фёдорович. — Спрашиваю одного грузина: «Чо домой не едешь?» А он мне откровенно, глядя в глаза: «Дома жизни не будет. Приеду, а там калеки, у кого руки нет, у кого ноги. И как мне здоровому, с руками, с ногами среди них жить? А?» Был и такой случай: один западенец поехал в отпуск на родину, а там в нём карателя признали, приговорили к высшей мере. А у нас ему чуть ли Героя ни присвоили, с Доски почёта не слазил, так-то...

Первую зиму пришлось Владимиру Фёдоровичу жить в общежитии с освобождёнными зэками. Двенадцать человек в комнате.

— Карты, выпивка, бесконечные разборки, у всех пальцы в растопырку и «по фене»

«утюжат». Придёшь со смены, а они — нож в стол и в карты режутся. Среди них был один пожилой, степенный, увидел моё испуганно-изумлённое лицо и говорит: «Ты, сынок, на нас внимания не обращай, тебя здесь никто не тронет, и вещи твои тоже. Мы поживём до лета, после нас не увидишь». Так всё и случилось: к лету все приоделись, любо-дорого глянуть, и схлынули.

Чтобы понять житейскую атмосферу города Черемхово в конце 40-х — начале 50-х годов прошлого столетия сделаем небольшое отступление. Во-первых, освободившихся после заключения нигде, кроме Черемхово, не прописывали. Во-вторых, редкая ночь проходила без убийств и грабежа. Шахтёры домой с работы возвращались группами, по одиночке ходить было опасно, особенно после получки. В-третьих, слава о городе, как о бандитском, распространялась далеко за пределами области. До сих пор бытует выражение: «черемховский бандит».

— Уж очень простой народ жил в Черемхово, — шутит Владимир Фёдорович, — если кто кому скажет: «Как дам в лоб!» — и даёт. За слово отвечали.

Но вернёмся к шахте. После навалоотбойщика два года трудился Владимир Фёдорович крепильщиком. Крепили лаву. Предельно ответственное дело.

Спрашиваю:

— Сколько проходили за смену?

— Пятьдесят метров.

— И весь пролёт крепили?

— А как же! Ставишь стойки, огниво, иначе завалит. Безопасность прежде всего. Леса для крепления нет, работать не смей.

— А какая протяженность подземки?

Владимир Фёдорович ответил сразу:

— Сорок шесть километров, — и добавил: — Я ещё лошадей застал. До чего ж умные лошадки были. Подрывники прошли, лошади сами в укрытие. После взрыва возвращаются на место. Каждый шахтёр краюху хлеба для угощения сберегал. А как радовались, надо было видеть, когда по грузовому штреху наверх домой выходили. Обычно понурые, а тут бегут, пританцовывая, и головы кверху. Смотришь на них и обо всём забываешь.

— Владимир Фёдорович, я много слышал про аварии на шахтах. А у вас случалось?

— Бывало, до сих пор помню. Я уже бригадиром был, за всё в первую голову отвечал, иногда приходилось и по щекам кому давать. Человек, видишь ли, чтоб всерьёз задумался, порой его надо обидеть для его же пользы. Так вот, слышу кричат: «Козлов! Козлов!» Подбегаю, в тупике обвал — рельса на связке лопнула, и лава проседает. Я к завалу, уже не помню как, разгрёб, товарища на плече вынес, а у него голова — в лохмотья. Только вынес — и пролёт рухнул.

— Виноватого нашли?

— Комиссия выявила заводской брак. Огниво с трещиной оказалось.

Видя, что Владимир Фёдорович переживает этот случай в очередной раз, я перевёл разговор на бытовую тему.

— Владимир Фёдорович, расскажите, как поженились.

— Очень просто: подошло время «хомут» одевать. Мне ещё мать говорила: «Володя, мимо того, кто тебе предназначен, не пройдёшь». Надоело по общагам да по квартирам скитаться, захотелось, чтобы близкий родной человек после работы встречал и щи на печке дымились. После шести лет шахтёрской холостяцкой жизни поехали с другом в отпуск, с тем самым «пензенским шакалом», в родной Березовск. Увидел Тоню Козаченко, и сердце ёкнуло. Думаю, всё, Владимир, отгулял, невеста обозначилась. Говорю другу: «Ты как хошь, а я без жены не вернусь». Пошли сватать. К тому времени я уже за получкой с наволочкой приходил, технику имел — мотоцикл «Иж-130». Бывало, приеду в деревню, от девчат только и слышу: «Вова, прокати! Вова, прокати!»

— А что, в Черемхово невесты не нашлось?

— Не-е-е, надо со своей деревни брать, надёжней. Её любовь и молитва завсегда со мной.

— А друг?

— Друг-то... Глядя на меня, засватал Тонину подружку. Я, конечно, ему помог. До сих пор благодарит, говорит: «Не знаю, как бы жил без неё». Так что вернулись мы из отпуска с жёнами. Первое время жили в саманке, а когда родилась дочь Ольга — квартиру на ЦЭСе дали, благоустроенную. Тогда к шахтёрам относились бережно и почтительно. Многое в стране от нас зависело, точнее, от уголька, который мы «на гора» выдавали.

— Что верно, то верно. Вся страна в то время паровозной тягой спасалась, особенно в военные годы. И всё же, Владимир Фёдорович, после обязаловки вы могли беспрепятственно покинуть шахту и вернуться в деревню. Что вас удержало?

Владимир Фёдорович, немного подумав, ответил:

— Действительно, в первые годы дни считал, сколько осталось, потом привык, стал прилично зарабатывать, да и в авторитет вошёл. Орден Шахтёрской славы получил. — И вдруг неожиданно так, в упор: — А знаешь, чем казак дорожит?

Я несколько опешил и не сразу нашёл ответ:

— Да как-то не задумывался. Чем же?

— Славой! Славой дорожит. А если она ещё потомственная, фамильная... Просекаешь? Так и шахтёр. Когда на тебя смотрят, верят в тебя, и на тебе бригада под тридцать человек, и ты за всех ходатай... уж извини, брат, пасовать не приходится.

Долгожданное весеннее солнышко ласково припекало через окно. Мы сидели за кухонным столом, пили чай и беседовали. Разговор нечаянно коснулся личности Иосифа Виссарионовича. Я спросил, как он относится к Сталину. Владимир Фёдорович полушутя-полусерьёз ответил: «Как к родному отцу» — и заулыбался. Более темы этой не касались, вернулись в забой Кировской шахты.

Мне было удивительно и непонятно, как это возможно шесть часов на коленях лопатить уголь. Владимир Фёдорович пояснил: комбайн «Донбасс» вырезал слой угля в шестьдесят сантиметров, не выпрямишься. На коленях приходилось выравнивать края штреха, крепить лаву и кидать уголь на транспортёрную ленту. Недаром шахтёр по первому списку уходил на пенсию, как правило, с больными ногами, с больной спиной, а если представить, что вся работа происходила в непроглядной угольной пыли, то и с больными лёгкими.

Я спросил Владимира Фёдоровича, как ему удалось остаться относительно здоровым и дожить до таких лет. Он ответил, что всякую свободную минуту общался с природой, не курил, не злоупотреблял, много отпусков для профилактики здоровья провёл на курортах. Благо, за здоровьем шахтёров в советское время врачи следили, но главное, добавил Владимир Фёдорович, крестьянская закалка и, конечно, гены. И всё же шахта каждодневно напоминает о себе. В другой раз так невыносимо ломает и крутит ноги и спину... уж очень к непогоде чувствительны.

Да, почёт и слава дались непросто. Я прошу Владимира Фёдоровича показать награды. После недолгих поисков на столе появилась шкатулка. Сверху лежал диплом Почётного шахтёра. Я поинтересовался: что давалось к диплому? И был немало удивлён ответом. Если за крестьянский самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны к медали пристегнули тёлочку, то к диплому — знак Почётного шахтёра, бостоновый костюм, денежную премию в два шахтёрских оклада и первую очередь на покупку автомобиля «Москвич». Как по мановению волшебной палочки из шкатулки вынимались награды: медаль «За трудовое отличие», знак «За качество угля», орден Шахтёрской славы II степени, юбилейные медали: «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «40 лет...», «50 лет...» и наконец, высшая государственная награда — орден Ленина, благодаря которому в настоящее время Владимир Фёдорович получает более-менее достойную пенсию.

Три созыва Владимир Фёдорович был депутатом городского Совета в г. Черемхово, заседателем народного суда, делегатом XV профсоюзного съезда.

Я спросил:

— Владимир Фёдорович, у вас большой опыт общественной работы, а что вы думаете о нынешней ситуации в стране и, в частности, нашем городе Байкальске?

— А что думать, сейчас все считают деньги: и высшее правительство, и их замы.

Хотя бы зарабатывали трудом. О человеке забыли. Что касается Байкальска, то здесь, похоже, живут не люди, а зайцы. Всю зиму заячьими тропами ходим. Вызвал «скорую», к дому подъехать не смогла, а не дай Бог, пожар. Говорят, в мэрии на прочистку дорог денег нет. Но коли денег нет, выведи половину администрации в отпуск без содержания, всё равно бездельничают. На эти деньги найми технику, приведи город в порядок. Провести местных начальников пару раз заячьей тропой от электрички до городской площади, да лопаты им дать, интересно, какую бы песню запели. В нашем 21-м доме, на Южном, кровля прохудилась, течёт. С трудом допросился починить. Пришли, под шифер прокладку постелили, а теперь, взгляни в окно, видишь, какими чёрными флагами эта прокладка развевается. Опять кровля потечёт, на год не хватило. Раньше такого не было. Бывало, прихожу в ночную смену, а крепёжного леса нет. Звоню директору шахты Пахомову Владимиру Петровичу, тот вопрос быстро разрешил, да ещё поблагодарил за ночной звонок и наперёд наказал звонить в любое время. За тридцать два года подземки я пережил восемь директоров, и ни о ком плохо не скажу. Всегда добрым словом вспоминаю Щадова Михаила Ивановича, Беседина Владимира Захаровича и других. Помню, Похоев Трифон Трофимович — инженер по технике безопасности, обнаружил, что у шахтёров с перфораторами деэлектрические перчатки просрочены. Говорит: «Вас надо из шахты выводить». Дотошный был, но справедливый. Еле уговорил его не отрывать людей от работы, а через час все были в новых перчатках. Зато какой участок снова открывать, всегда меня и мою бригаду в авангард, хотя нам это было невыгодно: и заработок меньше, и проблем больше. Потом, конечно, навёрстывали, выходили в передовые. От организации труда многое зависело.

...Общаясь с Владимиром Фёдоровичем, я невольно подумал: передо мной человек-легенда, про которого в песне пелось: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Есть ли теперь подобные ему люди? Неужели Русь наша выхолощена до предела? Не поверю. И люди есть, подобные Владимиру Фёдоровичу, и историю будущего ещё напишут... На прощание я попросил Владимира Фёдоровича сфотографироваться. Он нехотя согласился. Я помог приладить к пиджаку награды. И вот так, по-простому, по-домашнему, запечатлел его в парадном пиджаке, но — без рубахи.

Василий ЗАБЕЛЛО

ТАТЬЯНА СТРЕЛЬНИКОВА-БЕЛЯВСКАЯ

Сени

Знаете, мне хочется воспеть сени. Ну, не воспеть, так хотя бы поговорить о них. Помоему, они незаслуженно забыты и отсутствуют не то что в современных загородных или деревенских домах, но и в памяти тех, кто строит эти дома. Для меня сени — неотъемлемая, причём одушевлённая часть дедушкиного дома. Всегда, начиная с детства, когда мы жили в Касьяновке рядом с дедом и бабой, и позже, когда подростками приезжали из Братска в гости, или когда студенткой из Иркутска я «убегала» от общежитского быта к бабушкиному уюту, и даже тогда, когда стала семейной дамой и мы, уже ангарчане, навещали их то по праздникам, то помочь выкопать картошку, а то и просто «позаимствовать» уже накопанной. Всегда, всегда мне чудилось в сенных потёмках присутствие невидимого, живого духа. Ну а для дедова дома сени — это и воздушная заслонка от мороза зимой, от духоты летом, как говорится, многофункциональный помощник настоящим хозяевам.

Сени у деды с бабой были длинные: по одной стене заставлены «трёхкамерным» — для муки, крупы, зерна — ларём, старой этажеркой, узкой кроватью, а по противоположной стене — широченной длиннющей лавкой. На ней круглый год лежали огромные аккуратные рулоны домотканых дорожек. Иногда столько, что боязно мимо пройти. Казалось, задень слегка — и погребут тебя тяжёлые рулоны; ни вздохнуть, ни на помощь позвать. Баба Маруся круглый год, даже летом, ткала их на кроснах и слыла большой мастерицей — они у неё получались яркими, нарядными, тёплыми. Аж из города приезжали заказывать «Марьины дорожки».

У самой входной двери, в углу, в стены вбиты крепкие толстенные железные гвозди и деревянные штыри — деда называл их пальцами. И гвозди, и пальцы выдерживали внушительный вес. Угол всё время завешан такой кучей верхней и рабочей одежды, не наткнуться на которую, входя-выходя, невозможно — обязательно чертыхнёшься. Но и прятаться под этой кучей — одно удовольствие. Знали, что здесь, а находили с трудом. А если умудрялась зацепиться за деревянный палец и подтянуть повыше ноги, то приходилось висеть до мурашек в руках и потом самой выходить на свет божий.

Все предметы и вещи в сенях имели свой таинственный, только им присущий характер, своё особое назначение. Подробнее расскажу о летней кровати. В дальнем углу, за ларём и этажеркой, она стояла всегда, но спали на ней гости или кто-нибудь из домашних только летом, потому, узкая железная, с досками вместо панцирной сетки, она и называлась летней. Обычно, чтобы за ночные гуляния избежать дедова гнева, а то и вожжей, в неё под пикейное покрывало бесшумно нырял перед самой побудкой кто-нибудь из заволюблявшихся тётей, дядей.

Подростком и я частенько спала в сенях, хотя чувствовала себя там жутковато. Но ложиться засветло, когда укладывались спать деда с бабой, протестовало всё моё нутро. Они и вставали рано — деда на шахту собирался, баба завтраком кормила, еду ему с собой

СТРЕЛЬНИКОВА-БЕЛЯВСКАЯ Татьяна. Родилась в г. Орске в 1947 г. Окончила Иркутский институт иностранных языков. Работала учителем, педагогом-организатором, экскурсоводом-руководителем в бюро путешествий и экскурсий, генеральным директором туристической фирмы. Сейчас — руководитель студии юных литераторов во Дворце творчества детей и молодёжи. Публиковалась в журнале «Сибирь», «Иркутский альманах». Автор поэтической книги *«Рябиновый свет»*. Живёт в Ангарске.

гоношила, до калитки провожала; корову доила, в стадо выгоняла. На мои поздние возвращения деда смотрел снисходительно — лишь бы в доме не шумела, сон его не нарушала. Вот и хороводилась до полуночи.

А сколько былей, небылиц слышала наша кровать! В том же моём подростковом возрасте. В дождливые дни на неё с ногами забиралось иногда до девяти-двенадцати ребят: шек: младшие родные братья, младшие двоюродные братья, сёстры, ну и общие наши друзья, подруги. И начиналось испытание страхом. Почти в полной темноте (какой свет могло дать узкое маленькое оконце под самым потолком, да ещё завешанное с улицы дождевой непроглядной шторкой!) таинственным шёпотом мы, старшаки, рассказывали всякие жуткие случаи из жизни или книг. Чем страшней вспоминались истории, тем жарче становилось на кровати — так тесно прижималась к нам малышня. Когда всем становилось невыносимо жутко, кто-нибудь говорил: «Ну ладно, хватит малявок пугать» — и густую напряжённость снимал еле слышный вздох облегчения. Наступала очередь смешных случаев и сказок.

Служила кровать и сидячими местами в «зрительном зале». Это когда мы с братьями-сёстрами устраивали, тоже в основном в дождливые дни, «концерт по заявкам». Тут уж мы освещали «зрительный зал» тусклой лампочкой, свисавшей с середины потолка на перекрученном электрошнуре. Висела лампочка без плафона и включалась-выключалась прокручиванием её в патроне. «Сценой» считался пятачок, где-то около квадратного метра, в самом начале сеней. На «сцене» каждый из нас выделял такие номера, какие другой не смог бы повторить. Там были «танцы» с невероятно сложными, как нам казалось, движениями рук, ног, изгибами тела; были ещё и «акробатические» трюки и фокусы и, конечно же, песни. Особенно любила «концерты» моя тётя, младше меня на четыре года. Наматывает на себя кружевные накидушки с подушек, бабины цветастые платки, высунет голову из-за двери, объявит: «Цыганочка» с выходом из-за печки! Хлопайте!», добавит: «Ну, пойте же «Ехал цыган по селу верхом»», выскочит на «сцену», позадирает руками «цыганские юбки», помотает ими у нас перед носом, подрыгается, потрясёт плечами, потом повернётся спиной, взбрыкнёт ногой и убежит, мелькая грязными пятками... Сейчас всё это забавно вспоминать, но тогда «концерты» собирали нас вместе, объединяли, а не рассаживали, как современных родственников, по своим домам, у своих телевизоров, со своими каналами, у своих компьютеров, со своими играми-страшилками, со своими интернетами.

А сколько секретов, сердечных тайн поведано друг другу мной и касьяновскими подругами в зимние вечера, когда студенткой наезжала к родным на день-два «подхарчиться». Мы в пальто, валенках кутались с головой в огромный дедов тулуп, уединялись в сенях, усаживаясь на кровать, и шептались до тех пор, пока не начинали околевать от холода или пока нас не разгоняли по домам...

С сениями связаны и яркие новогодние действия. Три года, в мои три, четыре, пять лет, Новый год мы встречали у деда с бабой, хотя жили отдельно. Ёлок тогда (во всяком случае, в наших семьях) в доме не ставили. Новогодних игрушек, мишуры, дождика, гирлянд тоже не было. Был пост и коллективная лепка пельменей впрок — на всю зиму, стряпня булок и шанежек. Всё это выносилось на мороз, в сени, и частями заносилось в дом только в Рождество, а нас, детей, баловали морозными шанежками и в Новый год. До десяти лет, пока наша семья не переехала в Братск, в двухэтажный восьмиквартирный дом, я свято верила, что Новый год начинается именно в сенях. И родилась эта убежденность в те три года в бабине доме. Потому что именно в сени в бабин ларь Дед Мороз приносил вкусные шоколадные конфеты и какие-нибудь игрушки, а если я не подглядывала за ним, не мешала ему, то и какую-нибудь обновку. А чтобы Дед Мороз исполнил наши желания, чтобы год был урожайным, чтоб скотина не болела, баба варила из пшеницы кашу, сдабривала её сливочным маслом — настоящим, деревенским! — посыпала сахаром (кстати, песок был страшным дефицитом, если не получалось им запастись, толкли кусковой), и непременно — ядрышками кедровых орехов. Я, к стыду своему, забыла, как называется каша, но это не полба и, по-моему, не кутья. И мама путается в названии. Чашку с такой кашей женщины ставили на порог дома, приоткрывали дверь в сени и что-то похожее на молитву страстно шептали сквозь клубы морозного пара в тёмное пространство сеней.

Жаль, я очень поздно пришла к жажде узнать как можно больше русских обычаев, обрядов из первых уст, а не из книг, телепередач. Мало, очень мало разговаривала об этом с бабушкой. Да и то, что она изредка рассказывала нам зимними вечерами, сидя на топчане и прижавшись спиной к тёплому боку русской печки, просеялось сквозь легкомысленное желание слушать «бабушкины сказки», как просеивается мука тонкого помола — в решете памяти осталось лишь несколько крупниц услышанного... Запомнилось гадание на жениха. В сених в ночь под Новый год, в Святки и на Крещение (естественно, выбирали одну какую-нибудь из этих ночей) оставляли чистый валенок с присказкой для многих гаданий: «Суженый-ряженый, приходи ко мне наряженный!» Утром смотрели: что пристало к подошве или прилипло сверху на валенок. Если к подошве — далеко замуж возьмут, если сверху — на родной сторонке жених живёт. Но главное: что прилипло? Если соломинка или сухостоинка — беден жених и жить будут бедно. Если пушинка — к богатой семейной жизни. Как ни странно: в нашей родове всем девушкам на выданье «доставались» пушинки. Куда только достаток девался?!

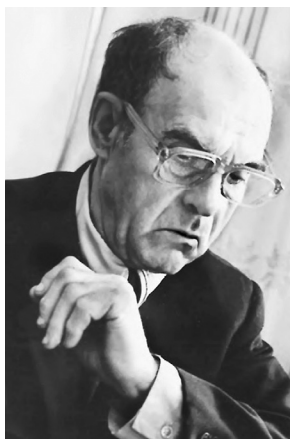
Конечно, сени — малая толика того, с чем связаны русские обычаи, традиции, обряды. Но постепенно из новых русских домов исчезают сени. Да что там! Из нашей памяти улечивается всё, что связано с русскими праздниками, обычаями, оберегами...

Ну вот, хотела только сени воспеть, а зацепилась за многое. Но и в жизни ведь не случается какого-то события на особицу — всё взаимосвязано. Как при зарождении, так и при разорении... Пусть этот короткий рассказ-воспоминание станет и песней сеним, и своеобразной поминальной данью ушедшим в мир иной родственникам и дедову дому. Разобрали его в перестроечные времена, когда ухаживать за ним оказалось некому.

Эх, если бы мне сейчас выпало счастье построить дом, я непременно построила бы его точной копией дедова дома с сениями!

ВАСИЛИЙ ГИНКУЛОВ

Встреча цивилизаций

Встреча цивилизаций — это всегда интересно, потому что при этом непременно происходит сравнение: «А почему так? А как у нас? А что лучше?..»

В 1945 году, сразу после Победы, уехали из голодного города Киренска в Якутию, где, по слухам, благодаря помощи США по так называемому ленд-лизу, люди в течение долгих тяжких лет войны не бедствовали, были обеспечены и продовольствием, и промтоварами, хотя и по карточкам, по талонам, но очень даже прилично. Обосновались в рабочем посёлке Эльдикан, перевалочной базе на золотые прииски Аллах-Юньского района, на берегу могучей реки Алдан, правого притока Лены.

Главное для безбедного, сытного существования — если ты не иждивенец, а работающий человек. Таковых в нашей многодетной семье было четверо: отец с матерью, старшая сестра Анна и я. В Киренске кроме хлебных карточек иных не полагалось, а здесь по продовольственным трудящийся получал кило двести мяса, как правило, бекон или буженину, кило двести рыбы, копчёной кеты или горбуши, кило двести масла, кило двести сахара да ещё чаю, сушёных фруктов, сушёных овощей. На четверых работающих да ещё двух иждивенцев (школьница Люба да дошкольница Маруся) месячная грудка съестных припасов на обеденном столе горой громоздилась! Одним словом, Эльдорадо, сказка, чудесный сон наяву...

Более всего нас приводило в восторг не только количество, но и качество продовольствия. Разве мы в довоенной жизни видали и едали бекон и буженину?! Слов-то таких не слыхивали! Сахар-рафинад в коробочках, байховый чай, кофе, сухофрукты — всё в красивых упаковочках. Колбаса туристская в жестяных баночках с ключиком. Откроешь крышечку, колбасу съешь — и получишь удобную миниатюрную посудинку, заменитель кружки.

ГИНКУЛОВ Василий Владимирович (иногда публикуется под псевдонимом В. Шелехов), прозаик, публицист (род. в 1929 г. в с. Тунка, Бурятия). Автор книг: *Глухариные хитрости*: Таёжные очерки и рассказы (Иркутск, 1974); *Ленские плёсы*: повесть // Повести (Иркутск, 1977); *Утрата невосполнимая*: роман (Иркутск, 1999); *Живи, тайга!*: повести, очерки, рассказы (Иркутск, 2006); *Даль сибирская*: повести и рассказы (Иркутск, 2010). Член Союза писателей России.

По талонам получали обувь, ткани, в том числе крепчайшую джинсовую. Узкую полоску от рулона можно было использовать как бельевую верёвку. Были у меня ботинки красной кожи, на массивных каблуках и подмётках которых стояли металлические подковочки. Прочность этих уникальных ботинок гарантировала обогнуть в них бегом земной шар по каменистой дороге! Вечные, неизносимые, неистребимые обувины! Но грубоватые они были, тяжёлые, на парад, на праздник в них, конечно, не пойдёшь, за неимением сапог я в них на охоту ходил.

Грузчики первыми заметили, чем отличаются американские железные бочки от отечественных: края у них так аккуратно заовалены, загнуты вовнутрь, что безопасно катить голыми руками, а у наших края грубо обрублены, и от неизбежных ударов при погрузке-разгрузке — с заусенцами, о которые и брезентовые рукавицы изорвёшь. Шофёры хвалили заграничные автомобили — «студебекеры» и «интерны».

Произошла тогда, зимой 1945/46 годов, ещё одна встреча наших цивилизаций, а именно — гуманитарная помощь американских женщин советским женщинам. Узнав об остром дефиците одежды в СССР, они решили подарить нашим женщинам кое-что из своего гардероба. Подарки предназначались, разумеется, не всему советскому народу, а только северянам. Не пальто, не шубы, не нижнее бельё, а именно носильные вещи: платья, юбки, кофты, сарафаны, свитеры, джемперы. Всё в хорошем состоянии, добротное, яркое, радующее глаз. И совпартактив Эльдикана не устоял перед соблазном львиную долю этого ширпотреба присвоить, а простому народу уделить что похуже, а также из своего старья. Но поскольку глаза у женщин очень зоркие по части нарядов, а народонаселение посёлка немногочисленное, подделки быстро разоблачили, под видом американских подарков жёны начальников спихали вдрызг изношенные платишки, которыми впору полы швабрить. Большой учинился скандал. Власть имущие очередным порядком опозорились. Совести и щедрости у людей проклятого капитализма оказалось больше, чем у творцов прославляемого социализма.

Встреча нашей и американской цивилизаций продолжилась и в 60-е годы, например, триумфом книги «Деловая Америка». Идеологи плановой социалистической экономики были неопровержимо посрамлены. Американская промышленность и сфера услуг у массового советского читателя вызывала восторг. «Да это же прекрасно, как сказка! Это же непревзойдённый образец для подражания!» — думалось, возможно, каждому. Качество наших промтоваров повседневного спроса оставляло, мягко говоря, желать лучшего. О сфере услуг и говорить нечего, сплошной позорный провал!.. Десятилетиями, со времён зощенковской «Бани», журналисты, писатели, артисты эстрады, тот же Аркадий Райкин, упражнялись-исхищались в испепеляющей критике чиновников, продавцов, официантов, тружеников швейных, обувных ателье. То была дежурная, прямо-таки бессмертная тема. Но никакая критика на эту публику не действовала.

Я в те годы выписывал «Труд» и, как человек неравнодушный, неоднократно писал туда о скверном качестве товаров. Особенно меня возмущало, как можно в эпоху космических полётов разучиться делать обыкновенный топор, это первое орудие труда в становлении человека как такового. И я в своих письмах в газету приводил примеры подобного позора: под маркой колуна в сельмаге продавали огромный топор, годный разве что для рубки мяса. По форме он был не клиновидный. Если б его вонзить в сучкастую чурку, долго пришлось бы повозиться, чтобы выручить его оттуда.

Или ещё совсем непонятный прецедент: топор-колун из чугуна! От первого же удара развалилась не чурка, а топор. Я с изумлением, едва веря своим глазам, созерцал куски чугуна в своих руках: как такое возможно?! Было ясно: производители чугунных топоров — сумасшедшие, причём не шизофреники, а круглые идиоты.

Ну что за плановая экономика, если вдруг надолго исчезают из продажи мужские носки?! Дело доходило до того, что мужчины покупали чулки, обрезали голяшки и получали таким способом нечто вроде носков. А в Грузии почему-то такой проблемы не было. Или, скажем, электроинструменты, пилы, дрели, рубанки — голубая мечта, а в Прибалтике — пожалуйста! Но поскольку купцов давно ликвидировали как класс — езжай туда сам. Издевательство, идиотизм, а не плановость!

Речь не о военно-промышленном комплексе, не о тяжёлой, а о лёгкой промышленности, о товарах повседневного спроса — жуткий, позорный брак! Скверная неприглядная обувь и одежда пылилась месяцами на магазинных полках и списывалась в утиль. Миллиардные потери!.. Люди же всеми способами доставали заграничное, итальянское, германское, французское, американское — добротное, шикарное, красивое. Там производитель думал о покупателе по принципу «покупатель всегда прав», а у нас надеялись, что покупатель схавает всё, что ни сунут ему. Чугунно-топорная экономика работала вхолостую, впустую, на выброс, и была обречена. Перед самым крахом торжественно, широковещательно объявили: следующая пятилетка будет пятилеткой качества! Увы! Не получилось. Люди смеялись — и эта пятилетка оказалась пятилеткой брака.

В 1949 году наша семья вернулась из Якутии в «жилуху», в Иркутскую область, и поселилась в посёлке Урало-Ключи Тайшетского района. Во многих колхозах, посёлках едва ли не половина жителей — ссыльные из Западной Украины и Литвы. В химлесхозах исключительно ссыльнопоселенцы. Я учился в Иркутском пединституте, на каникулах приезжал к родителям и вместе с ними бывал на черничных угодьях химлесхоза, где вели подсочку, заготавливали сосновую смолу. От Урало-Ключей туда было 25 километров. Заходить приходилось с вечера, ночевать в лесу. Познакомился с девушкой Марией и её братом Мишей. Он работал вздымщиком, она собирала смолу. Они любезно пригласили в следующий раз ночевать у них в доме. А в следующий раз пошла за ягодами и мать наша. Вот тогда-то и состоялась встреча двух цивилизаций.

Дом был из двух комнат и большой прихожей, она же кухня. Нам постелили на полу в прихожей, и пока мы укладывались спать, наши гостеприимные знакомые, Маша с Мишей и их мать, скандалили с соседями, жившими в другой комнате. Из-за языкового барьера мы не могли, конечно, понять причину конфликта, но было ясно, что нежданные гости для них нежелательны. Скандалила мать того семейства — женщина лет сорока пяти. Когда все улеглись, уgomонились, моя мать, стоя на коленях, стала молиться, а скандальная соседка, я заметил, в щёлку приоткрытой двери следила за нами. После, на другой день Маша рассказала нам, что соседка боялась, как бы мы ночью не убили их. Никакие доводы, а именно, что гости педагоги, а их сын — студент пединститута, не убеждали строптивую женщину в обоснованности её опасений. Она твердила, что все русские не люди, а чудовища.

На работу хозяева поднимались рано, в шестом часу, нам тоже не было смысла вылёживаться в постели, и не чаявшая остаться живой до утра гуцулка спросила мать:

— Ты вчера молилась Богу не по-настоящему, а понарошку, чтобы меня обмануть?

— Нет, почему же, — возразила мать, — я по-настоящему молилась Богу, я каждый вечер молюсь.

— Но как же ты можешь молиться Богу, ведь вы же, русские, не люди.

— То есть в каком смысле не люди? А кто же мы?

— Вы — черти, — убеждённо промолвила гуцулка.

— Это с какой же стати мы вдруг чертями стали?! — удивилась мать. — Мы люди, такие же люди, как и вы.

— Ну какие вы люди! Вон ваши трактористы и шофера в Бога матерятся!

— Так это ж молодёжь, глупые невоспитанные парни, повзрослеют, поумнеют, — увещевала мать суровую хранительницу благочестия.

Но та с сомнением качала головой, не зная, верить не верить сказанному.

Богомольность гуцулов мне, тогда ещё атеисту, понравилась, как свидетельство твёрдых нравственных правил поведения. При встрече они здоровались не так, как бывало у нас, с шуточками-прибауточками, вроде «салют!», «наше вам сорок с кисточкой!», «ну, как живётся-можетя?», «Привет Одессе и розовым садам!», а непременно: «Слава Иисусу Христу!» Ответ тоже религиозного содержания: «Слава Богу!»

И потому сразу двум встретившимся незнакомым людям было ясно, что они одной религиозной конфессии, что они братья во Христе. Прилюдная демонстративная хула Бога приезжавшими за смолой и древесиной парнями была в глазах той гуцулки такой непрости-

тельной, страшной виной, что она считала всех русских людей исчадием ада. И это вскоре после нашей всемирно-исторической победы над гитлеровской Германией, когда народы всего мира должны благодарить нас за спасение от коричневой чумы! Не фашистов она считала чертями, а нас, русских людей!

Заподозрить же гуцулов в симпатиях к фашистам вряд ли возможно. Миша с восторгом говорил о Ковпаке, о его героическом походе в Карпаты, где родина гуцулов, говорил о нём как об очень умелом полководце. Репрессировали гуцулов за то, что они не хотели идти в колхоз. И там, оказывается, повторилась старая большевистская «манера» насильственно загонять в «коммунистический интернационал». Здесь они находились под комендатурой, раз в месяц проходили проверку: не утёк ли кто без спроса. Миша по этому поводу смеялся:

— Да я могу в любой день сбежать, вернуться на родину, но как же я брошу мать и сестру?

Уровень образованности этой семьи был значительно выше, чем их соседей, поэтому они не сомневались, настоящие ли мы люди, с коими можно обо всём откровенно, по душам поговорить. Мы с умилением, наслаждением внимали речам гуцулов. То была речь наших далёких предков времён Киевской Руси, как будто бы игриво искажённая по сравнению с речью современного русского человека, напоминающая язык «Слова о полку Игореве», и потому пленительно приятная, дорогая для слуха.

Если фраза была произнесена не скороговоркой, не составляло труда её понять, например: «Шо вин до мэнэ мае?» — буквально означало «Что он ко мне имеет?», то есть «Какие у него могут быть ко мне претензии?» И вполне понятен был рассказ одной женщины, встретившейся с нами на улице, об увиденном ею гуране: «Прийшла з лэсу животинка вот такэсэнька, як теля, дывэла, дывэла дай зараз и уйшла». Тут всё понятно, переводчика не требуется.

Идеологи коммунизма вколачивали в мозги советского человека, что Бога нет, да и Христа никакого не было, всё это выдумки попов-обманщиков, а летосчисление от рождения Его — просто условность. Но вот оказалось, что существует крепкий в религиозной вере братский славянский народ, у которого имя Христа Спасителя не сходит с языка!..

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

*Старейшему сибирскому писателю
Василию Владимировичу ГИНКУЛОВУ — 85 лет!*

От всего сердца желаем дорогому нашему юбиляру прежде всего здоровья, бодрости духа и, конечно же, новых рукописей и книг такого же высокого художественного уровня, как и в прошлые годы его долгой творческой жизни!

*Иркутское региональное отделение Союза писателей России,
Иркутский областной Дом литераторов,
редакция журнала «Сибирь»*

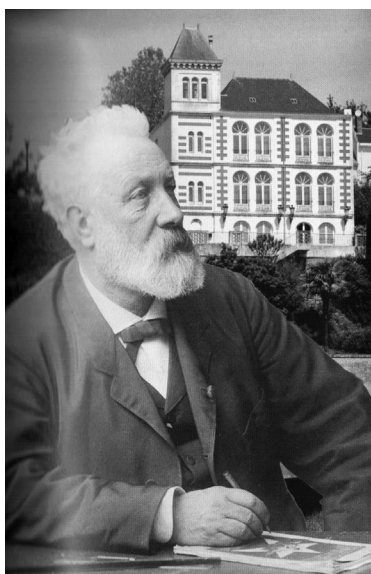

РИММА МИХЕЕВА

«Михаил Строгов» Ж. Верна Музейная выставка и издательская судьба

(Начало в «Сибири», № 1, 2014)

Жюль Верн... Вряд ли кто осмелится оспаривать утверждение литературоведов и критиков, что это один из самых знаменитых писателей мира и основоположников жанра научной фантастики. Дотошные исследователи творчества писателя подсчитали, что более половины из 100 его научных произведений, о которых он рассказал в своих романах, ныне воплощены в жизнь. В их числе — подводные лодки и телевидение, акваланги и космические полёты и многое-многое другое. Поколения удивлённых, восхищённых мальчишек и девчонок нашей страны воспитывались на книгах этого выдающегося фантаста и выдумщика. Его книги неоднократно выходили в СССР миллионными тиражами. Практически все, кроме едва ли не единственного «русского» романа — «Необыкновенное путешествие от Москвы до Иркутска, или Михаил Строгов», увидевшего свет на родине писателя в 1875 году. На долю этого романа во Франции выпал выдающийся успех. Только в год своей публикации он был

переведён на 10 европейских и восточных языков, переработан в театральную пьесу, которая долгое время не сходила со сцены французских театров, особенно парижского театра Шателе, а в XX веке неоднократно экранизировался кинематографистами разных стран.

Другая судьба сложилась у этого романа в России. Практически сразу после выхода романа прозвучал отклик в газете «Сибирь» (1876 г., № 33). Анонимный рецензент не признавал за романом «ужасного Верна» познавательного значения, упрекал его за допущенные ошибки при описании географии Сибири и использование лженаучных литературных источников. Другое мнение было высказано в критической заметке на страницах журнала

МИХЕЕВА Римма Григорьевна родилась в Кировской области. В 1965 году окончила историко-филологический факультет ИГУ по специальности «История». Несколько лет работала учителем истории в пос. Ербогачён и г. Красноярске. С 1977 года и по настоящее время работает в ЦГБ им. А.В. Потаниной г. Иркутска. Как библиограф-краевед занимается изучением истории г. Иркутска и творчества писателей-иркутян. Автор работ по истории Октябрьского (2001, 2011) и Свердловского (2004) округов г. Иркутска, сборника «Нас объединяет книга» (2005) по истории муниципальных библиотек города. С 2008 года ведёт на городском радиоканале циклы передач «Имена и даты» (2008–2011), «Год российской истории» (2012), «Книжная полка» (2013). Дипломант городского конкурса «Золотая запятая» (2011). Заслуженный работник культуры РФ.

«Живописное обозрение» (1876 г., № 136). Безымянный рецензент отметил: «Талантливый и оригинальный писатель в своём новом произведении не посылает нас в бездну морскую, не знакомит читателя со всем, что творится в недрах земли, не заряжает человека в пушку, чтобы свести знакомство с жителями луны. Действие нового романа происходит на поверхности земли, но весьма отдалённой от парижан и известной им лишь по одному названию, — в Сибири...

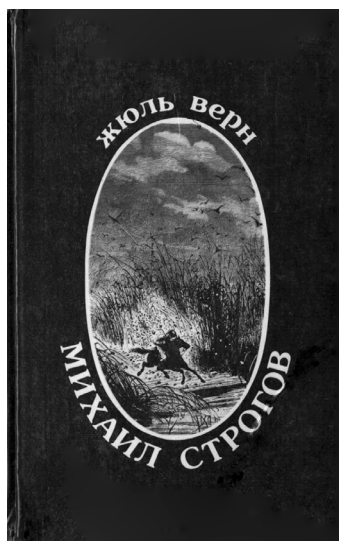
Заставляя своего героя переезжать по всем этим местам, Ж. Верн весьма удачно описывает их, но так как сам писатель никогда не был в этих местах, то действительно нужно удивляться той добросовестности, с которой он изучил у себя в кабинете эти мало знакомые даже нам, русским, восточные губернии. В непродолжительном времени этот прекрасный роман Ж. Верна будет, конечно, переведён в нескольких изданиях на русский язык, и мы уверены — русская публика прочтёт его с живейшим интересом». Но надежда рецензента на скорый выход романа на русском языке осуществилась почти через четверть века, в 1900 году. Издание осуществил И.Д. Сытин, в 1906 году оно было повторено. Именно репринтное издание «Михаила Строгова», выпущенное И.Д. Сытиным, и увидело свет в 2012 году благодаря благотворительному фонду «Наследие иркутских меценатов». Издание романа 1906 года поступило в иркутские библиотеки, в частности, в Ремесленное отделение библиотеки им. А.В. Потаниной.

Судя по сохранившимся отчётам библиотеки им. А.В. Потаниной, спрос на книги Ж. Верна был значителен и даже превышал спрос на книги русских писателей-классиков. В советское время писатель Г. Кунгуров осуществил перевод одной из глав романа, где Ж. Верн описывает Иркутск: «Город со своим величественным собором и массой других церквей, разбросанных в живописном беспорядке, стоит на правом высоком берегу Ангары. Если смотреть на него со стороны, с высоты горы, возвышающейся в верстах 20 на большой сибирской дороге, то этот город со своими церквями и колокольнями, с высокими шпицами, как на минаретах, с пазатыми куполами, похожими на японские пагоды, носит характер чисто восточный...» Это описание Иркутска неоднократно приводилось в хрестоматиях, различных сборниках и статьях, раскрывающих страницы иркутской истории, а самого романа «Михаил Строгов» в библиотеках города не сохранилось. В 33-й книге альманаха «Новая Сибирь» за 1955 год была опубликована интересная и обширная статья А. Граниной «Сибирь в романе Ж. Верна». Это был первый обстоятельный разговор о романе, его издательской судьбе, источниках, которыми пользовался Ж. Верн при написании романа, ляпах, которые допустил, искажениях, имевшихся при переводе романа на русский язык, и многом другом. Автор статьи отмечает богатство этнографического материала, использованного Ж. Верном, утверждает, что роман «в своё время довольно правдиво знакомил Запад с природой и жителями Сибири», с её географией.

Н.А. Гранина отметила: «Читая описание пути Михаила Строгова по Сибири, невольно поражаешься упоминанием таких пунктов, не очень значительных и для нашего времени, как село Никольское в истоке Ангары, Голоустное, Пашки и некоторые другие.

Встречаемые героями романа города, реки, села и маленькие населённые местечки даны автором географически сравнительно верно. Если некоторые из них и не значатся на современных картах, то мы находим их в сочинениях Палласа, путешествовавшего по Сибири по приказу Российской Академии наук в 1771–1774 годах в сопровождении нескольких русских студентов.

Такие детали по географии Сибири, нашедшие отражение в романе, как особенность Ангары замерзать донным льдом, указание, что Ангара — единственный сток из Байкала и что в Байкал впадает 300 рек, говорят о добросовестном знакомстве Ж. Верна не только с сочинениями Палласа, но и многими другими литературными источниками по Сибири...

В 1993 году в Восточно-Сибирском книжном издательстве тиражом 75 тысяч экземпляров «Михаил Строгов» был издан. В предисловии к изданию А. Просекин отметил: *«Восточно-Сибирское книжное издательство имеет честь представить на ваш суд новую книгу великого Жюль Верна, его единственный «русский роман» — «Михаил Строгов».* И далее А. Просекин отмечает: *«Вам показались странными слова «новая книга»? Но мы не оговорились... За сто семнадцать лет своего существования... «Михаил Строгов» лишь дважды небольшими тиражами выходил на русском языке. Запрещали «Михаила Строгова» тоже дважды: сначала цензоры российского государя в 1876 году — запрет продлился до 1900 года; затем в 1917 году и на все годы советской власти... Почему в России был запрещён роман, который, по отзывам многих, в том числе И.С. Тургенева, считался одним из лучших у писателя?...*

Причин для запрета как минимум две. Во-первых, русская цензура всегда с невероятной осторожностью рассматривала всё, что имело отношение к императору и его семье. Во-вторых — и это самое главное! — в романе французского писателя затрагивался чувствительнейший российский нерв: у политиков он называется национальным вопросом...» А. Просекин убеждён, что несмотря на присутствующие в романе неточности, *«написан он с глубокой симпатией и даже с любовью к России».*

И с этим нельзя не согласиться. Каждое новое поколение читателей по-своему прочитывает книги, написанные в прошлом. «Михаил Строгов» — не исключение. Сегодняшние читатели, испытывая определённое чувство гордости за свой город (даже Жюль Верн писал!), вместе с тем особенных достоинств в романе не видят. Молодые читатели предпочитают знакомиться с творчеством писателя не через «Михаила Строгова», а через «Детей капитана Гранта», «Таинственный остров», «Пятнадцатилетнего капитана», «Вокруг света в восемьдесят дней» и «Двадцать льё под водой». Это отмечает не только библиотечная статистика. В муниципальных библиотеках города за несколько месяцев до открытия музейной выставки был проведён конкурс рисунков «Мир приключений Жюль Верна». В конкурсе и викторинах приняло участие более 200 детей. Тематика рисунков была разнообразной, но подавляющее большинство ребят свои творческие работы выполнили по мотивам вышеперечисленных произведений Ж. Верна. Отрадно, что победители конкурса стали полноправными участниками выставки, так как их работы экспонировались в залах музея.

Почему же современные подростки и взрослые довольно индифферентно относятся к роману «Михаил Строгов» в отличие от зарубежных, в частности, французских читателей? Мир кардинально изменился, изменилась и Россия, расширились наши знания о Сибири XIX века, которые, естественно, не соответствуют тому, о чём рассказал Ж. Верн в своём романе. Ответ на этот вопрос содержался в материалах выставки, которые подготовили специалисты Музея Жюль Верна в г. Нанте. Материалы и документы, размещённые на нескольких десятках планшетов, познакомили посетителей выставки с издательской, кинематографической и театральной судьбой «Михаила Строгова».

Сотрудники музея Жюль Верна убеждены, что «Михаил Строгов» — роман о франко-русской дружбе. Россия и Франция, в недавнем прошлом соперники во время Крымской войны 1854–1856 годов, в то время, когда Жюль Верн писал его, начали активно укреплять дипломатические связи. По их мнению, *«роман в одно и то же время свидетель и вдохновитель франко-русского сближения. До второй половины XIX века Россия малоизвестна французам. Хуже! Она не любима ими. «Михаил Строгов» позволил Франции ближе узнать Россию. Его невероятный успех внёс вклад в сближение между двумя странами, — так говорилось на одном из планшетов.*

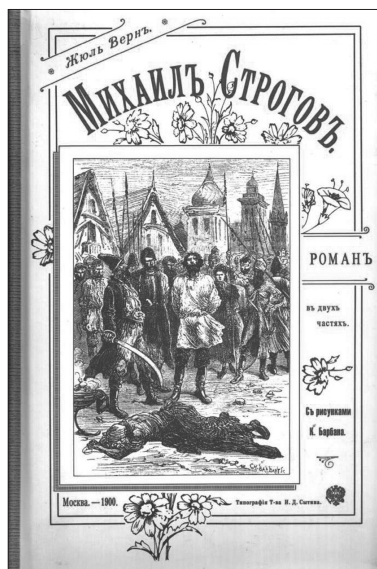
Аньес Марсетто, директор музея, в буклете, рассказывающем о выставке, отметила: «Путешествие Михаила Строгова из Москвы в Иркутск стало настолько известным во Франции, что превратилось в легенду. В конце 19 века при описании исключительно смелого человека даже говорили — «это Строгов». Сам Жюль Верн увлёкся «до небывалого уровня» написанием этого романа: «Я настолько погрузился в Сибирь, что больше никогда не смогу остановиться». Его энтузиазм подпитывало и вдохновение читателей его романа, и зрителей многочисленных театральных и кинематографических адаптаций, увлеченных потрясающими историями этого легендарного путешествия: отправившись из Москвы, царский курьер преодолевает тысячу преград и доходит до Иркутска; на своём пути он встречает тень своего отца, теряет и вновь находит свою мать, завоевывает любовь Нади. На протяжении 5200 верст (5323 км) — из Москвы в Нижний Новгород, Пермь, Екатеринбург, Ишим, Омск, Еламск, Колывань, Томск, Иркутск — он сталкивается лицом к лицу с уральскими медведями, встречает на своем пути быстрые воды Иртыша, болота Барабинской степи, Байкал и Ангару. Столько названий и мест, которые кажутся читателю романа очень знакомыми и в то же время таинственными. Ещё никогда прежде Жюль Верн так не раскрывал приключенческую нить в своих романах и ещё никогда ему не удавалось так потрясающе связать образ страны с воплощающим её героем».

А Иоанн Барберо, директор «Альянс Франсез-Иркутск» в этом же буклете отметил: «Мне хочется верить, что среди всех мотивов создания романа «Михаил Строгов» есть один преобладающий. Жюль Верн был очень быстро увлечен, в одно мгновение захвачен написанием этой книги. «Я не могу думать ни о чём другом, — пишет он своему издателю, — эта тема вызывает во мне бурю эмоций, она великолепна». Основной сюжет произведения — это не столько приключения царского курьера, борьба с татарами... Это скорее русские просторы, безумная протяжённость территории, и в особенности — Сибирь. Какая другая страна в мире дает возможность помечтать на тему географии ярче, чем Россия? Эта земля, как сказано в конце «Мертвых душ», не сделала чего-либо не до конца, но растянулась как масляное пятно на половину мира».

Сотрудники Музея из г. Нанта привезли также несколько дисков с фильмами, снятыми по мотивам романа. И посетители выставки убедились, что не только Жюль Верн и его «Михаил Строгов» соединяют культурными узами Францию и наш город. В экранизациях романа Ж. Верна снимался наш земляк Инкижинов Валерий Иванович (1895–1973), талантливый актёр и режиссёр. Для многих иркутян это стало своеобразным открытием. В.И. Инкижинов родился в Боханском аймаке Балаганского уезда в семье учителей

Ивана Николаевича и Александры Васильевны Инкижиновых. Вскоре семья переехала в Иркутск, отец стал служить в городской управе, а мать преподавала в училищах города. Валерий в 1912 году окончил Иркутскую гимназию и продолжил образование в Петербургском технологическом институте, но в 1916 году оставил институт, чтобы посвятить себя актёрской карьере. Он начал заниматься в Театральной студии Вс. Мейерхольда и, по отзывам современников, стал талантливым последователем своего учителя.

В 1928 году на экраны СССР вышел фильм «Потомок Чингис-Хана». Этот фильм режиссёра Вс. Пудовкина вошёл в золотой фонд советской кинематографии. В титрах фильма было указано, что он снят по сценарию О. Брика. Между тем исследователи установили, что в основу сценария была положена не опубликованная в те годы повесть И.М. Новокшенова, сибирского писателя, творческая судьба которого начиналась в Иркутске. И.М. Новокшенов (1896–1943)

был репрессирован, повесть впервые увидела свет в 1965 году на страницах альманаха «Ангара». Роль монгольского пастуха Баира в фильме «Потомок Чингис-Хана» сыграл Валерий Инкижинов. Роль принесла ему славу, его называли «орлом азиатских пустынь». Любопытно, что в этом же фильме снялся и отец Инкижинова, Иван Николаевич, сыгравший роль отца Баира. В 1930 году Инкижинов уехал в Париж и в СССР не вернулся. На Западе его кинематографическая карьера была успешной, с ним работали известные кинорежиссёры Г. Пабст, Ф. Ланги, Ж. Дивювье. В 1956 году он снялся в фильмах В. Туржанского «Михаил Строгов», «Триумф Михаила Строгова», а также в совместном фильме Франции, Италии и ФРГ — «Курьер царя». Посетители выставки могли увидеть на экране нашего земляка, где он исполнял роли персонажей загадочного для европейцев востока.

Кстати, иркутский историк Ю.П. Колмаков установил адреса, по которым жила семья Инкижиновых в Иркутске (ул. Казанская, 14/15 (ныне ул. Декабристов) и 2-я Солдатская, 23/11 (ныне ул. Лапина).

Такие удивительные факты иркутской истории и русско-французских связей приоткрыла нам выставка. И вполне можно согласиться с директором музея истории г. Иркутска И.И. Терновой, сказавшей на открытии выставки, *«что данный проект станет достойным продолжением культурного и исторического диалога наших народов»*, и мэром г. Иркутска В. Кондрашовым, выразившем надежду, что *«с каждым годом ярких социально значимых проектов, направленных на укрепление российско-французских отношений, в Иркутске будет больше!»*

Закончить свои впечатления о выставке хочется словами Жюль Верна, вернее героя его романа «Кораблекрушение Джонатана» Кауджера, которые можно отнести к самому писателю и его жизненной позиции: *«Мы умираем, но дела наши продолжают жить, увековеченные теми силами, которые мы вызвали в себе. Мы оставляем на жизненном пути неизгладимые следы. Всё, что происходит, предопределено предшествующими событиями, и будущее — не что иное, как неведомое для нас продолжение прошлого»*.

ВАЛЕНТИНА СЕМЁНОВА

Обсуждали «Житейную историю»

Талант всегда неожидан, удивителен и загадочен — вот, пожалуй, главная мысль, которая прозвучала в большинстве выступлений участников читательской конференции, прошедшей 20 марта в Иркутской областной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского. Предметом разговора стал роман в трёх повестях Андрея Антипина «Житейная история», выпущенный издательством «Сибирская книга». Среди участников — первые читатели первых книг писателей-иркутян, а ими являются сами библиотекари, с профессиональным интересом наблюдающие за появлением новых имён, а также представители писательского Союза и просто любители современной литературы.

Главную неожиданность выступавшие находили в том, что роман о жизни деда и бабушки Колымеевых и их соседей написал автор в возрасте 25–27 лет, сумев показать убедительные характеры и взаимоотношения людей, прошедших трудный жизненный путь вместе со своей страной. Многих удивил язык молодого прозаика, в котором немало старинных слов. Приведём несколько мнений.

Наталья Пономарёва (общество «Родословие»):

— Я читала «Житейную историю» по журнальной публикации в «Сибири» и поначалу почувствовала отторжение от некоторой вычурности языка. Но когда вчиталась, это ощущение ушло. В повествовании идёт постоянная смена событий: вот два соседа собирают рыбу после наводнения в степи, встречаются с жителем соседнего села, потерявшего сына во время рыбалки, вскоре находят тело мальчика... Болезнь Августины Павловны, её прошлое, история с водопроводной трубой, конфликт с соседями — сюжет держит в напряжении...

Наталья Нечаева (областная библиотека им. И.И. Молчанова Сибирского):

— После нескольких книг карманного формата, каких сегодня выходит много, я прочитала книгу Антипина и поняла — вот настоящая литература. Это несомненный талант. Его роман в повестях не просто рассказ о стариках, но рассказ о людях, проживших жизнь и достойно её завершающих. Однако замечу: у Распутина в рассказе, например, «В ту же землю», — высокий накал в простых словах, а у Антипина с его языком — больше позиция наблюдателя. И — насколько оправданно слияние речи персонажей с авторской речью?..

Татьяна Лешкевич (Институт земной коры):

— Пока я читала эту книгу, у меня постоянно щемило с левой стороны. Я не согласна, что у автора позиция наблюдателя. Жизнь, которую он описывает, мне хорошо знакома: я жила в деревне, а потом часто ездила туда к родителям. Если с нею не соприкоснуться, то не передать подлинности. Деревня — это непрерывный труд. Пока люди молоды, им всё по плечу, а в пожилом возрасте быт перерастает в неразрешимые проблемы. Лексика охватывает диалекты, этнографию — это всё надо анализировать. В то же время проза Антипина метафорична, и я, как переводчик, получила удовольствие при чтении.

Василий Козлов, поэт, главный редактор журнала «Сибирь» 1986–2012 гг.:

— Первый рассказ «Зачем?» А. Антипина («Сибирь». 2006. № 4) был мною, помнится, и сокращён, и поправлен. А вот второй, «Теплоход «Благовещенск»», опубликованный в 6-м выпуске того же года, — совсем другое — его можно считать шедевром сибирской литературы.

Я называю Антипина «пограничником» — он появился между старым и новым временем, и в смысле литературном, и в смысле издательских технологий. Его «Житейная история» оказалась между житиями святых и «Житиями народными» — под этой рубрикой мы публиковали в журнале жизнеописания простых людей. Если подумать, откуда взялся такой язык у прозаика, то стоит заглянуть в приказные книги ленских мест XVII века — там вы обнаружите крестьянскую фамилию Антипиных (Онтипиных). Можно сказать, мы имеем дело с явлением исконно русского характера, в творчестве которого хорошо ощущима укоренённость в родном краю и родном слове. Антипин вырос на усть-кутской земле, там и живёт в селе Казарки.

Время изменилось, тревожно за будущее писателя. Но можно смело сказать: тёмные пятна будут растворяться в его новых достижениях.

Римма Михеева (ЦГБ им. А.В. Потаниной):

— Меня захватили самые первые строчки вступления к книге — я поняла, что родился талантливый автор. Образ Тракта — это образ дороги человеческой. Книжный вариант романа считаю значительно улучшенным по сравнению с журнальным. Что касается языка, то трудности восприятия имеют разные причины. Что лучше? *(Р. Михеева зачитывает циркуляр от вышестоящих библиотечных инстанций, оснащённый иноязычными терминами, неизвестными читателям процентов на 60–70; в зале раздаётся смех.)* Тем, кто знакомится с прозой Антипина, особенно молодым, рекомендую начинать с другой книги (она вышла чуть раньше в издательстве Сапронова) — «Капли марта», написанной более простым языком. Подтверждением незаурядности прозаика-сибиряка служит отношение к нему журнала «Наш современник», на страницах которого опубликовано уже несколько произведений, и за два из них автору присвоена премия этого журнала.

О своих подходах к творчеству А. Антипина рассказала молодой критик, автор последнего выпуска «Сибири» Ирина Гладких — она работает над статьёй о писателе. Редактор книги «Житейная история» В. Семёнова отметила высокую требовательность автора к себе, что редкость для нынешнего времени.

Вела конференцию заведующая отделом художественной литературы и литературоведения областной библиотеки Мира Попова.

ИВАН КОМЛЕВ

«Между тенью и светом»

Небольшой сборник стихов Юлии Ольховской «Между тенью и светом» (Иркутск, 2011) «одет» необычно: в чёрную обложку с небольшой белой полосой поверху. Открываю наугад:

Вне времени

*Пред глазами вьюга проносилась,
В серых далях медлила заря.
Было это, или только снилась
Ель седая в стуже января?
Звуки были вкрадчивы и редки,
Тишина, казалось, длится век.
Мягкие узорчатые ветки...*

Понимаю, что был прав В. Скиф, читавший нам с восхищением стихотворение «Волчица», и он готов был читать ещё и ещё. Беру сборничек домой и начиная с «Волчицы» прочитываю все стихотворения. Их в сборнике сорок два. Прекрасно. Хорошо. Но чем дальше читаю, тем сильнее одолевает меня смутная тревога. В чём дело?

Пришла с работы Людмила, жена, предлагаю ей прочитать стихи — рядовой читатель пусть скажет своё слово. Она берёт книжицу в руки неохотно, но скоро увлекается, и мы заново, отложив все дела, проходим весь текст. Нравится ей и то стихотворение, которое я открыл наугад:

*...Мягкие узорчатые ветки
На ветру раскачивали снег.
На морозе я одна стояла.
Люди шли, смотрели на часы.
Ель ветвями тяжкими качала.
Ветки лапы. Белые весы.*

— Какая молодец, — говорит жена, — я так вот чувствую, а сказать не сумею. Молодчина. Сколько же ей лет?

— Попробуй определи.

Людмила возвращается к прочитанным стихотворениям, читает строку:

Не тревожьте меня, пусть сгущается ночь надо мною.

— Семьдесят? — я смеюсь. — Пятьдесят?

Читает дальше и всё больше мрачнеет:

— Жуть! «*Может быть, вы мне в сердце вобьёте, // Как вампиру, осиновый кол?*» Как на кладбище. И везде: *смерть, смерть...*

Снова, уже один, в третий раз прохожусь по страницам. С первого до последнего стихотворения. Слова *одиночество, смерть, тьма, яд и отравы, могила и гроб, саван, вою и рычу* повторяются из стихотворения в стихотворение.

Где-то смерть нас несчастная ждёт... («Волчица»)

*Отцепили стервятники-птицы по кусочку от мёртвой души...
Позови всемогущего Бога, а иначе ты вскоре умрёшь...
И метаться по старому следу, убивая остаток себя... («Между тенью и светом»)*

*На каждом шагу умираю...
И скоро печали умрут... («Отречение»)*

Их яркие губы — кровавые раны... («Старые мысли»)

Я опять отравилась любовью, умерла... («Я опять отравилась любовью»)

*Пусть к сердцу ствол, а к горлу нож...
Спроси нас, жизнь, а смерть — прости!..
Давно не видны из-под праха... («Письмо подруге»)*

*Кончина акулы-убийцы...
Звучание жизнь уничтожит... («Четыре струны»)*

*Раньше срока в могилу ляжем,
и придавит навеки плита. («Мы»)*

*Не исчезла кровавая пена...
Снятся девушкам скорая смерть. («До срока»)*

*Я мертвее, чем труп, но живу,
Божий суд так мучительно долог.
Сколько смерть я к себе ни зову —
не придёт и не спустит свой полог. («После неё»)*

И так без конца. В сорока двух стихотворениях двадцать пять раз (!) повторяются слова: *смерть*, *убьёт*, *мёртвый*, десять раз — кладбищенская картина (*гроб*, *могильная плита*, *саван*...).

В каждом отдельном стихотворении эти кровавые слова уместны, но когда они переходят из стихотворения в стихотворение, это говорит о душевном неблагополучии автора.

Мрак, написанный мастерски, куда может привести читателя — к суициду?

Я, атеист, хочу напомнить всем, якобы верующим: не упоминайте имя Господа всуе. А упоминание тёмных сил, как говорит церковь, множит нечисть, придаёт ей заряд дополнительной энергии. Не умножайте!

Несколько стихотворений могут дать представление (приблизительное) о мировоззрении Юлии. Одно из них называется «России»:

*Мнится мне, что я тебя не знаю,
Или, может быть, не признаю.
Мнится, что приду и сяду с краю
Рядом с побеждёнными в раю.
Мнится, что когда клыками рану
Ловко нанесёт Аидов пёс,
Я тебя оплакивать не стану —
Ни молитв не стоишь ты, ни слёз.
Может быть, не думая о многом,
Встанешь на скрещении дорог
Где-то между дьяволом и Богом —
Ближе будет дьявол, а не Бог.*

*Может, он пленит тебя любовью, —
Внемлешь ты обманчивым речам.
Яростно сияют звёзды кровью
В небе равнодушном по ночам.
Мнится мне, не зря так звёзды блещут,
Может быть, тебя ещё не раз
В серп загнут и молотом захлещут...
Но довольно этих страшных фраз!
Может быть, не ходишь ты по краю —
Господу по-прежнему близка.
Мнится мне, что я тебя не знаю
И не признаю тебя пока.*

Лихо. В серп загнут и молотом захлещут — это про СССР. Зато в стихотворении «Ангара» последняя строфа:

*А в мороз, когда тихо и бело,
Ни один не встревожит смельчак.
Только паром святым твоё тело
Пусть окутает призрак — Колчак.*

Со словом «святое» связала имя Колчака. А чтобы читатель не сомневался, есть ему и посвящение в триптихе «Белые призраки», где Колчак — *Белый всадник, покинутый Богом*. И завершается стихотворение, надо понимать, от имени адмирала: *Пусть ещё мне не виден огонь, но я знаю, придёт моё время...*

Да, пришло. Памятник в Иркутске уже стоит. Но сперва стихотворение «*Про Ивана*» (про русича, стало быть):

*Узелок поставил он к порогу,
Глянул вдаль — повсюду гладь и тишь.
«Матушка, меня ты на дорогу
По какой цене благословишь?»*

Заканчивается оно так:

*Молвит: «Подскажи, Отец Небесный,
Я, Иван, в какую цену рай?»*

Есть в этом стихотворении и такие строфы:

*Площадь отошла от бури лютой,
Ильича отмыл от пыли дождь.
Ванечка спросил: «Какой валютой
Прежде покупал ты титул «Вождь»?
Памятник дослушал молча фразу.
Странно, но не хмурил важно бровь.
Мог бы говорить, продал бы сразу
За советский рублик марку «Кровь».*

Кто прочтёт полностью это стихотворение, скажет, вероятно, что не про Ивана тут речь. Юлия Ольховская увязала имя Ильича со словом кровь. Это вполне отвечает нынешней моде, безобразиям, которые творятся в СМИ, но не более того. Мои заметки не для того, чтобы опорочить талантливого поэта Юлию Ольховскую и не допустить приёма её в Союз писателей России. Хотя СП России, после распада СССР, изначально стоял на истинно патриотических позициях, а мировоззрение Ю. Ольховской далеко от патриотизма. Надеюсь, пока. Пишу для того, чтобы те, кто считает себя быть достойным членства в Союзе писателей — рядом с В. Распутиным, В. Крупиным, с нашими замечательными поэтами, кто не спрашивает: «В какую цену патриотизм?», определились, с кем они.

Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан — слова Н.А. Некрасова не только не устарели, они более чем актуальны сегодня. А без патриотизма гражданином своей страны быть невозможно.

Хочу дать всем начинающим прозаикам и поэтам, не только молодым, но и тем, кто накопил жизненный опыт: пишите не *славы ради, а пользы для*. Поэзия, как и вся литература, призвана возвышать человека, освещать ему дорогу к доброму, а не загонять в уныние. Уныние — грех.

И последнее. Надо помнить, что, предлагая своё творение читателю, вы *отнимаете у него частицу драгоценной жизни*. И если он потратил из 25 тысяч дней, дарованных ему свыше (а позади у него уже истрачена половина или больше), два дня на ваш опус, чтобы это было не зря.

ИВАН КОЗЛОВ

«Я света хочу!»

О книге стихов Юлии Ольховской «Между тенью и светом»

Не часто, очень не часто, первая книга молодого автора, особенно поэта, заставляет оглянуться окрест, будто ты забыл что-то или что-то вспомнил, или узнал то, чего не знал, и тебя всколыхнуло, и ты думаешь и ловишь себя на том, что стал единомышленником автора и разделяешь его тревогу и убеждения, и даже претензии на особое отношение к миру. А поскольку вся сила всегда в правде, и ясно, что автор сумел убедить себя и ещё кого-то в своей правоте, значит, он сказал своё слово не красного словца ради, и всё поведанное им, им самим и пережито. И честный взгляд на автора, пусть даже пристрастный, но честный и в своей пристрастности, позволяет видеть, что автор поднялся в своих мыслях и переживаниях до очищающего катарсиса души, вызывая у многих такое же желание предельной честности. И такой силы воздействия начинаешь желать и себе, понимая, что искусство привести кого-либо к истине, которую постиг сам, и есть величайшее предназначение слова, а иначе зачем вся наша изящная словесность и безумие её неравнодушия.

Первое, что я слышал о небольшой книге стихов Юлии Ольховской «Между тенью и светом», это то, что стихи её сильны, талантливы, но несколько избыточно отдают «ощущением отрицания смысла существования», и даже с полусуицидным настроем. Но я читал книгу Юлии, ещё не зная никаких мнений, и выскажу своё первое впечатление о ней — никаких отрицаний, никаких мрачных настроений я в книге не встретил, а то, что подразумевается под этим определением, я бы назвал и трактовал несколько по-другому.

Книга стихов Юлии Ольховской увлекает и подкупает тем, что несёт эмоциональный заряд большой силы, она экспрессивна и говорит нам о разрушительном действии предательства, как совершённом в отношении одной единственной личности, так и в отношении к целому поколению. Но это широкое звучание поэзии Юлии для многих утопает в эмоциональном потоке сильных личных переживаний её юной героини — а что бы вы хотели от двадцатилетней девушки, столкнувшейся с этим двойным предательством в самом начале жизненного пути? Здесь впору растеряться и опытному обитателю жизненного пространства, но, как ни странно, никакой растерянности у молодой героини автор не обнаруживает, а напротив, состояния и переживания героини доносятся до нас беспощадно и талантливо, и рисуют нам образ героини, не смилившейся с душевными травмами и наперекор всему устремленной к жизни.

*Словно дьявол, в ночи пролетая,
Надругалась судьба над тобой:
Прогнала тебя дикая стая,
Отвернулся и волк молодой.*

*Отгорели привычные страсти...
И тебя согревает в пути
Только пар, что выходит из пасти,
Да усталое сердце в груди.*

*Одиночества злейшая выюга,
Больно жалит она, как змея,
Но одна у тебя есть подруга —
Одичалая тень — это я!*

*Как и ты, я давно одинока,
Как и ты, никого не ищу.
Осторожна, безумна, жестока.
Только вою, бегу и рычу...*

*Ни добычи, ни стаи отныне.
Где-то смерть нас несчастная ждёт.
Пусть уж лучше на скользком обрыве
Нас с тобою охотник убьёт.*

(Волчица)

Эти заключительные строки и создают, пожалуй, сиюминутное впечатление обесценивания жизни, но это очень поверхностное суждение. Последние строки стихотворения говорят не о чувстве апатии или безнадежности — они о том, что истинная любовь сильнее смерти, но если любовь гибнет, то и смерть не страшна, но жажда жизни при этом не угасает, поскольку здесь сильно доминируют внешние обстоятельства.

*Иду я по самому краю,
Вокруг остывает зола.
На каждом шагу умираю,
Куда бы судьба ни звала.*

(Отречение)

Память отвергнутой, униженной и уязвленной любви чрезвычайно устойчива, она долго не угасает и ищет избавления от боли через монологи душевного одиночества, когда хочется, но почти невозможно высказаться до конца. Но это сложная борьба с собой и за себя, борьба трудная, но предельно честная.

*Я чёрным светом обозначу
Одно число в календаре,
И вновь безумная заплачу,
Как серым утром в декабре.
.....
Моя дорога бесполезна,
Давно погас надежды свет.
«Ты хочешь жить?» — спросила бездна,
И я кричу досадно «Нет!»*

(Диалоги)

И в этом крике протеста, иступленном и энергичном, всё можно видеть в свете мрачной обречённости, если бы в стихотворении, давшем название сборнику, «Между тенью и светом», не пробивалась другим криком жажда жизни и стремление одолеть душевную драму.

*Беспокойство мечты окрылённой
Погасило покоя свечу,
И слышался крик отдалённый
Голос крови: «Я света хочу!»*

(Между тенью и светом)

И здесь мотив битвы за себя заложен уже в самом названии. Чисто синтаксическое, подсознательное движение от тени к свету — вначале тень, а потом свет — хотя состояние, как будто равновесное — между тенью и светом. Но эта равновесность её уже не устраивает, и это несогласие с равновесностью выдает тот самый, свойственный героине энергичный вскрик: «Я света хочу!» Вначале это состояние «между» выражало защитную отстранённость от мира, пребывание героини на грани и острие выбора, и её признание «я света хочу» говорит о её постепенным возвращением к себе, о её несогласии с полным

уходом в тень. И опирается героиня при этом не на поддержку окружения, а на собственные силы, до конца испытывая себя на прочность.

*Кто любит меня незримо,
Кто против меня, кто «за»...
Прошу: проходите мимо,
Не надо смотреть в глаза!*

*Вам скатертью путь раскину
И вишь, и в длину, и высь.
Но девушке бледной в спину
Скажу я «Остановись!»*

(Дань счастьем, любви, гордыне)

А «бледная девушка» — это сама героиня Юлии Ольховской, её недавнее прошлое, её юность, в обращении и возвращении к которой она и видит своё спасение.

*На годы... не расставаться,
По сердцу, как по ковру, пройди.
Ты должна остаться
На годы. Уйдёшь — умру.*

(Дань счастьем, любви, гордыне)

С постепенным усмирением страстей и обид, с уходом пережитой боли является желание обуздать чёрного коня, того мифического Пегаса, который должен унести героиню в звёздное пространство, как умчались однажды герои Михаила Булгакова в неведомый людям мир разума, справедливости, и гармонии из Москвы, главного города перестройки человеческого сообщества.

*Ты неси меня, верный мой конь черноногий,
По разбитому небу, где стихла гроза,
В серебристом седле по широкой дороге,
Чтобы звёздная пыль нам летела в глаза.*

*Покорив высоту, пролетев километры,
Мы узнаем с тобою, как греет луна,
Как приятно ласкают могучие ветры,
Как в единстве прекрасны смычок и струна.*

*Пусть увидят меня те, кто рядом летают,
Пусть пространство течёт, как речная вода,
Может, здесь и полюбят, и душу познают,
Ну а там, на Земле, не поймут никогда.*

(На чёрном коне)

И это не бегство от действительности, не апатия, и уж никак не отрицание смысла существования — это внутренний, осознанный, а не стихийный протест, который порождает сама действительность, поскольку героиня не виновата в несовершенстве окружения, в его дисгармонии и равнодушии.

*И в бурлящем потоке речного течения
Призывает волна: «Не робей и плыви!»
Мною познана сладость и страсть отречения,
Я плыву и отныне клянусь в нелюбви.*

(Отречение от любви)

За сильными личными, ярко выписанными переживаниями читатель вполне может не заметить это далеко не личное, а общественно значимое звучание поэзии Юлии Ольховской, которое излучают более сильные, хотя и скрытые регистры, созвучные с именами Блока и Цветаевой — сакральными именами переломных эпох России. Именно поэтому героиня Ольховской обращается к призраку Марины Цветаевой.

*И в бреду мне привидятся ночью
Лабиринты кладбищенских троп.
Может быть, вы мне ягоду волчью
Вместо розы положите в гроб?*

(Я руками от солнца закроюсь)

В этом аспекте личное начинает уходить на второй план, и начинает звучать имя России, но в том же контексте цветаевского обличения предательства, но когда на произвол брошен не один человек, а целые поколения.

*Мнится мне, что я тебя не знаю,
Или, может быть, не признаю.
Мнится, что приду и сяду с краю
Рядом с побеждёнными в раю.*

.....
*Мнится мне, не зря так звёзды блещут,
Может быть, тебя ещё не раз
В серп загнут и молотом захлещут...*

(России)

И тут всплывает простая и ясная догадка, что поколение автора потеряло ту Россию, которую не успело узнать, и оно интуитивно чувствует эту утрату, и ещё не утихшая боль личных переживаний героини Юлии Ольховской сливается с тревожным ощущением мирового крушения, и мы слышим усиленное звучание стиха в исторической ретроспективе его содержания — «Не заглушат высокую речь» и «Белые признаки», посвящённые адмиралу Колчаку. В смешении личного и общего, в трагедии двойного предательства — ухода любимого человека и равнодушия социального окружения, наступает катарсис очищения и возвышения души.

*Ещё чувствует сердце в груди,
Но зачем оно бьётся — забыла.
Мне твердят: «Всё ещё впереди»,
Но я знаю, что всё уже было.*

*Мой удел с этих дней: не искать,
Не желать, не гадать и не числить.
Меня жизнь научила не знать,
А любовь научила не мыслить.*

*Я слаба, чтоб в отчаянье впасть,
Нет ни боли давно и ни злости,
И покой во мне громче, чем страсть,
Но безмолвней, чем плач на погосте.*

*И мне радость осталась одна:
Уповать на надгробные плиты
И смотреть, как сирень зацвела
На могиле моей Маргариты.*

(После неё)

Мы помним, помним — со смертью Мастера душа Маргариты умерла, и Маргарита покинула Землю — юдоль лжи и скорби.

На этом, казалось, можно бы и закончить, но есть ещё один убедительный штрих в поэзии Юлии Ольховской — это старая сказка об Иване, давнем мифологическом русском герое. Это заключительные стихи, которые напоминают, пусть несколько профанирован-

ное, но великое понятие, к которому приходит каждый, кто искренне любит свой народ и не отделяет свою судьбу от судьбы земли, на которой родился, кто ведёт честную борьбу с собой и с миром, не теряя достоинства и мужества, тем самым напоминая нам, что как явное, так и скрытое торгашество с самим собой и с миром приведёт к неизбежному краху, к душевному ростовщичеству, когда всему назначается цена, и не важно в каком выражении — в золото-валютном или идеологическом.

*Узелок поставил он к порогу,
Глянул вдаль — повсюду гладь да тишь.
«Матушка, меня ты на дорогу
По какой цене благословишь?»*

*В долг благословила мать, и в поле
Ринулся Иван — дурак и царь.
Чтоб не заблудился он на воле,
Камень на пути лежит. Как встарь.*

*Вот какой-то тихий городишко.
Полночь. Тротуары. Фонари.
«Милая, как звать тебя?» —
«Пришка» — «И почему ты любишь до зари?»*

*Площадь отошла от бури лютной,
Ильича отмыл от пыли дождь.
Ванечка спросил: «Какой валютой
Прежде покупал ты имя «Вождь»?*

*Как умрёшь, когда — совсем не важно,
Платишь — отпевают, говорят.
И пошёл к аптекарю отважно:
«Сколько ты берёшь за сильный яд?»*

*Он летит, счастливый, бестелесный,
Смерть ему другой открыла край.
Молвит: «Подскажи, Отец Небесный,
Я — Иван. В какую цену рай?»*

(Про Ивана)

Книга стихов Юлии Ольховской «Между тенью и светом» цельная по замыслу, она предельно честна и правдива и свидетельствует о пронзительном и смелом таланте автора, глубоком и бескомпромиссном.

Православная миссия «Литературного Иркутска»

Беседа критика В. Семёновой с составителем-редактором
«Литературного Иркутска» писательницей В. Сидоренко

Необходимое вступление

В минувшем году Россия отметила одну из самых важных исторических дат — 1025-летие Крещения Руси. Иркутянам уместно вспомнить о своей причастности к этой дате, поскольку 25 лет назад в нашем городе появилось периодическое издание неожиданной и удивительной для многих читателей того времени направленности. Притом что название его было привычным — «Литературный Иркутск».

Газета «Литературный Иркутск» выпускалась силами Иркутской писательской организации, её выход обычно приурочивался к какому-нибудь заметному событию, вроде областной конференции «Молодость. Творчество. Современность» или приезда в Иркутск известных российских писателей.

В июне 1988 года повод возник из другой сферы — 1000-летие Крещения Руси. Открылся огромный массив материалов — он не влезал ни в один, ни в два выпуска газеты, ставшей многостраничным альманахом и привлёкшей на свои страницы давних забытых и современных известных авторов. Среди первых — светильники православия, священство ушедших эпох, русские философы и публицисты, среди вторых — писатели нашего времени, представители церкви, деятели культуры. Печатались и не очень известные литераторы, кому по-настоящему близка православная тема.

«Литературный Иркутск» 1988–1993 гг. вызвал большой интерес, и не только в Иркутске. Не имея отлаженной системы распространения (тираж от 5 до 10 тысяч), он расходился по разным уголкам страны, достиг столичных городов и Русского Зарубежья. За пять лет вышло 27 выпусков. Подобного издания в России в те годы не было.

Составителем и ответственной за выпуск стала член Союза писателей СССР Валентина Сидоренко, к этому времени уже заявившая о себе как прозаик. В 1981 г. в Иркутске вышла её книга «Сок подорожника», а через три года сборник повестей и рассказов «Завтра праздник» — в Москве, что случалось далеко не со всеми молодыми авторами. Критикой В. Сидоренко тоже была замечена сразу: отзывы на первые публикации появились в Иркутске, Москве, Новосибирске. Крупный сибирский литературовед и критик Надежда Тендитник, строгая в оценке писателей-земляков, в свою книгу «Энергия писательского сердца» (1988) вместе с тремя очерками об иркутянах — В. Распутине, А. Гурулёве, Р. Филиппове — поместила очерк о В. Сидоренко, самой младшей из них, причём вторым после Распутина, и книга была названа по этому очерку.

Из 27 выпусков в 18 она была составителем и редактором, плюс к тому в трёх выпусках из четырёх, составленных В. Распутиным, редактором тоже была она.

Участвовали в работе над «Литературным Иркутском» и другие писатели: в 88-м поэт В. Козлов — составитель-редактор одного выпуска, остро-публицистического и чисто светского на тему экологии; в 91-м — начале 92-го — прозаик А. Байбородин составил и отредактировал три православных выпуска с уклоном в тему народной культуры и стал редактором ещё одного — на тему политическую. В составе редколлегии наиболее постоянно значились: В. Распутин, владыка Вадим — епископ Иркутский и Читинский (в то время; ныне — митрополит Иркутский и Ангарский), В. Сидоренко, А. Байбородин, В. Козлов, В. Семёнова, Р. Филиппов, Ст. Китайский. В разные годы в неё входили также Ю. Самсонов, владыка Хризостом — архиепископ Иркутский и Читинский (до своего отъезда), Р. Саляев, В. Хайрюзов.

Валентина Сидоренко взяла на себя основной груз этого издания. Самое главное, помимо сбора материала и его выстраивания в газете, она определяла курс «Литературного Иркутска». И потому с ней сегодняшняя наша беседа.

Валентина Семёнова. Предлагаю начать с простого вопроса: почему именно вы, Валентина Васильевна, стали у руля такой необычной газеты-альманаха?

Валентина Сидоренко. Во-первых, как член бюро писательской организации. Моя работа в «Литературном Иркутске» началась с номера, предшествовавшего православному. Мы выпустили его в марте 1988 г. в связи с Днями журнала «Наш современник» в Иркутской области, опубликовали произведения гостей — авторов НС и иркутян. Меня, как самую молодую из бюро, включили в редколлегию — поработай. Тогда же возникла идея сделать «Литературный Иркутск» регулярным, с выходом один раз в два месяца. И я предложила следующий выпуск посвятить 1000-летию Крещения Руси. Инициатива, как известно, наказуема — меня не только поддержали, но и поручили составить этот номер. Не отказалась, потому что я из тех, кто не был отлучён от церкви. Была крещена, до третьего класса ходила с матерью в церковь, причащалась. В юности нечасто, но бывала в нашем храме, меня до сих пор помнит священник о. Савватий.

Что ещё повлияло? Всегда любила книги о народной жизни, о духовности русского народа. Максимов, Сахаров, Терещенко были близкими мне авторами. Повлияла и обстановка в Иркутске. Один из наших театров поставил байроновского «Каина», и я была среди тех, кто не принял спектакль, оттого что в нём сквозило оправдание братоубийцы. Выступила в газете... Это и подтолкнуло.

В. Семёнова. Обратимся же к «Литературному Иркутску». Первый выпуск, июнь 1988 года. На переднем плане — и это станет традицией — короткое обращение к читателю. Оно идёт без подписи, но все мы знали, что пишете его вы. Вот несколько строк: «Дорогой читатель! Открывая вместе с тобой этот посвящённый тысячелетию крещения Руси номер, мы осознаём его несовершенство. К тому были и объективные причины. Сделав же первый шаг, мы отчётливо поняли, что сама попытка в одном номере хотя бы поверхностно обозреть то духовное тысячелетие, которое лежит в основе нашей национальной и общечеловеческой культуры, вряд ли может претендовать на глубину в постижении темы. И всё же коснуться её необходимо...» Здесь же, на 1-й странице, — начало очерка В. Распутина «Патриотизм — не право, а обязанность». Предваряет его цитата из В.А. Жуковского о народной внутренней жизни, о языке и вере, памяти о жизни праотцев, «что нигде, кроме Русской земли, не встретится...»

На следующем развороте — беседа с архиепископом Иркутским и Читинским Хризостомом «Надо бить во все колокола». В верхнем уголке — цитата из публицистики А.С. Пушкина «О русской истории XIII века» о роли духовенства в эпоху Просвещения — строки малоизвестные широкому кругу читателей. Не могу не процитировать вслух: «В России влияние духовенства столь же благотворно, сколько пагуб-

но в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своего папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государством, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашею историею, следственно, и просвещением».

Поскольку это была первая беседа с духовным лицом за многие годы, и не только на страницах «Литературного Иркутска», но вообще в иркутской прессе, разговор получился большой и касался многих вопросов, одинаково волнующих Православную Церковь и светское российское общество. Это и восстановление храмов, и участие церкви в Великой Отечественной войне, в миротворческой деятельности, это и противоборство веры и рационализма, и значение православия для русской литературы XIX века... Главная мысль беседы — необходимость объединения усилий религиозного и светского культурного сообщества для нравственного воспитания граждан. Мне беседа запомнилась тем, что я принимала в ней участие вместе с журналисткой З. Горенко и профессором-литературоведом Н.С. Тендитник. Но вопросы задавала главным образом профессор...

В. Сидоренко. ...А мне тем, что я потом довольно сильно поправила этот текст — со всею смелостью неопита. Помню, как владыка удивился... Так началось наше сотрудничество. Вскоре архиепископа Хризостома перевели руководить Виленской епархией в Прибалтике, и в редколлегию вошёл его преемник, владыка Вадим, епископ Иркутский и Читинский, ныне митрополит Иркутский и Ангарский.

Необходимо сказать, что с владыкой Вадимом связана вся дальнейшая работа над «Литературным Иркутском», а также другие начинания, объединившие епархию и православную часть иркутской интеллигенции: это создание православной женской гимназии, проведение Иннокентиевских чтений, традиционные пасхальные встречи в городском Театре народной драмы... А тогда Иркутская епархия оказывала финансовую помощь нашей газете, насколько это было возможно во времена, когда началось возрождение православия и требовалось много средств на восстановление разрушенных храмов, строительство новых приходов.

В. Семёнова. Да, наши земляки наверняка помнят, как на рубеже 80–90-х гг. православные деяния в Иркутске возникали одно за другим. Они должны войти в историю культуры Сибири. Но коль наша сегодняшняя беседа о «Литературном Иркутске» — продолжим её.

С первых страниц на читателя пошёл очень серьёзный текст. Писатель Дмитрий Балашов и критик Владимир Бондаренко, хорошо известные в стране, ведут диалог на тему русской истории. Они говорят о зарождении Московской Руси, об объединении русских земель, когда духовное возрождение нации шло через православную церковь. Имена Сергия Радонежского, Осляби и Пересвета стоят рядом с именами князей Александра Невского, Михаила Тверского, Ивана Калиты, Дмитрия Донского.

А вот очерк Сергия Булгакова «Героизм и подвижничество» — он занимает полный разворот... Впервые опубликован в 1909 г. в сборнике «Вехи». Мне очерк запомнился чётко проведённой границей между «героическим интеллигентом» и христианским подвижником. Осознано ли общество эту разницу за прошедшее столетие?... В коротком предисловии вы представляете двух православных философов; на снимке с картины М.В. Нестерова «Философы» рядом с Сергием Булгаковым — Павел Флоренский. На следующей странице — выборка из трудов Флоренского «Закваска человечности»: «Зерно», «Усия и ипостась», «Вода», «О культуре», «О любви», «О табаке»...

Поэтично и мудро звучат строки о религиозности Руси, России. Например, в

«Зерне»: «Православие вобрало самый цвет мирового достояния и освободило от шелухи и оболочек: у нас — чистое, обмолоченное и провянное зерно религий, самая суть человечности. Всеянное в души, это зерно прозябает и взращает в человека человечность; оно-то и есть закваска человечности».

И сегодня проникновенны эти строки для души, ищущей веры. А как не зачитаться, не прислушаться к предостережению об опасности обожествления культуры, когда в ней видят лишь собрание всевозможных открытий и достижений, но без критериев, различающих потребности. Философ заключает: «Культура ринулась по своим путям, поборая человека. Это — легенда об ученике колдуна, вызывавшего духов, но не сумевшего ими владеть...» Разве не о массовой культуре речь, на наших глазах выродившейся в антикультуру? А вот опять же подходящий к моменту разговор «О табаке». Тем, кто борется с вредной привычкой и кто пытается ограничить её запретными мерами, не помешает знать философскую подоплёку вопроса — совпадавшую притом с народным неприятием табакокурения в давние времена. Мудрые люди говорили о несовместимости духовного опыта с курением и не верили в способность даже носителя большого церковного сана судить о предметах высокой мистики, если он курит...

С философией соседствует история: иркутский прозаик Анатолий Шастин составил хронику строительства Иркутского кафедрального собора по материалам «Иркутских епархиальных ведомостей» за 1894 г., историк-краевед Тамара Крюкова пишет о строительстве Собора Божоявления, исследователь иркутских летописей Надежда Куликаускене — о книгах и рукописях библиотеки Иркутской духовной семинарии, книжных собраниях духовенства.

В. Сидоренко. Вместе с тем мне всегда была дорога и такая тема, как слитность на Руси христианства и крестьянства. Вот почему в этом выпуске помещены стихи известного русского советского поэта Владимира Соколова «А я ведь всё-таки крестьянин» и рассказ нашего земляка-прозаика Алексея Зверева «Красный звон». Как живописно передаёт в нём писатель краски праздника Пасхи в старой сибирской деревне!

Если говорить о Сибири, её освоении, то надо помнить, что православное священство окормляло первопроходцев с самого начала. Вот почему меня привлекла работа иркутского историка Юрия Душкина, не имевшего званий и степеней, но собравшего огромный материал по Восточной Сибири. Он описал путь казаков, вместе с которыми шли священники и оставались строить церкви и монастыри, утверждая православные святыни. Так и назвали этот очерк — «За казаками шли священники».

В. Семёнова. Продолжением темы первого выпуска стал третий. Чем это вызвано?

В. Сидоренко. Материал, связанный с 1000-летием Крещения Руси, оказался настолько огромен, что одного номера не хватило. К тому же было принято решение продолжить выпуски «Литературного Иркутска» в православном направлении.

В. Семёнова. Открывается выпуск очерком Валентина Распутина «Из глубин в глубины», посвящённым 1000-летней дате Крещения — первым на тему православия в творчестве писателя. Это связано с запросами газеты?

В. Сидоренко. Да, это связано. Этот очерк написан для «Литературного Иркутска». И после я обращалась к Валентину Григорьевичу, и он откликнулся. Так через год мы опубликовали его «Смысл давнего прошлого» — о расколе, ещё через год «Ближний свет издалека» — о Сергии Радонежском...

В. Семёнова. По моим подсчётам в «Литературном Иркутске» вышло двенадцать очерков и статей Распутина: кроме названных, это «Интеллигенция и патриотизм» (второе название «Из огня да в полымя»), «Что дальше, братья-славяне», «Культура: «левая, правая где сторона?» и другие. Некоторые из них одновременно появлялись в журналах «Наши современники» и «Москва».

В. Сидоренко. Валентин Григорьевич подключился как раз с этого третьего выпуска и стал самым надёжным соратником из редколлегии «Литературного Иркутска». Во-первых, он отдавал свои великолепные произведения для печати, второе — был составителем четырёх номеров, и третье — помогал доставать средства для газеты: они приходили к нему от жертвователей как из России, так и из-за границы, из Русского Зарубежья — там очень радовались нашей газете. Жертвовал и сам.

В. Семёнова. *Государство, кажется, средств не выделяло?*

В. Сидоренко. Нет.

В. Семёнова. *Давайте обратимся хотя бы к одному из выпусков, составленных Распутиным. Вот как раз по Русскому Зарубежью, март 1990 г. Открывается он молитвой Русской православной зарубежной церкви о спасении России. Потом идёт беседа протоиерея Дмитрия Константинова «Подвиг поста» (США), Иван Шмелёв — из писем о России...*

В. Сидоренко. Я бы начала с очерка самого Распутина «О чём звонят колокола» — в нём есть взгляд на русскую эмиграцию вообще, на все её волны. Вот он пишет о первой, послеоктябрьской волне: «Все они там очутились — и те, кто держался за старую Россию и её основы, и кто её взрывал — и, естественно, не могли примириться до конца друг с другом». О лучших представителях этой волны: они «строили Россию духовную, создаваемую из воспоминаний и надежд, из веры, обычаев и союзничества, из родного звука и слова... Во многих углах планеты есть и Москва, и Санкт-Петербург, и Волга...» Не вызывает симпатий у автора третья волна, «ищущая благополучия и свободы от российских не порядков и не желающая признать в том числе и вину своих отцов в насаждении этих не порядков...» Заканчивается очерк словами о необходимых усилиях здешних и зарубежных русских патриотов для совместного «попечительства и работы» во имя России.

Философ И.А. Ильин... В самую точку попала его статья «Какие же выборы нужны России». Одна цитата: «Выборы должны быть разделены на небольшие участки, где все друг друга знают и где социально негодные элементы столь же хорошо известны, сколь и социально ценные и почтенные люди...» Увы! Никто и не подумал прислушаться к мудрому совету!

А вот нас предупреждают из-за границы. Пишет Владимир Бегун из Польши по поводу так называемых «Ротари-клубов» — как низшей степени масонской иерархии. Помните, тогда в Иркутске только что появился «Ротари-клуб»? Александр Беляев из Австрии спрашивает: «Отчего вы решили, уважаемые земляки, что американцы станут помогать вам в ущерб своему положению сильнейшей сверхдержавы?» Автора удивило, что Советский Союз обратился к Соединённым Штатам с наивной просьбой научить, как оздоровить экономику и перейти от плановой системы к рыночным отношениям.

Все материалы ко времени и к месту: и рассказ Евгения Беляева (Италия) о выдающихся личностях Руси Зарубежной, и глава из книги профессора Св.-Сергиевской духовной академии в Париже А.В. Карташева «Воссоздание Святой Руси», и аналитическая статья известного современного российского публициста Михаила Антонова, который подводит итоги перестройки на пятом её году, признавая их неудачными. По сути, весь номер о том, как устроить новую Россию.

В. Семёнова. *Взгляд на события прошедшие и настоящие с высокой духовной, православной точки зрения — вот в чём, как мне кажется, главная уникальность «Литературного Иркутска». Все выпуски, а они были тематическими, отвечают этому взгляду.*

Взять тот, что посвящён женищинам России. Можно сказать, получилось настоящее исследование «долюшки женской», начиная со страниц древнерусского «Домостроя». Перед читателями проходят образы выдающихся женищин: духовной до-

чери Аввакума боярыни Федосьи Морозовой, принявшей муки за старую веру; Великой княгини Елизаветы Фёдоровны — вдовы Великого князя Сергея Александровича, основательницы Марфо-Мариинской обители милосердия, погибшей в 1918-м в уральской шахте и канонизированной в 1981-м; Анны Флоренской, кроткой и заботливой жены Павла Флоренского, а также простой крестьянки из устного рассказа «Как войну переживали». Под другим знаком рассматривает протоиерей Лев Лебедев героиню романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»; о противоречивом облике современной женщины рассуждает В. Распутин в очерке «Шерше ля фам»...

Или выпуск марта 1989 г., о культуре России. Сквозной линией проходят высказывания отшельника Антония Великого, христианина из Египта. От них не оторваться и сегодня: «Не те умны, которые изучили изречения и писания древних мудрецов, но те, у которых душа — умна, которые могут рассудить, что добро и что зло...» Вот чистый источник, к которому вы обращаетесь. Среди материалов — очерк В. Распутина «Культура: «левая, правая где сторона?»», Ст. Куняева «Духовной жаждою томим» — к 190-летию со дня рождения А.С. Пушкина, письмо иркутского историка А. Нефёдовой о проблемах по устройству музея под открытым небом «Тальцы» (ныне успешно работающего), «Обращение к художникам, учёным, деятелям культуры, гражданам России» недавно созданного в Москве Товарищества русских художников. Обращение наполнено тревогой о состоянии России, впадающей в кризис. Подписи поставили известные публицисты и писатели. Это уже современность, причём острая, жгучая.

В. Сидоренко. Мы не уклонялись от проблем времени. Ведь они — свидетельство накопившихся ошибок. В одном из первых номеров мы напечатали «Письмо Советскому правительству», посланное в Москву накануне XIX партконференции, где говорилось о несправедливо ущемлённом положении России (РСФСР) среди других республик Союза. Приводились цифры и факты, предлагались конкретные меры. Письмо подписали несколько известных деятелей культуры России и немало иркутских писателей, за что они получили обвинения в шовинизме со стороны либеральной интеллигенции. Но мы всегда предлагали искать выход с учётом исторического, духовного опыта народа, и мы обращались к этому опыту.

Часто получалось так, что тема, заданная в одном номере, через какое-то время заполняла другой, и даже не один. Так, например, осмысление русской жизни продолжилось в майском номере 1989 г., приуроченном к празднику славянской письменности и культуры. Здесь сказано о характере нашего народа, о совести, о расколе... Основное внимание — духовному началу в человеке. Главы из книги Ивана Концевича «Оптина Пустынь и её время», вышедшей в первой трети XX в., открыли малоизвестную читателям конца XX в. страницу истории — старчество. Между тем оно являлось выражением высшей духовной жизни России. Через год на первой странице июньского номера читатель увидит портреты оптинских старцев и труд, адресованный монахам и связанный с именем старца, игумена монастыря в Молдавии Паисия Величковского; появится рубрика «Духовные светильники России», под которой выйдут очерки о Серафиме Саровском, Сергии Радонежском, Иоанне Кронштадтском.

Обострившемуся «русскому вопросу» в годы развала Советского Союза отдан мартовский номер 1993 г. Его составитель — В. Распутин. Здесь работа Ивана Ильина «О русском национализме», материалы «круглого стола» газеты «Литературный Иркутск» и журнала «Наш современник» на эту же тему. В разговоре участвовали: от ЛИ — Валентин Распутин, от НС — Ксения Мяло, Вадим Кожинов, Татьяна Глушкова, Игорь Шафаревич. Горячие споры шли об одном: какое место в мире займёт Россия как новое государство.

В. Семёнова. Справедливости ради должна заметить, что предполагалось сделать выпуски и о других народах, живущих в Сибири. Так, в 1989 г. был объявлен следующим бурятский номер.

В. Сидоренко. Не все планы сбылись, но бурятский номер вышел. Составителем стал поэт Баяр Жигмытов из Улан-Удэ.

В. Семёнова. *А как отнеслись к появлению «Литературного Иркутска» власти? Не забудем, газета религиозного содержания родилась ещё в советское время.*

В. Сидоренко. Власти не препятствовали. Нам даже помогал второй секретарь обкома В.П. Иваницкий. Типография, в которой мы печатались, была при областной газете — органе обкома, и когда что-то задерживалось, мы обращались к секретарю, и он звонил, нажимал на руководство. Помню, первое время в типографии сидел цензор, но материалы не тормозил, а вскоре его убрали.

Противостояние было в своей среде. Некоторые писатели стали говорить, что «Литературный Иркутск» превратился в «Церковные ведомости», и негде печататься. Но если посмотреть, то мы публиковали многих, и некоторых не по одному разу. Среди иркутян, не говоря о Распутине, назовём А. Зверева, Н. Тендитник, Ст. Китайского, А. Шастина, А. Байбородина, В. Нефедьева, К. Балкова, Ю. Балкова, В. Гинкулова, В. Стародумова, поэтов В. Соколова, В. Забелло, В. Алексеева, Г. Гайду, В. Скурихина, З. Горенко, читинца М. Вишнякова; публиковали статьи иркутских историков, журналистов. Не для украшения — за попадание в тему печатали Д. Балашова, В. Бондаренко, В. Крупина, В. Курбатова, Ст. Куняева, М. Дунаева, М. Антонова и других. И потом — какие книги рассматривали наши авторы с точки зрения духовности: «Преступление и наказание», «Бесов» Достоевского, «Мастера и Маргариту» Булгакова, «Соборян» Лескова, — так что литературы было совсем немало.

В. Семёнова. *Шаг за шагом издание подошло к очень важной теме — чистоте Православия. Сначала появляется рубрика «Путь к отчому дому», потом два выпуска — ноября и декабря 1991 г. Притом что каждый номер газеты-альманаха что называется шёл на «ура», я помню: эти вызвали просто всеобщий успех.*

В самом деле: два стержневых материала — архимандрита Константина Зайцева из Русского Зарубежья — «К познанию нашего места в мире» (1970 г.) и «Царский путь» о. Серафима Роуза (США, 1980-е гг.) — охватывают Православие в его большом времени. Первый — история, ступенчатое отступление от первоначальных основ христианского вероучения сначала «латинян», когда появилось католичество (1054 г.), затем протестантов от католиков (1517 г.) и т. д., вплоть до революции в России (1917 г.) — «завершительной стадии русско-православного отступления». Но автор верит в возможность возрождения православия в России, полагая, что в советском подполье зреют силы, а также выступает против экуменизма. Второй — о том, как сохранить православное мировоззрение в современной жизни. Всё, что получают дети в окружающем мире, «должно проверяться и исправляться», считает о. Серафим Роуз. Необходимы прививки против низкопробной литературы, современной рок-музыки, извращений в живописи настоящей прозой и поэзией, классической музыкой, живописью и скульптурой.

Другие материалы — дополняют, развивают заложенные идеи или иллюстрируют их. Показано, в чём противостояние православия и католичества, христианства и язычества, христианства и иудейства, православия и индуизма, чем опасен экуменизм. Уместны размышления Валентина Курбатова об отношениях Русской Православной Церкви и Зарубежной Церкви. Автор очень деликатно расставляет акценты и ведёт разговор к тому, что разногласия не нужны. Как известно, через недолгое время объединение церквей произошло, и в этом есть малая лепта писателя Курбатова и «Литературного Иркутска».

А теперь скажите одно, Валентина Васильевна, откуда вы брали, где находили всё это?

В. Сидоренко. Да отовсюду, как-то само собой получалось. Видимо, Господь вёл, и люди помогали, которых тоже Господь вёл.

Кое-что было в моей библиотеке ещё до «Литературного Иркутска»: книга только что упомянутого Константина Зайцева, книга Антония Великого. Меня давно притягивали писатели, ведающие глубину народного духа. Легко было находить мудрость у К.С. и И.С. Аксаковых, Карамзина, Достоевского, Гоголя — они жили думой о России, о русском человеке. Разумеется, пришлось обратиться и к библиотечным фондам города.

А ещё мне многое дало знакомство с двумя необыкновенными женщинами из Листвянки, светлая им память! Первая — Татьяна Павловна Евфратова. Она дворянского происхождения, православная, в прошлом архитектор. Говорили, что она участвовала в проектировании Листвянской церкви, когда в 50-е гг. её переносили с берега Байкала в Крестовскую падь. Монахиня в тайном постриге, она все застойные годы с риском для себя занималась религиозно-просветительской деятельностью. Заболела, после паралича не поднималась с постели. Вторая, Татьяна Васильевна Шилова, ухаживала за ней. Она — бывший детский врач, фронтовичка, а в конце жизни стала монахиней Феодосией.

Эти женщины получали из Москвы от Николая Пестова (мы его публиковали) рукописи православного самиздата. В Листвянке их перепечатывали — по законам того времени разрешалось не более восьми экземпляров. Я ездила к ним, они мне передали работы и Серафима Роуза, и Александра Ельчанинова, и Феофана Затворника, и епископа Нафанаила — он печатался за границей, в издательстве ИМКА-ПРЕСС, много житийной литературы.

Присылали и наши постоянные авторы, которые находили нас сами, после того как «Литературный Иркутск» попадал к ним в руки, — Максим Козлов из Москвы, Александр Беляев из Австрии, митрополит Виталий — глава Зарубежной Церкви — и присылал, и благословлял. До Льва Лебедева я дозвонилась в Курск, прочитав его книгу, посвящённую 1000-летию Крещения Руси, — её мне подарил владыка Хризостом. Переписывалась с монахами Троице-Сергиевой лавры: Алипием, архимандритом Макарием, старцем Филадельфом, архимандритом Георгием (Тертышниковым) — они тоже присылали и свои труды, и других. Переписки было много, в том числе с монастырями, например, с игуменьей Варварой, настоятельницей Пюхтинского женского монастыря в Эстонии. В некоторые монастыри отправляли газету пачками — вы же помните...

С кем-то из наших авторов посчастливилось и познакомиться, и подружиться. Вера Григорьевна Брюсова — светлая ей память! Доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии РСФСР, тогда уже в немолодых годах, она приезжала в Иркутск, выступала в Доме литератора против печально известного проекта поворота северных рек. Она рассказывала много интересного и о восстановлении храмов, икон, о семье Брюсовых, к которой принадлежала. В нашей газете она выступала с очерком о старинных русских женских нарядах, с острой статьёй «Скоморох или пророк» — в защиту реализма в живописи. Смелый была полемист, с сильным гражданским чувством.

В. Семёнова. *Жаль, что не под силу в одной беседе сделать даже краткий обзор самых ярких выпусков «Литературного Иркутска»! В стороне остались патристические выпуски, славянский, семейный, на тему «Не участвуйте в делах тьмы» (против сект)...*

В. Сидоренко. ...Я бы вспомнила ещё номер о смерти, то есть о православном отношении к смерти. На самом деле — вопрос очень важный. Мне одна читательница написала, что этот номер газеты спас её от самоубийства.

В. Семёнова. *Хочу отметить: несмотря на то, что материалы были объёмными по площади и невероятно ёмкими по смыслу, читались они легко — притом, что все 16 страниц набирались мелким шрифтом и плотно верстались...*

В. Сидоренко. ...за что меня ругали типографские работники, а я: надо втиснуть, всё должно войти!.. Хотелось не упустить возможности, которая представилась...

В. Семёнова. *К слову — о рабочей группе. Мы уже сказали: за содержание отвечал один человек — составитель, он же, как правило, редактор. Остальные помогали на выходе. Их фамилии указывались в каждом номере.*

В. Сидоренко. Что касается помощников, то вы помните, как в поиске корректоров я обратилась в Восточно-Сибирское книжное издательство. Согласились на вычитку редакторы, вы в том числе, плюс знакомые вузовские преподаватели, подключились некоторые сотрудники областной газеты, фотографы. Постоянного штата у нас не было, как и помещения для редакции. Все помогали, не оставляя своей постоянной работы. Кто-то поучаствовал в одном-двух номерах, кто-то в двадцати. Из-за всеобщей спешки проходили, конечно, и опечатки, и Валентин Григорьевич нам за это пенял...

В. Семёнова. *И даже однажды пришёл вычитывать газету сам, решив нам помочь.*

В. Сидоренко. Так, конечно, долго работать невозможно. А с середины 90-х уже закрывались газеты, книжные издательства со стажем, не чета нам. Государство отказалось почти от всех, никакие спонсоры не спасали. Последний номер газеты вышел в июле 1993 г.

В. Семёнова. *Напоследок хочу вас спросить: как вы думаете, не был ли православный «Литературный Иркутск» предтечей позже возникших в России религиозных газет и журналов?*

В. Сидоренко. Не знаю, они, наверное, и сами бы возникли. Ну, разве малой заливаской, может, и был...

Я благодарю Валентину Васильевну за беседу и хочу немного дополнить справку о ней. Вернусь к названию статьи, а затем и книги Н.С. Тендитник, в которой прозвучало слово «энергия» применительно к творчеству писательницы. Та книга была сдана в набор Восточно-Сибирским книжным издательством примерно за полгода до начала работы над «Литературным Иркутском», и какое точное оказалось название!

Энергии писательницы хватило не только на эту газету-альманах. В те же годы по её инициативе возникает лекторий под названием «Общество духовного возрождения и культуры» — при участии писателей и епархии. После того как она от него отошла, менялись руководители, но люди собирались на лекции и беседы, которые проводились силами интеллигенции на религиозно-литературные и другие темы ещё примерно полтора десятка лет. Об открытии в Иркутске православной женской гимназии она заговорила ещё в 80-е гг. и была самой активной среди её основателей — вместе с владыкой Вадимом, писателями В. Распутиным, Н. Тендитник, Ст. Китайским, учёными С. Леоновым, Р. Саляевым. Гимназия открылась в 1996 г.

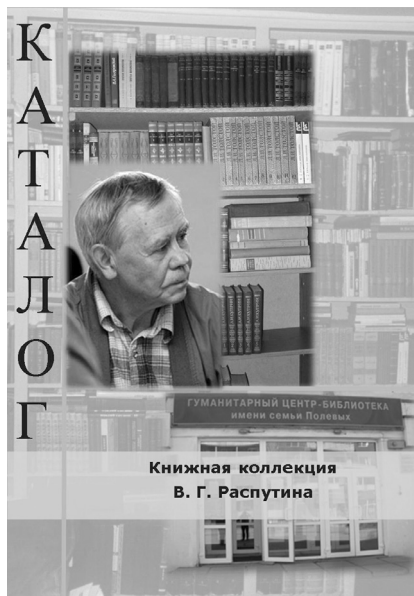
Тогда же началась работа над составлением книги о первосвятителе Иннокентии. Выпуск отложился на десять лет из-за финансовых затруднений, но объёмный фолиант «Первосвятитель Иркутский Иннокентий I (Кульчицкий)» вышел в 2006 г., и составитель-редактор В. Сидоренко стала лауреатом Губернаторской премии. Несколько лет она проводила Рождественские ёлки для детей; выступила организатором и сценаристом Иннокентиевских чтений, которые с начала 90-х и по сию пору проходят в Иркутске с участием духовенства, историков-краеведов, писателей, артистов и режиссёров Иркутского ТЮЗа и Театра народной драмы, и всегда при большом стечении народа. Несколько лет была автором и ведущей православной передачи на областном телевидении «Путь к отчужденному».

В творчестве вернулась к стихам, с которых начинала литературный путь, и в недавние годы выпустила три поэтических сборника, проникнутых православными мотивами.

Дар бесценный

Выставка книг из личной библиотеки Валентина Распутина

В 2006 г. по желанию Валентина Григорьевича часть его домашней библиотеки, 240 книг, были переданы в дар Гуманитарному центру. В 2008 г. дар был дополнен еще 175 книгами. Большая часть их посвящена литературоведению и языкознанию; в том числе были переданы словари русских говоров, издававшиеся небольшими тиражами и ставшие библиографической редкостью. Многие из них — с автографами, дарственными надписями составителей. Интерес для филологов представляют «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах, «Литературная энциклопедия», изданная в 1929–1930 гг., монографические сборники «Литературное наследство», посвященные жизни и творчеству русских писателей: Ф. Достоевского, И. Бунина, В. Брюсова, А. Островского, А. Блока. Сборники «Литературное наследство Сибири» (тома 4–7) посвящены жизни и творчеству известных учёных, писателей Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина.

Настоящим украшением книжной коллекции В. Распутина является старейшее издание «Опыт Областного великорусского словаря, изданный вторым отделением Императорской Академии Наук» (1852 г.).

Художественная литература представлена 35 книгами серии «Мастера зарубежной прозы». Это Ричард Райт, Ивлин Во, Маркес Габриэль Гарсия, Кавабата Ясунари и др.

В числе русских писателей особую ценность представляет собрание сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина в 9 томах, изданное автором, напечатанное в Санкт-Петербургской типографии М.М. Стасюлевича в 1889 г. В 9-м томе имеется портрет автора и его факсимиле. Интересна ещё одна книга, выпущенная в той же типографии в 1912 г. — Гоголь Н.В. «Собрание сочинений, том 1». Библиографической редкостью является и книга Бориса Пастернака «Стихотворения в одном томе» (тираж 5 500 экз., 1933 г. изд.), имеющая свой порядковый номер (298), так называемый номерной экземпляр.

Большой интерес представляют книги о Сибири, и прежде всего «Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890–1891 гг.)» / автор-изд. Э.Э. Ухтомский. — СПб.; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1895–1897 гг. В Иркутске это единственный экземпляр. Книга состоит из трех частей: т. 4 «Великий океан», т. 5 «Наша Азия», т. 6 «По Сибири». Во время кругосветного путешествия будущий российский император посетил Иркутск, следуя по России с востока на запад. В книге описывается, как встречали наследника престола иркутяне в июле 1891 г., какие были преподнесены подарки, какие места в Иркутске он посетил.

«История Сибири с древнейших времен до наших дней» в 5 томах (1968 г.) охватывает прошлое народов Сибири от древнекаменного века до 1965 г.

Уникальная книга «Записки старой Смолянки (Императорского В.О.Б.Д.) 1858–1878 гг.:

Жизнь в Сибири — в Иркутске» представлена в виде дневников Варвары Петровны Быковой, родная сестра которой, Анна Петровна Быкова, была направлена самой императрицей Александрой Фёдоровной в Иркутск, чтобы возглавить Иркутский Институт Императора Николая I. Дневник В.П. Быковой представляет собой довольно редкое и выдающееся явление в женской мемуаристике XIX в., причём не только в провинциальной. Записи повествуют о многих событиях из истории Иркутска и Восточной Сибири вообще, характеризуют состояние женского образования, положение женщин и его постепенное изменение.

В 2012 г. к юбилею Валентина Григорьевича сотрудниками Гуманитарного центра подготовлен каталог книжной коллекции-дара из личной библиотеки «Книга — как душа...». На основе печатного варианта, в который вошли более 400 изданий, была создана электронная версия, в которую включены такие дополнительные разделы, как творческий путь писателя, награды и премии, библиография и уникальные фотографии встреч с Валентином Распутиным из архива Гуманитарного центра. Материал «Электронного каталога книжной коллекции В.Г. Распутина» отличается простотой, доступностью и единым стилем оформления. Просмотр каталога возможен с любого браузера.

Ежегодно ко дню рождения писателя приурочен цикл мероприятий. Вниманию читателей на книжных выставках широко представлены как художественные произведения, так и публицистика, литература о жизни и творчестве, интервью в средствах массовой информации. На интернет-сайте Гуманитарного центра (www.hcenter-irk.info) размещена виртуальная выставка «Яркий и самобытный писатель», в которой использованы фотографии Бориса Дмитриева, члена Союза фотохудожников России, проиллюстрировавшего снимками многие книги В. Распутина.

На вечер-портрет «Его творчество есть путь смелых и решительных поступков» были приглашены шестиклассники иркутской гимназии № 2. Рассказ о писателе сопровождался видеопрезентацией, отрывками из художественных фильмов, снятых по его автобиографическим повестям «Уроки французского», «Василий и Василиса», «Прощание с Матёрой». Преподаватель русского языка и литературы Е. Кириллова по завершении вечера отметила: «Изучать произведения Валентина Распутина по школьной программе наши ребята будут только в 11-м классе. Но после сегодняшнего знакомства с жизнью и творчеством известного земляка что-то важное останется в их душах и сердцах, вне всякого сомнения».

Философией нашего знаменитого прозаика была пронизана встреча читателей с заслуженным художником России, доцентом кафедры архитектурного проектирования НИ ИрГТУ Сергеем Нориковичем Элояном. В 2013 году он был удостоен премии Губернатора Иркутской области творческим работникам за создание цикла иллюстраций к подарочному изданию повести Валентина Распутина «Прощание с Матёрой». 11 иллюстраций Сергей Элоян представил на выставке в картинной галерее Гуманитарного центра. Тесная дружба с писателем вдохновляет художника на воплощение новых идей. С. Элоян, как и В. Распутин, входил в состав экспедиции по реке Ангаре к месту строительства Богучанской ГЭС. «Мы делали остановки и на родине Валентина Григорьевича, и в деревнях, которые должны уйти под воду, а частично уже ушли. Под впечатлением от этой поездки я находился достаточно долгое время: затопление — это всегда большая трагедия для людей, которые там проживают, как и многие поколения их предков. Воспоминания остались, погосты — это серьёзная вещь. Эта тема была жива во мне. И когда по хорошей традиции Министерство культуры и архивов Иркутской области решило к юбилею В. Распутина выпустить подарочное издание, я предложил проиллюстрировать повесть «Прощание с Матёрой», которая наиболее была мне близка. При поддержке Министерства у нас эта работа получилась», — рассказал художник. Необычное оформление футляра книги, подчеркивающее трагичность описываемых событий, своеобразное решение портрета автора — как бы в осколке зеркала в брошенной пустой избе, бирюзовые оттенки в цветопередаче деревни Матёры, техника мазка, мельчайшего как песчинка, — всё это усиливает эффект сопереживания событиям повести. В данный момент С. Элоян работает над рисунками к книге «Река жизни», тексты на её страницах — Валентина Распутина и литературного критика Валентина Курбатова, фото Анатолия Бызова. В книгу войдут и рассказы жителей

прибрежных деревень. В комплекте с книгой будет выпущен диск с песнями ангарских старожилов и кадрами из фильма «Река жизни».

Творческую судьбу Валентина Распутина можно без преувеличения назвать высокой, завидной и счастливой. Его книги издаются миллионными тиражами, но не могут покрыть читательской жажды познакомиться с его творчеством. Велика тяга людей услышать живое, праведное слово писателя не только в нашей стране, но и за рубежом.

Коллектив сотрудников Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых выражает искреннюю благодарность Валентину Григорьевичу Распутину за сохранение традиций сибирского меценатства.

Литература

1. Книжная коллекция В.Г. Распутина : каталог / сост.: Е.А. Гусева, Л.В. Педранова; дизайн: И.В. Ваганова. — Иркутск: МБУК «Гуманитарный центр-библиотека им. семьи Полевых», 2011. — 52 с.

2. Пятакова Н.В. Дар В.Г. Распутина Гуманитарному центру // Книжные коллекции в истории культуры : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 3 октября 2007 г.). — Иркутск: Гуманитарный центр-библиотека имени семьи Полевых, 2008. — 56 с.

3. Интернет-ресурсы:

URL: <http://www.hcenter-irk.info/content/valentin-grigorevich-rasputin>

URL: <http://www.hcenter-irk.info/content/tvorchestvo-valentina-rasputina>

URL: http://irkipedia.ru/content/rasputin_valentin_grigorevich

URL: <http://www.hcenter-irk.info/content/yarkiy-i-samobytnyy-pisatel-0>

М.В. ГАДЖИЕВА,

заместитель директора по связям с общественностью

МБУК г. Иркутска «Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых»

Душевный подарок

В. Распутину — 77 лет

К 77-летию Валентина Григорьевича Распутина прошла выставка книг из его личной библиотеки в Гуманитарном центре семьи Полевых.

Подарок от всей души всем нам — иркутянам-москвичам и москвичам, но прежде всего нашему уважаемому земляку — Валентину Григорьевичу Распутину в день его 77-летия преподнесло руководство Иркутской области и Иркутский академический драматический театр имени Н.П. Охлопкова в виде спектакля «Последний срок» на малой сцене МХТ имени А.П. Чехова 15 марта 2014 года. Автор этой замечательной

идеи — директор театра А.А. Стрельцов. Поэтому-то поздравления губернатора Иркутской области С.В. Ерощенко и Министерства культуры Иркутской области, которые предворяли и торжественно дополняли предстоящее театральное действо, были как нельзя к месту и ко времени. Также предельно к месту и ко времени под горячие аплодисменты зала была зачитана после окончания спектакля поздравительная телеграмма от Президента России В.В. Путина.

К этому добавилась прекрасная возможность для зрителей, заранее настроенных на определённую тональность, в свободной и непринуждённой обстановке пообщаться со знаменитым автором театральной постановки и получить у него автограф на специально принесённых в театр для такого случая книгах и программках спектакля.

Данный спектакль ставится Иркутским театром уже не первый год, и в Москве он уже идёт в третий раз. Видели его также зрители многих городов и регионов России, Крыма и даже Дальнего Зарубежья. Однако злободневность и актуальность поднимаемых в спектакле высоконравственных тем, вопросов и проблем не спадает, а даже со временем нарастает. Постановка спектакля не просто впечатляет, а скорее потрясает, и не может оставить спокойным и равнодушным никого.

Зрительный зал, затаив дыхание, в звенящей тишине ловит каждую реплику актёров, которые не просто играют, а, пожалуй, в очередной раз вместе с героями повести живут в определённых обстоятельствах и в определённое, а скорее всего даже и в неопределённое, время, то есть в то время, в которое они и живут. Ведь всё происходящее почти подходит к любому времени, и оно по-прежнему современно и будет, наверное (хочется верить), современно и в другие, будущие времена.

И можно бы, как это обычно бывает, отметить особое мастерство и талант одного или двух-трёх актёров, но делать этого не очень хочется. Ведь не один-два-три, а именно все участники этого театрального действия блестяще справились с поставленными режиссером-постановщиком Г.В. Шапошниковым задачами и практически слились со своими героями и даже со зрителями, поскольку и сама сцена театра начиналась от первого ряда. Но и зрители в дальних рядах тоже чувствовали это духовное единение, и каждый из них сознательно и подсознательно припоминал что-то подобное происходящему перед глазами и из своей жизни.

Такая духовная «терапия» и такое духовное самоочищение затрагивает всех и, несомненно, хотя бы периодически необходимо всем нам.

В.В. ВОРОНОВ,
сопредседатель литературного клуба Иркутского землячества «Байкал» (г. Москва),
член Союза писателей России, профессор, заслуженный экономист РФ

«Иркутские истории» Валентины Рекуновой

25 января в ЦГБ им. А.В. Потаниной состоялась встреча с автором «Иркутских историй» Валентиной Рекуновой.

Общеизвестно, что Иркутск — город исторический. Его истории и культуре посвящено немало воспоминаний известных деятелей прошлых веков, написано немало и художественных произведений. Как отмечает писатель Александр Лаптев в своём очерке «Прошлое, настоящее и будущее Иркутска», «у каждого свой Иркутск. Есть Иркутск политический — со своей ни

с чем несравнимой историей. Есть Иркутск религиозный... Есть Иркутск литературный (со своими кумирами). Есть купеческий (и тут свои столпы). Есть Иркутск художественный (со своей Третьяковкой и меценатами). Есть Иркутск бандитский (куда без этого!). Есть — этнографический (не будем забывать, что десятки лет здесь жили буряты, эвены, тофы, курикань, у них — своя история, полная тайн и прелести...)» И можно ли сегодня сказать своё слово о городе, увидеть его и описать по-своему? Иркутской журналистке В.М. Рекуновой, любящей город и публикующей на страницах областной газеты «Восточно-Сибирская правда» свои зарисовки о городе, это удаётся. В 2012 году в издательстве «Оттиск» тиражом в 1 тысячу экземпляров вышла её книга «Иркутские истории», часть первая.

Валентина Михайловна окончила филологический факультет Иркутского университета, работала в редакции многих иркутских газет. В 2001 году в Иркутске была издана её книга «Шкаф резной двустворчатый». В 2005 году в альманахе «Зелёная лампа» Иркутского отделения Союза российских писателей была опубликована мелодраматическая пьеса «Привет ниоткуда». Но основной интерес и повышенное внимание В.М. Рекунова всегда уделяла Иркутску и его истории. Валентина Михайловна изучила иркутские газеты начала XX века, и газетные страницы открыли читателям Иркутск с интересных и неожиданных сторон. Первая часть «Иркутских историй» знакомит читателей с повседневной жизнью города, описывает своеобразную хронику Иркутска в течение трёх лет, с 1904 по 1906 год. Автор рассказывает о работе чиновников (губернатора, городского головы, городской Думы), о купцах и предпринимателях, о том, как отразились на повседневной жизни иркутян события русско-японской войны. «Иркутские истории», как утверждает автор в предисловии, — это «опыт прочтения старых газет». Поэтому героями иркутских историй стали не только отцы города, именитые и известные люди, но и простой люд: извозчики, мастеровые, безработные и беспризорики.

«Иркутские истории» знакомят и с культурной жизнью города, политической ситуацией в дни Первой русской революции. С текстом книги можно познакомиться и в Интернете, на сайте ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского в разделе «Приангарье.ру»

В начале нынешнего 2014 года вышла вторая часть «Иркутских историй», хронологически включающих 1907–1910 годы. Как и в первой части, во второй «судьбы многочисленных мелких персонажей вплетены в городскую историю так же, как и судьбы известных персон». Автор полагает, что «через именитых сограждан яснее просматриваются

вехи истории, но основа её ткётся из бытования простых людей...» Вторая часть «Иркутских историй» также плотно населена: здесь и губернатор Пётр Карлович Гран, и городские головы Константин Маркович Жбанов, Василий Ильич Жарников, гласные думы и рассказ о тех проблемах, которые им приходилось решать: благоустройство и транспорт, школьные дела и вопросы аренды и субаренды на Хлебном и Молочном базарах и др. В калейдоскопе повседневной жизни города перед нами проходят фотографии, врачи, аптекари, ювелиры, издатели, собаководы и рестораторы, купцы и предприниматели, полицейские и преступники. Мы узнаём о первом полёте на воздушном шаре, прошедшем в Иркутске, и о том, что в городе началась безработица и часть иркутян решили уехать из страны, возник даже «гавайский синдром».

Невольно сравниваешь проблемы, которые были в городе столетие назад, и понимаешь, что большинство их не решено до сих пор: и хищнический лов рыбы, и недобросовестное отношение к производству продуктов владельцами трактиров, и отношение к памятникам старины. Но всех своих героев автор описывает с симпатией, определённым пониманием, и они становятся близки читателю, как будто он живёт рядом с ними сегодня.

Во второй части представлен ряд семейных фотографий купцов Курсановых, потомки которых живут в настоящее время в Нью-Йорке, Санкт-Петербурге и в Иркутске. Автор учла замечания, высказанные читателями I тома и привела во II томе указатель имён персонажей, о которых рассказывают истории, с краткими сведениями о них, что, несомненно, повышает ценность издания.

Вторая часть «Иркутских историй» и полиграфически оформлена более оригинально, чем первая.

Присутствующие на встрече члены Читательского клуба с большим вниманием и удовольствием слушали Валентину Михайловну, живо интересовались тем, как она работала над «Иркутскими историями». Валентина Михайловна подарила несколько экземпляров книги библиотеке и юбилярам, членам клуба В.Г. Грачёвой, Е.А. Варшавской, В.Р. Вяткину. «Ожидаем продолжения «Иркутских историй», — дружно выразили своё мнение участники встречи.

В.М. Рекунова продолжает работу над III томом «Иркутских историй», надеемся, что в скором времени мы узнаем о том, что будет в нём.

*Пресс-служба библиотеки имени А.В. Потаниной,
г. Иркутск*

Зима — столица Евгения Евтушенко

Летом 2013 г., как раз накануне официального¹ празднования 80-летнего юбилея Евгения Евтушенко, в Иркутске была издана книга, ему посвященная: «Зима — столица Евгения Евтушенко»². Для авторов, Виталия Комина и Валерия Прищепы, это не первое обращение к творчеству нашего знаменитого земляка. Виталий Васильевич Комин — иркутский журналист, филолог, в 1940–1950-е гг. учился, жил и работал в Зиме. Более 50 лет он занимается изучением жизни и творчества поэта. Сопровождал Е. Евтушенко в его многочисленных поездках по Сибири, не только готовя статьи и репортажи для газет и радио, но и успевая вести своеобразную «фотохронику» «Сибириады» Евтушенко. Фотографии В. Комина украшают многие издания книг поэта, использованы в документальном фильме «Поэт со станции Зима» (Восточно-Сибирская студия кинохроники, 1981 г.). В 2008 г. в Иркутске совместно с И.К. Петровым Виталий Комин выпустил аудиокнигу «Евгений Евтушенко. Звуковой сборник».

Валерий Павлович Прищепа — уроженец Братского района. Также, как и В. Комин, закончил филфак Иркутского госуниверситета. Ныне — профессор кафедры литературы Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации по творчеству Евтушенко. Причём докторская диссертация — «Парадигма идейно-эстетических поисков Е.А. Евтушенко» (1999 г.) была первой в России и за рубежом, защищенной по творчеству поэта. В 1996 г. в Абакане было выпущено сразу две монографии Валерия Прищепы: «Российского Отечества поэт (Е.А. Евтушенко)» и «Человек, которого не победили» (в соавторстве с рано скончавшимся иркутским исследователем творчества Евтушенко В.В. Артёмовым). Совместно Виталий Комин и Валерий Прищепа подготовили дважды переизданную (1-е изд. — 2003 г., затем 2005, 2009 гг.) работу «Он пришел в XXI век: творческий путь Евгения Евтушенко».

Идея создать книгу о родине Евгения Евтушенко, по словам авторов, возникла у них в августе 2012 г. на поэтическом вечере в Зиме, после вопросов земляков о зиминских периодах жизни поэта. В рекордно короткий срок, всего за девять месяцев, была подготовлена монография «Зима — столица Евгения Евтушенко». «Сибирская составляющая», «сибирское притяжение», как утверждают В. Комин и В. Прищепа, — первооснова поэтического дара поэта. В новой книге авторы ставят перед собой задачу, в известном смысле, локального, но одновременно важного значения, — исследование сибирской культуросферы поэта, сибирских родовых его ветвей, которые и сам поэт считал корневой основой своей жизни и своего широкомасштабного творчества.

Не один раз Евтушенко заявлял: «...Та земля, где ты первый раз разбил нос, пытаюсь перейти от ползания по ней к первым шагам, — это нечто особенное...»³. Станция Зима для него — «станция моей первой любви, станция Неразлюбь». Себя он постоянно называет «мальчиком со станции Зима», «одним из голубей с голубятни станции Зима», «нетающей, летающей снежинкой со станции Зима». Давно стали афоризмами строчки: «Кто я? Я с некой / сибирской станции Зима», «Я был во всем огромном мире / послом не чьим-нибудь — Сибири», «Я сибирских дорог подорожник» и др. В продолжение всей своей жизни, особенно в периоды «переоценки ценностей», Евгений Евтушенко постоянно возвращался на свою малую родину. В начале 1960-х гг., во время одной из встреч поэта с земляками, кто-то из зиминцев простодушно спросил: «А вы сами сюда приехали, или в ссылку?» А приезжал он — чтобы набраться здесь новых сил, прежде всего — творческих. Любя «самую теплую станцию Зима», своих зиминских родственников, неповторимо красивые места Оки, поэт стремился и читателям подарить эту красоту, «заразить» их своей любовью. Однако не следует забывать, что когда Евтушенко говорит о Сибири и станции Зима — он художественно типизирует всю Россию. Зиминские ягодные места

для него — модель всей огромной России, своеобразная мифическая «планета Зима»⁴. В этом контексте произведения поэта ещё не были предметом специального изучения, что и восполняет новая монография В. Комина и В. Прищепы.

В книге использованы уникальные материалы личных бесед авторов с поэтом, редкие фотографии, воспоминания родных и близких Евгения Евтушенко, его первой сибирской учительницы, дневниковые записи авторов 1960–1990-х гг. Задействованы материалы архивов самого поэта, его матери Зинаиды Ермолаевны Евтушенко-Гангнус, отца Александра Рудольфовича Гангнуса, евтушенковедов Ю.С. Нехорошева, В.В. Артёмов, А.Н. Буторина и других исследователей. Данные личных собраний существенно дополнены источниками архивов государственных: РГАЛИ, ЦК КПСС, ГАИО, Зиминского архива и др. В то же время В. Комин и В. Прищепа отмечают, что не все факты они имели возможность проверить. Поэтому «оставляют за собой право на ошибку». В таком контексте их монография носит порой дискуссионный характер.

Содержание увесистого тома в 500 с лишним страниц построено по хронологическому принципу. От рождения поэта в Нижнеудинске в 1932 г. до празднования его 80-летнего юбилея в Зиме (2012 г.) — таков временной охват «Сибириады» Евтушенко. Все зиминские и — более широко, — сибирские связи прослеживаются не только с его рождения, но и с предысторий предков начиная с XIX в. По возможности подробно восстановлены факты военного сибирского детства поэта. Уже здесь, на первых страницах книги, освещаются неизвестные широкому читателю сведения о подлинной (отцовской) фамилии поэта, его действительных месте и дате рождения. А если к этому прибавить рассказ об одном из родственников поэта со стороны отца — офицере вермахта, то книгу можно смело назвать краеведческим бестселлером.

Для иркутян, краеведов немалый интерес также представляют эпизоды с участием известных в регионе людей — поэтов Марка Сергеева, Анатолия Кобенкова, Марины Кудимовой, Ростислава Филиппова, журналистов Леонида Шинкарёва, Льва Перминова, первостроителя Братской ГЭС Бориса Гайнулина и многих других.

Впечатляет и географический размах поездок поэта — как по Сибири, так и по всему миру. Его дороги раскинулись от Дюссельдорфа до Токио, от Владивостока до Парижа. Поездкам в Зиму сопутствуют обязательные посещения Иркутска, из Иркутска поэт направляется то в Шелехов, то в Ангарск, в Нижнеудинск, Саянск, на БАМ или Байкал. Посещает Братскую и Усть-Илимскую ГЭС. Из Сибири ездит на съёмки фильма в Калугу, Москву. Конечно, если сибирские путешествия рассмотрены по возможности подробно, остальные даны лишь штрихами. Но и в таком «сокращенном» виде хроника жизни Е. Евтушенко поневоле начинает напоминать своеобразную эпическую «Одиссею». И уж если вспоминать классическую литературу, то помимо частого сравнения поэта с Франсуа Вийоном⁵ (В. Прищепа) поневоле в памяти никогда не унывающий весельчак и балагур Кола Брюньон Ромена Роллана⁶.

Хроника событий жизни поэта — Сибириада биографическая — дополнена Сибириадой творческой — критико-литературоведческим анализом произведений, написанных в Сибири, или ей посвященных. Достаточно подробно раскрывается история создания таких произведений поэта, как «Зиминская баллада», «Откуда вы?», «Станция Зима», «Братская ГЭС», «Ягодные места», «Просека» и целого ряда отдельных стихотворений. Интересны страницы с рассказом о съёмках фильма «Детский сад» в Зиме, Нижнеудинске, Иркутске и на Кругобайкальской железной дороге. Невозможно не рассмеяться, читая о случае внезапного исчезновения с пьедестала в Иркутске известного всем иркутянам военного танка Т-34, тоже ставшего участником съёмок фильма.

Важной заслугой авторов перед сибирским литературоведением является установление точных дат написания и публикации первых «сибирских» произведений поэта. А также и появления первых откликов, рецензий земляков. В то же время, называя эти публикации «библиографическими редкостями» (с. 110), авторы не совсем правы. Местная периодика 1950–1990-х гг. постепенно становится всё более доступной благодаря электронному проекту Иркутской областной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского — «Хроники

Приангарья». В «Хрониках» уже имеются в электронном виде все выпуски «Восточно-Сибирской правды» с 1939 по 1997 г. Такая же работа по оцифровке ведётся и в отношении других местных периодических изданий. «Советская молодёжь», например, в настоящее время доступна с 1939 по 1941-й и с 1991 по 1997 г. На очереди и другие издания.

К несомненной удаче авторов следует отнести образ поэта — человека, гражданина. Мировая знаменитость, Евгений Евтушенко всегда на равных держался с простыми сибиряками, многое сделал для своей малой родины и поднятия её культуры. Так, он добился того, чтобы его учительнице С.И. Коношенко администрация дала квартиру, при его содействии в Зиме создан Дом-музей поэзии, а в Иркутской области с 2001 г. ежегодно проводятся Международные фестивали поэзии на Байкале. Упоминают авторы также эпизод вступления Е. Евтушенко в ряды защитников Байкала: в 2006 г. Евгений Александрович обратился с личным письмом к президенту В. Путину, прося его вмешательства в проект прокладки нефтепровода вблизи берегов озера.

С большой человеческой теплотой и симпатией рассказывая об Евгении Евтушенко, бережно воссоздавая его творческий мир, поэтическую лабораторию, В. Комин и В. Прищепа тем не менее не впадают в идеализацию своего героя. Или, иначе говоря, не поддаются под влияние «мифа о Евтушенко». Более того, одна из глав книги носит подзаголовок: «Культ личности поэта». С известным сожалением авторы констатируют, что в процессе самоутверждения своей исключительности, в борьбе за литературное лидерство, Евтушенко потратил немало сил на создание культа личности (творца), «...нередко прибегая к самым крайним, недопустимым средствам...» (с. 191). Добившись всемирной известности и вполне сознавая ту высоту мировой славы, которой достиг, поэт в то же время относится к ней со значительной долей ироничности: *«Меняю славу на бесславье // ну, а в президиуме стул // на место теплое в канаве, // где хорошенько бы заснул»*.

Давая литературоведческую оценку творчества Евтушенко, особо ценя его новаторство в создании специфической «евтушенковской рифмы», В. Комин и В. Прищепа и здесь замечают отдельные промахи, неудачи поэта. Одной из причин таких недостатков, по их мнению, является торопливость, нежелание поэта возвращаться к созданным ранее произведениям, «шлифовать» строку.

При этом авторы не замечают, что тот же самый упрек можно отнести и к их «детищу». Видимо, влияние такой сильной творческой личности как Е. Евтушенко «виновато» в невольном копировании и его недостатков. Внимательный читатель найдёт в тексте монографии не одну опечатку. Так, например, на стр. 14 датами жизни деда поэта по отцу — Р.В. Гангнуса указаны 1833–1949, а не 1883–1949. Та же самая «печать схожести» с объектом исследования лежит и на всей монографии в целом. И речь идёт не только о пестроте оформления книги. Сама форма подачи материала — постоянное, подобное арабской вязи, переплетение разнородных частей текста, смешение авторской речи и цитат поэта, дневниковых записей с архивными материалами, отрывков из газетных публикаций с воспоминаниями современников — всё это оставляет впечатление не только мозаичности, «лоскутности»⁷, но и хаотичности.

Отдельно нужно остановиться на обширном вспомогательном материале к монографии, имеющем большую ценность как для исследователей творчества Евгения Евтушенко, так и для всех краеведов. В заключительных главах книги дан подробный рассказ о музеях Е.А. Евтушенко — в Зиме, Саянске, Переделкино: хроника создания, роль отдельных энтузиастов, история экспонатов. В первом приложении (всего их четыре) зафиксированы итоги многочисленных генеалогических разысканий авторов: в виде нескольких таблиц с пояснениями представлены родословные поэта со стороны отца и со стороны матери. В специальную таблицу выделены жёны и дети поэта. Во втором приложении воспроизведены сибирские инскрипты поэта (автографы, экспромты, дружеские эпиграммы). Стихи, посвящённые зиминцам, Зиме, а также друзьям-евтушенковедом, вошли в третье приложение. И, наконец, в четвертом приложении читатель может познакомиться с основательной библиографией — как работ самих авторов, посвящённых Е. Евтушенко, так и с теми источниками, которые они использовали при написании книги.

Нельзя не пожалеть, что работа В. Комина и В. Прищепы, ставшая заметным явлением в культурной жизни Приангарья, вышла столь малым тиражом — всего 300 экз. Первые 100 уже находятся в зиминских музеях, библиотеках и школах — благодаря спонсорской поддержке руководителя сельскохозяйственного предприятия «Окинский» Николая Зименкова, справедливо заявившего о том, что «творчество Евгения Евтушенко — классика при жизни — надо знать землякам, и особенно тем, кто только начинает учиться»⁸.

Хочется надеяться, что в скором времени мы увидим исправленное переиздание «Зимы — столицы Евтушенко», вышедшее более солидным тиражом. А также пожелаем авторам удачи в издании других интересных работ из запланированной ими серии «Евтушенко и Сибирь».

*Людмила МИРМАНОВА,
главный библиограф отдела библиографии и краеведения Иркутской областной
государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского*

¹Настоящая дата рождения Е. Евтушенко — 18 июля 1932 г.

²Зима — столица Евгения Евтушенко / В.В. Комин, В.П. Прищеп. Иркутск, 2013. 523 с.

³Евтушенко Евгений Александрович: [сайт]. URL: <http://www.evtushenko.net/ok.html>

⁴Кстати, в 1994 г. именем поэта названа малая планета Солнечной системы, открытая 6 мая 1978 г. в Крымской астрофизической обсерватории (4234 Evtushenko, диаметр 12 км, минимальное расстояние от Земли 247 млн км).

⁵Действительно, Евтушенко вполне может сказать о себе словами Вийона из «Баллады поэтического состязания в Блуа»: «Куда бы ни пошел — везде мой дом // Чужбина мне — страна родная» (пер. И. Эренбурга).

⁶Евтушенко о себе: «Мне Бог дал разнообразие буратиновых любопытств, и больших, и маленьких, и разнообразие обожаний: и природы, и музыки, и женщин, и приключений, и книг, и живописи, и футбола, и дружеских пирушек...» (Евтушенко Евгений Александрович: [сайт]. URL: <http://www.evtushenko.net/ok.html>).

⁷«...Я лоскутный человек. Я все сибирское детство провел под лоскутными сибирскими одеялами и обожаю их за красоту импровизации, которую диктовала бедность» (Евтушенко Евгений Александрович: [сайт]. URL: <http://www.evtushenko.net/ok.html>).

⁸Газета Хом: [сайт]. URL: <http://www.gazetahot.ru/novosti/kultura/23990-zima-stolica-evgeniya-evtushenko.html>

Сибириада

Коротко об изданных в 2013 году книгах

Машкин Г.Н. **Синее море, белый пароход. Бродяги с Сахалина:** транзитная повесть. — Иркутск : Сибирская книга, 2013. — 256 с. — 1000 экз.

В новую книгу известного сибирского писателя Геннадия Машкина (1936–2005) вошла полюбившаяся миллионам читателей во всех уголках земного шара повесть «Синее море, белый пароход», а также её продолжение под названием «Бродяги с Сахалина». Это первая совместная публикация двух произведений, объединённых как героями, так и сюжетной линией. В книгу включены иллюстрации известного художника Натальи Долиной. Обе повести могут быть рекомендованы для внеклассного чтения в общеобразовательных школах, и также будут с интересом прочитаны читателями всех возрастов.

Трофимов М.Е. **Вышел из лесу медведь:** сказки и были. — Иркутск : Сибирская книга, 2013. — 84 с.: ил. — 1000 экз.

М.Е. Трофимов, член Союза писателей России, известен как автор многих изданий для детей и взрослых. Творчество его неотделимо от фольклора, от русской речи, понимания природы и человека как единого целого живого мира. В настоящую книгу вошли новые сказочные истории, байки, были и небывлицы, потешки из жизни медведей. Автор возрождает живой интерес читателей к народной сказке, народному языку, к истокам национальной культуры. Красочные рисунки народного художника Александра Муравьёва создают дружелюбный мир, где одинаково тепло и хорошо человеку и зверю. Это одна семья, по мысли писателя.

Книгу с удовольствием прочтут родители и их дети.

Подгорбунская Ю.В. **Замок Магжери, или Путешествие по диагонали:** фантастический роман. — Иркутск : Сибирская книга, 2013. — 594 с.: ил. — 500 экз.

Вниманию читателей предлагается фантастическая сага. Масштабное эпическое полотно наполнено удивительными героями и яркими событиями, множеством характерных деталей и подробностей. Автор создал уникальный мир, в котором всё гармонично и достоверно, несмотря на фантастичность замысла и причудливость сюжета. Роман с интересом прочтут любители фантастики, фэнтези, поклонники сказок и всего необычного, яркого, нетривиального. Ясный стиль и чёткость изложения способствуют хорошему восприятию текста. Для читателей всех возрастов.

Осколков А.Д. **На перекатах реки времени:** стихи, проза, публицистика. — Иркутск: Сибирская книга, 2013. — 384 с. — 500 экз.

Автор книги — черемховский журналист, поэт, прозаик, фельетонист — Алексей Дмитриевич Осколков (1943–2013). По образованию геолог, он много лет отдал этой многотрудной профессии. Начинал работу инженером-геофизиком, а закончил начальником Черемховской геологоразведочной партии. В книгу вошли наблюдения и размышления автора о пережитом: стихи, рассказы, фельетоны, дневниковые записи и заметки. Всё это очень интересно и поучительно. Читатели разных возрастов и пристрастий найдут в книге свои особенные строчки, которые вызовут душевный отклик.

Вершинин Т.Ф. **Таёжная тайна:** роман: в 2 кн. — Иркутск : Сибирская книга, 2013. — 696 с. — 500 экз.

Община старообрядцев во главе с матушкой Марфой уходит в сибирскую тайгу. В глуши строят себе избы, сараи, землянки, раскорчёвывают огороды. Питаются тем,

что добудут в тайге: грибы, кедровые орехи, брусника, черника. В реке ловят рыбу, охотятся на сохатых, изюбров, зайцев, моют в ручьях золото. Но жизнь в тайге оказалась, вдобавок к трудностям, опасной. Часто грабили бандиты, варнаки, беглые преступники. Грабители не щадили отшельников, убивали их, насиловали девушек, уносили съестные запасы. В один из дней поселение сожгли и почти половину жителей убили. Оставшиеся бежали в большой мир. Одна лишь молодая семья под прикрытием ночи отплыла на лодке, заранее нагруженной домашним скарбом, в верховье бурной реки. Как они плыли, какие трудности их ждали впереди и как жили в одиночестве долгие годы, рассказывает предлагаемая читателю книга «Таёжная тайна».

Кротов В.А. **Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг.** / вступ. ст., публ., подгот. текста, коммент. Н.В. Куликаускене. — Иркутск : Сибирская книга, 2013. — 448 с.: ил. — 750 экз.

В полном собрании летописей Иркутска летопись В.А. Кротова занимает особое место. Это наиболее полный и интересный летописный свод, охватывающий события из истории города более чем за 200 лет. В него включены новые и важные сведения из истории Иркутска и Сибири, ранее не встречавшиеся в городских летописях. К отличительным особенностям летописи относится и наличие к ней шести приложений. Всё это позволяет сделать вывод о том, что она стала завершением предпринимаемых летописцами попыток обобщить материал городских летописей, включить в него сведения из новых источников и написать историю города в летописной форме. Это историческое сочинение огромной ценности. С его изданием в научный оборот вводится новое историческое понятие — иркутская школа летописания. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Научный редактор — доктор исторических наук, профессор Н.Е. Единархова; рецензент — доктор исторических наук, профессор В.П. Шахеров.

Розовский Ю.В. **С любовью...**: стихи. — Иркутск : Сибирская книга, 2013. — 144 с. — 500 экз.

В новую книгу замечательного поэта из Братска вошли стихотворения, написанные в последние годы. Юрий Розовский — член Союза писателей России, лауреат литературной премии журнала «Сибирь» за 2012 год, а также лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2012). Стихи Розовского потрясают своей пронзительностью и лиризмом. Они философичны и мужественны, как мужественен и сам автор, не склонивший головы перед тяжёлым недугом, сохранивший свет в душе. Этим светом, надеждой и предощущением счастья автор щедро делится со своим читателем.

Донских А.С. **Родовая земля**: романы, повести, рассказы. — М. : Российский писатель, 2013. — 720 с. — 1000 экз.

В новую книгу Александра Донских вошли рассказы, повести и романы, написанные в разные годы и ранее печатавшиеся в Хабаровске, Иркутске, Красноярске, Санкт-Петербурге, Москве. О его прозе писали в журналах «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Континент», «Литературной газете», «Аргамак», «Журнальном зале» и других общероссийских и региональных изданиях.

Прозу Александра Донских отличают строгость формы, яркая изобразительность и высокая духовная сосредоточенность. «В сложнейшие коллизии современной российской действительности автор не только заглядывает, как в глубокий колодец или пропасть, но пытается понять, куда движется Россия, что ждёт её...» — писал о его произведениях известный байкальский писатель Евгений Суворов.

Читатель года – 2013

В Центральной городской библиотеке им. А.В. Потаниной ежегодно, с 2006 года, проводится конкурс «Читатель года». По условиям конкурса победителем в номинации «Суперчитатель» становится тот, кто прочтёт больше всего книг разнообразной тематики.

Суперчитателем 2013 года стала Елена Константиновна Разумовская, давно посещающая библиотеку. За 2013 год она прочла 360 книг — по одной на каждый день! Самой читающей парой года стали супруги Даниловы, Юрий Андреевич и Лариса Николаевна. За год они прочли более 400 книг.

Давно известно, что дети дружат с книгой в тех семьях, где читают взрослые. Папы и мамы обычно очень заняты, но ведь есть ещё, к счастью, бабушки! В номинации «Читающие бабушки — читающие внуки» победителями стали бабушка Любовь Васильевна Новикова и её внучка Настя. Они обе много и с удовольствием читают.

И вообще есть ещё на свете читающие дети! Самыми читающими в 2013 году оказались Максим Левинсон (лицей № 3), Аня Михалёва (школа № 26), Настя Комарова (школа № 5), Александр Олейников (школа № 36), Александра Горох (школа № 26). Поздравляем вас, наши юные читатели! Вам можно только позавидовать — столько нечитанных книг ещё впереди.

Александр Викторович Кулешов получил в нынешнем конкурсе титул «Мистер Эрудит». Он многогранный читатель, интересуется историей, философией, краеведением, читает русскую и зарубежную классику и современных авторов.

Звание «Мистер Триллер» заслужил Александр Александрович Кожевников. В библиотеку он записался в феврале, но уже успел прочесть более 200 книг приключенческого содержания. К тому же он радует нас своей пунктуальностью — книги приносит точно в срок.

В наш век не так уж часто обращаются к наследию античности и средневековья. А вот Василий Романович Вяткин читает классических авторов и не устаёт дивиться их мудрости. Античные тексты он находит удивительно современными, порой и нас знакомит с особенно впечатляющими строками:

*Ныне несчастья добрых становятся благом для низких
Граждан; законы теперь странные всюду царят,
Совести в душах людей не ищи; лишь бесстыдство и наглость,
Правду победно поправ, всею владеют землёй.*

Написано в VI веке до нашей эры. Не правда ли, удивительно злободневно? Для Виталия Романовича важно не количество, а качество прочитанного.

Отдельной благодарности заслуживают наши читатели-юбиляры. Они — золотой фонд нашей библиотеки и в 2013 году отметили очень почтенный юбилей: им исполнилось 80 лет. Это Елена Алексеевна Варшавская, Вера Григорьевна Грачёва, Михаил Фёдорович Гаськов, Галина Викторовна Зарбеева, Элеонора Борисовна Рябей. Трудно не упомянуть и тех читателей, которые дружат с нашей библиотекой целую жизнь: Олег Георгиевич Морозов — 59 лет, Виталий Васильевич Степанов — 42 года, Радий Николаевич Макагончик — 35 лет, Наталья Григорьевна Балюра — 33 года.

Итоги конкурса наши читатели узнают на книжной выставке, где мы представляем его результаты, фотографии победителей и список наиболее спрашиваемых книг. Надеемся, что традиция конкурса будет продолжаться, как и интерес иркутян к чтению. Мы говорим нашим читателям-друзьям: «Будьте счастливы, читайте хорошие книги! Оставайтесь с нами!»

*Галина ВАНДЮК,
главный библиотекарь абонемент ЦГБ им. А.В. Потаниной*

«Я отражаюсь в зеркалах...»

Встреча Анатолия Змиевского с читателями

Заполненный читателями зал Гуманитарного центра имени семьи Полевых слушал словно заворожённый мощной энергетикой человека, хрипловатым голосом читавшего со сцены стихи:

*Милая! Я больше не могу!
Давит грудь душевная усталость!
На моём родимом берегу
Ничего родного не осталось...*

Когда эти строки были написаны, их автору, члену Союза писателей, Анатолию Змиевскому, по его же собственным словам, было 14 лет. И с этого стихотворения он сам ведёт отсчёт своей поэтической биографии.

Скупые данные о сибирском поэте Анатолии Змиевском можно найти в любом журнале, где опубликованы его стихи. Но из краткой литературной справки не узнать всего об авторе. Многие можно понять из его поэзии, где главный лирический герой поэм и стихотворений — он сам. Именно из прочитанных А. Змиевским стихотворений читатели узнали, как прошло его детство и юность, как жил, любил, о чём мечтал наш земляк-поэт, автор шести поэтических сборников. Многие стихи из его последней книги «Любовные письма» прозвучали на вечере.

А музыкант и педагог, член Союза композиторов России Ольга Горбовская сказала: «На каждой творческой встрече Анатолия Змиевского слышу новые стихи, которых я ещё не знаю. Считаю, когда человек продолжает писать — он действительно живёт, а как только перестает — первый знак, что человеку осталось совсем немного. Анатолию Борисовичу ещё долгая жизнь предстоит, потому что он пишет, пишет и пишет...»

На вечере Ольга Горбовская под собственный аккомпанемент исполнила романсы своего сочинения на стихи А. Змиевского из цикла «Драгоценные слёзы», получив горячие аплодисменты и букеты цветов от читателей. В числе прозвучавших на вечере её музыкальных композиций — «Ты светишь мне, моя звезда». Стихи из этого цикла Анатолий Змиевский написал, когда ему было 15 лет.

И здесь же, в зале Гуманитарного центра, под аплодисменты читателей А. Змиевскому по поручению редколлегии журнала «Юность» передали один из последних номеров с опубликованной подборкой его стихов. «Приятно и неожиданно!» — сказал поэт.

Закончил своё выступление Анатолий Змиевский стихотворением об Иркутске:

*Мой грустный город, мы одной породы,
Ты — мой отец, а я твой грустный сын,
Цветут картофельные огороды,
Льнёт к площадям бензиновая синь...*

Присутствовавший на встрече член Союза писателей России, главный редактор журнала «Иркутский писатель» Сергей Корбут, который в 1991 году привёл начинающего поэта А. Змиевского на областную конференцию «Молодость. Творчество. Современность», сказал о его поэзии так: «Всё ясно, душевно, понятно, очень хорошо. Недавно Анатолию Змиевскому исполнилось 55 лет, и этот возраст становится грузом, но при одном условии — если он не наполнен творческой энергией. У А. Вознесенского есть стихотворение «Единица вложенности жизни» — вы все по стихам чувствуете, что время Змиевского очень плотное, оно вложено в его творчество, и это творчество нас обогащает».

«Я впервые услышала стихи А. Змиевского: действительно, человек пишет о любви так, как никто из современных авторов, настолько пронзительно, настолько тонко, оторваться невозможно от этой книги», — поделилась впечатлением постоянный читатель Гуманитарного центра Надежда Ламонова.

«Прочла пока лишь одну книгу Анатолия Змиевского «Я пришел из осени...», в ней много стихов о любви к природе, женщине, России. Написать подобные стихи, мощные по силе звучания, может человек, безусловно, одарённый, высоко эрудированный, начитанный...» — мнение ветерана труда Нины Шпанской.

Заместитель председателя Женсовета Свердловского округа г. Иркутска Валентина Домогацкая: «Сегодня дома с удовольствием почитаю сборник «Любовные письма», мне нравятся эти стихи!»

Нам — тоже! Давайте ещё раз послушаем поэта:

*Назвать твою любовь великой —
никак, по сути, не назвать.
Узнать тебя в картинных ликах —
по сути, вовсе не узнать.*

*Стеля себя, себя роняя,
как Бог Отец, и Сын, и Дух,
меня повсюду охраняет
твоей любви лебяжий пух.*

*Когда мне казнь в степи устроят
разбойной вьюги соловьи,*

*меня спасительно накроет
лебяжий пух твоей любви.*

*Когда судьба меня накажет,
столкнув на камни с облаков,
я упаду на пух лебяжий —
на вездесущую любовь!*

*Когда на взрыде или всхлипе
я испущу уставший дух,
взамен земли меня засыплет
твоей любви лебяжий пух.*

*О.В. ЗАПОЛЬСКАЯ,
заведующая сектором деловой информации
МБУК «Гуманитарный центр-библиотека имени семьи Полевых»*

Окна в другие миры

(Карнаухов В. Исход великого шамана: языческая мистерия. — Иркутск: Сибирская книга, 2012)

Фамилия Карнаухов одна из самых распространённых в Сибири, хотя родственников среди них мало, но свояками назвать можно всех, так как при Екатерине II практически каждому ссыльному обрезали уши, и при первой паспортизации их потомкам записывали именно эту фамилию. Впоследствии эту «монаршую милость», в придачу к ссылке или к каторге, отменили. В наше время широкую известность фамилия получила за счёт писательской династии Карнауховых: отца Степана Васильевича, матери Тамары Георгиевны и сына Владимира Степановича.

Степан Васильевич Карнаухов в 1942 году, после окончания Черемховского горного техникума, был призван в Красную армию. Воевал на Западном, Втором Прибалтийском, Первом Белорусском фронтах, закончил войну в Берлине, расписавшись на здании Рейхстага (кадры фрагмента стены с его фамилией неоднократно демонстрируются в кинохронике). Награжден орденом Отечественной войны, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Красной Звезды, Дружбы народов, двумя медалями «За отвагу» и более 30 другими медалями СССР и Российской Федерации.

У Карнауховых была большая библиотека, и любовь к литературе передалась от отца с матерью сыну. Это как раз тот случай, когда «природа на детях не отдыхает», она одарила Володю талантом сполна!

Владимир окончил отделение журналистики филфака Иркутского государственного университета. В 80-х годах его статьи и очерки в гремевшей тогда газете «Советская молодёжь», первоначальную школу в которой прошли и Валентин Распутин, и Александр Вампилов, имели большой общественный резонанс. Многие очерки Владимира охотно перепечатывались центральной прессой.

С боевой журналистики для многих начинался писательский путь. Вот и Владимир Карнаухов в 1991 году вступил в Союз писателей СССР. К тому времени многолетняя журналистская практика предоставила ему ценнейшие наблюдения. Жизнь постоянно сталкивала его с различными человеческими пороками, давала возможность понять природу зла, в том числе и в высших эшелонах власти. Нередко пересекался он с преступным миром, и надо сказать, что он для Владимира был не менее интересен, «чем джунгли для биолога или Солнечная система для астронома», — по его словам... На своём пути он встречал и «благородных» бандитов, злых гениев, гениальных злодеев. Так рождались остросюжетные произведения с неожиданными ситуациями, где автор приоткрывал внутренний мир героев в самом эпицентре событий противоречивой жизни.

КОРЕЛОВА Светлана. Окончила творческую мастерскую эстрадного искусства факультета разговорного жанра под руководством народного артиста СССР А.И. Райкина в Ленинграде (1976), Университет им. Л.Н. Толстого (1983). Работала в Ленконцерте и на ленинградском телевидении. Автор проекта «Эхо Алтайского фестиваля «Земляки». Печатается в журналах «Честь отечества», «Знак вопроса», «Человек. Культура. Город» и др. Вышли книги: *«Принцесса солнца»*, *«Я с вами всегда»* (о М.С. Евдокимове). Подготовила к изданию книгу «Отец и сын» о Владимире и Степане Васильевиче Карнауховых. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Живёт в Москве.

В первую книгу «Солнце не всходит дважды» легли очерки и рассказы на правоохранные темы. За первой последовали: «Взлёт», «Время прощаний», «Кто-то должен ждать», «Сухарики к пиву», «Не умирайте с секретаршей Танечкой». Они стали своеобразными предтечами к главной книге его жизни, название которой — «Исход великого шамана» — перекликается с жизненным финалом самого автора.

Книга вышла в свет через несколько месяцев после его смерти. А на создание этого художественного полотна ушло более десяти лет.

Жанр её обозначен как «языческая мистерия».

Мистерия... Да ещё языческая. В наше-то время особенного повышенного интереса к всякого рода «окультиным наукам», борьбе «серьёзной науки» с мистикой — это вызов. Тем более что время действия романа — от Сотворения мира до наших дней. Причём в финале романа автор подчёркивает, что «...закончилось старозаветное повествование. Новозаветное — не нам слагать».

Что это — ожидание появления в новом тысячелетии некой религии, которая если и не объединит все прежние, то хотя бы позволит сделать терпимее друг к другу, сблизить их? Например, в собственных подходах к Единому Богу — Творцу, в этом-то сходится большинство религий. Подходу с учётом традиций и жизненного уклада разных народов. Язычество «тундряного народа», в жизнь которого не по своей воле был вовлечён главный герой романа рядовой преподаватель математики Вадик Ребров, казалось бы, отличается многобожием. Тут и Матерь-зверь, у которой в подчинении злые духи — каждый со своим именем и «биографией». И шаманка Светлых Духов, воплощение Богини Света и Властительницы Тьмы. И какие-то далёкие боги, которым дела нет до судеб и страстей мелких людишек. И всё-таки — ясное понимание Ребровым, ставшим шаманом Великим и Кровавым, что есть Единый Творец не только земного мира, а всей Вселенной.

Конечно, суть мистерии и вызов автора не только в этом. Понятие мистерии включает в себя и тайный религиозный обряд в честь божества, к участию в котором допускались только посвященные (у античных народов и народов Древнего Востока), и жанр средневековой драмы — обычно стихотворной — на сюжеты из Ветхого или Нового Завета, и средневековое сценическое представление на один из таких сюжетов (обычно на открытом воздухе и сопровождавшееся интермедиями). И всё это для автора — возможность своеобразно отразить в наши дни и в наших условиях борьбу между Добром и Злом. Изобразить глубже попыток множества других авторов, потому что Владимир Карнаухов неоднократно и глубоко философски высвечивает двузначность этих понятий, тонкость и сложность взаимопереходов Добра во Зло и наоборот. Большинство персонажей романа — от академика Стеблецова до тундряного мудреца Кюстэха и простушки Авдотьи, не говоря уже о самом Реброве, рассуждают обо всём таким образом, что понять их можно и так, и не так: это было, а может, не было, но могло быть... А место действия — не только наша страна, особенно её «тундряная» часть, но — весь мир, вся земная цивилизация. Так, женщины-синички, которыми искушает в своей Обители Реброва шаманка Светлых Духов, принадлежат и к древней китайской цивилизации, и к негритянской ветви человечества, и к библейской Иудее.

Современников последние десятилетия охватывала тоска по высокохудожественному творению такого жанра. Это как раз тот случай, когда российская земля ещё раз доказала, что наряду с природными богатствами: нефтью, газом, лесом, есть ещё самая большая ценность — Человек.

Скажем сразу: Владимир Карнаухов этим романом-мистерией встаёт в один очень высокий ряд и с М. Булгаковым с его «Мастером и Маргаритой», и глубокими подлинно научными фантастами вроде И. Ефремова с его «Часом Быка», с «Дон Кихотом» Сервантеса и «Фаустом» Гёте. Булгаков живописал в образе Воланда явление самого Дьявола с инспекционной поездкой в советскую Россию 20-х годов. А Владимир Карнаухов взял на себя смелость отобразить в наши дни происки не только больших и малых Злых духов, но и вселенского Зла, воплощённого в Уоре Дьявола. Именно для борьбы с ним даже Матерь-зверь, с коей связывают сотворение «тундряного мира», вынуждена благословить посвя-

щение рядового преподавателя математики в шамана Великого и Кровавого. Зло победить злом... Поэтому и предстоит шаману пройти через многие испытания, через большую кровь, быть жестоким и несправедливым, притом, что внутренний стержень его крепнувшей души опирается только на Добро. «Воля высочайшего Провидения велит принять ему вызов злых и свирепых сил, наложить на них проклятие и принести им погибель».

А Уор поначалу ходит вроде бы в подручных у хозяина тундры Иннокентия Спиридоновича, чтобы со своими бандитами держать в страхе и подчинении всё население. «Спиридоныч», с одной стороны, шибко умный и хороший, с другой — шибко плохой, раньше и сам считался бы шаманом, а теперь — многолетний партийный секретарь, ныне — «секретарь всех партий». Мечтает он и о наследственной власти, потому одна из основных забот — любимая дочка Настя должна родить внука Кешку, «обновить кровь», для чего и нужен «красивый шамана» Вадик. Двойственный, как многое в мистерии, образ Спиридоныча даже несколько высветляется в конце, когда он торжественно, ритуально принимает смерть. А вот зловещая роль Уора всё более укрупняется: управлять уже не тундрой, а всем миром. И стоит за ним сила Матери-Бездны, которая поглощает и превращает в пустоту всех, кто пытается с ней сразиться.

Вот с каким противником предстоит решающая схватка Реброву. В ней, помогая ему, гибнут в Бездне почти все злые духи и даже сама Мать-зверь. А решающий вклад в победу вносят всё же силы Добра.

Но ещё один острый конфликт пронизывает всю мистику: между шаманкой Светлых Духов, которая увидела в Реброве единственно достойного её любви Человека с чистой душой и болью за человечество, и самим Ребровым, не поддавшимся на её искушения, но сотворившего в её честь высокий творческий подвиг художника. А суть конфликта в том, что она пытается устраниваться от битвы с Тьмой, то укрывшись в созданной её самой Обители из драгоценных камней, то стремясь увлечь за собой любимого и вовсе в дальние космические миры. А он и бежит из её Обители, и не может ради наслаждения, спокойного, вечного счастья с нею покинуть родную землю и народ, ради спасения и счастья которого вынес столько испытаний.

Об этой книге ещё много будут спорить, её будут изучать, возможно, поставят пьесу в театре, могут снять фильм, а может быть, и диссертации защитят. Будут судить о своеобразии языка и стиля писателя. Ведь это проза поэтическая — словно камлания подлинных шаманов. Каждое предложение филигранно отработано. (И не случайно его соратница, коллега, жена Валентина рассказывает: «Частенько бывало, что каждую страницу он переписывал по 30 и более раз».) Любого из персонажей видишь, они обладают каждый собственным, при всей внешней похожести, языком. Философские споры, неустанные сомнения Реброва в очередном приближении к истине заставляют глубоко вдумываться, сопереживать героям, негодовать против современных носителей зла, в которых легко угадываются знаковые, известные любому фигуры политиков, силовиков, олигархов. Главное, роман заставляет задуматься и о смысле жизни — вообще, так сказать, в общечеловеческом плане, и о своём собственном месте в ней.

Ощутивший в себе настоящего большого мастера, Владимир Карнаухов задумывал ещё один остросюжетный мистический роман — «Шаль Огненной губернаторши», к сожалению, оставшийся незаконченным. Над ним он работал до последнего своего вздоха. Это произведение также сочетает в себе приметы реальной жизни, фантазмагии и манерой изложения тесно перекликается с «Исходом великого шамана». Автор стремится к нарушению жизненных пропорций, к гротескной форме, резко нарушающей реальный облик жизни. Выразительные диалоги, драматические ситуации причудливо соединяются с юмористическими зарисовками, что позволяет глубже проникнуть в психологический мир героев. Роман захватывает с первых же страниц своеобразным карнауховским стилем, острым сюжетом. Действие разворачивается в музее одного из малых провинциальных городков, откуда пропадает шаль Огненной губернаторши. Автор «оживляет скульптурку» греческого философа Платона, с которым ведёт доверительные беседы сторож музея Сидоров и благодаря чьей просьбе «оживает» губернаторша Протуберанцева, коей и при-

надлежит исчезнувшая шаль. Ведь именно Платон подробно рассматривал теорию о бессмертии души и о тленности человеческого тела.

После прочтения последней страницы в душе возникает глубокая досада, что роман оборвался так рано...

Мы уверены, что знакомство с произведениями подлинного художника Владимира Карнаухова доставит огромное удовольствие и наслаждение читателям.

P.S. Автор статьи передала «Сибири» и своё — сугубо частное — письмо отцу Владимира Карнаухова Степану Васильевичу. Не видим причин, чтобы не опубликовать его.

Отдел критики и публицистики

Уважаемый Степан Васильевич! Прочитав «Шамана», кажется, в 10-й раз (за последний месяц), поняла, что именно Вы хотели услышать от меня. Хотели, получайте! Тут Вам и «разбор полётов» от «Сотворения мира» и Ваши желанные «Наши дни». Надеюсь, мой подтекст Вам понятен.

Пробую написать рыбу для сценария. Если получится, то Евгений Миронов в «Театре наций», уверена, заинтересуется Володиным романом. (И этот факт будет моим оправданием за задержку работы над книгой о Валерии Сергеевиче Золотухине «Мне кажется, что я живой...» из серии «Галерея портретов выдающихся людей глазами современников». Мечтаю увидеть и Вас с сыном в этой серии.) Храни Вас Господь!

Светлана Корелова

Рецензия на книгу Михаила Трофимова «Медвежья родина»

Говоря о природе творчества сибирского поэта, писателя, сказителя Михаила Трофимова, нельзя избежать повторения эпитетов «самобытный» и «уникальный». Среди талантливых писателей современной России Трофимов стоит не то чтобы особняком, но совершенно очевидно, что почерк этого автора при всем желании невозможно перепутать ни с чьим другим! Вспоминается выражение: автор — это стиль. Несмотря на чисто внешнюю простоту слога, Михаила Трофимова с полным основанием можно причислить к нечастой категории писателей, которые являются воплощением стиля. В данном случае — стиля народного.

Сказовость интонации, народные слова и обороты, помноженные на авторскую самобытность интонации, дают такой результат, что даже если бы Михаил Трофимов как автор не давал себе труда подписывать свои произведения, они уже в самой своей структуре несут элементы его неповторимого творческого почерка. Укоренённость творчества этого автора в русском природном наречии роднит его со сказовостью Бажова. Разница лишь в географии — Бажов — плоть от плоти уральских говоров. Трофимов состоялся как писатель на базе сибирского наречия. Некогда без веских на то оснований Бажов был записан отечественным литературоведением в разряд «детских писателей», что, конечно же, не способствует полному пониманию природы таких писателей. О таких писателях, как Бажов и Трофимов, можно сказать, что, будучи плоть от плоти породившего их народа, они никуда и никогда из этого народа не выходили. Всегда оставались верными стихии исконного наречия, их воспитавшего и впитанного ими с материнским молоком. Такие писатели, как никакие другие, с каждым своим пришествием в отечественную литературу обновляют традиции семейного домашнего чтения. Жаль только, что приходят они не часто!

Эта книга уникальна и интересна тем, что ориентирована не на какой-то узко конкретный сегмент читательской аудитории, а на самый широкий круг читателей. Малые дети найдут в ней созвучные им строки о родной природе, открыв это замечательное в литературно-художественном и в полиграфическом отношении издание. А чем раньше наши дети приобщатся к стихии самоцветного народного наречия через таких писателей, как Михаил Трофимов, тем лучше будет для становления детских душ. Произведения Михаила Трофимова не просто занимательны и интересны, но что очень важно в традиции русской словесности, поучительны.

Соприкасаясь с такими книгами, ребёнок не просто приятно проводит время, но приобщается к некоему родовому древу многовековой мудрости, нравственности, духовности предков. Ощущает себя человеком, ответственным за родную страну, природу, отчий край, ответственным за братьев наших меньших, которые ни много ни мало — лучшие друзья человека:

*Белке — пряник, сойке — сало,
Всех друзей я накормлю.
Хоть себе оставлю мало —
Никого не обделю.
И ко мне слетятся птицы,
Белки с лесу прибегут.
Только волки и синицы
За кустами подождут.*

Читатели молодёжного возраста, конечно, с удовольствием прочтут в первую очередь замечательные стихи о любви, которые также являются украшением этой книги. Более

зрелая читательская аудитория предпочтёт сказовые прозаические произведения и поэмы, отмеченные печатью народной эпичности. В идеале такая книга должна быть в каждой семье в качестве настольной, давая трудоспособному поколению отдохновение души от трудов праведных, поколению мудрых дедушек-бабушек неся душевное утешение, юному поколению — ненавязчивое назидание и не поверхностный взгляд на мир глазами большого художника слова...

Многожанровость этой книги есть логическое и естественное продолжение многообразия и многожанровости самой жизни, о которой размышляет автор. Природа трофимовского творчества идёт именно от природы — от любви к ней, понимания природы как живого существа, когда очеловечено всё живое вокруг — птицы, деревья, животные и даже предметы... «Берложные думы» автора этой книги есть сокровенные думы о судьбах родины, думы в попытках понять изначальное предназначение всего живого и сущего:

*Сочиню детишкам сказку,
И синичкам посвящу...*

Сложно переоценить эту книгу в плане воспитания патриотизма и гордости за свою отчину:

*Здравствуй, Русь.
Вовеки здравствуй!
Без тебя не будет счастья...*

Или:

*Затаилась Русь в лесах дремучих.
Дикие таёжные места.
Родину люблю, смеясь и мучась,
Синь в её глазах и доброта...*

Когда мы говорим о патриотизме того или иного писателя, конечно, мы должны иметь в виду не количество употребления слова «Россия» на один квадратный сантиметр полиграфической площади. Мы имеем в виду сам дух любви к своей стране, который заключается вовсе не в многократности повторения её имени всуе. В стихах Михаила Трофимова словно между строчек растворён этот русский изначальный дух, которые делает поэтическое творчество Трофимова столь созвучным народному мелосу, почти песенным.

*Точат на Руси косы,
По лугам текут звоны.
Ахают цветы под косою,
Пахнет свежескошенным лугом.
Девки стоят на копнах
Ярче луговых маков.
Принимают шумное сено,
Крутит сарафаны ветер.*

Яркое и, я бы даже сказал, яростное, жизнелюбие творчества Михаила Трофимова делает его творчество столь соответствующим настоящему и будущему России в нынешний непростой период, когда нашей стране предстоит провести непростую «работу над ошибками» последнего времени. Многие доосмыслить, а кое-что и переосмыслить. И в этих непростых условиях такая книга — подарок не только каждому конкретному читателю, но и стране в целом.

Эдуард Анашкин

Иркутск. Сибирь. Россия

Три года назад я оказался в Иркутске. Тогда ещё проездом. Спальный район на окраине, где меня приютили, сочетал в себе и бетонные блоки «хрущёб», и потемневшие срубы, и кри-вые заборы частного сектора, по рассказам местных — годов пятидесятых прошлого века.

Выход в центр Иркутска изменил первое впечатление. Сразу и безоговорочно покори-ла старинная деревянная архитектура, резные детали, орнамент которых сильно отличался от некогда виденных в других краях. Чувствовалось влияние нескольких культур. Случай-ный прохожий, обративший внимание на очарованного странника с камерой, пояснил — край Иркутский, мол, принял ссыльных из разных краёв Империи, а также пленных после Великой Отечественной войны, потому и строениям, и украшениям теремов свойственна эклектика... Естественно, захотелось узнать подробности. Попросил знакомых провести экскурсию, показать достопримечательности.

Да, экскурсия была. Мне показали пафосный «130-й квартал», Московские ворота на ещё недообустроенной набережной, сквер Кирова — мельком, ибо там мы садились на маршрутку. Через год, в очередной мой приезд, объектом ознакомления стали Сибэкспоцентр, торговые центры («Там так красиво!») «Модный квартал» и «Карамель», но это о городе, его истории мало что пояснило... Я тогда подумал, что подобная экскурсия была бы скорее уместна в моём маленьком, полувековом, едва ли трёхсоттысячном городке на Каспии, а здесь — более чем полумиллионный город, возрастом за три века... На вопросы получал ответы, походившие на версии, которые с ходу опровергались другими участниками прогулки.

Кто или что может рассказать о городе новому человеку? Помочь заглянуть в историю дальше серийных новостроек и новоделов? Да и коренным жителям города не мешает знать о своей Родине. Чтобы гордиться, делиться своей гордостью с гостями Иркутска. Музеи — хорошо, да с собой в даль заморскую на память не возьмёшь, на полку не по-ставишь, лишний раз не заглянешь...

Не так давно мне в руки попала «Летопись города Иркутска 1652–1856 гг.»*, выпущен-ная издательством «Сибирская книга» при финансовой помощи мэра Иркутска В.И. Кон-драшова, содержащая бесценные сведения о городе, его далёком прошлом.

Составитель летописи, Василий Алексеевич Кротов (1799 — 1863), навсегда вошёл в число видных представителей иркутской школы летописания. Будучи родом из Великого Устюга Вологодской губернии, он волею судеб оказался в сердце Сибири, занялся делом купеческим. В Иркутских хрониках сам В.А. Кротов упоминается впервые в 1818 году, двадцать лет последующих он жил на два города, но выбрал в итоге таёжный край. В 1840 году Василий Алексеевич официально оформил своё пребывание в Иркутске, подав прошение на имя императора Николая Павловича «о перечислении мещанина Кротова из Великоустюжского мещанского общества в иркутское». После получения разрешения, с начала 1841 года он стал полноправным иркутянином в мещанском сословии. Тут же начинает хлопотать о переходе в сословие купеческое. Указом императора от 10 декабря 1841 года Василий Алексеевич Кротов стал купцом 3-й гильдии. Он, по собственному скромному утверждению, «любитель церковных древностей», тщательно собирал, изучал, систематизировал и пополнял историю города и края.

*Кротов В.А. Летопись города Иркутска 1652–1856 гг. / вступ. ст., публ., подгот. текста, коммент. Н.В. Куликаускене. — Иркутск : Сибирская книга (ИП Лантев А.К.), 2013. — 448 стр. : ил.

По числу летописей Иркутск город особенный — тридцать девять полновесных трудов и списков! Летописание В.А. Кротова — наиболее полный документ, охвативший исторический период свыше двухсот лет. В него вошли и шесть самостоятельных приложений: «Построение святых церквей в Иркутске», «[Из истории Иркутска]», «Образование присутственных мест города Иркутска», «Архиереи Иркутской епархии», «Вознесенский мужской монастырь в Иркутске», «Список приказчикам, воеводам, вице-губернаторам [губернаторам] Иркутской губернии с начала основания Иркутска».

«Летопись города Иркутска 1652–1856 гг.» — ещё и память о замечательной подвижнице, посвятившей свою жизнь кропотливой работе по восстановлению истории малой Родины. Историк, исследователь книжной культуры Иркутска, лауреат премии им. Святителя Иннокентия Надежда Васильевна Куликаускене, вложившая в подготовку этой книги беспримерную любовь к сибирскому краю, к сожалению, не дожидаясь её в свет. Т.А. Степанова, доцент кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ, в памятной статье о Н.В. Куликаускене, привела её справедливые в сути слова: «...Люди, лишённые истории, приговорены к духовной смерти, у них никогда не будет будущего».

Надежда Васильевна Куликаускене назначила эпиграфом для своей вступительной статьи «Иркутская школа летописания» слова другого выдающегося иркутского летописца, П. Пежемского — купца, краеведа, художника, обогатившего своды собственными иллюстрациями, труды которого завершал и дополнял В. Кротов:

«Читатель! Если ты сын России, то не лишним для тебя будет знать дела земляков твоих в Сибири; если ты природный сибиряк, то тебе надобно знать ещё более, потому что ты родился на той земле, где предки твои, первые русские люди, покорили, очистили и прирастили Сибирь к России, развеяли в ней мрак невежества и внесли христианство. Если ты бурят, тунгус, якут или камчадал, то знаешь ли, что ты прежде был?...» (*Панорама Иркутской губернии*)

В чётком хронологическом порядке выстроены в Летописи события и факты прошлого — с именами, свершениями и происшествиями: строительство крепостей, церквей, посольская и торговая деятельность, открытие аптек и уютных домов, пожары, наводнения... Любопытно по ходу лет характеризуется меняющийся этнический, сословный состав местного населения и торгово-экономические составляющие региона. Дыхание времени сохранилось на страницах книги в нетронутой стилистике, орфографии и написании имён. Интересны и описания особенности природных и климатических явлений, позволяющие провести серьёзный сравнительный анализ произошедших за века перемен. Книга содержит и материалы, ранее не встречавшиеся в подобных сводах, дополнительные сведения из новых источников, в частности, из расшифрованных Н.В. Куликаускене надписей и комментариев на полях оригинала.

Ныне, в период подъёма России и роста патриотизма, возвращения православия в русскую культуру, летопись В.А. Кротова будет полезна и познавательна самому широкому кругу читателей: как иркутянам, так и всем, кого интересует настоящая, подлинная история государства Российского, историко-культурное наследие нашей воистину великой страны. Летопись Иркутска — «историческая быль старины» — неотъемлемая и красноречивая часть общего прошлого, знание которого определяет самосознание народа, а значит — его будущее.

Гений науки М.В. Ломоносов, поборник восстановления великой истории российской, искажённой и вымаранной инородными придворными «историками» Петра Первого, провидчески изрёк: «Могущество России будет прирастать Сибирью». Тому гарантией и эта книга: совсем по-другому, откровенней, понятней посмотрели на меня, приезжего, но уже не гостя, деревянные дома города на своенравной Ангаре. Это было созвучно строкам иркутского автора, посвящённым выходу в свет фотоальбома о старом Иркутске, услышанным на творческом вечере в Гуманитарном центре-библиотеке имени семьи Полевых:

*Через проёмы старых окон,
Через стекло резных глазниц,*

*Иркутск, старинный, многоокий,
На нас взирает со страниц...
Глядит печально, но с надеждой
Не кануть в Лету, а восстать.
Под истлевающей одеждой
Ещё видны и нрав, и стать.
И в каждом доме деревянном,
С умом творимом, не спеша,
В известном или безымянном
Живёт создателя душа.
Окно — безропотный свидетель
Событий, судеб городских,
В нём кружево былых столетий,
В нём отзвуки речей людских.
Как близок он и как далёк он,
Иркутск давно минувших дней.
А тусклый свет старинных окон
Теплее всех его огней.*

Великая Родина складывается из невеликих на первый взгляд значений и величин.
Великая История государства — из летописей его городов, больших и малых.

Иркутск живёт, растёт, строится. Он смотрит в будущее — продолжение его истории
следует...

Светлана Львовна Волкова стала лауреатом IX Международной литературной премии имени П.П. Ершова

Премия учреждена Союзом писателей России и администрацией города Ишима с целью повышения и укрепления престижа научного и художественного творчества, читательской культуры в сознании молодого читателя в России и в странах ближнего зарубежья, выявления новых талантов среди писателей, поэтов, публицистов, пишущих на русском языке.

Светлана Волкова — давний друг Фонда «Наследие иркутских меценатов». Фонд взял на себя все вопросы по изданию «Рождественских сказок», победивших в конкурсе. Также при его поддержке были изданы «Пасхальные сказки». Тиражи уникальных изданий были переданы в иркутские школы и библиотеки.

«Мы очень рады за нашу землячку Светлану Львовну, — говорит председатель Совета учредителей Фонда Марина Кондрашова, — за высокую оценку ее творчества. Когда мы впервые познакомились и встал вопрос об издании этих сказок, мы ни минуты не сомневались, что должны это сделать. Благодаря творчеству таких людей, как Светлана Волкова, происходит духовное и интеллектуальное взросление юных читателей, расширяется их кругозор, закладываются важнейшие человеческие качества: доброта, сострадание, любовь».

Кроме денежной премии победители конкурса награждаются также дипломами и символом Премии — статуэткой, изготовленной из кости: Иванушка на Коньке-Горбунке держит в руках Жар-птицу.

Информация Благотворительного фонда «Наследие иркутских меценатов»

О нас пишут

(Сибирь. 2013. № 3)

Этот журнал с названием кратким «Сибирь» сибирский не только по названию, но и по сути. Может быть, даже слишком сибирский, о чём говорит первая же проза номера — повесть А. Донских «Мы на лодочке катались...», где обращаешь внимание больше на язык повести, чем на её содержание. Как ни старается автор дозировать архаичную лексику своих героев («зимовьюшко», «судьбинушка», «омахивал», «смертынька») и какой-то святочный тон повествования, рассказывая историю любви конца 1940-х годов, ощущение несовпадения формы и содержания остаётся. Видимо, это помешало внятно завершить повесть, подлинными героями которой являются деревня, крестьянский мир, а могучий богатырь Афанасий и его поистине святая Катя — их жертвами.

Потомственный сибиряк из старообрядческой семьи А. Щербаков не нуждается в особом тоне и словах, чтобы рассказывать свои деревенские истории, похожие на очерки. Но всё-таки это рассказы, потому что и юный Санин-Сусанин, увёзший городских любителей клубники в негодные места, и Володя, уговаривающий беспутную сожительницу утонувшего рыбака «по-людски предать его земле» — образы-типы, и притом подлинно сибирские.

Галерею этих типов — из числа насельников «Байкальского Переделкина» — продолжает в главах из одноимённой книги В. Скиф. Там, кроме С. Иоффе и А. Вампилова, есть В. Распутин, Г. Пакулов, Б. Цыжипов и прочие представители тесного круга творческой и глубоко «почвенной» интеллигенции Иркутска.

Традицию сибирского самовитого слова продолжает А. Байбородин. И не только в прозе: его очерк «Сокровище: о купечестве нынешнем и былом» ни в чём не уступит художественному произведению, главный пафос его — наследование былым традициям благотворительности и меценатства, чем и занимается герой очерка, правда, имя героя вымышлено.

Из поэзии, которой в журнале немало, выделяются оригинальные стихи В. Гусенкова и сильные духом и поэтическим «телом» стихи А. Мирошникова, существующие в диапазоне «между Богом и Босхом», «верой и ветром».

Завершают номер рубрики «Писательский дневник», «Театральная история Сибири» и «Литературная хроника».

Сибирские огни. 2014. № 2

Сагаалган на земле Прибайкалья

С каждым годом Сагаалган в Иркутской области становится временем более глубокого проникновения в традиционную культуры эхиритов и булагатов, хонгодоров и хори бурят. Праздник Белого месяца стал месяцем единения бурятских родов, художественных коллективов, связи поколений, временем переосмысления пройденного и переходом на новый виток развития. Для жителей земли Иркутской он приобрел свои краски, своё динамическое звучание. Именно в дни Сагаалгана наблюдается всплеск активности национального самосознания. Каждый считает своим долгом побывать на концертах, самому выступить, поклониться источнику народной мудрости, традиций.

Трубные звуки урама — охотничьего рога, пробудили рассветную тишину Приангарья и в этом году. В дацанах и дуганах Иркутска, Усть-Ордынского проходили молебны. На обряд очищения «Дугжуба» собирались сотни страждущих. В искрах священных костров гасли печали, рождая в сердце надежду.

Торжественные театрализованные открытия праздника Белого месяца проходили во всех крупных районных центрах Усть-Ордынского автономного округа — в музеях, домах культуры.

В этом году впервые на базе областной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского в рамках лектория «Говорят лучшие» состоялась лекция «Правила празднования Нового года по восточному (лунному) календарю». Зоригто лама рассказал об истории и традициях празднования Сагаалгана, о молебнах, проводимых в дацанах. Среди слушателей — студенты, рабочие, представители прессы.

В общепланетном ехоре на площади Кирова, а также у памятника Александру III звучали Арбагай, Шаралдай, Осоо и другие виды ехоров западных бурят. Самыми крупными сценическими площадками Сагаалгана стали Музыкальный театр им. Н.М. Загурского, Дворец спорта на ул. Ленина, драмтеатр им. Н.П. Охлопкова, ТЮЗ им. А. Вампилова, ДК «Орбита», ДК «Строитель», этнографический музей под открытым небом «Тальцы».

Сагаалган стал праздником народов, живущих на общей земле. В конкурсах, концертах принимают участие не только представители стран, празднующих приход Нового года по Лунному календарю, — корейцы, монголы, но и национально-культурные автономии Иркутской области: татаро-башкирская, польская, чечено-ингушская, азербайджанская, а также представители китайской диаспоры.

Прошёл традиционный конкурс «Баатор-Дангин»; его победители представляли Иркутскую область в Улан-Удэ на концерте «Звёзды Белого месяца».

Международный конкурс красоты «Цветок Байкала» в восьмой раз собрал 18 лучших представительниц национально-культурных центров Иркутской области.

В пятый раз была организована выставка художников «Восточное пространство». В этом году она разместилась в 130-м квартале Иркутска совместно с филиалом областного краеведческого музея «Окно в Азию».

В середине февраля прошли массовые гуляния в этнографическом музее «Тальцы». Здесь было очищение огнем, бурятская кухня, катание на шурах, конкурсы поедания бууз, народные игры, спортивные состязания, обширная концертная программа, общий ехор вокруг костра.

Заключительный концерт собрал много людей, в том числе ветеранов Великой отечественной войны и тружеников тыла, победителей и лауреатов международных, межрегиональных конкурсов в различных областях искусства, науки, народного хозяйства.

Сагаалган на земле Иркутской — это ветер надежд, это возможность гармонизации межнациональных отношений, это путешествие в глубину веков!

*Евгения ХАНХАСАЕВА,
заведующая отделом ИОГБУК «Центр культуры коренных народов Прибайкалья»*